3595.

Л. И. Мечниковъ.

ЦИВИЛИЗАЦІЯ
и
ВЕЛИКІЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ РѢКИ.

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ТЕОРІЯ РАЗВИТІЯ СОВРЕМЕННЫХЪ ОБЩЕСТВЪ.

Переводъ съ французскаго

М. Д. Гродецкаго.

Съ приложеніемъ очерка жизни и дѣятельности Л. И. Мечникова.

Цѣна 1 руб.

Южно-Русское Книгоиздательство

Ф. А. Іогансона.

КІЕВЪ. **1899.** ХАРЬКОВЪ.

Дрэперъ.

ИСТОРІЯ УМСТВЕННАГО РАЗВИТІЯ ЕВРОПЫ.

Переводъ М. В. Лучицкой. Подъ редакціей проф. И. В. Лучицкаго.
Кіевъ 1897 г. П. 1 р. 50 к. 2-е изданіе.

Изданіе перевода знаменитой книги Дрэпера не столь небывало дешевой цѣны, мы руководствовались единственно стремленіемъ сдѣлать эту книгу общедоступной для всѣхъ. Незначительная стоимость, прекрасное изданіе, блестящій переводъ подъ редакціей такого компетентнаго лица, какъ пр. Лучицкій, сдѣлали то, что книга эта встрѣтила единодушный пріемъ со стороны публики и критики, такъ что 2-е изданіе осталось у насъ лишь въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ.

Г. Фр. Кольбъ.

ИСТОРІЯ ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ,

ВЪ ДВУХЪ ТОМАХЪ,

съ подробнымъ очеркомъ формъ государственнаго правленія, политики и развитія свободы и благосостоянія народовъ.

Переводъ съ 3-го нѣмецкаго изданія, переработаннаго на основаніи новѣйшихъ историческихъ изслѣдованій, подъ редакціей А. А. Рейнгольдтъ.

Весь комплектъ, около 1,000 стр. компактной печати, напечатано четкимъ шрифтомъ на прекрасной бумагѣ.

Цѣна 3 р. 50 к.

Капитальный трудъ Г. Фр. Кольба, извѣстнаго статистика и демократическаго дѣятеля, постепенно подвергался исправленіямъ и въ послѣднемъ изданіи, съ котораго сдѣланъ новый переводъ, былъ значительно передѣланъ восьмидесятилѣтнимъ авторомъ, сообразно новѣйшимъ успѣхамъ знанія и требованіямъ исторической науки. Въ наше время исторія перестаетъ отдавать преимущество изображенію событій и біографій вождей и ихъ приключеній, отрѣшается отъ такъ называемыхъ патріотическихъ легендъ, и, удѣляя значительное мѣсто народнымъ массамъ, обращается къ изученію экономической, государственной, общественной, умственной, нравственной, религіозной и эстетической сторонъ прошедшей жизни рода человѣческаго. Такая культурная исторія составляетъ задачу и стремленіе большинства историковъ нашего времени. Цѣль ея—не только знакомить читателя съ судьбами и дѣятельностью народовъ, примкнувшихъ къ государственному и духовному развитію, но и возбудить научный интересъ и принесть практическую пользу—быть дѣйствительной „наставницей жизни“.

Л. И. Мечниковъ.

ЦИВИЛИЗАЦІЯ
И
ВЕЛИКІЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ РѢКИ.

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ТЕОРІЯ РАЗВИТІЯ СОВРЕМЕННЫХЪ ОБЩЕСТВЪ.

Переводъ съ французскаго

М. Д. Гродецкаго.

1904

Съ приложеніемъ очерка жизни и дѣятельности Л. И. Мечникова.

Южно-Русское Книгоиздательство
Ф. А. Іогансона.

КІЕВЪ. 1899. ХАРЬКОВЪ.

1К

[illegible]
ПРОЧ.
1970
СВ
77

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 9 февраля 1899 г.

БИБЛИОТЕКА
[illegible]ЭДМЛИСТЕТЕСКОЙ
АКАДЕМИИ
4044
24

Типо-литографія М. Л. Минкова, 3-я Рождественская, 7.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе переводчика 1
Л. Н. Мечниковъ (біографическій очеркъ). . . . 4

Цивилизація и великія историческія рѣки.

Глава I. Общія понятія о цивилизаціи и прогрессѣ.—Философія исторіи.—Научное опредѣленіе прогресса въ его примѣненіи къ исторіи.—*Масса*—механическій или количественный показатель прогресса въ мірѣ неорганической природы не имѣетъ цѣнности въ качествѣ критерія прогресса въ области біологіи.—*Степень дифференціаціи*, являющаяся весьма краснорѣчивымъ признакомъ прогресса въ біологіи, не имѣетъ такого же значенія для соціологіи.—Индивидъ и общество въ ботаникѣ и зоологіи.—*Усиленіе взаимной зависимости, обусловленности и социальной связи*, какъ показатель прогресса въ соціологіи 21

Глава II. Аналогія между органическими и историческими сочетаніями.—Исторія представляетъ собою абстрактную соціологическую эволюцію, подчиненную космическому вліянію среды.—Деспотизмъ и свобода. Рабство, крѣпостничество, соціальный строй, характеризуемый институтомъ заработной платы.—Три періода въ развитіи общественной солидарности 47

Глава III. Объектъ и методы сравнительной географіи.—Вліяніе среды на человѣка и общество.—Вліяніе астрономической среды.—Вліяніе физическихъ условій.—Вліяніе флоры и фауны и антропологическія вліянія. Исторія и цивилизація. Неравномѣрное распредѣленіе культуры на земномъ шарѣ.—Быстрые завоевательные успѣхи европеизма.—„De minimis non curat praetor.“ Исторія не интересуется и не занимается некультурными народами 65

Глава IV. Расы „отторгнутыя“ и расы „избранныя“.—Абсолютная неудовлетворительность выставленныхъ доселѣ антропологическихъ и этнологическихъ классификацій.—Приспособленіе и наслѣдственность.—Раса, какъ совокупность наслѣдственно пріобрѣтенныхъ физическихъ и умственныхъ особенностей, представляетъ собою не причину, а результатъ.—Среда—факторъ болѣе могущественный, нежели раса 85

Глава V. Физическія измѣненія земной поверхности.—Изслѣдованіе гипотезы Адольфа д'Ассье объ отношеніяхъ между зарожденіемъ культуры и ледниковымъ періодомъ.—Предшествіе ранне-

денствій.—Преувеличенное значеніе, приписываемое термическимъ вліяніямъ. *Значеніе среды измѣнчиво* 107

Глава VI. Трехчленная формула географическаго развитія.—*Рѣчная среда.*—Зарожденіе культуры на берегахъ великихъ рѣкъ, въ Египтѣ, Халдеѣ, Индіи, Китаѣ.—*Среда средиземно-морская. Среда океаническая* или точнѣе всемірная. 124

Глава VII. Термическія условія развитія первобытныхъ культуръ.—Превосходство Запада надъ Востокомъ въ древности объясняется естественными географическими преимуществами перваго.—Зона высохшихъ морей (hanhai).—Территорія древнихъ рѣчныхъ цивилизацій могла быть населена лишь сурово-дисциплинированными скопленіями людей.—Отличительныя особенности природы великихъ рѣкъ налагали на населеніе, подъ страхомъ общаго истребленія, иго жестокаго деспотизма 149

Глава VIII. Нилъ. Истоки Нила.—Конго-нильская ось.—Рѣка исторіи и рѣка варварства.—Sedd'ы—огромныя скопленія плавучей растительности.—Общественный режимъ, обусловленный наводненіями.—Деспотизмъ фараоновъ.—Прогрессъ въ Египтѣ 173

Глава IX. Тигръ и Евфратъ. Бассейны рѣкъ Тигра и Евфрата и передняя Азія.—Халдейскіе повелители и ѳивскіе фараоны.—Месопотамскій періодъ.—Египетская культура въ сравненіи съ культурами Ассиро-Вавилоніи. 208

Глава X. Индъ и Гангъ. Исторія Индіи и Индія въ исторіи.—Кастическій строй.—Раннее истощеніе силъ индійской культуры.—Арійцы и Даніи.—Идиллическія времена. — Веды и ихъ коммунально-анархическія идеи.—Пенджабъ и Восточная Аріаварта.—Короли и жрецы.—Крайняя граница рѣчныхъ культуръ 241

Глава XI. Гоанго и Янтсе—Кіангъ. Историческая литература Китая.—Конфуцій и „десять тысячъ церемоній".—Отличительныя черты китайской исторіи и культуры.—Параллелизмъ китайскихъ рѣкъ.—Гоанго и поперечныя долины Янтсе-Кіанга. Желтыя земли.—„Сто семей.—Односложность языка; политическое единство и господство ученыхъ" —Великій Іу.—Понятіе власти и государства у китайцевъ 267

Предисловіе переводчика

ко 2-му изданію книги Мечникова.

Съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія я берусь за перо чтобы приготовлять книгу Мечникова ко второму изданію. Всякаго писателя, принимающаго близко къ сердцу читательскіе интересы и судьбы родной литературы, долженъ я полагаю, порадовать тотъ фактъ, что безусловно полезная книга требуется вторымъ изданіемъ такъ быстро послѣ выхода перваго и послѣ того, какъ имя ея автора было задернуто пеленой забвенія въ теченіе многихъ лѣтъ. Русскій читатель, къ счастью, оказался въ данномъ случаѣ памятливымъ.

Живя заграницей, я не въ состояніи былъ услѣдить за всѣми отзывами русской критики о книгѣ Мечникова, но все, что попадалось мнѣ въ руки, отдаетъ должное этой замѣчательной, хотя, къ сожалѣнію, неоконченной работѣ. Среди журнальныхъ и газетныхъ рецензій, привѣтствовавшихъ книгу, мнѣ хотѣлось бы указать на отзывъ одного изъ періодическихъ журналовъ («Вѣстника Воспитанія»). Уважаемый журналъ обращаетъ вниманіе читателя на такую сторону дѣла, которая была оставлена въ тѣни другими рецензентами, а между тѣмъ она, какъ мнѣ кажется, довольно существенна.

«Если-бы —говоритъ журналъ,— въ нашихъ мужскихъ и частью женскихъ гимназіяхъ изученіе географіи не заканчивалось какъ разъ на рубежѣ того возраста, когда ученики начинаютъ сознательно относиться къ дѣлу, а продолжалось-бы вплоть до конца курса ученія.— то однимъ изъ удачнѣйшихъ заключительныхъ аккордовъ въ изученіи географіи мы счи-

тали-бы разборъ съ учениками только что названной книги Мечникова. Для «увѣнчанія зданія» трудно вѣдь придумать что нибудь лучшее, чѣмъ ознакомленіе съ общими философскими идеями. построенными на строго научномъ основаніи, а разбираемая книга и представляетъ именно попытку научной разработки одного изъ капитальнѣйшихъ общихъ вопросовъ географіи, вопроса о вліяніи природы на ходъ и характеръ развитія человѣческихъ общежитій. При существующей постановкѣ географіи, заканчивающейся въ 4-мъ классѣ, указанной работы нельзя, конечно, сдѣлать въ школѣ, но хотѣлось бы надѣяться, что книга все-таки не минетъ воспитанниковъ старшихъ классовъ Отсутствіе надлежащей географической подготовки можетъ, правда, въ началѣ нѣсколько затруднить пониманіе, потребуетъ болѣе напряженнаго вниканія въ предметъ, но этотъ трудъ, это напряженіе возмѣстятся сторицею: такой сильный толчекъ мысли даетъ книга, такъ много новыхъ точекъ зрѣнія устанавливаетъ она

«Вопросъ о вліяніи среды, представляемой природой, на человѣка и человѣческія общества, уже давно затрагивался наукой, но рѣдко задумывавшимся надъ этимъ вопросомъ удавалось научно разрѣшать его. Вопросъ очень сложенъ, а точныя наблюденія накоплялись очень медленно: все это открывало широкое поле для остроумныхъ гипотезъ, смѣлыхъ, но большею частью, совершенно безпочвенныхъ построеній, представлявшихъ впрочемъ, почти всегда лишь перепѣвы мыслей Монтескье II лишь очень недавно, какихъ нибудь 15 лѣтъ всего, эти вопросы начинаетъ принимать окончательно въ свое вѣдѣніе научная географія, но этотъ отдѣлъ науки, антропогеографія, какъ окрестилъ его Ратцель, еще только формируется, только еще намѣчаются общіе вопросы и дѣлаются отдѣльныя попытки разрѣшенія тѣхъ или другихъ изъ этихъ вопросовъ. Одной изъ удачнѣйшихъ среди такихъ попытокъ и является, думается намъ, книга нашего покойнаго соотечественника, одного изъ образованнѣйшихъ географовъ и крупныхъ философскихъ умовъ послѣдняго времени.

Въ его постановкѣ географія превращается въ одинъ изъ отдѣловъ обществовѣдѣнія».

Приведенная выписка опредѣленно и вполнѣ правильно характеризуетъ то мѣсто, которое книга Мечникова должна занять въ нашей, довольно бѣдной научной литературѣ.

Въ заключеніе нѣсколько замѣчаній pro domo sua.

Отмѣченные печатью недостатки перваго изданія по возможности уничтожены или исправлены для настоящаго изданія. Переводъ тщательно просмотрѣнъ на всемъ пространствѣ книги, на корректуру обращено особенное вниманіе издателя, нѣкоторыя фактическія ошибки исправлены. Вмѣстѣ съ тѣмъ значительно увеличенъ «очеркъ жизни и дѣятельности Мечникова» и въ текстѣ прибавлено нѣсколько поясняющихъ текстъ примѣчаній.

Мих. Гродецкій.

Bruxelles.

Л. И. Мечниковъ.

(Біографическій очеркъ).

Имя Льва Мечникова.—автора «La civilisation et les grands fleuves historiques» и «L Empire japonais», — очень популярно въ интеллигентныхъ кругахъ за границей. Покойный пользовался широкой извѣстностью въ качествѣ ученаго географа, антрополога, соціолога и плодовитаго журналиста работавшаго во всѣхъ главнѣйшихъ европейскихъ литературахъ.

Духовная личность Мечникова представляетъ большой интересъ какъ своей изумительной разносторонностью, такъ вмѣстѣ съ тѣмъ и по цѣльности натуры. Приступая къ его характеристикѣ по матерьяламъ, собраннымъ за границей, гдѣ протекла научная и литературная дѣятельность покойнаго, пользуемся кстати случаемъ выразить искреннюю благодарность слѣдующимъ лицамъ оказавшимъ намъ любезное содѣйствіе при собираніи матеріаловъ: m-me Olga Metchnikoff, Н. В. Кончевской, г-жѣ Сайеръ, проф. лозаннскаго университета А. А. Герцену, проф брюссельскаго университета Элизэ Реклю и семейству покойнаго русскаго критика В. А. Зайцева. Эти лица или находились съ Мечниковымъ въ родствѣ или близко знали его во время 20-ти лѣтняго житья за границей. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, протекшихъ съ появленія перваго изданія «Цивилизаціи», мнѣ удалось видѣться съ нѣсколькими лицами, знавшими Мечникова Полученныя отъ нихъ свѣдѣнія касаются главнымъ образомъ не личной жизни, а

научно-литературной дѣятельности покойнаго географа. Между прочимъ мнѣ передано нѣсколько статей и отдѣловъ, появившихся въ заграничной печати по поводу «Цивилизации».

Левъ Ильичъ Мечниковъ явился на свѣтъ въ 1838 году, въ Петербургѣ, въ семьѣ харьковскаго помѣщика Спадаренко*), румына по происхожденію. Младшій его братъ, Илья Мечниковъ, обезсмертившій свое имя теоріей фагоцитоза, какъ извѣстно, еще живъ и въ настоящее время является однимъ изъ наиболѣе видныхъ научныхъ свѣтилъ Франціи.

Левъ Мечниковъ родился слабымъ, болѣзненнымъ ребенкомъ, постоянно страдавшимъ грудными заболѣваніями. Проклятый петербургскій климатъ дѣйствовалъ на него настолько губительно, что въ 1851 году родители Мечникова должны были переѣхать въ Харьковъ. Тамъ юноша оправился, сталъ усиленно учиться и, благодаря своимъ блестящимъ способностямъ, всего 16-ти лѣтъ отъ роду, поступилъ на медицинскій факультетъ харьковскаго университета. Для будущаго борца-ученаго началась студенческая жизнь со всѣми ея свѣтлыми и темными сторонами и пылкій юноша кинулся въ ея водоворотъ. Но вскорѣ этотъ бурный міръ студенческихъ интересовъ и треволненій пересталъ удовлетворять безпокойную и увлекающуюся натуру Мечникова. Ему захотѣлось болѣе крупнаго и результатнаго дѣла, въ которомъ можно было бы играть активную роль. Тогда наступилъ періодъ исканія, періодъ, неизбѣжно сопровождаемый ошибками и уклоненіями въ сторону отъ поставленной себѣ, хотя еще даже самому себѣ, неясной задачи. Пылкость и непреклонность Мечникова еще болѣе обостряли этотъ процессъ формированія будущаго общественнаго дѣятеля. Еще ребенкомъ онъ замѣтно выдѣлялся изъ среды другихъ дѣтей независимостью характера, неумѣньемъ разсчитывать свои выгоды и беречь себя. Увлекшись какой-либо мыслью или мечтой, онъ отдавался ей цѣликомъ и не останавливался ни предъ какими препятствіями

*) Румынское слово spada, въ переводѣ на русскій языкъ, значитъ мечъ. Отсюда и Spadarenko—Мечниковы

для того, чтобы привести задуманное въ исполненіе. Какъ всѣ впечатлительныя и богато одаренныя дѣти, онъ носилъ въ себѣ постоянную готовность къ подвигамъ, къ страстной борьбѣ за свои дѣтскіе идеалы, къ защитѣ тѣхъ, кто тогда казался ему угнетенными, униженными и оскорбленными. Достаточно было самаго незначительнаго повода, чтобы постоянное нервное напряженіе юноши прорвалось въ какомъ либо, быть можетъ, необузданномъ, неумномъ, неразсчетливомъ, но неизмѣнно искренномъ поступкѣ. Эта постоянная готовность къ внезапнымъ жизненнымъ ломкамъ, стремленіе къ приключеніямъ и борьбѣ, впослѣдствіи широко развившіяся и выразившіяся во всей послѣдующей дѣятельности Мечникова, ярко характеризуются слѣдующими эпизодами юношеской поры его жизни. По разсказу его школьнаго товарища Н. Масловича *), пятнадцатилѣтній Мечниковъ, къ ужасу своихъ родителей, бѣжалъ тайкомъ въ Румынію для того, чтобы захватить тамъ престолъ, на который, по семейнымъ преданіямъ, имѣлъ права. Къ счастью, этотъ героическій подвигъ былъ совершенъ имъ настолько неумѣло, что всего черезъ нѣсколько дней искатель бурныхъ приключеній былъ возвращенъ подъ покровительство родныхъ пенатовъ.

Въ другой разъ Мечниковъ, также будучи еще гимназистомъ, храбро сразился на дуэли со своимъ товарищемъ pour les beaux yeux какой-то молодой плѣнительницы. Эти эпизоды **) прекрасно характеризуютъ темпераментъ Мечникова.

Люди, подобные Мечникову, съ широко развитымъ личнымъ чувствомъ, съ ихъ, по большей части, оригинальными воззрѣніями на жизнь, общественныя отношенія и на лю-

*) См. „Историч. Вѣстникъ“. 97, 6.

**) Элизэ Реклю въ своей статьѣ о Мечниковѣ (см. „La civilisation et les gr. fl. hist.“ введеніе) разсказываетъ еще одинъ случай изъ юношеской поры его жизни, когда Мечниковъ будто-бы бѣжалъ изъ дому на Севастопольскую войну, намѣреваясь отомстить за оскорбленную, какъ ему казалось, родину. Насколько достовѣренъ этотъ случай—неизвѣстно. Реклю заимствовалъ его изъ біографіи географа, напечатанной послѣ его смерти въ „Bulletin de la société neochateloise de geographie и какъ за таковой не ручается.

дей, вообще, приходятся не ко двору русской жизни. Еще хуже приходилось имъ въ ту тяжелую эпоху, съ которою совпадаетъ юность Мечникова. Студенческая жизнь Мечникова началась страстной борьбой съ условіями, какими она была обставлена, и окончилась, какъ и слѣдовало ожидать, нѣкоторой катастрофой: не прошло и полугода послѣ его поступленія въ университетъ, какъ Мечникову было предложено оставить университетскія стѣны.

Прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ. Палъ Севастополь, Александръ II вступилъ на престолъ и почти мгновенно измѣнился общій тонъ жизни и настроеніе общества. Наступила знаменательная эпоха русской исторіи эпоха нашего возрожденія. Полной грудью послѣ долгаго мучительнаго ожиданія стала дышать столица, а за ней и провинція. Зашатались отслужившіе свой вѣкъ устои стараго бюрократическаго и крѣпостническаго строя и изъ конца въ конецъ по русской землѣ пронеслись вѣсти о коренныхъ реформахъ.

Мечникову стало душно въ провинціи, едва только просыпавшейся и примыкавшей къ движенію, и онъ кинулся въ центръ оживленія—въ Петербургъ. Здѣсь онъ первымъ дѣломъ далъ полный просторъ удовлетворенію неизсякаемой жажды—*многое знать и многое понимать* и сталъ слушать одновременно лекціи въ Медико-Хирургической Академіи, на физико-математ. фак. Университета и въ Академіи Художествъ. Сверхъ того, онъ еще изучалъ восточные языки.

Къ сожалѣнію, объ этомъ періодѣ жизни Мечникова нѣтъ почти никакихъ свѣдѣній. Извѣстно только. что всюду въ научныхъ занятіяхъ, онъ оказывалъ большіе успѣхи и всюду же. совершенно не умѣя приспособляться къ условіямъ мѣста и времени, велъ непрерывную борьбу со всяческими стѣсненіями. Научныя занятія его становились все шире и шире и захватывали все болѣе обширную область. Лелѣя гигантскіе планы будущихъ ученыхъ работъ и понимая, что безъ знанія иностранныхъ языковъ нельзя ступить ни шагу, Мечниковъ, напр., не покидая начатыхъ занятій, задумалъ одо-

лѣть всѣ важнѣйшіе европейскіе и восточные языки. Благодаря рѣдкой памяти и настойчивости, это предпріятіе удалось ему настолько, что уже черезъ два года, т. е. въ 1858 г онъ получилъ весьма лестное для филолога предложеніе ѣхать въ качествѣ переводчика при дипломатической миссіи Мансурова къ Св. мѣстамъ. Это предложеніе пришлось по душѣ Мечникову. Онъ бросилъ такъ блестяще начатыя занятія и вмѣстѣ съ миссіей посѣтилъ Константинополь, Аѳины, и затѣмъ поселился въ Палестинѣ, но вскорѣ потерялъ должность вслѣдствіе дуэли. Однако ему удалось получить мѣсто торговаго агента каботажнаго общества, занимавшагося перевозкой грузовъ и пассажировъ въ восточной части Средиземнаго и по побережьямъ Чернаго моря

По обязанностямъ службы ему приходилось жить то въ Египтѣ, то въ М. Азіи, то на берегахъ Дуная, напр., въ Галацѣ. Благодаря постояннымъ сношеніямъ съ тамошнимъ населеніемъ, онъ усовершенствовался въ знаніи восточныхъ языковъ и успѣлъ изучить нѣсколько нарѣчій южныхъ славянъ. Но служба торговаго агента вскорѣ опротивѣла ему: его стало тянуть въ Италію, гдѣ уже занималась заря освобожденія и могла найтись удобная почва для приложенія его силъ. Недолго думая, Мечниковъ бросилъ столь несвойственное ему дѣло и безъ гроша денегъ и безъ паспорта пробрался въ Венецію, гдѣ принялъ самое горячее участіе въ подготовлявшемся освобожденіи Италіи. Тутъ Мечниковъ едва не попалъ въ руки австрійской тайной полиціи подозрѣвавшей его въ революціонныхъ замыслахъ. Перехитривши австрійскихъ шпіоновъ, онъ бѣжалъ въ Ливорно и поступилъ волонтеромъ въ «тысячу» Гарибальди отправлявшуюся освобождать Неаполь. Мечниковъ храбро сражался въ нѣсколькихъ стычкахъ и наконецъ былъ сильно, почти смертельно, раненъ взрывомъ мины при Вольтурно. У него оказались поврежденными легкія, обѣ ноги и правый бокъ. Только благодаря тщательному уходу и попеченіямъ друзей, главнымъ образомъ Александра Дюма (сына). Мечниковъ оправился, хотя слѣды

многочисленныхъ контузій и ранъ давали себя чувствовать всю послѣдующую жизнь.

Съ освобожденіемъ Италіи, ставшей для Мечникова второй родиной, въ его жизни началась особая, наиболѣе характерная полоса. Подъ вліяніемъ Гарибальди, съ которымъ онъ очень сблизился и стремленія котораго нашли новѣйшій отзвукъ въ его душѣ, Мечниковъ страстно увлекся идеей освобожденія народовъ отъ гнета иноземныхъ властителей и, едва вышедши изъ госпиталя, взялся за лихорадочную политическую агитацію. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ принялъ энергичное участіе въ соціальномъ движеніи Швейцаріи, Испаніи, Франціи, устраивая сходки, конференціи, съѣзды, издавая брошюры и печатая массы статей и замѣтокъ въ періодическихъ изданіяхъ этихъ странъ.

Приблизительное представленіе о направленіи и составѣ его дѣятельности за этотъ періодъ могутъ дать собственныя воспоминанія Мечникова за 1864 г., напечатанныя въ «Историческомъ Вѣстникѣ» *). Живя въ Италіи и Швейцаріи (главнымъ образомъ во Флоренціи и Женевѣ), Мечниковъ сблизился съ русскими эмигрантами,—Герценомъ, Бакунинымъ, Жуковскимъ и вообще съ русскими художниками, литераторами и учеными, проживавшими заграницей **). Къ этому-же времени относится начало его литературной дѣятельности въ Россіи. Мечниковъ началъ съ корреспонденцій и беллетристики и помѣстилъ рядъ повѣстей и разсказовъ, сначала въ «Современникѣ» — ред. Чернышевскаго, а затѣмъ въ «Русскомъ Словѣ» (въ обоихъ журналахъ подъ псевдонимомъ Леона Бранди) ***). Затѣмъ въ тѣхъ-же журналахъ стали отъ времени до времени появляться его статьи объ итальянской

*) Мартъ 1897 г.

**) См. Біографію Н. Н. Ге, написанную В. Стасовымъ (Кн. Нед. за 1897 г.).

***) Наиболѣе частые изъ безчисленныхъ псевдонимовъ Мечникова слѣдующіе: Эмиль Денегри (Дѣло), Гарибальдіецъ (Библіотека для Чтенія), Басардинъ (Дѣло), Л. М. (Вѣстн. Евр. Рус. Вѣстн. и Дѣло 80-хъ гг.), Э. Д (Дѣло 70-хъ гг.), Леонъ Бранди (Совр. и Русск. Слово).

литературѣ. Съ 1862 г. Мечниковъ сталъ писать еще и въ «Библ. для Чтенія» и «Русск. Вѣстн.» доброй памяти.

Когда въ 1866 г. Благовѣтловъ создалъ изъ развалинъ «Русскаго Слова» новый журналъ «Дѣло», Мечниковъ вступилъ въ число его постоянныхъ сотрудниковъ и участвовалъ въ немъ вплоть до перехода «Дѣла» въ 1884 г. въ другія руки. Наиболѣе крупныя журнальныя работы помѣщены имъ именно въ этомъ журналѣ. Съ 70-го года Мечниковъ сталъ работать и въ «Знаніи» и «Отечеств. Запискахъ». Въ 80-хъ годахъ Мечниковъ, сочувствуя молодымъ силамъ прогрессивнаго лагеря литературы, началъ сотрудничать въ новыхъ органахъ того времени: «Словѣ» и «Русскомъ Богатствѣ». Такова формальная сторона его литературной дѣятельности въ Россіи. Въ количественномъ отношеніи эта дѣятельность носитъ лихорадочно энергичный характеръ. Стремясь разъяснить русскимъ читателямъ смыслъ и значеніе самыхъ характерныхъ и разнообразныхъ, научныхъ, политическихъ, литературныхъ и чисто жизненныхъ вопросовъ и явленій, Мечниковъ писалъ замѣчательно быстро и много. Безъ преувеличенія можно сказать, что общій количественный итогъ его статей, помѣщенныхъ лишь въ русскихъ журналахъ, далеко превышаетъ нѣсколько сотенъ и занимаетъ до тысячи печатныхъ листовъ*). Въ тоже время Мечниковъ находилъ время и возможность принимать дѣятельное участіе въ десяткахъ заграничныхъ изданій. Зная десять европейскихъ языковъ, онъ неутомимо пропагандировалъ свои идеи среди самаго разнообразнаго круга читателей. Громадныя умственныя данныя, блестящая, феноменальная память, необыкновенное трудолюбіе и замѣчательная способность усвоенія фактическаго матеріала давали ему возможность исполнять единолично такую гигантскую работу, какой хватило бы на нѣсколько

*) Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ однимъ изъ столичныхъ издателей задумано, а частью и подготовлено къ печати, изданіе нѣсколькихъ томовъ избранныхъ статей Мечникова, имѣющихъ не временный интересъ.

обыкновенныхъ работниковъ, трудящихся исподволь и помаленьку. Мечниковъ не умѣлъ расчетливо обращаться со своими силами, не умѣлъ и беречь себя, онъ цѣликомъ отдавалъ все свое здоровье охватившему его дѣлу и такимъ образомъ сознательно отнималъ отъ себя всякую возможность стать въ первые ряды ученыхъ и политическихъ дѣятелей. Лепта, которую онъ могъ внести въ сокровищницу прогрессивнаго движенія человѣчества, по его разсчетамъ, могла быть значительно увеличена полнымъ забвеніемъ самого себя и отреченіемъ отъ мечтаній о великой роли и возможности попасть въ пантеонъ человѣчества. Онъ безъ всякаго сожалѣнія махнулъ рукой на первостепенную ученую карьеру, представлявшуюся вполнѣ достижимой, и взялся за болѣе мелкое, нестоль замѣтное, но болѣе нужное живое и соотвѣтствующее его кипучему темпераменту дѣло. Онъ отказался отъ мысли освѣщать безконечную высь чисто научныхъ областей и вступилъ въ ряды скромныхъ школьныхъ учителей человѣчества, внушающихъ окружающему обществу самосознаніе и стремленіе къ лучшему будущему. Внѣ всякаго сомнѣнія, что ни лихорадочность работы, ни ея многосложность и значительные размѣры не способствовали увеличенію достоинствъ большинства его литературныхъ произведеній.

Можетъ возникнуть вопросъ: былъ ли въ состояніи Мечниковъ организоваться въ перворазрядную научную силу, не затерялся-ли бы онъ въ толпѣ посредственностей, толпящихся у алтарей знанія, бременящихъ профессорскія кафедры и отапливающихъ свѣточемъ науки свои собственные удобные домашніе очаги? Отзывы признанныхъ вождей науки, въ лицѣ хотя-бы Э. Реклю, ставящихъ Мечникова на пьедесталъ геніальности, отзывы критики о замѣчательныхъ трудахъ Мечникова: «Цивилизація и великія историческія рѣки» и «Японская имперія», а также сами эти труды*)—все это заставляетъ думать, что Мечниковъ могъ создать нѣчто не-

*) См. о кн. «Цивилизація» ст. проф. П. Виноградова въ „Сѣв. Вѣстн.“, 92, 6

сравненно болѣе крупное, нежели оставленное имъ литературное наслѣдство.

Несмотря на неустанный тяжелый трудъ, Мечникову приходилось зачастую сильно нуждаться и переутомлять себя все новой и новой работой. Большинство его статей безжалостно сокращалось. иныя совершенно вымаривались и Мечниковъ самъ говорилъ. что ему приходилось писать втрое больше того, что печаталось. Случались цѣлые мѣсяцы, когда вся работа пропадала задаромъ, а между тѣмъ бурная жизнь Мечникова, его семьи и друзей требовала ненормально большихъ расходовъ. Въ началѣ 70-хъ годовъ Мечниковъ почувствовалъ, что его слабому, подточенному борьбой за существованіе, организму не выдержать такой напряженной работы и онъ сталъ искать болѣе спокойнаго и вѣрнаго занятія. Тутъ удача едва-ли не въ первый и послѣдній разъ въ жизни улыбнулась Мечникову: онъ получилъ предложеніе отъ японскаго министерства народнаго просвѣщенія читать лекціи въ организовавшемся тогда японскомъ университетѣ. Мечниковъ принялъ предложеніе, посвятилъ часть 1873 года на изученіе японскаго языка и въ началѣ 1874 г. былъ уже на мѣстѣ, гдѣ съ обычными рвеніемъ и горячностью принялся за насажденіе культурныхъ началъ среди молодыхъ представителей 40 милліонной японской націи.

Мечникову не удалось долго пожить въ Японіи. Сильное малокровіе заставило его покинуть гостепріимную страну и черезъ Сандвичевы острова и Америку вернуться обратно въ Европу. Вмѣстѣ съ собою онъ привезъ уже законченный трудъ объ японской имперіи, иллюстрированный собственными рисунками въ японскомъ стилѣ. Въ поискахъ издателя онъ столкнулся съ извѣстнымъ Э. Реклю. познакомился съ нимъ и, по приглашенію послѣдняго сталъ работать въ задуманной Реклю «Всемірной Географіи». Знаніе восточныхъ языковъ дало ему возможность быстро разобраться въ грудѣ уже собранныхъ Реклю матеріаловъ о восточной части Азіи и приготовить ихъ къ печати. Къ тому же времени относится и

участіе Мечникова въ задуманныхъ Женевскимъ географическимъ обществомъ изданіяхъ словарей нѣкоторыхъ мелкихъ восточно-азіатскихъ народностей (айносы и гиляки).

Въ 1883 году Невшательская академія наукъ, во вниманіе къ ученымъ заслугамъ Мечникова, предложила ему кафедру сравнительной географіи и статистики въ Лозаннскомъ университетѣ, которую Мечниковъ и занималъ до самой смерти, послѣдовавшей 30-го іюня 1888 г. Послѣдніе годы своей жизни онъ посвятилъ изслѣдованію географическихъ условій развитія цивилизаціи, результатомъ котораго явилось на французскомъ языкѣ настоящее изслѣдованіе: «La civilisation et les grands fleuves historiques Первоначальный набросокъ его былъ читанъ Мечниковымъ своимъ университетскимъ слушателямъ. Затѣмъ въ болѣе исправленномъ, но все еще незаконченномъ видѣ, курсъ былъ напечатанъ въ «Трудахъ» невшательскаго географическаго общества. Для отдѣльнаго изданія редактору его Реклю пришлось возстановлять послѣднія главы по черновикамъ.

Смерть Мечникова прошла почти незамѣтно на его родинѣ, но произвела глубокое впечатлѣніе въ научномъ и литературномъ мірѣ Европы. На небольшомъ кладбищѣ швейцарской деревушки Clarens произошла потрясающая сцена. Рѣчи говорившихъ прерывались искренними рыданіями. На похоронахъ присутствовала масса друзей и единомышленниковъ покойнаго, собравшихся изъ Франціи, Италіи и Швейцаріи. Прочитано было много телеграммъ отъ ученыхъ обществъ, университетовъ, славянскихъ заграничныхъ колоній, учащихся и т. д. *). Большинство изданій, какъ общаго, такъ и спе-

*) Между прочимъ вотъ выписка изъ письма ректора Невшательской академіи, адресованнаго вдовѣ Мечникова: „Nous perdons en Metchnikoff un collaborateur, qui dans le temps trop court de son enseignement, a rendu des grandes services aux études superieures, et dont nous honorions tous la science, les talents et l'indomptable énergie"... Изъ письма отъ невшательскаго географич. общества:... „sa collaboration nous a été des plus precieuses et nous a valu l'éstime et la sympathie des sociétés étrangères"... Изъ телеграммы: „Conseil d'état et Departement de l'instruction publique du canton de Neuchatel en

ціально ученаго характера, посвятили его памяти теплыя статьи *). Вообще западное интеллигентное общество показало, что оно умѣетъ не только понимать, но и цѣнить такихъ людей, какъ Мечниковъ, и Реклю имѣлъ полное право сказать: «когда покойный писатель встрѣчаетъ подобное къ себѣ отношеніе, то смерть не полагаетъ конца его предпріятіямъ и стремленіямъ. Онъ живетъ въ памяти своихъ друзей, а его идеи живутъ въ жизни потомковъ». Но если Реклю былъ правъ въ примѣненіи къ западно-европейскимъ условіямъ, то онъ глубоко ошибался по отношенію къ русской дѣйствительности. Русская литературная исторія по многимъ причинамъ поразительно бѣдна фактами изъ жизни и дѣятельности своихъ, хотя бы и крупныхъ дѣятелей. Въ свою очередь и заурядный читатель видитъ въ нихъ какихъ-то исключительныхъ личностей, дѣйствующихъ внѣ времени и пространства и связанныхъ съ реальной жизнью только при посредствѣ журнальныхъ книжныхъ или газетныхъ страницъ. Такой отчужденностью литературы отъ воспитывающагося на литературѣ общества объясняются частые, глубоко обидные для писателей, но отъ читательской воли обыкновенно независящіе, случаи полнаго забвенія писателей, лишь только могильная земля скроетъ ихъ отъ глазъ общества.

Но лишнее, мнѣ кажется, разъяснять, что и отчужденность литературы не есть самодовлѣющее явленіе, что въ ея причинной основѣ лежатъ крайне могущественыя явленія и теченія жизни, а не личная воля историковъ литературы. Только очень мощными причинами можно объяснить тотъ фактъ, что значительное число дѣятелей минувшаго 50 лѣтія

---

voient à la famille du regretté prof. Metchnikoff l'expression de leur profonde sympathie".

Изъ рѣчи Реклю: „C'est en luttant dans la grande armée des miserables qu'il a vecu et qu'il est mort. Il ne nous en parait que le plus grand et c'est avec respect que nous inclinons devant sa tombe.

*) См. напр „Journal de Geneve", „Courrier neuchateloise". „Cuore e Critica" (Savona, Liguria) „Bulletin de la société neuchateloise de géographie" т IV; изъ русскихъ изданій „Вѣстникъ Европы" и „Сѣверный Вѣстникъ" 1888 г.

теперь зачислены въ рангъ «забытыхъ писателей», несмотря на то, что въ свое время они имѣли большое вліяніе и могли бы сохранить его еще надолго...

Мнѣ нечего обольщаться: Мечниковъ принадлежитъ къ числу самыхъ типичныхъ «забытыхъ писателей» и, конечно, не изданію одной изъ его книгъ и не моему коротенькому очерку его біографіи вывести одного изъ талантливѣйшихъ и интереснѣйшихъ русскихъ писателей изъ подобнаго несоотвѣтственнаго положенія. Мнѣ приходится быть сухимъ и краткимъ лѣтописцемъ; но очень многія стороны общественной и личной жизни Мечникова не поддаются лѣтописному способу изложенія и не могутъ быть изложены въ нѣсколькихъ словахъ—читатель долженъ имѣть это въ виду.

Мечниковъ, какъ человѣкъ, принадлежалъ къ числу самыхъ безпокойныхъ личностей, какихъ только видѣлъ свѣтъ, но «безпокойныхъ» не въ русскомъ провинціальномъ значеніи этого слова, а въ наилучшемъ и самомъ широкомъ. Онъ постоянно горѣлъ, непрерывно носился съ самыми разнообразными и разнородными проектами различныхъ общественныхъ и личныхъ предпріятій и болѣлъ душою за каждый изъ нихъ. Такое же безпокойство вносилъ онъ и въ свои научныя и литературныя занятія. Онъ чувствовалъ себя какъ дома во многихъ научныхъ областяхъ и особенно въ обществовѣдѣніи, но это не уничтожало въ немъ стремленія все обнять, все изучить и отовсюду извлечь животворящія начала свѣта и жизни. Изъ ряду вонъ выходящая способность усвоенія, я полагаю, только мѣшала ему при его чисто научныхъ занятіяхъ, равнымъ образомъ, какъ и его сильно развитыя альтруистическія наклонности. Люди, близко знавшіе Мечникова, разсказываютъ въ этомъ отношеніи чудеса. Ему ничего не стоило оставить важный для него научный вопросъ и заняться чьимъ либо чужимъ дѣломъ, а затѣмъ нагонять потерянное, работая по ночамъ до изнуренія. Способностью Мечникова живо откликаться на чужіе запросы пользовались, между прочимъ, его домашніе, когда желали

отвлечь его на время отъ занятій и заставить отдохнуть. Тогда на сцену появлялись маленькія дѣти (внуки Мечникова) тащившія заработавшагося ученаго на вольный воздухъ, въ горы или на лугъ. Это было не только любопытное зрѣлище. Особенное чувство охватывало окружающихъ, наблюдавшихъ, съ какимъ добродушіемъ этотъ пожилой серьезный человѣкъ подчинялся всѣмъ дѣтскимъ желаніямъ и капризамъ, несмотря на то, что возня съ дѣтьми всегда была для него утомительна. Дѣло въ томъ, что здоровье Мечникова, никогда не бывшее крѣпкимъ и рѣшительно надорванное многими перипетіями его бурной жизни, почти отказывалось служить въ теченіе послѣднихъ пятнадцати лѣтъ его жизни. Нужно было изумляться тѣмъ геройскимъ усиліямъ воли, которыя Мечниковъ дѣлалъ безпрестанно, чтобы побороть болѣзнь, естественную усталость и переутомленіе, нажитое годами «Крѣпкій духъ» жилъ въ немъ въ исключительно слабой и тлѣнной оболочкѣ, грозившей ежеминутно разрушиться, и тѣмъ не менѣе Мечниковъ, какъ уже сказано, даже количественно работалъ неизмѣримо больше, чѣмъ многіе вполнѣ здоровые и привыкшіе къ интеллектуальной работѣ люди...

Мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о тѣхъ общихъ идеяхъ Мечникова, которыя частью служатъ основными выводами предлагаемой книги, частью употреблены въ ней въ качествѣ предпосылокъ. Удобнѣе всего это сдѣлать при помощи критическихъ отзывовъ о «Цивилизаціи», сдѣланныхъ въ западной и русской литературѣ. Одинъ изъ такихъ отзывовъ особенно пригоденъ для нашей цѣли, такъ какъ онъ разсматриваетъ книгу Мечникова съ точки зрѣнія идей, за послѣднее время играющихъ довольно шумную роль въ русской литературѣ. Авторъ отзыва—убѣжденный марксистъ, или, пользуясь его собственной терминологіей—діалектическій матеріалистъ и, въ качествѣ такового, онъ дѣлаетъ «Цивилизаціи»

слѣдующій упрекъ *). «Вліяніемъ географической среды нельзя выяснить всего хода исторіи. Среда дѣлаетъ, конечно, свое дѣло, но создавшіяся подъ ея вліяніемъ общественныя отношенія также имѣютъ свою внутреннюю логику, которая часто можетъ стать даже въ противоположность съ требованіями среды. Изученіе внутренней логики общественныхъ и главнымъ образомъ экономическихъ отношеній обязательно никакъ не меньше, чѣмъ изученіе *географической* подкладки всемірной исторіи. Эти два рода изученія дополняютъ одно другое, и подъ ихъ соединеннымъ напоромъ мало-по-малу откроются интимнѣйшія тайны исторіи Для изученія внутренней логики общественныхъ отношеній много сдѣлано въ послѣднія сорокъ лѣтъ въ особенности *школой Маркса*, и нельзя не пожалѣть, что Л. И. Мечниковъ оставилъ безъ вниманія почти всѣ ея выводы. Въ концѣ концовъ, и говоря вообще, его работа приводитъ къ тѣмъ же заключеніямъ, къ какимъ пришли марксисты. Но заключенія его много выиграли бы въ стройности и послѣдовательности, если бы онъ воспользовался историческими взглядами Маркса и Энгельса для ихъ провѣрки. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно взять мнѣніе Л. И. Мечникова о томъ, что историческое развитіе ведетъ къ переустройству общественныхъ отношеній въ смыслѣ свободы и равенства. На чемъ основывается это мнѣніе? На общемъ соображеніи о томъ, что люди должны научиться со временемъ организовать свой трудъ Это соображеніе имѣетъ за себя большую вѣроятность; такую большую, что нашему автору въ сущности не было никакой надобности подкрѣплять

*) Въ общемъ онъ отнесся къ книгѣ Мечникова крайне благосклонно, что можно видѣть хотя бы изъ слѣдующей тирады: «нисколько не преувеличивая, можно сказать, что книга Мечникова затрогиваетъ самые основные вопросы философіи исторіи и для нѣкоторыхъ изъ нихъ даетъ вполнѣ удовлетворительное рѣшеніе. Кромѣ того, она положительно изобилуетъ чрезвычайно мѣткими замѣчаніями по частнымъ второстепеннымъ вопросамъ науки и нужно было бы только изложить эти замѣчанія въ болѣе систематической формѣ, «чтобы еще болѣе обогатить содержаніе книги ..»

его аналогіями, заимствованными изъ области явленій природы, такъ какъ всѣ такого рода аналогіи обыкновенно очень натянуты и произвольны. Но все-таки, какъ ни вѣроятно соображеніе Л И. Мечникова, оно остается *только вѣроятнымъ*. Характеръ несомнѣнности оно могло бы пріобрѣсти только въ томъ случаѣ, если бы онъ хоть въ немногихъ словахъ показалъ, какимъ образомъ логика внутреннихъ отношеній современныхъ цивилизованныхъ странъ ведетъ къ указанной имъ цѣли. Школа Маркса сдѣлала это, обративъ надлежащее вниманіе на размѣры и свойства современныхъ производительныхъ силъ, и на противорѣчіе этихъ силъ съ современными отношеніями производства. Жаль, что Мечниковъ не нашелъ нужнымъ считаться съ ученіемъ Маркса; это ученіе придало-бы его теоріи прогресса характеръ большей строгости и достовѣрности».

Всего нѣсколькими строками выше тотъ же авторъ указываетъ, однако, что книга Мечникова «вообще не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что географическая среда вліяетъ на человѣка главнѣйшимъ образомъ *черезъ посредство возникающихъ подъ ея дѣйствіемъ экономическихъ отношеній*»...

Мнѣ лично приходилось слышать по адресу книги Мечникова аналогичные же упреки, выставлявшіе нѣкоторую независимость отъ Маркса важнымъ промахомъ, чуть-ли не преступленіемъ. Полагаю, что это уже слишкомъ. Позволительно преклоняться передъ Марксомъ и его школой, но высказывать неудовольствіе по поводу того, что данный авторъ пришелъ къ познанію безспорныхъ истинъ внѣ непосредственнаго вліянія Маркса— это напоминаетъ извѣстный кличъ *«все черезъ пророка»*.

Чтобы правильно понимать идеи Мечникова необходимо имѣть въ виду, что онъ былъ прежде и больше всего независимымъ и страстнымъ искателемъ истины, относившимся крайне враждебно къ умственному раболѣпству. Но, помимо этого, упрекъ, дѣлаемый нѣкоторыми русскими марксистами по его адресу, неоснователенъ и съ чисто формальной стороны. Дѣло въ томъ, что книга Мечникова посвящена истолкованію

такого періода всемірной исторіи въ которомъ доминирующую роль играла только географическая среда. О послѣдующихъ періодахъ, въ теченіе которыхъ обусловленность общественной эволюціи пополнялась новыми могущественными агентами, Мечниковъ говоритъ въ разныхъ мѣстахъ книги всего нѣсколько словъ. Но, тѣмъ не менѣе его основные выводы способны, какъ мы видѣли, удовлетворить даже и тѣхъ современныхъ дѣятелей, которые претендуютъ на полное и безусловное познаніе процесса общественнаго развитія. Единственный «грѣхъ» Мечникова такимъ образомъ—независимость отъ школы Маркса, но этотъ «грѣхъ», конечно, не будетъ замѣченъ и даже, пожалуй, понятъ всѣми, кому дорога истина, а не тенденціозность и партійность

Мих. Гродецкій.

I.

Общія понятія о цивилизаціи и прогрессѣ.—Философія исторіи.—Научное опредѣленіе прогресса въ его примѣненіи къ исторіи.—*Масса*—механическій или количественный показатель прогресса въ мірѣ неорганизованной природы не имѣетъ цѣнности въ качествѣ критеріи прогресса въ области біологіи.—*Степень дифференціаціи*, являющаяся весьма краснорѣчивымъ признакомъ прогресса въ біологіи, не имѣетъ такого же значенія для соціологіи —Индивидъ и общество въ ботаникѣ и зоологіи.—*Усиленіе взаимной зависимости, обусловленности и соціальной связи*, какъ показатель прогресса въ соціологіи.

Прагматическая исторія, наблюдаемая въ отвлеченіи отъ теорій прогресса представляетъ собою вѣчную толчею безчисленныхъ явленій, неспособныхъ подойти подъ какое либо одно общее воззрѣніе, а частью и совершенно непонятныхъ.

Во всѣ эпохи, у всѣхъ народовъ и во всякой средѣ лицемѣріе, безуміе и вообще преступныя явленія и дѣянія повторяются съ поражающимъ однообразіемъ. Наоборотъ, самоотверженность и вообще добродѣтель, при своемъ случайномъ появленіи въ лѣтописяхъ человѣчества, зачастую облекаются въ странныя, а иногда и возмутительныя формы. Вспомните только Курція, въ порывѣ благороднѣйшихъ чувствъ бросившагося въ пучину, или Манлія, не задумавшагося обезглавить своего сына за простое неповиновеніе.

Достойно вниманія, что и удивленіе и преклоненіе потомства—это позднее воздаяніе мученикамъ исторіи,—никогда не проявляются въ прямомъ количественномъ соотвѣтствіи съ истиннымъ величіемъ нѣкогда совершеннаго подвига. Въ памяти человѣчества остается лишь то, что ослѣпляетъ и поражаетъ

воображеніе массы. Поэтому имена людей, научившихъ человѣчество употребленію огня, впервые приручившихъ животныхъ или-же научившихся культивировать растенія, навсегда останутся неизвѣстными; въ то-же время мы видимъ, что въ пантеоны человѣчества открытъ свободный входъ шарлатанамъ, безумцамъ и кровопійцамъ.

Замѣчательно и то, что ошибки и заблужденія зачастую играли въ исторіи человѣчества болѣе могущественную роль, нежели величіе души или знанія.

Извѣстно, напр., что Христоферъ Колумбъ, олицетворяющійся легендой въ образѣ борца за науку противъ суевѣрія и умственной слѣпоты своего времени, на самомъ дѣлѣ былъ энергичнымъ морскимъ пиратомъ и, въ качествѣ таковаго, нанесъ благоденствію своего отечества существенный вредъ. Открытіе Америки явилось плодомъ далеко не его геніальной прозорливости, а лишь результатомъ упрямаго заблужденія, основаннаго на ложномъ представленіи о формѣ и величинѣ земнаго шара *).

Существуетъ мнѣніе, подраздѣляющее всѣхъ обитателей міра на двѣ громадныя группы:—группу историческихъ или культурныхъ народовъ, и группу дикихъ, варварскихъ. Легко замѣтить, что принятая даже въ самыхъ общихъ чертахъ, подобная классификація покоится на слишкомъ неясно опредѣленныхъ основаніяхъ и что, въ силу этого, она не чужда многочисленныхъ погрѣшностей. Наиболѣе несчастные народы, описанные когда-либо современными или прежними путешественниками, все-же обладаютъ, по крайней мѣрѣ, хотя нѣсколькими орудіями, они знакомы съ употребленіемъ огня, имѣютъ своихъ фетишей, подчиняются какому-либо элементар-

*) Извѣстно, что Колумбъ ошибочно предполагалъ восточный берегъ азіатскаго материка лежащимъ приблизительно на 100° къ востоку дальше, чѣмъ въ дѣйствительности. Основываясь на этомъ ложномъ соображеніи, онъ и надѣялся, что его путь къ богатствамъ Индіи на западъ отъ Гибралтара окажется не длиннѣе, нежели восточный путь, котораго держались обыкновенно венеціанскіе купцы (См. O. Peschel, Zeitalter der Entdeckungen).

ному, политическому и семейному строю, они наконецъ владѣютъ членораздѣльнымъ языкомъ. Все это скромное имущество является наслѣдіемъ многихъ предыдущихъ поколѣній, оно составляетъ сумму благъ, пріобрѣтенныхъ жизнью данной человѣческой группы; народъ, обладающій имъ, уже имѣетъ свою исторію, а слѣдовательно, и полныя права на зачисленіе въ исторію цивилизаціи. Но если съ одной стороны культура, какъ бы ни былъ низокъ ея уровень, охватываетъ безразлично всѣ элементарныя общественныя группы, съ высоты нашего величія третируемыя какъ варварскія, то съ другой стороны элементъ гнуснаго, животнаго и варварскаго также проявляетъ свою вездѣсущность въ такой степени, что ни одно изъ человѣческихъ обществъ,—какъ-бы высоко оно ни поднялось по культурной лѣстницѣ,—не свободно вполнѣ отъ его воздѣйствія Между самымъ порочнымъ дикаремъ и благороднѣйшимъ цивилизаторомъ существуетъ, правда, длинная цѣпь оттѣнковъ, но цѣпь непрерывная. Когда приходится сравнивать два крайнихъ или весьма другъ отъ друга удаленныхъ звена цѣпи, то громадныя различія между ними слишкомъ ослѣпляютъ наблюдателя и эти звенья выдѣляются въ разныя группы наперекоръ всѣмъ затрудненіямъ, обусловленнымъ тѣмъ, что въ исторіи, точно также какъ и въ природѣ, развитіе никогда не идетъ по прямой линіи. Напр., между личностями Маори (туземецъ Ново-Зеландіи) и Англичаниномъ, между Батеке и самымъ просвѣщеннымъ чиновникомъ государства Конго *) замѣчена не только разница, отдѣляющая варварство отъ цивилизаціи, но между ними легко наблюдать и случайныя, посторонніе различія, тѣмъ не менѣе сильно запутывающія вопросъ.

При переходѣ отъ *крайнихъ* звеньевъ, формъ и оттѣнковъ къ промежуточнымъ *среднимъ*, количество затрудненій еще увеличивается и наблюдатель все болѣе поддается случайному

*) Необходимо замѣтить, что здѣсь имѣется въ виду государство Конго, находящееся подъ неограниченнымъ протекторатомъ бельгійскаго короля, а не негрское государство.

вліянію субъективныхъ симпатій и тенденцій, окончательно дѣлающихъ его оцѣнку безосновательной, противорѣчивой и произвольной.

Быть можетъ, наиболѣе ясны эти классификаціонныя затрудненія въ вопросѣ объ опредѣленіи цивилизаціи и варварства. Въ самомъ дѣлѣ, какъ выдѣлить то, что составляетъ существенно необходимую принадлежность цивилизаціи изъ области наслѣдія первобытнаго варварства, даже если намъ данъ опредѣленный соціальный строй?

Но прежде всего попытаемся установить: *что такое цивилизація*, что слѣдуетъ понимать подъ этимъ словомъ?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ у П. Мужолля*) «Понятіе цивилизаціи,—говоритъ онъ,– является однимъ изъ самыхъ сложныхъ; оно обнимаетъ собою совокупность всѣхъ свершенныхъ открытій и изобрѣтеній, оно опредѣляетъ сумму идей, находящихся въ обращеніи, и сумму употребляемыхъ въ обществѣ пріемовъ дѣятельности; оно указываетъ степень совершенства науки, искусства и промышленности, выражаетъ собою данное состояніе семейнаго и общественнаго строя и вообще всѣхъ существующихъ учрежденій; наконецъ, оно подводитъ итоги индивидуальной и общественной жизни, взятыхъ въ ихъ совокупности».

При разсмотрѣніи прогресса, наблюдаемаго въ исторической жизни человѣчества, по крайней мѣрѣ хотя одно доказательство его несомнѣнности кажется мнѣ яркимъ и очевиднымъ. Я говорю о *техническихъ усовершенствованіяхъ*. Сравнивши современную технику и промышленность съ таковыми-же предыдущихъ историческихъ періодовъ, мы обязаны будемъ признать гигантскій ростъ власти человѣка надъ слѣпыми силами природы, надъ временемъ и пространствомъ — этими космическими врагами человѣчества Но какъ ни безспорно, что техническій прогрессъ есть одинъ изъ главныхъ составныхъ элементовъ всеобщаго прогресса, этотъ послѣдній все-

*) P. Mougeolle „Statique des Civilisations".

же имъ далеко не исчерпывается. Въ самомъ дѣлѣ, какое дѣло страдающей, размышляющей и наслаждающейся человѣческой личности до того — великолѣпенъ-ли памятникъ, покрывающій ея могилу, изумительно-ли качество и совершенство оружія, при помощи котораго одни ряды человѣчества истребляются другими. Сверхъ того техническій прогрессъ происходитъ неравными толчками, скачками и слѣдовательно, не можетъ служить критеріемъ для оцѣнки прогрессивнаго достоинства послѣдовательныхъ фазисовъ исторической эволюціи. Въ области техническихъ явленій наши наиболѣе драгоцѣнныя пріобрѣтенія сдѣланы послѣ французской революціи Со временъ Антониновъ и вплоть до кануна послѣдняго призыва «Etats generaux» во Франціи, Европа почти не подвигалась впередъ съ точки зрѣнія промышленнаго и техническаго прогресса. Если сравнить эпоху пирамидъ со временемъ Декарта, то можно, пожалуй, констатировать въ этомъ отношеніи даже легкое попятное движеніе.

Болѣе несомнѣнное доказательство дѣйствительнаго существованія общаго прогресса въ исторіи доставляетъ намъ непрерывный рядъ видоизмѣненій и укрѣпленій соціальной связи между людьми и фактъ наростанія общечеловѣческой солидарности. Это-то свидѣтельство и заслуживаетъ быть признаннымъ въ качествѣ критерія общественнаго прогресса въ исторіи.

Въ области геологическихъ явленій вулканическія изверженія, сотрясенія почвы и вообще все, что носитъ названіе катаклизмъ, уносятъ съ лица земли массу жертвъ и весьма сильно поражаютъ воображеніе, но въ общемъ ими обусловливаются только поверхностныя измѣненія на нашей планетѣ. Это скорѣе послѣдствія, а не причины.

Истинныя творческія и пластическія силы, вносящія глубокія измѣненія въ наружную оболочку земли,—это дождевыя капли, ручьи, звонкіе и прозрачные потоки, безпрестанныя измѣненія температуры, словомъ, цѣлый легіонъ агентовъ своей незамѣтной, но продолжительной дѣятельностью

разрушающихъ непокорныя скалы и радикально измѣняющихъ наружную поверхность земли. Такими-же незамѣтными агентами являются мадрепоровые кораллы, постепенно строящіе рифы, острова цѣлые могучіе материки. Съ дѣятельностью этихъ невидныхъ агентовъ обнаруживаетъ замѣчательное сходство незамѣтная дѣятельность предшествовавшихъ намъ историческихъ поколѣній. Ихъ трудомъ созданы историческія формаціи, но сами творцы скрываются отъ нашихъ поисковъ. Лѣтописи человѣчества заносятъ на свои скрижали только исключительныя, необычайныя явленія, лишь то, что поражало умъ наблюдателей. Въ свою очередь несокрушимые памятники, оставленные намъ отошедшими въ исторію вѣками, суть, за немногими исключеніями, храмы и дворцы, т. е. строенія, не имѣвшія никакого почти отношенія къ жизни большинства, строенія, къ которымъ это большинство допускалось лишь въ рѣдкихъ случаяхъ. Но тѣ скромныя жилища, гдѣ народы проводили свою обыденную сѣрую и монотонную жизнь и гдѣ они медленно погибали подъ ярмомъ тяжкаго труда для будущихъ поколѣній,—эти жилища всегда и всюду были слишкомъ жалки для того, чтобы противостоять всеразрушающему дѣйствію времени. Если бы не коекакія смутныя воспоминанія и отголоски старины, еще сохраняющіеся въ массахъ и возбуждающіеся при взглядѣ на развалины городовъ и общественныхъ зданій, пожалуй, оказалось бы невозможнымъ возстановить картину былой жизни даже въ общихъ чертахъ.

Вообще съ момента возникновенія исторіи—судьбы отдѣльныхъ народовъ и всего человѣчества столько разъ подвергались кореннымъ измѣненіямъ во всѣхъ отношеніяхъ и по всѣмъ направленіямъ, вѣка невѣжества и зла столько разъ слѣдовали за періодами славы, знанія и счастья, что теперь намъ весьма трудно разобраться во всемъ этомъ лабиринтѣ. Прагматическая исторія, довольствующаяся занесеніемъ на свои страницы фактовъ и дѣяній главнѣйшихъ народовъ міра во всемъ ихъ безпорядкѣ, доставляетъ только

матеріалы для исторіи прогресса. Задачу созданія этой исторіи, задачу отысканія Ариадниной нити, необходимой для руководства нами въ запутанномъ лабиринтѣ историческихъ явленій, подлежащихъ изслѣдованію, надлежитъ исполнить болѣе абстрактной наукѣ, которую принято теперь называть философіей исторіи.

Но существуетъ-ли *философія исторіи*? Такой вопросъ вмѣстѣ со всѣми ставитъ и Фр. Буилье *). «Я усердно изслѣдовалъ, — говоритъ этотъ писатель, — системы и теоріи, называемыя историко - философскими, но, къ сожалѣнію, мнѣ удалось извлечь оттуда только одну идею, достойную указанія».

Эта идея гласитъ о *существованіи только одного закона—закона прогресса*. Выше всѣхъ законовъ и обобщеній, которымъ древніе и современные авторы пытались подчинить историческое движеніе, выше всѣхъ «цикловъ», всѣхъ историческихъ «приливовъ и отливовъ», выше всѣхъ прямыхъ, спиральныхъ и ломаныхъ линій «itus reditus que» Паскаля, «corsi e ricorsi» Вико, по которымъ якобы движется человѣчество, стоитъ этотъ великій законъ прогресса, такъ сказать, всплывая наверхъ надъ всѣми законами и обобщеніями. Разумѣется, это только при томъ условіи, если сама идея прогресса очищена отъ ошибочныхъ измѣненій и бредней, компрометирующихъ ее, дѣлающихъ ее ложной, смѣшной или опасной.

Замѣчательно, что на идеѣ прогресса покоится согласіе большинства пишущихъ и работающихъ въ области философіи исторіи. Почти всѣ соглашаются возвести законъ прогресса въ значительнѣйшій законъ жизни. Кое-кто дѣлаетъ изъ него даже нѣчто въ родѣ божества; нѣкоторые пишутъ это слово съ большой буквы. Но если всѣ согласны признать законъ прогресса, то зато какая масса различій и ошибокъ въ пониманіи его различными школами! По однимъ

*) См. „Revue philosophique", 86 г апрѣль.

взглядамъ, этотъ законъ дѣйствуетъ роковымъ образомъ постольку, поскольку онъ является космическимъ закономъ; по мнѣнію другихъ, это дѣйствіе является неизбѣжнымъ настолько, насколько онъ самъ входитъ въ область компетенціи Провидѣнія.

Съ той частной точки зрѣнія, которой мы теперь придерживаемся, для насъ не важно рѣшеніе вопроса: откуда исходитъ и какими путями проявляется въ исторіи прогрессъ. Существенной задачей для насъ является — опредѣлить, въ чемъ состоитъ прогрессъ и по какому точно опредѣленному признаку можно констатировать его участіе въ исторіи, не употребляя въ дѣло ни субъективнаго произвола, ни предвзятаго мнѣнія, выставляемыхъ обыкновенно различными теоріями или школами *). Для ученаго автора, котораго только я что цитировалъ, понятіе прогресса обозначаетъ «разумное, свободное и сознательное движеніе впередъ, къ достиженію общаго блага». Существо, не обладающее ни разумомъ, ни свободой, можетъ переходить изъ одного состоянія въ другое, можетъ *развиваться*, но ни въ какомъ случаѣ не *прогрессировать*. По этому поводу Буилье, спрашиваетъ: «на какомъ основаніи жидкое состояніе земного шара (взятое само по себѣ) по отношенію къ газообразному, или-же твердое состояніе по отношенію къ жидкому, могутъ считаться прогрессивными? Намъ отвѣтятъ, безъ сомнѣнія,—продолжаетъ онъ,—что этотъ послѣдующій рядъ измѣненій прогрессивенъ потому, что онъ уготовалъ появленіе человѣка на землѣ или же, другими словами, потому, что этотъ рядъ явленій составилъ условіе, не-

*) Необходимо замѣтить, что, судя по его журнальнымъ соціологическимъ работамъ, Мечниковъ отдавалъ справедливость тому направленію, которое у насъ принято называть субъективизмомъ. Онъ хорошо понималъ, что всякое опредѣленіе прогресса можетъ быть получено только субъективнымъ путемъ и что каждая формула прогресса, какъ бы ни открещивался ея авторъ отъ субъективизма, неизбѣжно является отраженіемъ его общественно-политическихъ мнѣній и очень часто даже личныхъ пристрастій. Въ данномъ случаѣ Мечниковъ высказывается только противъ научной необоснованности, зачастую сопровождающей изданіе опредѣленій прогресса. *Прим. перев.*

обходимо долженствовавшее предшествовать появленію человѣка. Но вѣдь между сценой, на которой должны появиться актеры, лишь только она окажется готовой, и самими актерами слишкомъ огромная разница, чтобы ее можно было оставить безъ вниманія. Поэтому не станемъ смѣшивать прогресса съ развитіемъ матеріальныхъ условій существованія человѣчества на землѣ и сохранимъ это великое благородное имя исключительно для опредѣленія разумнаго, свободнаго и сознательнаго движенія къ общему благу».

Буилье повидимому не замѣчаетъ, что предлагаемая имъ очистка идеи прогресса не можетъ быть принята безъ оговорокъ. Въ самомъ дѣлѣ, безусловное принятіе ея повело бы не только къ отрицанію прогресса въ философіи, но также и къ отрицанію прогрессивнаго значенія за безспорными пріобрѣтеніями человѣческаго разума, сдѣланными за послѣднюю четверть вѣка въ области точныхъ наукъ Онъ требуетъ непремѣнно «свободнаго и разумнаго» стремленія къ общему благу. Но мнѣ кажется, что опредѣлить долю участія элемента свободы и разума въ исторіи весьма трудно; только съ громадными затрудненіями можно подвести итоги жизненнымъ улучшеніямъ, осуществленнымъ добровольными и сознательными усиліями человѣка, сознательными притомъ настолько, что предусматривались бы всѣ возможныя послѣдствія совершаемыхъ поступковъ.

По убѣжденію Герберта Спенсера произвольная доля прогрессивнаго движенія незначительна въ сравненіи съ главной массой прогрессивнаго движенія, происходящаго, такъ сказать, фатально, благодаря стеченію непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, а также изъ столкновенія интересовъ, страстей и безсознательныхъ или внушенныхъ мелкими эгоистическими соображеніями поступковъ. Вообще прогрессъ влачилъ-бы въ исторіи слишкомъ ненадежное и проблематическое существованіе, если-бы его единственнымъ факторомъ, а слѣдовательно, и единственной гарантіей его осуществленія являлась-бы добрая воля немногихъ избран-

никовъ. Строго точное примѣненіе того опредѣленія прогресса, которое рекомендуется Буилье, при всемъ томъ, сообщило-бы самому понятію прогресса смутный и неопредѣленный характеръ. Оно разверзло-бы пучину между природой и человѣкомъ, ея повелителемъ и властителемъ. А несомнѣнно, что ни исторія, ни философія не выиграли-бы отъ этого разрыва съ естественными и точными науками

Понятіе прогресса пріобрѣло точное, независимое отъ метафизическихъ ухищреній и произвольныхъ толкованій значеніе только съ наступленіемъ дарвиновской эпохи въ естествознаніи, вызвавшей глубокій анализъ понятія о прогрессѣ натуралистами Въ области точныхъ наукъ подъ прогрессомъ понимаютъ ту дифференціацію явленій природы которая въ каждой послѣдующей фазѣ эволюціи проявляется все интенсивнѣе. *Серія или рядъ явленій считаются прогрессивнымъ, если каждая изъ составляющихъ его послѣдовательныхъ ступеней, воспроизводя отличительныя свойства всѣхъ предыдущихъ ступеней, вмѣщаетъ въ себѣ еще какой-либо новый элементъ, еще не проявлявшійся въ предыдущихъ фазахъ и если при всемъ томъ новая стадія въ состояніи зародить еще новыя, способныя развиваться измѣненія въ послѣдующихъ стадіяхъ развитія.*

Міръ растеній напр. представляетъ собою прогрессивно высшую по отношенію къ неорганизованному минеральному міру, стадію: помимо процессовъ, свойственныхъ неорганизованной матеріи, растеніе обладаетъ еще спеціально свойственными живымъ существамъ процессами питанія, роста и размноженія. Всякое животное, въ свою очередь, является чѣмъ-то высшимъ по сравненію съ растеніемъ, такъ какъ къ пріобрѣтенному растеніемъ оно присоединило еще свои собственныя способности движенія и чувствительности. Наконецъ, человѣкъ стоитъ выше всѣхъ позвоночныхъ по интенсивности своей интеллектуальной жизни, достигшей такой высоты, къ которой неспособны его предшественники. Отвѣ-

чая на то, что, какъ будто, затрудняетъ Буилье мы скажемъ даже, что отвердѣваніе земной коры, въ качествѣ необходимаго прецедента для появленія человѣка на землѣ, также носитъ прогрессивный характеръ. такъ какъ оно обусловило такую интенсивность жизни, какая была несовмѣстима съ жидко-капельнымъ или газообразнымъ состояніемъ нашей планеты

Въ низшихъ фазахъ эволюціи, тамъ, гдѣ нераздѣльно царствуетъ инертная и неодушевленная природа. химическій составъ тѣлъ относительно простъ и однороденъ; развиваемая имъ энергія находится въ прямомъ соотвѣтствіи съ массой тѣла другими словами — энергія тѣлъ здѣсь прямо пропорціональна количеству матеріальныхъ частицъ, соединенныхъ въ агтрегатѣ Поэтому въ теченіе громаднаго количества лѣтъ. науки о неорганической природѣ знаютъ только одну силу—молекулярное притяженіе, только одинъ законъ—тяготѣніе или притяженіе, лишь одинъ критерій—тяжесть. Замѣчательно, что въ области неорганической природы наиболѣе индифферентный газъ—водородъ—является въ то же время, и наиболѣе легкимъ, тогда какъ углеродъ—элементъ, за свою вѣскую роль въ органическихъ комбинаціяхъ въ высшей степени заслуживающій названія самаго «*прогрессивнаго*», своей тяжестью превосходитъ большинство газовъ.

Въ области біологіи дѣло обстоитъ нѣсколько иначе. Химическій составъ тѣлъ становится здѣсь все сложнѣе и разнообразнѣе. Высокая степень интенсивности жизни и развиваемой энергіи перестаетъ зависѣть исключительно отъ количества накопленныхъ въ тѣлахъ молекулъ и начинаетъ главнымъ образомъ обусловливаться разнообразіемъ и сложностью молекулъ, а также степенью совершенства раздѣленія труда между различными органами тѣла. Организація біологическихъ явленій начинаетъ считаться тѣмъ выше и совершеннѣе, чѣмъ при данной массѣ тѣла оно развиваетъ болѣе жизнедѣятельной энергіи. Основательность подобнаго взгляда подтверждается хотя-бы тѣмъ, что напр. нѣсколько граммовъ мозго-

ваго вещества—этой наиболѣе прогрессивной органической ткани—даютъ возможность развитія безконечно болѣе могущественной физико-химической работѣ, нежели какая можетъ быть развита аэролитами или гранитными громадами въ нѣсколько сотъ кубическихъ метровъ. Такимъ образомъ, повидимому, сразу устанавливается непроходимая пропасть между органическимъ и неорганическимъ міромъ. Но въ дѣйствительности эта пропасть существуетъ лишь при наличности нашей общечеловѣческой манеры разсмотрѣнія и оцѣнки явленій. Напротивъ строго научныя изысканія запрещаютъ проводить границу между органической и неорганической природой, равно какъ и между животнымъ и растительнымъ міромъ.

Дѣло все въ томъ, что жизнь въ своемъ развитіи въ біологической области представляетъ намъ такое разнообразіе проявленій, что объединительный синтетическій принципъ здѣсь является рѣшительно необходимымъ Но, чтобы услѣдить за прогрессивнымъ развитіемъ, здѣсь уже, разумѣется, недостаточно столь грубаго критерія какъ сравнительный вѣсъ или масса (критерія, примѣняемаго въ мірѣ неорганической природы). При вступленіи въ область біологіи наблюдатель-изслѣдователь принужденъ перемѣнить свои орудія, подобно тому, какъ приходится откладывать въ сторону ртутный термометръ, когда имѣешь дѣло съ слишкомъ высокими или слишкомъ низкими температурами.

Со времени Дарвина повсюду общепринято, что этимъ специфическимъ закономъ для біологіи должна быть признана борьба за существованіе, жизненная конкурренція, направляемая и поддерживаемая отборомъ (*selection*). Но еще до великаго англійскаго натуралиста Карлъ Бэръ строго-научно доказалъ, что въ мірѣ органическихъ явленій прогрессъ опредѣляется абсолютно непогрѣшимымъ морфологическимъ критеріемъ, такъ называемой дифференціаціей. Эта послѣдняя исчерпывается увеличеніемъ количества и разнообразія отдѣльныхъ частей организма и усиленіемъ ихъ способности испол-

нять только одну какую-либо строго опредѣленную часть общей работы организма.

Теперь, когда біологія окончательно и въ высшей степени ясно формулировала оба эти принципа, ее самое можно не безъ основанія разсматривать, какъ вполнѣ установившуюся точную науку, независимую отъ метафизическихъ фикцій и предвзятыхъ партійныхъ мнѣній

Цивилизація, какъ мы уже видѣли, иллюстрируется прогрессивнымъ ходомъ человѣческихъ обществъ, жизнь и дѣятельность которыхъ неизмѣримо сложнѣе жизни и дѣятельности животныхъ и растеній. По согласному мнѣнію французскихъ позитивистовъ и англійскихъ эволюціонистовъ наука занимающаяся явленіями общественной жизни. т. е соціологія, по отношенію къ біологіи занимаетъ такое-же мѣсто, какое та занимаетъ сама по отношенію къ ряду предыдущихъ (по классификаціи Конта) простѣйшихъ наукъ. Соціологію, слѣдовательно, можно считать и зависимой, и независимой отъ біологіи наукой смотря по тому, съ какой точки зрѣнія разсматривать этотъ вопросъ. Она — зависима, такъ какъ изучаетъ высшія фазы прогрессивной серіи, начинающейся элементарно-простыми явленіями, входящими въ область физико-химическихъ наукъ, и затѣмъ, безъ перерыва, поднимающейся вплоть до самыхъ сложныхъ проявленій соціальной жизни. Она— независима въ томъ смыслѣ, что она разсматриваетъ явленія съ своей собственной точки зрѣнія и ея компетенція дѣйствуетъ въ своей особой спеціальной области явленій и задачъ, рѣшеніе которыхъ получается при помощи особыхъ синтетическихъ принциповъ и особеннаго критерія.

Такимъ образомъ соціологія для обращенія въ точную науку обязана ясно и строго открыть и обосновать свой собственный соціологическій общій законъ и показать намъ критерій, при помощи котораго въ ея области можно было-бы познать прогрессъ столь-же безошибочно, какъ это дѣлаетъ біологъ у себя въ наукѣ, опредѣляя степень дифференціаціи.

Наиболѣе характеристичной чертой соціальной жизни слѣдуетъ считать кооперацію, или, еще точнѣе, способность къ коопераціи. Если въ области біологіи существа болѣе или менѣе индивидуализированныя, начиная отъ клѣтки и до человѣка, борются за существованіе или для достиженія какихъ-либо эгоистическихъ цѣлей, то на соціологической почвѣ они, напротивъ, соединяютъ свои силы въ виду общаго блага. Нужды нѣтъ что кооперація зачастую является только необходимымъ и логическимъ результатомъ борьбы за жизнь; существенно для насъ, главнымъ образомъ, то, что въ качествѣ факта обобществленія она настолько же враждебна принципу, установленному Дарвиномъ, насколько этотъ самый принципъ отличается отъ несравненно болѣе общаго закона—все проникающаго взаимнаго тяготѣнія.

Оборонителенъ-ли или наступателенъ союзъ, заключенный людьми, все же принципіальная его сторона представляетъ весьма важныя отличія отъ принциповъ борьбы за существованіе.

Разграниченіе областей біологіи и соціологіи не представляетъ затрудненій и не ведетъ къ запутанности и неопредѣленности. *Біологія изучаетъ въ области животнаго и растительнаго царствъ явленія борьбы за существованіе; соціологія интересуется только и исключительно явленіями общественно-солидарнаго характера, явленіями соединенія и большей или меньшей централизаціи отдѣльныхъ силъ, т. е. фактами кооперативнаго характера въ области природы* *).

«*Общество есть организмъ*»,— провозгласили Огюстъ Контъ и Гербертъ Спенсеръ. Ослѣпленные этимъ опредѣленіемъ, самые видные ученые утверждали и утверждаютъ до сихъ поръ, что дарвиновскій законъ борьбы за существованіе составляетъ не только главное основаніе въ біологіи, но такую же роль играетъ и въ соціологической области. Въ

*) Подробнѣе см. въ моей статьѣ въ „Contemporary Review“ 86 г. Сентябрь.

дѣйствительности, однако, положеніе «*общество есть организмъ*» — представляетъ собою только особую форму фигуральнаго выраженія, со временъ Менения Агриппы, утратившаго даже оттѣнокъ оригинальности.

Пожалуй, такое фигуральное выраженіе можно бы употреблять, но только подъ условіемъ не выводить оттуда будто бы законы біологіи достаточны для научнаго разрѣшенія и соціологическихъ проблеммъ. Въ самомъ дѣлѣ, предположимъ, что общества суть организмы подобно тому, какъ организмы суть физико-химическія тѣла

Но вѣдь несомнѣнно, что однѣ простыя формулы физико-химическихъ наукъ не въ состояніи освѣтить тайны развитія организованныхъ тѣлъ, т. е. животныхъ и растеній, въ виду несравненно большей сложности ихъ по сравненію съ объектомъ физико-химическихъ наукъ — минералами. По аналогіи слѣдовало бы заключить, что и законы біологіи не въ состояніи раскрыть всѣхъ тайнъ соціологической области. Какъ уже сказано, Дарвинъ и Бэръ создали біологическую науку и объяснили эволюцію біологическихъ явленій двумя обобщеніями: дифференціацией и борьбой за существованіе. Но такъ какъ общества суть явленія несравненно болѣе сложныя, нежели животныя и растенія. то логично и естественно уже a priori допустить, что біологическіе законы и спеціальный біологическій критерій прогресса не исключительно компетентны въ вопросахъ, касающихся соціологіи.

Гербертъ Спенсеръ, какъ мнѣ кажется, признаетъ этотъ мой взглядъ. Во-первыхъ, онъ считаетъ соціологію автономной наукой, зависящей отъ біологіи только постольку. поскольку послѣдняя зависитъ отъ анорганологическихъ наукъ. Во-вторыхъ, онъ полагаетъ различіе между тремя видами эволюціи: механическимъ, органическимъ и надъ-органическимъ. Наконецъ онъ ясно различаетъ индивидуализированные организмы, способные къ наиболѣе развитой дифференціации своихъ частей, отъ организмовъ соціальныхъ, въ средѣ которыхъ эле-

ментъ дифференціаціи осужденъ на пребываніе въ весьма узкихъ рамкахъ *).

Соціологи всѣхъ временъ и всѣхъ школъ обращали усиленное вниманіе на отношенія между индивидомъ и обществомъ въ различныхъ фазахъ соціальнаго прогресса, но когда этими же отношеніями заинтересовались натуралисты, привыкшіе къ точному языку и опредѣленной терминологіи наукъ о природѣ, то они не замедлили обнаружить, насколько смутны и неопредѣленны наши понятія объ индивидуумѣ и обществѣ. Самымъ настоящимъ безспорнымъ индивидомъ должна быть признана клѣточка—пластида, такъ какъ, подраздѣляя ее, мы получаемъ только безформенную матерію. Эти безспорные индивиды разсѣяны въ громадныхъ количествахъ всюду, гдѣ только возможна жизнь; микроскопъ открываетъ наблюдателю миріады ихъ. Они живутъ изолированно-эгоистическою жизнью, растутъ и размножаются, борятся за существованіе, не прибѣгая къ высокимъ и плодотворнымъ принципамъ солидарности и кооперації. Но, съ другой стороны, существуютъ другія миріады организмовъ, которые, подъ давленіемъ нѣкоторыхъ условій, сущность которыхъ намъ абсолютно неизвѣстна, соединяются въ общины и колоніи. Эти коллективные или многоклѣточные организмы могутъ быть разсматриваемы двоякимъ образомъ: съ одной точки зрѣнія есть основаніе видѣть въ нихъ организмы высшаго вторичнаго порядка, съ другой — они только составныя части, ткани, органы новыхъ образованій еще болѣе высшаго порядка.

Съ точки зрѣнія современной біологіи— человѣкъ, отношенія котораго къ обществу регулируются (по терминологіи Ж. Ж.-Руссо) соціальнымъ договоромъ, является тоже своего рода общиной, составленной изъ многочисленныхъ индивидовъ низшаго порядка, т. е. органовъ, въ свою очередь составляющихъ группы наиболѣе элементарныхъ индивидовъ, т. е. клѣтокъ. Такимъ образомъ, одно и тоже живое существо

*) Principes de Sociologie t. II, ch. II.

можетъ быть разсматриваемо, то какъ цѣлостный самостоятельный индивидъ. то какъ органъ или членъ нѣкоторой кооперації, представляющей собою болѣе совершенный индивидъ, то наконецъ, какъ общество по отношенію къ составляющимъ его элементарнымъ единицамъ

Замѣтимъ кстати, что въ современной наукѣ и литературѣ для обозначенія существъ достигшихъ такой высокой степени индивидуализаціи, какой достигли напр. человѣкъ и высшія животныя, выработался общій терминъ—біонтъ.

Будучи несравненно болѣе сложной, нежели у низшихъ существъ, индивидуальность *біонтовъ* *) далеко не отличается высокой степенью абсолютности, какую легко наблюдать у простой клѣтки. Тогда какъ одноклѣточный организмъ довольствуется самимъ собою не только для того. чтобы жить, но и для того, чтобы размножаться, біонты, отличающіеся несравненно болѣе совершенной организаціей должны для поддержанія и сохраненія вида соединяться съ себѣ подобными, не отличающимися поломъ, подчиняясь при этомъ новому аггрегату высшаго порядка—дэму. Примѣръ наиболѣе элементарной формы естественнаго дэма представляется хотя-бы обыкновенная и столь часто встрѣчающаяся въ животномъ мірѣ—брачная пара.

Разумѣется, значительное разнообразіе формъ естественнаго дэма далеко не ограничивается формой брачной или семейной пары. Эта послѣдняя служитъ лишь точкой отправленія для обширнаго эволюціоннаго періода, отмѣченнаго громаднымъ разнообразіемъ отдѣльныхъ рядовъ **).

---

*) Біонтъ—терминъ, введенный Геккелемъ для обозначенія физіологическаго индивида, какъ конкретной жизненной единицы, какъ живаго существа, ведущаго самостоятельную индивидуальную жизнь. Прим. перев.

**) Ботаники и зоологи еще не пришли къ опредѣленному и окончательному соглашенію относительно количества и номенклатуры морфологическихъ ступеней, которыя полезно различать въ области біологіи. Я лично принимаю всюду четыре ступени или серіи: 1) клѣточка или пластида; 2) органъ или ткань; 3) біонтъ; 4) дэмъ. См. Cattaneo: Le colonie lineari et la morfologia dei molluschi.

Мимоходомъ замѣтимъ, что позитивисты вслѣдъ за Огюстомъ Контомъ и англичане-эволюціонисты со Спенсеромъ во главѣ полагаютъ. на мой взглядъ весьма произвольно, началомъ соціологической области именно зарожденіе дэмовъ, оставляя такимъ образомъ на долю чистой біологіи изученіе эволюціи низшихъ формъ коллективизма. Для Конта любовное или половое стремленіе, побуждающее біонтовъ образовывать дэмы, является въ нѣкоторомъ родѣ физіологическимъ базисомъ альтруистическихъ инстинктовъ, на которыхъ основывается все зданіе соціологіи. Нѣкогда мнѣ уже приходилось толковать по этому поводу и опредѣлять цѣнность соображенія Конта *). Повторю теперь тоже самое въ немногихъ словахъ. На мой взглядъ, область соціологіи охватываетъ всѣ тѣ явленія, въ которыхъ имѣетъ мѣсто кооперативное начало, но послѣднее имѣетъ возможность проявляться среди отдѣльныхъ индивидуумовъ точно также, какъ и въ обществахъ. Въ силу этого, взявши его отправной точкой, нельзя провести рѣзкой демаркаціонной линіи между отдѣльными организмами и обществомъ. И наоборотъ, всякій разъ, какъ біологи вводятъ въ область своего спеціальнаго изученія и изслѣдованія также и дэмы, мы не имѣемъ никакихъ основаній возставать противъ такого вторженія въ соціологію. такъ какъ пожалуй все небольшое количество свѣта, внесенное въ изслѣдованіе этихъ соціологическихъ проблеммъ, обязано своимъ происхожденіемъ исключительно ботаникамъ и зоологамъ.

Первообразные многоклѣточные организмы представляютъ собою общины, гдѣ каждый изъ составныхъ индивидовъ во всемъ подобенъ прочимъ, гдѣ еще не существуетъ ни малѣйшаго раздѣленія труда, а слѣдовательно и дифференціаціи составляющихъ общину элементовъ; клѣточки здѣсь составляютъ одно цѣлое, спаенное и сплоченное какой-либо оболочкой или механической связью.

*) См. Contemporary Review, сентябрь 86 г.

Если случайно происходитъ разрывъ общей связи, то каждая элементарная частица общины начинаетъ самостоятельную жизнь: общество распадается, не причинивши этимъ ни вреда, ни ущерба для индивидовъ.

Но съ развитіемъ принципа солидарности и кооперативнаго начала,—раздѣленіе и спеціализація труда, вначалѣ весьма элементарныя, не замедлятъ образоваться между частями. Это явствуетъ хотя-бы изъ слѣдующаго схематическаго примѣра: поверхностныя клѣтки, приходящія въ соприкосновеніе съ окружающей питательной средой (напр. жидкостью), ограничиваются ея поглощеніемъ, оставляя заботы о переваривании и усвоеніи пищи центральнымъ клѣткамъ, положеніе которыхъ естественно мѣшаетъ имъ исполнять функцію поглощенія.

Бэръ впервые констатировалъ, что, начиная съ этого момента, все усиливающееся раздѣленіе труда, все утончающаяся спеціализація его соотвѣтствуютъ каждому послѣдовательному прогрессивному шагу, осуществляющемуся въ животной или растительной организаціи. Однако было бы неточнымъ сказать, что въ серіи біологическихъ явленій прогрессивный ходъ цѣликомъ исчерпывается дифференціаціей и усиленіемъ раздѣленія труда: въ области біологіи, какъ и всюду, истинный прогрессъ состоитъ въ увеличеніи интенсивности и разнообразія жизненныхъ проявленій. Тѣмъ не менѣе необходимо замѣтить, что, начиная съ наиболѣе простыхъ многоклѣточныхъ организмовъ, степень дифференціаціи является *однимъ изъ самыхъ очевидныхъ показателей прогресса*; послѣдній неотступно сопровождается чрезъ всю серію біологическихъ явленій дифференціаціей, опредѣляющей его повышенія и пониженія точно такъ же, какъ въ ртутномъ термометрѣ степень расширенія ртути показываетъ измѣненія температуры. Развитіе дифференціаціи частей достигаетъ своего апогея у высшихъ позвоночныхъ: въ человѣческомъ организмѣ напр. дифференціація частей и раздѣленіе труда между отдѣльными органами уже настолько совершенны, что всѣ

части, органы, ткани и клѣтки, составляющіе его, окончательно потеряли свою физіологическую самостоятельность и не могутъ существовать одни безъ другихъ. Въ случаѣ, если какой-либо изъ нашихъ органовъ испытываетъ сильное поврежденіе, это подвергаетъ опасности не только весь организмъ вообще, но и отдѣльные члены, непосредственно, повидимому, вовсе не заинтересованные въ судьбахъ страдающаго товарища; возможно даже, что они всѣ погибнутъ, не имѣя возможности обойтись безъ работы поврежденнаго или разрушеннаго члена-сотрудника.

Дошедшая до совершенства дифференціація частей не заканчиваетъ собою, однако, органической эволюціи біонтовъ. Заботы о размноженіи вида побуждаютъ, какъ мы уже видѣли, позвоночныхъ образовывать общины или коллективныя формы высшаго порядка—дэмы, въ которыхъ натуралисты видятъ нѣчто въ родѣ біологическихъ индивидовъ, еще болѣе сложныхъ и разносторонніхъ, нежели человѣческая личность. Здѣсь, лишь только образовались коллективныя единицы общества,—непогрѣшимый и столь восхваляемый критерій Бэра перестаетъ дѣйствовать и давать точныя указанія, подобно тому, какъ и ртуть въ термометрѣ, дойдя до своей точки кипѣнія, внезапно прекращаетъ дачу вѣрныхъ показаній. Ясно, однако, что безсиліе принципа Бэра еще не даетъ намъ права предполагать (въ точкѣ его непримѣнимости) пробѣла въ самой эволюціи.

Извѣстно, что нѣкоторые ученые неоднократно и упорно указывали на морфологическія различія между особями мужескаго и женскаго пола у высшихъ животныхъ, какъ на характерный признакъ прогрессивнаго развитія человѣчества, но въ дѣйствительности наиболѣе бросающіяся въ глаза половыя различія не могутъ идти въ сравненіе съ тѣми громадными уклоненіями отъ нормальнаго типа, которыя, безъ ущерба для цѣлаго организма, имѣютъ мѣсто среди различныхъ органовъ и тканей нашего тѣла. Наконецъ, по этому поводу всегда слѣдуетъ помнить что ни одинъ изъ членовъ,

образующихъ дэмъ, не теряетъ своей независимости и самостоятельности до такой степени, чтобы физіологически не быть въ состояніи существовать отдѣльно отъ другихъ. Это, между прочимъ удачно и убѣдительно доказалъ самъ Гербертъ Спенсеръ.

Если, разсматривая соціальныя явленія мы будемъ упорствовать въ признаніи дифференціаціи единственнымъ характеристичнымъ показателемъ прогресса, мы тѣмъ самымъ осудимъ себя на ошибочные и часто возмутительные выводы. Такъ напр.. примѣняя біологическій критерій прогресса къ усовершенствованію брачныхъ отношеній мы логично должны будемъ видѣть идеалъ семейства и брака въ тѣхъ связяхъ которыя еще такъ недавно заключались между плантаторами и негритянками-рабынями *). Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь здѣсь врожденное несходство мужчины и женщины рѣзко дополнялось еще и различіемъ расъ и кастическими особенностями. а слѣдовательно для проявленія принципа дифференціаціи являлся полный просторъ.

Въ чисто-соціологической области, мы также должны были-бы скорбно пожалѣть о законахъ Ману проповѣдывавшихъ столь послѣдовательную дифференціацію, что, по ихъ предписаніямъ, различныя занятія должны были подлежать вѣдѣнію различныхъ этнологическихъ группъ. И надо замѣтить, что многіе именно такъ и поступаютъ. Одинъ ученый авторъ, уже цитированный мною, напр. объявляетъ **), что «англійскій народъ кажется ему наидалѣе подвинувшимся по пути прогресса, такъ какъ въ нѣдрахъ его соціальныя дифференцированія играютъ весьма видную роль; дары судьбы распредѣлены весьма неравномѣрно и высшее богатство соприкасается съ ужасной нищетой». Правда, Mougeolle пытается смягчить антисоціальную окраску своего ученія, прибавляя

*) Дѣло въ томъ, что принципъ несходства и физіологическаго расхожденія между мужскимъ и женскимъ представителями брачной пары здѣсь проводился наиболѣе интенсивно.

**) P. Mougeolle, les Problèmes de l'histoire.

тутъ-же, что существуетъ не только *вредная* дифференціація, но и *полезная*, благодѣтельная. На его взглядъ, «подъ воздѣйствіемъ мирной жизненной борьбы понемногу завоевываютъ себѣ мѣсто и получаютъ преобладающее значеніе лишь *естественныя* неравенства, вытекающія не изъ преимуществъ рожденія, а изъ личныхъ способностей и индивидуальныхъ качествъ. Этотъ процессъ обусловливаетъ паденіе кастическаго устройства; въ тоже время подъ вліяніемъ безпрестанно дѣйствующаго отбора и скрещиваній между людьми ослабѣваютъ искусственныя неравенства, завѣщанныя намъ отъ эпохъ грабежа, насилія и деспотизма.

Но я нахожу, что въ данномъ случаѣ трудно различить *искусственное* и *естественное*, трудно видѣть какую либо разницу между *полезной* и *вредной* дифференціаціей, не говоря уже о томъ, что, разсуждая такъ, Mougeolle допускаетъ чисто фактическую ошибку

Ни одному лорду Соединеннаго королевства, разумѣется, никогда не придетъ въ голову, что онъ обладаетъ громадными помѣстьями въ силу особенныхъ личныхъ достоинствъ. Напротивъ лорды гордятся тѣмъ что они обязаны своими богатствами подлинному грабежу, или болѣе или менѣе достовѣрному происхожденію отъ покорителей — норманновъ, что въ сущности одно и тоже Я нахожу, что Mougeolle преклоняется именно предъ результатами вредной дифференціаціи, предъ «остатками эпохи грабежа и насилія». Мы не желаемъ этихъ «остатковъ и результатовъ», потому что, сравнивши дифференціацію при англійскомъ государственномъ строѣ съ тѣмъ, что «*естественно*» происходитъ во Франціи или Соединенныхъ Штатахъ С. Амер., гдѣ происходитъ дѣятельный отборъ кошельковъ и «способностей къ необузданной спекуляціи», мы ясно видимъ, что его результаты ничѣмъ не лучше результатовъ признанія наслѣдственности источникомъ преимуществъ. Для выясненія моей мысли станемъ на мгновеніе на ту почву, гдѣ пребываютъ Г. Спенсеръ и Mougeolle.

Представимъ себѣ, что существуетъ нѣкая страна Утопія,

гдѣ дары судьбы распредѣлены строго по заслугамъ. гдѣ слѣдовательно. лица одаренныя чрезмѣрнымъ богатствомъ. суть въ то же время образцы добродѣтели, талантливости и мудрости, тогда какъ въ нищенское состояніе погружены отбросы человѣчества: глупцы, лѣнтяи. трусы... Скажите неужели соціальное устройство этой утопической страны надлежитъ считать болѣе прогрессивнымъ, нежели устройство той счастливой страны, гдѣ всѣ граждане одарены приблизительно въ одинаковой степени умомъ, энергіей. добродѣтелями, гдѣ не существуетъ ни замѣтной дифференціаціи ни значительныхъ неравенствъ жизненныхъ условій?...

Въ то время, какъ соціологи горячо спорятъ. добиваясь открытія универсальнаго критерія прогресса, біологи на свой страхъ также пытаются дать рѣшенія тѣхъ соціологическихъ вопросовъ, область которыхъ граничитъ съ біологической областью. Строго научный методъ, руководящій этими изысканіями, дѣлаетъ ихъ результаты имѣющими значеніе для теоріи прогресса въ природѣ и исторіи.

Резюмируя ихъ и подводя имъ итогъ, мы получимъ слѣдующія поучительныя соображенія, относящіяся къ вопросу объ эволюціи соціальныхъ формъ.

Принципъ ассоціаціи или кооперації, т. е. соединенія болѣе или менѣе многочисленныхъ индивидуализированныхъ силъ для достиженія общей цѣли, имѣетъ мѣсто уже среди первыхъ многоклѣточныхъ организмовъ почти въ самомъ началѣ развитія органической жизни *).

На различныхъ ступеняхъ морфологической лѣстницы этотъ принципъ ассоціаціи. выражающійся въ координиро-

*) Профессоръ петербургскаго университета, Кесснеръ, въ одной изъ своихъ статей, опубликованной нѣсколько лѣтъ тому назадъ и которую я знаю только по отчетамъ журналовъ, высказалъ мнѣніе, что принципъ кооперации долженъ быть признанъ въ наукѣ такимъ же автономнымъ, какъ и принципъ борьбы за существованіе, такъ какъ этотъ послѣдній является недостаточнымъ для объясненія нѣкоторыхъ явленій, съ которыми приходится имѣть дѣло ботанику и зоологу.

ванномъ трудѣ многихъ индивидовъ, принимаетъ различныя формы.

На самой низшей ступени, т. е. среди многоклѣточныхъ организмовъ кооперативное начало скрыто подъ покровомъ механической связи, различнымъ образомъ соединяющей отдѣльныя клѣтки организма.

На промежуточной ступени, включающей въ себѣ и біонтовъ, кооперативное начало проявляется уже рѣзче, все еще вытекая, однако, изъ *физіологической* необходимости и невозможности для каждой изолированной личности существовать внѣ общенія съ другими членами и безъ ихъ сотрудничества. Наконецъ, на высшей ступени кооперативное начало, принимая окраску произвольности, развивается наиболѣе широко. Зачаточная форма этой высшей ступени ассоціацій — дэмы (брачныя, полигамическія, поліандрическія или моногамическія группы) составляются уже подъ воздѣйствіемъ такого влеченія, которое нельзя назвать ни *механическимъ*, ни исключительно *физіологическимъ*, а въ значительной мѣрѣ *психологическимъ* *).

По мѣрѣ того, какъ дэмъ совершенствуется, не выходя даже еще изъ области біологіи, психологическій характеръ кооперативнаго начала, связывающаго его членовъ, проявляется все интенсивнѣе и рѣзче, а первоначальное половое влеченіе все болѣе уступаетъ свое мѣсто взаимному влеченію и сознательной солидарности склонностей и интересовъ.

Словомъ, прогрессивное развитіе принципа обобществленія, дебютирующее механической и обусловленной необходимостью связью, заканчивается введеніемъ въ общеизвѣстныя отношенія элемента технической произвольности. Въ совершающемся прогрессивномъ движеніи принципъ дифференціаціи характеризуетъ своимъ присутствіемъ лишь одну промежуточную ступень. На низшей ступени она еще не появляется, а на высшей те-

*) Эспинасъ въ своемъ замѣчательномъ трудѣ „Общественная жизнь животныхъ“ весьма ярко и удачно освѣтилъ психологическій характеръ брачныхъ связей у нѣкоторыхъ животныхъ.

ряетъ для насъ всякій интересъ, такъ какъ здѣсь нарушается стойкая и доселѣ постоянная ея связь съ прогрессивнымъ ходомъ.

Въ настоящій моментъ, когда телеологическій или антропоморфическій способъ выраженія уже не въ состояніи ввести кого-бы то ни было въ заблужденіе, да будетъ мнѣ позволено выразить мою мысль болѣе ясно слѣдующимъ фигуральнымъ образомъ: Природа, нуждаясь въ солидарности существъ, внѣ которой ей не удалось-бы осуществить высшія формы жизни поступила вотъ какъ: вначалѣ она принужденіемъ пріучила существа къ общественной жизни, затѣмъ видоизмѣнила формы общественной жизни посредствомъ дифференціаціи, наконецъ, когда по ея разсчетамъ всѣ люди достаточно созрѣли для сознательной и добровольной кооперативной дѣятельности, она уничтожаетъ всякое принужденіе и подчиненіе. Съ тѣхъ поръ самое важное съ біологической точки зрѣнія дѣло, именно воспроизведеніе новыхъ существъ, ввѣряется не инстинктамъ, а произвольнымъ личнымъ склонностямъ людей. Итакъ значитъ, *соціальный прогрессъ находится въ обратномъ отношеніи къ суммѣ осуществляющагося въ общественной жизни принужденія и наоборотъ въ прямой зависимости отъ степени царствующихъ среди общества свободы и самосознанія.* Это положеніе, между прочимъ, весьма ярко иллюстрировано Прудономъ.

На мой взглядъ превосходство и преимущества свободныхъ и естественныхъ обществъ, поставленныхъ мною на третьей, высшей ступени развитія, сравнительно съ двумя предыдущими низшими стадіями, не могутъ быть серьезно оспариваемы. Подтвержденіемъ этого могутъ служить слѣдующія соображенія: Индивиды или біонты, входящіе въ составъ высшихъ, по моей теоріи, обществъ несравненно совершеннѣе тѣхъ клѣточекъ тканей и органовъ, которые составляютъ общества первыхъ двухъ низшихъ порядковъ. Цѣли, для осуществленія которыхъ создаются, организуются и существуютъ эти общества — именно сохраненіе и безпредѣльное развитіе

человѣческаго вида — несравненно шире и важнѣе результатовъ, могущихъ быть достигнутыми двумя низшими формами обществъ. т. е. образованія и сохраненія отдѣльныхъ индивидовъ. Наконецъ. только общества, обрисованнаго мною, высшаго типа допускаютъ по отношенію къ самимъ себѣ проявленіе элемента желательности и другихъ проявленій самосознанія со стороны составляющихъ ихъ индивидовъ.

II

Аналогія между органическими и историческими сочетаніями.—Исторія представляетъ собою общественную эволюцію, подчиненную космическому вліянію среды.—Деспотизмъ и свобода.—Рабство, крѣпостничество, соціальный строй, характеризуемый институтомъ заработной платы.—Три періода въ развитіи общественной солидарности.

Формула соціологическаго прогресса въ томъ видѣ, какъ я ее опредѣлилъ въ предыдущей главѣ, безъ сомнѣнія, можетъ сыграть значительную роль въ объясненіи исторіи, но тѣмъ не менѣе она не уясняетъ ея цѣликомъ. Загадка, въ теченіе неизмѣримаго количества лѣтъ, предлагаемая историческимъ сфинксомъ, такъ и остается не разрѣшенной. Ни одинъ «Эдипъ отъ соціологіи» не далъ до сихъ поръ точнаго, яснаго и опредѣленнаго объясненія почему исторія началась не у народовъ, пользовавшихся наибольшей свободой, т. е. повидимому, наиболѣе совершенныхъ, а въ силу организаціи въ ихъ средѣ брачныхъ ассоціацій вышедшихъ уже изъ чисто біологической сферы

Когда Руссо провозглашаетъ, что «человѣкъ рожденъ для свободы и тѣмъ не менѣе мы его видимъ безпрестанно въ цѣпяхъ» (L'homme a été créé pour être libre et pourtant no us le voyons partout dans les chaînes), когда съ высоты своего неизмѣримаго величія олимпіецъ Гете вѣщаетъ что человѣкъ созданъ отнюдь не для свободной дѣятельности («der Mensch ist nicht geboren frei zu sein!»), то и тотъ и другой, философъ и поэтъ, равномѣрно выходятъ за предѣлы области научнаго изслѣдованія дѣйствительности. Несомнѣнно, что среда и способность приспособляться къ ней даны человѣку для того,

чтобы онъ могъ безконечно и наилучшимъ для себя образомъ развиваться; несомнѣнно съ другой стороны и то, что свобода не есть нѣчто химеричное, потому что значительное число народовъ, въ интеллектуальномъ отношеніи весьма скромно одаренныхъ природой, все-таки пользуется ею и притомъ въ такихъ размѣрахъ, что большинству культурныхъ народовъ приходится имъ только завидовать.

Насколько мнѣ извѣстно, единственной, хотя до нѣкоторой степени, научной теоріей происхожденія деспотизма слѣдуетъ признать выставленную Гербертомъ Спенсеромъ. Онъ видитъ причину неодинаковости народныхъ судебъ въ смыслѣ пользованія большей или меньшей суммой свободы, въ различіяхъ массовыхъ наклонностей, выработавшихся у разныхъ народовъ въ весьма отдаленный отъ насъ періодъ времени подъ вліяніемъ промышленныхъ или военныхъ стремленій. Легко однако видѣть, что выставленная Спенсеромъ гипотеза покоится на вполнѣ апріорномъ предположеніи, не говоря уже о томъ, что это послѣднее въ свою очередь основывается на слишкомъ преувеличенной оцѣнкѣ значенія милитаризма въ исторіи. Въ дѣйствительности, вѣдь война представляетъ собою лишь частный случай всеобщей борьбы за существованіе. Пирамиды, стѣны Вавилона, плотины бухты въ Ханъ-чеу и масса другихъ чудныхъ созданій человѣческой энергіи и силы, т. е. все то что Гер. Спенсеръ не замедлилъ-бы признать принадлежащимъ къ области «*экономизма*» въ исторіи, въ дѣйствительности скрываютъ за собою больше слезъ, неравенства, кровавыхъ мукъ и безпросвѣтныхъ терзаній, нежели всѣ великія историческія битвы вплоть до Седана и Плевны. И наоборотъ, во всѣ эпохи и у самыхъ различныхъ народовъ можно найти общественныя образованія, созданныя войной и для войны, и тѣмъ не менѣе въ этихъ результатахъ и разсадникахъ «милитаризма» принудительный элементъ проявляется въ самыхъ микроскопическихъ дозахъ. Такими образованіями общественнаго характера были напр. Украинская Сѣчь въ XVII стол., въ позднѣй-

шее время Черногорія, республика Сикловъ въ Пятирѣчіи, многочисленныя горныя республики на Кавказѣ и въ Абиссиніи. Кабилы—одинъ изъ самыхъ храбрыхъ и воинственныхъ народовъ на землѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ и одинъ изъ самыхъ свободныхъ среди всѣхъ когда-либо жившихъ и живущихъ народовъ. Вотъ что напр. говоритъ о нихъ Э. Ренанъ, котораго, какъ извѣстно, трудно заподозрить въ предвзятой нѣжности къ принципу свободолюбія.

«Общественная жизнь Берберовъ представляетъ намъ рѣдкій примѣръ весьма совершеннаго соціальнаго строя, поддерживаемаго безъ участія или вмѣшательства какой либо, выдѣленной изъ народа власти. Въ ихъ жизни осуществленъ идеалъ демократіи и естественнаго самоуправленія въ томъ идеальномъ видѣ, въ какомъ онъ фигурируетъ въ мечтахъ утопистовъ. У нихъ вы не найдете и слѣдовъ грубаго восточнаго деспотизма, этого культа силы якобы божественнаго происхожденія. Абсолютная форма правленія у этого народа рѣдкое исключеніе и всюду, гдѣ только она встрѣчается, можно замѣтить слѣды ненормальнаго строенія общества. Ихъ простая политическая и общественная организація покоится на весьма развитомъ чувствѣ солидарности, превосходящемъ все, что въ этомъ отношеніи наблюдалось гдѣбы то ни было. Учрежденія взаимной помощи доведены у кабиловъ до удивительной степени совершенства. Ихъ обычное право установило наказанія для тѣхъ, кто осмѣлился бы отказаться отъ проявленія такъ называемыхъ у насъ милосердія и великодушія. Бѣдняки прокариливаются общиной. Каждое частное лицо, убивающее какое-либо животное, обязано удѣлить часть отъ него для беременныхъ женщинъ и больныхъ. Иностранецъ съ момента вступленія въ деревню становится участникомъ общиннаго имущества» *).

Другой не менѣе компетентный авторъ прибавляетъ къ этой картинѣ слѣдующее: «Физическій трудъ отнюдь не считается

*) Ernest Renan — La société berbère. Revue des Deux Mondes 1873 г.

постыднымъ у берберовъ: всѣ участвуютъ въ немъ. У нихъ также не существуетъ дѣленія общества на знатныхъ и незнатныхъ, на ничего недѣлающихъ и трудящуюся массу, прокармливающую господъ» *). Наконецъ, вотъ еще третье свидѣтельство писателя Дэво: «Если кто-либо у берберовъ не въ силахъ обработать землю собственнымъ трудомъ, за неимѣніемъ рабочаго скота, или если онъ не въ состояніи самолично перестроить свой домъ, то джемаа — (община, аналогичная русскому «міру») рѣшаетъ, что она всѣмъ скопомъ обязана оказать ему помощь. Отказываться отъ участія въ общей помощи никто не смѣетъ» **).

Итакъ. Кабилы, точно также, какъ Туареги, этотъ воинственный народъ, отдающій войнѣ лучшую часть своей жизни, пользуются полной свободой. Что имъ неизвѣстны двусмысленныя благодѣянія общественныхъ дифференціацій, доказывается тѣмъ, что въ ихъ средѣ не существуетъ дѣленія на тунеядцевъ и работниковъ и богатые у нихъ ничѣмъ не отличаются отъ бѣдныхъ. Это съ одной стороны. Съ другой стороны мы видимъ значительное количество народовъ, въ теченіи вѣковъ стонущихъ подъ гнетомъ деспотовъ и тѣмъ не менѣе доводящихъ отвращеніе къ войнѣ до такой степени, что они разучаются защищаться. Таковы китайцы, такова была и Венеція періода дожей.

Правда, существуетъ много историческихъ примѣровъ, гласящихъ, что происхожденіе деспотизма можетъ быть связано по времени съ моментами завоевательныхъ войнъ. Но такъ какъ общественныя организаціи, созданныя мечомъ, обыкновенно непрочны и недолговѣчны, то является возможность спросить: не представляетъ-ли милитаризмъ только кажущейся, но не дѣйствительной причины деспотическаго порабощенія? Исторія, въ самомъ дѣлѣ, даетъ безспорныя указанія, что всѣ государства, построенныя исключительно военными успѣхами, отличаются эфемерностью своего существованія и притомъ

*) A. Pomel, Des races indigenes de l'Algérie.
**) Les Kabailes du Djurjura.

никогда не бываютъ деспотическими въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Напримѣръ, монголы — покорители Китая — весьма быстро національизировались на китайскій ладъ, приняли законы, нравы, даже самый языкъ побѣжденныхъ. Турки, какъ хищные звѣри, бросившіеся на умиравшія культуры Византіи и Калифата, уничтожали грабили, разрушали, умерщвляли все, что только могло подвергнуться уничтоженію, умерщвленію, разрушенію, но имъ удалось создать лишь поверхностно-деспотическій образъ правленія, покорно принявшій въ себя остатки административнаго строя покоренныхъ народовъ. Въ Египтѣ положеніе феллаховъ было сносно вплоть до того момента, когда Магометъ-Али, презрѣвши завоевательныя традиціи татаръ и туркменовъ, не пожелалъ возстановить цивилизаціи фараоновъ.

Мы видѣли выше, что въ органической природѣ, т. е въ области біологическихъ явленій, степень свободы обобществленныхъ единицъ можетъ служить мѣриломъ прогресса. Предполагая, что исторія, какъ наука, преслѣдуетъ задачу открытія подъ новыми соціологическими наслоеніями тѣхъ же законовъ и ступеней органической эволюціи, мы получаемъ возможность констатировать въ области конкретныхъ историческихъ фактовъ слѣдующія стадіи исторической эволюціи:

I. *Первый низшій періодъ*, характеризуемый существованіемъ общественныхъ организацій, созданныхъ принужденіемъ и устрашеніемъ, почти аналогичныхъ тѣмъ рудиментарнымъ колоніямъ клѣтокъ, которыя соединены внѣшней механической связью.

II. *Второй переходный періодъ* подчиненныхъ общественныхъ группъ, характеризующихся дифференціаціей частей общества и раздѣленіемъ труда, доводимаго до все большей и большей степени мелочной спеціализаціи.

III. *Третій высшій періодъ*—процвѣтанія создавшихся по своему почину общественныхъ организацій, съ ясно выраженными индивидуальными склонностями и болѣе или менѣе сознательной общностью интересовъ.

Одно изъ самыхъ изъѣзженныхъ общихъ мѣстъ также гласитъ, что истинная цивилизація познается по степени примѣняемой ею свободы. И, однако, если мы попытаемся примѣнить непосредственно къ исторіи критерій «все слабѣющаго принужденія», заимствуемый изъ указаній біологіи, намъ съ перваго же шага придется наткнуться на препятствія Такъ напр., мы уже замѣтили, что Кабилы—это полуцивилизованное племя пользуется несомнѣнно болѣе высокой съ соціологической точки зрѣнія общественной организаціей, нежели какой довольствуются французы—побѣдители самихъ Кабиловъ. Никто не станетъ оспаривать, что Кабилы въ отношеніи политической организаціи имѣютъ права на одно изъ первыхъ мѣстъ въ средѣ просвѣщенныхъ народовъ.

Къ несчастью, мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ случайной аномаліей. Свободныхъ народовъ довольно много въ различныхъ мѣстахъ земного шара, но всѣ они безъ исключенія представляютъ большій интересъ для этнографа, чѣмъ для историка. Въ области науки, искусствъ, промышленности нѣкоторые изъ нихъ еще не выбрались изъ такъ называемаго, каменнаго періода.

«Счастливые народы не имѣютъ исторіи». Этотъ афоризмъ, рѣзко противорѣчащій установленному нами выше принципу, дополняетъ его указаніемъ, что культура какъ будто несовмѣстима и непримирима со свободой. хотя свобода—существенный элементъ не только счастья, но и простого матеріальнаго благосостоянія.

Подобная пессимистическая оцѣнка исторіи, какъ мнѣ кажется, лежитъ въ основаніи всѣхъ, пользовавшихся успѣхомъ соціальныхъ доктринъ послѣдняго времени. Эволюціонисты, съ Гербертомъ Спенсеромъ во главѣ, удосговѣряютъ, что дифференціація, выражающаяся неравенствами интеллектуальныхъ развитій различныхъ людей, неравенствами въ матеріальномъ обезпеченіи, неравенствами въ жизненныхъ условіяхъ представляетъ собою

самую характеристичную черту прогрессирующей цивилизаціи, экономисты мальтузіанскаго толка, въ свою очередь, признаютъ только одинъ видъ свободы — свободу конкурренціи, т. е. право побѣдителя пользоваться и злоупотреблять отнятымъ у побѣжденнаго; для мыслителей-эстетиковъ, блестящимъ представителемъ которыхъ является Э. Ренанъ, плодъ развитой культуры—чрезвычайный ростъ матеріальнаго и интеллектуальнаго богатства, составляетъ достаточное вознагражденіе за потерю свободы и счастья, потерю, которую слѣдуетъ разсматривать, какъ роковой выкупъ за процвѣтаніе культуры; наконецъ, радикалы не устаютъ жаловаться на незначительность этого вознагражденія. Отступая предъ этимъ, зачастую просто безсознательнымъ согласіемъ взаимно враждебныхъ школъ и партій и пытаясь принять теорію, утверждающую, что «человѣкъ вышелъ свободнымъ изъ рукъ природы и только исторія и общество поработили его», мы попадемъ въ еще болѣе затруднительное положеніе. Вѣдь всѣ эти Уганда съ береговъ Викторіи Ніанцы головы которыхъ подвергаются безпрестанной рубкѣ для потѣхи короля, всѣ дагомейскіе негры, гибнутъ тысячами въ ужасныхъ мученіяхъ для славы своего царька и добраго бога Змѣи, всѣ несчастные, доводящіе упоеніе рабскимъ состояніемъ до самоубій-

*) Если историческій прогрессъ дѣйствительно, какъ они увѣряютъ, осуществляется параллельно развитію общественныхъ дифференціацій, если самой цивилизованной страной слѣдуетъ считать ту, гдѣ чрезмѣрное богатство соприкасается съ ужасной нищетой, то, естественно,— количество примѣняемой въ общественномъ строѣ свободы будетъ всегда находиться въ обратномъ отношеніи къ степени развитія культуры. Это явствуетъ изъ слѣдующаго соображенія: весьма невѣроятно, чтобы ужасная бѣдность терпѣла присутствіе безумнаго богатства, не будь налицо достаточной, чтобы уничтожить возможность взрыва, принудительной власти. Въ дѣйствительности, однако, дѣло обстоитъ нѣсколько иначе; замѣчено, что за послѣднее время даже въ Англіи чрезмѣрное богатство постепенно оставляетъ прежнюю привычку непринужденно и развязно относиться къ крайней бѣдности, усвоенную въ тѣ времена, когда Мальтусъ деспотически царствовалъ въ области соціальнаго знанія. Напротивъ, богатство начинаетъ дѣлать кое-какія уступки (разумѣется, преступныя съ точки зрѣнія теоріи дифференціаціи), зрѣлище которыхъ и внушило Г. Спенсеру его блестящую и краснорѣчивую работу: „Индивидуумъ и государство“.

ства на могилахъ властителей, чтобы обратиться въ ихъ рабовъ въ лучшемъ мірѣ; вѣдь всѣ они несомнѣнно не развращены утонченностью нравовъ, прогрессомъ наукъ и искусствъ, о которыхъ они не имѣютъ ни малѣйшаго представленія. Джонъ Лэббокъ въ своемъ трудѣ о первобытныхъ цивилизаціяхъ собралъ съ истинно англійской обстоятельностью и методичностью массу примѣровъ, способныхъ доказать хотя бы и самому Руссо, что его «человѣкъ природы» (homme de la nature), еще не испорченный цивилизаціей, является отнюдь не «любезнымъ, простымъ, добрымъ, но ревниво оберегающимъ свою независимость атлетомъ», каковой продуктъ былъ выработанъ фантазіей стараго Жанъ-Жака, подъ сѣнью французскихъ рощъ.

Словомъ, если свобода въ томъ видѣ, въ какомъ о ней мечтали наши утописты, дѣйствительно процвѣтаетъ у нѣкоторыхъ племенъ, то съ другой стороны и деспотизмъ въ столь необузданной формѣ, какая могла бы поразить Боссюэта, Ксавье-де-Мэстра и авторовъ Магабараты, также не чуждъ значительнаго количества племенъ, отсталыхъ въ культурномъ отношеніи.

Признавая во всякомъ случаѣ, что съ точки зрѣнія современной науки степень свободы есть единственная характеристичная черта цивилизаціи, мы не должны пройти молчаніемъ весьма важнаго соображенія, а именно, что соціальная эволюція всюду подчинена органической необходимости. Слѣдовательно, эта послѣдняя съ своей стороны вліяетъ на строй кооперації, внушаетъ отдѣльнымъ лицамъ единовременныя усилія, направляя при этомъ ихъ не къ личной ихъ цѣли, а къ такой, которая интересуетъ общественную группу. Иногда, при наличности нѣкоторыхъ окружающихъ природныхъ условій, это координированіе личныхъ и общихъ усилій происходитъ просто и легко; полезность дѣла, требуемаго отъ одного лица, безъ затрудненій, познается всей общественной совокупностью.

Въ такихъ случаяхъ человѣку удается безъ большого

труда осуществить тѣ свободныя общественныя организаціи, стоящія несравненно выше принудительныхъ, которымъ могутъ завидовать даже самыя передовыя общественныя націи. Понятно, исторія не интересуется этими народами-счастливцами, такъ какъ владѣя привиллегированной средой, они разрѣшили основную проблемму нашей исторіи безъ особенныхъ усилій, безъ затратъ энергіи и при томъ не создавая культуры Будучи, быть можетъ, счастливѣе остальныхъ народовъ, они не могутъ ничего завѣщать потомству и поэтому не подлежатъ исторіи.

Но существуютъ окружающія природныя условія другого порядка — и ими-то по преимуществу занимается исторія.— условія, допускающія процвѣтанія человѣческой жизни только какъ слѣдствіе одновременной, разумной и сложной работы разнородныхъ, многочисленныхъ силъ, стремящихся къ такой широкой цѣли, всей важности которой даже и не понимаетъ подавляющее большинство работающихъ. Здѣсь необходимая степень взаимной солидарности естественно не можетъ получиться сразу изъ разумнаго и свободнаго содѣйствія заинтересованныхъ силъ и мы дѣйствительно видимъ что въ подобныхъ случаяхъ общественная группа приступаетъ къ дѣятельности подъ одной изъ самыхъ грубыхъ соціологическихъ формъ, аналогію которымъ можно подыскать только въ колоніяхъ одноклѣточныхъ организмовъ, объединенныхъ чисто внѣшней механической связью. Легко понять, что окружающія условія подобнаго порядка пользуются особенно-привилегированнымъ положеніемъ въ исторіи, обязанной между многимъ прочимъ подсчитывать и изучать побѣды человѣка надъ космологической средой.

Замѣчу, что, говоря такъ, я далекъ отъ присоединенія къ теоріи географическаго фатализма, которую зачастую упрекаютъ за проповѣдь принципа всеопредѣляющаго вліянія среды въ исторіи. По моему мнѣнію, raison d'être первобытныхъ учрежденій и ихъ послѣдующихъ измѣненій слѣдуетъ искать не въ самой средѣ, а въ тѣхъ соотношеніяхъ, которыя воз-

никаютъ между средой и природными способностями ея обитателей, къ участію въ кооперации и солидарномъ общественномъ трудѣ Такимъ образомъ, историческая цѣнность той или другой географической среды, предполагая даже, что, въ физическомъ отношеніи, она при всѣхъ обстоятельствахъ неподвижна можетъ и должна измѣняться, смотря по степени способностей обитателей, къ добровольному солидарно-кооперативному труду.

Пусть элементъ принужденія проявляется подъ абсолютной, военной или жреческой формой, пусть это случается въ какомъ угодно климатѣ и въ какой угодно стадіи варварства или культуры — человѣкъ можетъ оказаться угнетеннымъ только по неспособности сознательно проявить ту сумму кооперативной солидарности, которой требуетъ природа. Деспотъ подъ видомъ-ли жреца, воина или политика всегда являлся въ исторіи только живымъ символомъ и олицетвореніемъ неспособности и безсилія угнетенныхъ имъ.

Но въ тѣхъ случаяхъ, когда исторія идетъ своимъ нормальнымъ ходомъ, наступаетъ все большее и большее равновѣсіе между средой и свободолюбивыми стремленіями среды, мало-по-малу наступаетъ возможность прогресса, т. е. тѣхъ измѣненій въ общественномъ самосознаніи, которыя наблюдаются уже въ біологической серіи явленій, а теперь замѣняютъ угнетеніе свободой и солидарность по принужденію— добровольной и сознательной солидарностью

Читатель, надѣюсь, теперь убѣдился, что различіе, полагаемое Спенсеромъ между «милитаризмомъ» въ исторіи, вызывающимъ угнетенія, и «экономизмомъ», необходимо яко-бы ведущимъ къ свободѣ въ общественной жизни, не объясняетъ ничего; на мой взглядъ оно даже констатируетъ факты неправильно Въ самомъ дѣлѣ средневѣковый вилланъ вѣдь изъ однихъ «экономическихъ» побужденій, изъ соображеній выгоды подчинялся феодалу-грабителю; съ другой стороны чисто «экономическій» элементъ — купцы Карѳагена и Венеціи властвовали надъ слабымъ народомъ силой наемнаго оружія, т. е.

при помощи «милитаристическаго» элемента. Вообще война, какъ я уже замѣчалъ, представляетъ собою далеко не самый кровопролитный и жестокій актъ въ общей суммѣ историческихъ перипетій. Значительное большинство людей несомнѣнно выбрали-бы геройскую смерть 300 спартанцевъ, скорѣе нежели на подобіе несчастныхъ феллаховъ, безконечное издыханіе подъ бичами руководителей надъ безполезной, тяжкой и вредной работой, какой, напр., была постройка пирамидъ.

Прослѣдивши подробнѣе ходъ соціальнаго прогресса въ исторіи, мы получимъ возможность подробнѣе разсмотрѣть въ немъ три главныхъ періода, такъ сказать, три этапа исторіи человѣчества.

Въ первомъ періодѣ—четыре великихъ культуры: египетская, ассирійская, индійская и китайская наполняютъ собою всю эпоху первобытныхъ историческихъ образованій. Эти культуры характеризуются ни съ чѣмъ несравненнымъ развитіемъ деспотизма и обоготвореніемъ его притѣснительныхъ функцій. Строй всѣхъ этихъ четырехъ культуръ развилъ автократическій принципъ до неслыханныхъ въ позднѣйшее время размѣровъ, ни въ классическихъ тираніяхъ, ни въ абсолютныхъ монархіяхъ феодальнаго періода въ Европѣ. Жесточайшіе цезари Рима, Людовикъ XI во Франціи, Іоаннъ Грозный въ Россіи лишь до нѣкоторой степени, и то въ исключительные моменты, приближаются къ этимъ восточнымъ деспотамъ, подъ игомъ которыхъ стонавшіе народы привыкли считать себя за нѣчто, не имѣющее ни цѣнности, ни правъ, ни значенія. Власть абсолютнаго повелителя, бюрократическая въ странѣ фараоновъ, грозная и величественная въ Месопотаміи, мрачно-величавая и мистическая въ Индіи, наконецъ, патріархальная и тщательно уравновѣшенная въ Китаѣ,— она, и только она, глядитъ отовсюду изъ подъ обломковъ древнихъ культуръ, среди которыхъ лишь съ трудомъ можно различить зачатки общественныхъ подраздѣленій и классовыхъ оттѣнковъ, залитыхъ общей массой вѣчнаго, всеобщаго рабства. Но эти зачатки подраздѣленій общества на классы

уже таятъ въ себѣ переходъ отъ первобытнаго рабства къ общественнымъ дифференціаціямъ, т. е. къ такому же рабству, но только регламентированному и сдѣланному легальнымъ. Съ точки зрѣнія прогрессивности общественныхъ дифференціацій, Индія, съ того момента, какъ кастовое устройство тамъ окончательно упрочилось *) представляетъ примѣръ наиболѣе прогрессивнаго государства среди своихъ античныхъ сосѣдей. Порабощеніе здѣсь уже не составляетъ общаго для всей націи жребія. Оставаясь несокрушимымъ въ принципѣ, оно стройно распредѣляется среди различныхъ классовъ въ различныхъ степеняхъ. Въ Египтѣ ни одинъ смертный не имѣлъ правъ болѣе, нежели ему ихъ сообщалъ капризъ фараона. Въ браминской Индіи произволъ верховнаго повелителя и жрецовъ ограниченъ уже невозможностью сдѣлать изъ судры ваисія, а изъ ваисія кшатрія.

Финикійцы, появившись на исторической сценѣ, знаменуютъ этимъ начало втораго великаго историческаго періода. Наружный видъ исторіи претерпѣваетъ въ это время глубокія измѣненія. Отнынѣ восточныя деспотіи рушатся одна за другой и федеративно-республиканскій строй становится почти общимъ правиломъ. Вообще въ начинающійся классическій періодъ исторіи, монархіи появляются на сценѣ въ качествѣ столь рѣдкихъ историческихъ эпизодовъ, что мы имѣемъ полную возможность обойти ихъ молчаніемъ. Господствующимъ фактомъ политической исторіи становится олигархія, т. е. опять-таки деспотическая форма правленія, основанная на случайностяхъ завоеванія и овладѣнія: побѣдитель и хозяинъ, военноплѣнный и рабъ въ это время настолько синонимные термины, что изъ ихъ отличительныхъ характерныхъ чертъ чрезвычайно трудно выдѣлить тѣ элементы «милитаризма», или «экономизма», о которыхъ говоритъ Спенсеръ. Исторія шествуетъ скачками: то побѣдители-аристократы подни-

*) Кастическій строй появился въ Индіи въ эпоху изданія законовъ Ману и упрочился только послѣ долгой ожесточенной внутренней борьбы.

мають престижъ олигархическаго принципа, то народъ усиливаясь, ослабляетъ его. Но принципъ демократизма имѣетъ еще мало успѣха. Наиболѣе демократическое изо всѣхъ классическихъ государствъ — аѳинская республика, такъ же какъ и болѣе поздняя флорентійская коммуна, въ сущности были едва-едва прикрашенными олигархіями: извѣстно, что Аѳины даже въ счастливѣйшій періодъ своей исторіи насчитывали несравненно болѣе рабовъ, чѣмъ гражданъ, а свободѣ флорентійскихъ буржуа соотвѣтствовало порабощеніе сельскаго населенія Тосканы.

Олигархическій принципъ, принципъ политическихъ и соціальныхъ дифференціацій, тщетно пытавшійся укрѣпить свою будущность введеніемъ наслѣдственной власти — составлялъ силу, и слабость, несчастье и блескъ республикъ переходнаго историческаго періода. Прогрессивное движеніе, осуществившееся въ нѣдрахъ олигархическихъ государствъ, въ качествѣ необходимаго послѣдствія, обусловливало наростаніе различій въ экономическомъ и соціальномъ положеніяхъ отдѣльныхъ лицъ и общественныхъ классовъ.

Ростъ количества покоренныхъ и бѣдняковъ роковымъ образомъ вызывалъ появленіе тираній (Пизистратиды, цезари). Эти тираніи, будучи сами результатомъ прогрессивнаго хода вещей, тѣмъ не менѣе являлись или реакціей и атавистическимъ возвращеніемъ къ первобытному деспотизму, или же вели къ распаденію обществъ, такъ какъ человѣческая мысль еще не успѣла выработать высшаго принципа для замѣны олигархій.

Несомнѣнно между классической и пунической олигархіей, съ одной стороны, и феодализмомъ христіанской Европы существуетъ нѣкоторое различіе, но, на мой взглядъ, это различіе не по существу, а по формѣ. Принципы и сущность господствующей формы правленія оставались неизмѣнными до и послѣ тріумфа христіанства и паденія Западной Римской Имперіи.

Съ широкой точки зрѣнія феодализмъ, точно также какъ

и олигархія, исчерпываются цѣликомъ и удачнѣе всего выражаются въ правѣ побѣдителя или собственника надъ личностью и имуществомъ покоренныхъ, не имѣющихъ даже права собственности. Олигархія вела за собою рабство; феодализмъ, въ видѣ роковаго послѣдствія, вызывалъ крѣпостничество, а я, право, не вижу между тѣмъ и другимъ другой разницы, кромѣ различія въ терминахъ.

Затѣмъ можно бы утверждать, что въ среднихъ вѣкахъ кульминаціонные пункты исторіи выражались не государствами континентальной Европы, а олигархическими итальянскими республиками, въ XV вѣкѣ также обладавшими рабами (schiavi) татарской, славянской и русской національностей.

Чтобы оттѣнить непрерывность историческаго прогресса, совершавшагося въ теченіе всѣхъ трехъ принятыхъ нами періодовъ—дѣленій всеобщей исторіи, обыкновенно пользуются примѣромъ работника, т. е человѣка труда, перешедшаго изъ рабскаго состоянія, въ которомъ онъ находился въ восточныхъ деспотіяхъ и классическихъ олигархіяхъ, въ состояніе крѣпостной зависимости въ среднихъ вѣкахъ и наконецъ, за послѣднее время, обратившагося въ рабочаго-пролетарія (salariè).

Положеніе послѣдняго, этой рабочей машины нашихъ культурныхъ обществъ, повидимому, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ еще болѣе незавидно, нежели положеніе его предка—раба или крѣпостнаго. Но это только повидимому! Въ дѣйствительности между положеніемъ самаго жалкаго пролетарія нашихъ дней и положеніемъ раба или крѣпостнаго, даже поставленныхъ въ наилучшія условія, залегаетъ громадная, рѣзкая и легко-формулируемая разница. Общественный строй, характеризующійся институтомъ заработной платы, не предоставляетъ хозяину или патрону никакихъ законныхъ правъ на личность трудящагося, но лишеннаго собственности и побѣжденнаго въ жизненной борьбѣ человѣка и даетъ ему только право собственности на трудъ, право, пріобрѣтаемое обыкновенно подъ видомъ покупки. Феодальный-же власти-

тель пользовался постояннымъ и даровымъ правомъ на трудъ виллана или крѣпостнаго и, при всемъ томъ, имѣлъ надъ его личностью право столь широкой и неограниченной юрисдикціи, какой нельзя констатировать и во времена Антониновъ *).

Гушке**) (Huschke) считаетъ, что крѣпостное право юридически установлено однимъ изъ постановленій Августа (Formula censualis); это постановленіе даровало сельскимъ рабамъ нѣсколько привиллегій, неизвѣстныхъ рабамъ домашнимъ (право женитьбы по собственному почину и даже право собственности), но тѣмъ не менѣе принуждало ихъ къ опредѣленной работѣ въ пользу патроновъ, словно въ видѣ вознагражденія за предоставленную имъ и ими же обрабатываемую землю. Господинъ, по этому постановленію, пользовался ограниченными правами контроля и исправленія своихъ рабовъ и даже, въ случаѣ нарушенія имъ границъ своей власти, дѣятельность его подлежала вмѣшательству властей. Съ точностью трудно опредѣлить, въ чемъ состояли фактическія и правовыя различія между домашнимъ и сельскимъ рабомъ въ римской имперіи; основываясь однако, на томъ, что законъ угрожалъ переводомъ въ число домашнихъ тѣмъ изъ сельскихъ рабовъ, кто истощалъ свою землю, можно предположить, что судьба была къ послѣднимъ нѣсколько милостивѣе. Но съ теченіемъ времени эти различія все болѣе стушевывались по мѣрѣ того, какъ римскіе рыцари, усваивая себѣ афоризмъ Тиверія: «Добрый пастырь только стрижетъ своихъ овецъ, не сдирая съ нихъ кожи», все болѣе ограничивали произволъ господъ надъ домашними рабами. Такъ напр., законъ Петронія запретилъ господамъ посылать или продавать своихъ рабовъ въ циркъ (на растерзаніе дикимъ звѣрямъ, или на смертный бой), за исключеніемъ случаевъ бунтовъ рабовъ, важность которыхъ все-таки опредѣлялась общественной властью.

Клавдій даровалъ свободу каждому рабу, тяжко заболѣв

*) См. Duruy, „Histoire des Romains“ т. V.
**) Ueber den Census zur Zeit der Geburt Jesu Christi

шему и вслѣдствіе этого оставленному хозяиномъ на произволъ судьбы; господинъ, убившій своего раба по его повелѣнію наказывался, какъ обыкновенный убійца. Въ періодъ Антониновъ рабы получили право жаловаться на жестокость своихъ властителей, на недостаточную пищу, на оскорбленіе ихъ цѣломудрія и т. п. Наконецъ Адріанъ примѣнилъ законъ о наемныхъ убійцахъ къ господамъ, мучившимъ своихъ рабовъ.

Вопреки очевидности и наперекоръ фактамъ, многіе и до сихъ поръ повторяютъ, что смягчило участь рабовъ христіанство и именно тѣмъ, что обратило ихъ въ крѣпостныхъ. Если-бъ я сталъ доказывать противное, меня обвинили - бы въ парадоксальности, пожалуй даже въ стремленіи къ клеветѣ; поэтому я ограничусь ссылкой на уже цитированный трудъ Дюрюи. Изъ него читатель увидитъ, что съ момента побѣды христіанства—снисходительное отношеніе римскаго законодательства къ сельскимъ и домашнимъ рабамъ внезапно исчезло. Законъ Юнія Нарбонія Юстиніана создалъ непреоборимыя препятствія для ихъ освобожденія; законъ Элія Сенція ограничилъ число рабовъ, которыхъ можно было освободить по завѣщанію. Чѣмъ ближе подвигалась римская имперія къ своему концу, тѣмъ яснѣе сказывался этотъ поворотъ, такъ-что въ разгарѣ среднихъ вѣковъ мы видимъ, что юридически-нормальное положеніе крѣпостныхъ рабовъ сдѣлалось несравненно болѣе худшимъ, чѣмъ положеніе городскихъ рабовъ при цезаряхъ. Такъ напр., во время первыхъ императоровъ въ Римѣ при продажѣ рабовъ было запрещено разлучать близкихъ родственниковъ, та-же самая мѣра была принята въ нѣкоторыхъ европейскихъ государствахъ только въ XIX столѣтіи. Феодалы сохранили свою власть надъ жизнью и смертью оброчныхъ и барщинныхъ крестьянъ вплоть до самой революціи, тогда какъ римскіе граждане утеряли его уже при Адріанѣ и Маркѣ Авреліи. Интересно привести по этому поводу подлинныя слова акта, опубликованнаго Уэббомъ и Бертело и найденнаго въ архи-

вахъ одного изъ монастырей острова Канделяріи *) Этотъ актъ, помѣченный 1657 годомъ. можетъ служить удачной характеристикой той юрисдикціи и того произвола. который могли проявлять благородные Испанцы 17 ст. по отношенію къ своимъ вилланамъ. Король Филиппъ VI пишетъ: «такъ какъ вы мнѣ доказали, что поселеніе Адейя и земля вокругъ него принадлежатъ вамъ, то я вамъ дарую право пользоваться, при отправленіи правосудія въ этомъ городѣ, висѣлицами, тюрьмой, бичами, щипцами...» (идетъ перечисленіе орудій пытки). Подписано: Филиппъ VI (Jo el rey) Aranjuez 25 avril. Значитъ, всего какихъ нибудь 130 лѣтъ до французской революціи, право надъ жизнью и смертью, не говоря уже о правѣ мучить и пытать, вытекало изъ одного лишь факта феодальнаго владѣнія землей, на которой обитали подлежавшіе казнямъ и пыткамъ. Это тѣмъ болѣе замѣчательно, что прошло уже больше XVI вѣковъ съ тѣхъ поръ. какъ въ языческомъ мірѣ властитель рабовъ не имѣлъ уже права надъ ихъ личностью.

Подобныя безграничныя права господъ на нестѣсняемый ничѣмъ произволъ, правда, зачастую колебались возстаніями крѣпостныхъ, а во Франціи ослаблялись, главнымъ образомъ, королевской властью, игравшей по отношенію къ феодализму ту-же роль, какую классическія тиранніи и деспотіи играли по отношенію къ республиканскимъ олигархіямъ. Но въ общей суммѣ феодализмъ вмѣстѣ съ крѣпостничествомъ все-таки представлялъ почти точный слѣпокъ съ олигархій Карѳагена, Рима или Аѳинъ, олигархій, покоившихся на всеобщемъ рабствѣ и выдѣлявшихъ оттуда только немногихъ гражданъ столицы.

Во время римскаго владычества, по мѣрѣ того, какъ провинціи начинали играть все болѣе значительную по отношенію къ метрополіи роль—сама имперія мало-по-малу обращалась въ феодальное государство. Слѣдовательно, феодализмъ, осно-

*) Histoire naturelle des Iles Canaries.

вывавшійся на политическомъ подчиненіи всѣхъ лишенныхъ собственности тому, кто обладалъ сю. не могъ создать новой эры или новаго историческаго періода.

Онъ представляетъ собою только другую сторону того періода соціальныхъ дифференціацій, который, составляя второе великое дѣленіе исторіи, дебютировалъ олигархіями финикійскаго типа Ни одна изъ культуръ этого втораго періода не миновала прохожденія сквозь стадію феодализма.

Предпринимаемое географическое изслѣдованіе приведетъ насъ къ необходимости признать въ исторіи всѣ эти три періода. Оно дастъ возможность выдѣлить и оттѣнить каждыи изъ трехъ актовъ величественной прогрессивной драмы исторіи. Впрочемъ, историческій ходъ, если попытаться проникнуть въ его таинственную глубину, оказывается болѣе идеальнымъ, нежели это можно было-бы предположить, судя по грубости и жестокости нѣкоторыхъ его явленій. Почему? это станетъ понятнымъ, когда мы вспомнимъ, что послѣднее слово всякой ожесточенной борьбы если не смерть, такъ *Миръ*.

III.

Объектъ и методы сравнительной географіи.—Вліяніе среды на человѣка и общество.—Вліяніе астрономической среды.—Вліяніе физическихъ условій.—Вліяніе флоры и фауны и антропологическія вліянія.—Исторія и цивилизація. Неравномѣрное распространеніе культуры на земномъ шарѣ.—Быстрые завоевательные успѣхи европеизма.—De minimis non curat praetor: исторія не интересуется и не занимается некультурными народами.

Одной изъ кардинальныхъ задачъ сравнительной географіи слѣдуетъ считать задачу изученія земли въ ея особыхъ отношеніяхъ къ человѣку. Сравнительная географія изучаетъ одновременно различныя страны земного шара, сближаетъ ихъ, сравниваетъ ихъ особенности и выводитъ отсюда свои заключенія объ ихъ относительныхъ преимуществахъ для развитія человѣчества, для общественнаго прогресса и для развитія культуры. Задачи сравнительной географіи, какъ науки, которая считаетъ за собою лишь около полустолѣтія существованія, именно такимъ образомъ понимали ея знаменитые основатели: Карлъ Риттеръ, Александръ Гумбольдтъ, Арнольдъ Гюйо; такъ понимаютъ ихъ и современные продолжатели великихъ географовъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, правда, между свѣтилами нѣмецкой географической науки по этому самому поводу произошла горячая полемика. Спорили о задачахъ и методахъ сравнительной географіи, но полемика сразу-же приняла болѣе или менѣе ядовитый личный характеръ, а главныя основанія и принципы сравнительной географіи остались въ существенныхъ своихъ частяхъ неизмѣнными.

Подобно всѣмъ отраслямъ человѣческаго знанія, сравни-

тельная географія располагаетъ двумя вспомогательными средствами: анализомъ и синтезомъ.

Аналитическій методъ ведетъ къ изученію сначала по одиночкѣ, а затѣмъ во всемъ ихъ разнообразіи и запутанности различныхъ вліяній, оказываемыхъ данной географической средой на историческія и соціальныя судьбы народа, обитающаго или обитавшаго въ данной мѣстности. Мы постараемся здѣсь изслѣдовать по возможности кратко вліянія, имѣющія наибольшее значеніе·

I. Астрономическія вліянія зависятъ отъ положенія нашей планеты въ пространствѣ и отъ ея отношеній къ центральному тѣлу нашей космической системы. Всякая жизнь на землѣ проявляется, благодаря израсходованію извѣстнаго количества свѣта и тепла, единственнымъ источникомъ котораго для насъ служитъ солнце, но различныя части земли получаютъ живительные лучи не въ одинаковыхъ количествахъ и не подъ однимъ и тѣмъ же угломъ наклоненія, а мы знаемъ, что нагрѣвательная сила солнечнаго луча измѣняется въ прямомъ отношеніи къ косинусу (cs) угла широты.

И дѣйствительно, поверхность земли раздѣляется на нѣсколько климатическихъ поясовъ, находящихся въ неодинаково благопріятныхъ положеніяхъ для развитія въ нихъ органической и неорганической жизни.

Климатъ и положеніе двухъ около-полярныхъ поясовъ, представляя лишь слабую возможность развитію растительной и животной жизни дѣлаетъ невозможнымъ развитіе могущественныхъ общественныхъ организацій въ ихъ области Поэтому роль этихъ климатическихъ поясовъ въ исторіи весьма ничтожна.

Жаркому поясу съ его чудной флорой и фауной, въ свою очередь, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, не пришлось быть мѣстомъ рожденія культуръ, занимающихъ почетныя страницы во всемірной исторіи. Слишкомъ могучее и, такъ сказать, излишнее развитіе органической жизни во всѣхъ ея формахъ, служитъ въ ущербъ развитію· энергіи и интеллектуальныхъ

способностей у населенія; обитатели жаркаго пояса, получая въ изобиліи и почти безъ всякихъ координированныхъ усилій съ своей стороны все необходимое для матеріальнаго благоденствія, по этой самой причинѣ, лишены единственнаго стимула къ труду, къ изученію окружающаго міра и къ солидарной дѣятельности.

Въ теплыхъ и влажныхъ странахъ экваторіальнаго пояса растутъ, внѣ интенсивнаго и разумнаго культивирующаго воздѣйствія человѣка, хлѣбное дерево, финиковая пальма, кокосовая пальма и масса другихъ растеній, доставляющихъ человѣку ежедневную пищу, утварь для ея приготовленія, ткани и волокна изъ которыхъ приготовляются ловушки, западни и одежда. Человѣкъ, еще не вышедшій изъ зоологической стадіи развитія, можетъ благоденствовать въ этихъ условіяхъ, но первый необходимый для зарожденія исторіи элементъ—именно могущественная организація труда—присутствуетъ здѣсь еще пока въ зачаточныхъ формахъ. Царь вселенной ставитъ себя въ жаркомъ поясѣ далеко не царемъ природы, и она, осыпая его благодѣяніями, подавляетъ его энергію и устрашаетъ сознаніе ужаснымъ зрѣлищемъ циклоновъ, бурь и другихъ величавыхъ атмосферныхъ явленій, столь многочисленныхъ подъ пламеннымъ небомъ экватора.

Великія историческія культуры, по крайней мѣрѣ, въ Старомъ свѣтѣ, сосредоточены исключительно въ умѣренныхъ широтахъ или точнѣе въ сѣверномъ умѣренномъ поясѣ, такъ какъ таковой же южный почти цѣликомъ занятъ водами. Культура Индіи не составляетъ исключенія изъ этого общаго правила будучи родомъ изъ верхняго Пенджаба, по климату не принадлежащаго къ жаркому поясу, благодаря близости гималайскихъ ледниковъ и снѣговъ сильно охлаждающей. Замѣтимъ тутъ же, что древнѣйшія цивилизаціи сѣверно-умѣреннаго пояса, каковы напр. Египетская и Ассиро-Вавилонская, равно какъ и древнѣйшія арійскія культуры Ирана и Индіи получали особенное развитіе и, такъ сказать, процвѣтали въ

подтропическихъ странахъ съ изотермой въ +22° *). Но съ момента наступленія классическаго періода исторіи, культуры, наслѣдовавшія Египту и Ассиро-Вавилоніи, начинаютъ постепенно, но неустанно, двигаться по направленію къ сѣверу или вѣрнѣе къ сѣверо-западу къ Средиземному морю, а затѣмъ чрезъ Западную Европу къ Соединеннымъ Штатамъ Сѣверной Америки. Такое отклоненіе цивилизаціоннаго потока невольно вызываетъ на сближеніе между нимъ и аналогичнымъ, хотя и въ противоположную сторону отклоненіемъ великихъ воздушныхъ теченій: муссоновъ и пассатовъ. Цитированный уже П. Мужолль **) не безъ основанія замѣчаетъ по этому поводу, что въ каждый послѣдующій періодъ всеобщей исторіи Запада легко замѣтить движеніе значительныхъ очаговъ культуры отъ тропиковъ по направленію къ полярному кругу ***). Дѣйствительно, Тиръ. Сидонъ, Аѳины, Карѳагенъ, Римъ хронологически

*) Каиръ, Багдадъ и верхнее теченіе Инда находятся подъ этой изотермой.

**) Mougeolli. Statique des civilisations. Paris 1883.

***) Мужолль предполагаетъ, что исторію можно раздѣлить на нѣсколько послѣдовательныхъ прогрессивныхъ періодовъ, характеризующихся все болѣе и болѣе сѣвернымъ положеніемъ главныхъ культурныхъ центровъ Вотъ эти періоды:

Первый періодъ.

Ѳивы	25°43	Уръ	30°64
Мемфисъ	30°	Сузы	32°
Мирое	17°	Вавилонъ . .	32°30′
		Ниневія . .	36°16′
Средняя	24°14′ сѣв. шир.		32°56′ сѣв. шир.

Второй періодъ.

Тиръ .	33°16′	Карѳагенъ . . .	37°36′	Кордова . . .	37°52′
Аѳины . . .	37°58′	Римъ	41°54′	Толедо	39°53′
Византія . .	41°	Флоренція . .	43°47′		
Средняя . . .	37°24′		41°6′		38°52′

Третій періодъ.

Парижъ . . .	48°50′	Вѣна . . .	48°13′
Лондонъ . .	51°31′	Берлинъ	52°31′
Средняя . . .	50°10′		50°22′

Четвертый періодъ.

Стокгольмъ	59°21′	Петербургъ	60°

послѣдовали за подтропическими культурными центрами, съ тѣмъ чтобы, въ свою очередь, уступить мѣста столицамъ Франціи, маврской Испаніи и центральной Европы къ которымъ въ ближайшее къ намъ время присоединились Лондонъ Берлинъ и большіе культурные центры Россіи и Швеціи *). Но ученый авторъ преувеличиваетъ важность этого интереснаго явленія, отыскивая въ немъ характерное проявленіе великаго статическаго закона цивилизаціи. Извѣстно, что двѣ великія культуры крайняго востока, именно китайская и индійская, двигались по діаметрально-противоположному пути, подвигаясь съ одной стороны съ береговъ Желтой рѣки къ Кантону и Тонкину, а съ другой отъ Пенджаба къ Цейлону и экваторіальнымъ островамъ

Не играя той доминирующей и всеисчерпывающей роли, которую ей приписываетъ обобщеніе этого писателя, вліяніе географической широты тѣмъ не менѣе очень замѣтно въ исторіи. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно бросить взглядъ на карту годичныхъ среднихъ температуръ или изотермическихъ линій. Основываясь на ней, можно замѣтить, что самыя значительныя въ мірѣ скопленія населенія сгруппированы между двумя крайними изотермическими линіями въ $+16^\circ$ и $+4^\circ$ **). Изотерма въ $+10^\circ$ съ достаточной точностью опредѣляетъ центральную ось этого климатическаго и культурнаго пояса; на ней сгруппированы богатѣйшіе и многолюднѣйшіе города міра: Чикаго, Нью-Іоркъ, Филадельфія, Лондонъ Вѣна, Одесса, Пекинъ.

Къ югу отъ изотермы въ $+16^\circ$, въ видѣ исключенія, разсѣяно нѣсколько городовъ съ населеніемъ болѣе чѣмъ въ сто тысячъ человѣкъ (Мехика, Новый Орлеанъ, Каиръ, Александрія, Тегеранъ, Калькутта, Бомбей, Мадрасъ, Кантонъ).

*) Слѣдуетъ замѣтить, что въ Соед. Штатахъ линія цивилизаціи отклоняется вмѣстѣ съ изотермами къ тропикамъ.

**) На изотермѣ $+16^\circ$ лежатъ: Санъ-Луи, Лиссабонъ, Римъ, Константинополь, Шанхай, Охозака, Кіото, Токіо.

На изотермѣ $+4^\circ$—Квебекъ, Христіанія, Стокгольмъ, Петербургъ, Москва.

Сѣверная граница или изотерма +4° носитъ болѣе абсолютный характеръ; къ сѣверу отъ нея нѣтъ значительныхъ городовъ кромѣ Виннипега (Канада) и административныхъ центровъ Сибири: Тобольска Иркутска. Наконецъ на изотермѣ +0 расположены только Туруханскъ, Якутскъ, Верхоянскъ и другія болѣе мелкія поселенія.

Съ точки зрѣнія развитія исторической и соціальной жизни, вліяніе географической долготы играетъ значительно менѣе опредѣленную роль. Для древнихъ авторовъ культура, а слѣдовательно, и исторія слѣдуютъ, въ своемъ прогрессивномъ развитіи, тому пути, по которому движется солнце: какъ и солнечный свѣтъ, благодатный свѣтъ исторіи и культуры появляется съ востока. То-же самое неоднократно замѣчалось и впослѣдствіи; были даже попытки обратить это ложное однообразіе великихъ историческихъ движеній въ проявленіи особаго космическаго закона. Всѣ главныя историческія переселенія, заканчивавшіяся въ Европѣ въ разное время, начиная съ предполагаемаго переселенія азіатскихъ арійцевъ, продолжая нападеніемъ варваровъ на разлагавшуюся римскую имперію, монгольскими завоеваніями подъ предводительствомъ потомковъ Чингисъ-Хана, кончая, наконецъ, вторженіемъ арабовъ и турокъ, — всѣ они являлись съ востока. Нѣсколько позже, послѣ открытія Америки, начавшееся движеніе европейцевъ въ Новый Свѣтъ, казалось, доставило новое подтвержденіе защитниковъ этой теоріи. Но не мѣшаетъ помнить, что простое констатированіе фактовъ, хотя-бы и часто повторяющихся, но очевидно не связанныхъ съ общей суммой космическихъ явленій, не должно имѣть значенія закона въ томъ смыслѣ, какой ему придаетъ научная мысль послѣдняго времени.

При всемъ томъ этотъ ложный законъ подверженъ многочисленнымъ исключеніямъ. Напр. извѣстно, что древняя Греція съ самаго начала своей исторіи много заимствовала изъ Азіатскаго Востока, но не менѣе извѣстно и то, что въ пиѳагорейскія времена главный культурный потокъ шелъ къ

ней съ береговъ Нила, т. е. съ юга. Римское владычество и культура распространялись во всѣ стороны но въ общемъ ихъ распространеніе съ запада на востокъ съ береговъ Тибра на берега Инда. носитъ болѣе широкій характеръ нежели противоположное движеніе во Францію и Испанію. Многія страны изъ самыхъ различныхъ точекъ земного шара, примѣры которыхъ берутся мною наудачу. какъ напр. Японія, Полинезія, и еще ближе къ намъ, Россія—испытываютъ культивирующее воздѣйствіе съ запада.

Наконецъ, развѣ въ XIX вѣкѣ намъ не суждено присутствовать на величественномъ изліяніи наукъ, искусствъ, промышленности, идей, нравовъ и учрежденій Европы не по одному какому либо направленію. а во всѣ стороны обитаемаго бѣлаго свѣта.

II. Физическія вліянія. Если калорифическое могущество солнечныхъ лучей обусловливается астрономическими отношеніями земли къ солнцу, то способность поглощать и собирать теплоту, которой въ различной степени обладаютъ разныя страны земнаго шара, обусловливается, въ свою очередь, цѣлой сложной совокупностью условій, изученіе которыхъ входитъ также въ число обязанностей сравнительной географіи, какъ науки. Бросимъ бѣглый взглядъ на многоразличныя но часто съ трудомъ уловимыя вліянія, которыя, создаваясь разнообразіемъ отношеній между *геосферой*, *гидросферой и атмосферой*, т. е. между тремя составными частями нашей планеты, оказываютъ вліяніе на историческія и общественныя судьбы человѣчества.

Климатъ большинства мѣстностей лишь отчасти соотвѣтствуетъ ихъ географическимъ широтамъ. Неодинаковое распредѣленіе морей и материковъ, различная изрѣзанность и расчлененность береговой линіи, высота, конфигурація и геологическій составъ почвы, форма и направленіе горныхъ цѣпей, морскія и атмосферическія теченія, обиліе или недостатокъ осадковъ, наконецъ, безчисленныя случайныя метеоро-

логическія явленія — все это создаетъ иногда значительныя отступленія изотермическихъ линій, обозначающихъ географическую широту. Вообще параллели должны считаться лишь абстрактными, придуманными для удобства, линіями. Охватить однимъ взглядомъ всѣ безчисленныя черты и особенности климата на земномъ шарѣ можно, лишь основываясь на расположеніи изотермъ, расположеніи на первый взглядъ весьма капризномъ. Помимо непосредственнаго вліянія, сложныя физическія условія видоизмѣняютъ на тысячи ладовъ соціальныя и историческія судьбы обитателей какой либо страны тѣмъ, что поощряютъ или затрудняютъ развитіе солидарности взаимодѣйствія между людьми. Напр. водопады, пороги и быстрины значительнѣйшихъ рѣкъ (Нила, Конго, Замбезе, Оранжевой) въ связи съ устройствомъ поверхности, плоскогорьями, лежащими одно надъ другимъ, оказались достаточными, чтобы сдѣлать внутренность чернаго континента непроницаемой для культурнаго воздѣйствія. Культура, зародившаяся вѣроятно, въ долинѣ нижняго теченія Нила, проникла въ мѣстность, находящуюся у истоковъ этой рѣки, только сдѣлавши гигантскій обходъ чрезъ Средиземное море, Атлантическій океанъ, Америку, Тихій и Индѣйскій океаны.

Длинная цѣпь соціологическихъ преимуществъ Европы, обусловленныхъ удачнымъ ея расчлененіемъ, слегка волнообразнымъ рельефомъ ея поверхности, направленіемъ главныхъ цѣпей параллельно экватору (Альпы, Пиренеи) и наконецъ тѣмъ, что ея берега омываются потокомъ теплой воды, Гольфштремомъ, возбуждаетъ вниманіе географовъ, начиная съ Карла Риттера и Гумбольдта и кончая ихъ современными продолжателями.

Тройная непроходимая горная цѣпь Сулейманъ-Дага, направляющаяся отъ узла Гинду-ку къ югу до встрѣчи съ моремъ, создала между востокомъ и западомъ Азіи такое препятствіе, которое до сихъ поръ еще не побѣждено культурой. Положимъ, Европа соприкасается теперь съ Китаемъ и Индіей, но это соприкосновеніе происходитъ не въ сосѣднихъ

съ Индіей странахъ (Персія, Иранъ), гдѣ европейская культура, выражаясь фигурально, стоитъ съ Индіей локоть къ локтю, а на берегахъ Тихаго океана, гдѣ Европа и Азія, отдѣлены другъ отъ друга двумя океанами и Америкой.

Простая случайная особенность природы какой-либо мѣстности зачастую оказываетъ чисто мѣстное, неожиданное, но тѣмъ не менѣе весьма рѣшительное вліяніе на судьбы обитателей данной страны. Напр. Японцы обязаны своей національной обособленностью и цѣлостностью морскому теченію Куро-Сиво и подводнымъ камнямъ, дѣлающимъ доступъ къ берегамъ Японскихъ острововъ весьма опаснымъ *). Точно также туманы и морскія теченія омывающія Британскіе острова оказались во времена непобѣдимой Армады покровителями пуританской Англіи противъ страшной католической ярости Филиппа II. Со многихъ точекъ зрѣнія можно считать государственное устройство Соединеннаго Королевства простымъ результатомъ его положенія на островѣ. Альпы послужили колыбелью и защитой свободѣ швейцарскихъ общинъ. Наконецъ, Пиренеи защищали льготы и привиллегіи (fueros ed libertades) горныхъ басковъ несравненно энергичнѣе, нежели королевскія хартіи.

Руководители современной науки едва умѣли указать и обосновать главнѣйшія идеи аналитическаго изученія географическихъ вліяній на человѣческую исторію. Тѣмъ не менѣе примѣненіе установленныхъ принциповъ къ изслѣдованію соціальныхъ и историческихъ явленій привело уже ко многимъ драгоцѣннымъ выводамъ и сближеніямъ. Къ несчастью, при этомъ дѣло не обошлось безъ погрѣшностей. поверхностный анализъ, не руководимый строго научнымъ методомъ, не преминулъ создать много общихъ мѣстъ, телеологическихъ фантазій и ошибочныхъ дедуктивныхъ обобщеній. Многими упускалось изъ виду, что явленія географической среды, съ топографической или физико-географической точки зрѣнія бо-

*) См. Metchnikoff, L'empire japonais.

лѣе или менѣе аналогичныя, представляютъ весьма различную цѣнность для сравнительной географіи. Въ легковѣсныхъ трудахъ, о которыхъ я говорю, слѣдуетъ особенно не довѣрять апріорнымъ построеніямъ, которымъ съ вѣтру взятая эрудиція сообщаетъ кажущуюся научность. Что я называю апріорными построеніями, выяснятъ нѣсколько примѣровъ, которые я сейчасъ приведу.

Въ соціологіи и политикѣ мы привыкли смотрѣть на высокія горныя цѣпи, какъ на естественныя границы между государствами, между расами и цивилизаціями. Этимъ взглядомъ мы безпрестанно руководствуемся всюду. Тѣмъ не менѣе онъ невѣренъ. Доказательствомъ служатъ Альпы, въ которыхъ сосредоточена весьма сложная и тѣмъ не менѣе накрѣпко сплоченная смѣсь изо всѣхъ трехъ этнологическихъ элементовъ, раздѣлившихъ между собою западную и центральную Европу (Итальянцы, Французы, Германцы). Точно также и цѣпь Пиреней, отчасти дѣйствительно подраздѣляющая населеніе Лангедока и Аррагоніи. нисколько не помѣшала, однако, Каталонцамъ разселиться на всемъ пространствѣ между Нарбонной и Аликанте, а Баскамъ на западѣ занять все пространство между Гаронной и долиной верхняго Эбро. Наконецъ, сложный этнологическій составъ населенія Кавказа или Гималайскаго хребта, повидимому, долженъ былъ-бы неопровержимо доказать, что самыя возвышенныя и неприступныя горныя цѣпи, наперекоръ обыденному мнѣнію, играютъ роль убѣжищъ, гдѣ происходитъ сближеніе разнородныхъ этническихъ элементовъ. Сосѣдство народностей влечетъ за собою сближеніе ихъ нравовъ и интересовъ, преобразующееся впослѣдствіи въ федеративный строй; таковы напр., союзъ кавказскихъ горцевъ, таковъ и швейцарскій союзъ, создавшійся несмотря на все разнообразіе вошедшихъ въ него народностей, вѣрованій и нарѣчій

III. *Вліяніе флоры и фауны и антропологическія вліянія.* Фауна и флора могутъ также рѣшительно вліять на историческія и соціальныя судьбы народовъ.

Страны, изобилующія лѣсами, населенными дикими животными, какъ напр. Сибирь или Манджурія, способствуютъ образованію охотничьихъ наклонностей у населенія; и наоборотъ, населеніе можетъ обратиться къ пастушескому образу жизни при наличности въ данномъ мѣстѣ обширныхъ травяныхъ степей, льяносовъ, пампасовъ и т. д.

Въ Сѣверной Африкѣ земледѣлецъ-феллахъ, номадъ изъ пастбищъ Сахары и, наконецъ, джериди изъ страны пальмъ и финиковъ представляютъ весьма отличные другъ отъ друга соціологическіе типы, созданные фито-географическими особенностями обитаемыхъ ими мѣстъ. Переходя отъ крупнаго примѣра къ незначительному, укажемъ, что въ Швейцаріи въ кантонѣ Невшатель слова: «*виноградники горы и долины*» употребляются не только для выраженія различныхъ топографическихъ понятій, но и для обозначенія трехъ различныхъ совокупностей политическихъ и экономическихъ условій жизни.

Опуская разговоръ объ очевидно громадной роли, сыгранной хлѣбными растеніями въ доисторическій періодъ существованія человѣка, укажемъ на многочисленные примѣры образованія общественныхъ аггрегатовъ исключительно благодаря существованію какихъ либо полезныхъ растеній или животныхъ. Эксплоатація первыхъ, разумно-организованное истребленіе вторыхъ, какъ напр. охота на китовъ ловля сельдей и трески въ сѣверныхъ моряхъ, осетровъ въ Каспійскомъ морѣ, трепанга въ китайскихъ водахъ, составляютъ даже у цивилизованныхъ народовъ значительныя отрасли государственной экономіи, а у некультурныхъ—выгоды, получаемыя отъ такихъ занятій, составляютъ ее цѣликомъ. Вся жизнь эскимоса, всѣ моменты его отдохновенія и труда, такъ сказать, отмѣчены общеніемъ съ китообразными полярныхъ морей. Тунгузы руководятся въ своихъ переселеніяхъ чутьемъ сѣверныхъ оленей. Ведійскія пѣсни будутъ вѣчно свидѣтельствовать о той громадной и важной роли которую сыграло для арійцевъ Пенджаба обладаніе крупнымъ рогатымъ ско-

томъ. Тоды (Индія) до сихъ поръ употребляютъ поговорку: «народъ, не имѣющій стадъ, не въ состояніи познать боговъ» Удивительная густота народонаселенія нѣкоторыхъ областей Китая, Индіи, Японіи находится въ существенной зависимости отъ примѣненія тамъ культуры риса. Относительный ростъ культуры и само существованіе немногочисленнаго населенія Океаніи находятся въ безспорной зависимости отъ степени произвольнаго распространенія того или иного растенія. Виноградъ, шелковица, оливковое дерево играютъ свою особую и довольно замѣтную роль въ исторіи человѣчества. Пряности и драгоцѣнныя эссенціи привели европейцевъ на малайскій архипелагъ. Опіумъ играетъ, правда, не весьма славную, но болѣе важную роль въ исторіи Англіи и Китая. чѣмъ въ трактатахъ по ботаникѣ и фармакологіи.

Антропологическія и этнографическія изслѣдованія, наряду съ изученіемъ человѣческихъ расъ, ихъ происхожденія, географическаго распредѣленія и переселеній, входятъ также съ полнымъ правомъ въ область сравнительной географіи Разсматривая ихъ, мы, съ перваго же момента, наталкиваемся на фактъ, который могъ-бы сразу показаться парадоксальнымъ. Дѣло въ томъ. что сфера географическаго распредѣленія какого либо вида растеній или животныхъ тѣмъ уже и ограниченнѣе, чѣмъ взятый организмъ сложнѣе и, такъ сказать, нѣжнѣе. Это общепризнано, и однако-же человѣкъ, это наиболѣе совершенное существо, лишь одинъ занялъ всѣ безъ исключенія допускающія жизнь страны земнаго шара, начиная съ адски жаркихъ областей вдоль термическаго экватора, гдѣ, какъ въ Фецданѣ, температура въ тѣни превышаетъ иногда 50°, и кончая ледяными тундрами вокругъ сѣвернаго полюса, гдѣ органическая жизнь представлена лишь нѣсколькими низшими существами. Человѣкъ занялъ даже высокія плоскогорья Гималайскаго хребта, хотя даже вѣрный спутникъ его — собака можетъ акклиматизироваться тамъ только цѣною потери нѣкоторыхъ способностей, напр. умѣнья

лаять Повидимому, мы встрѣчается здѣсь лицомъ къ лицу съ противорѣчіемъ. Но оно только кажущееся. Такъ какъ человѣкъ, раздѣляя со всѣми организмами драгоцѣнную способность приспособляться къ средѣ господствуетъ надъ всѣми, благодаря ему одному свойственной и еще болѣе драгоцѣнной способности приспособлять среду къ своимъ нуждамъ Способность эта, какъ кажется, можетъ безконечно развиваться параллельно прогрессу науки, искусства и промышленности.

Безчисленныя миграціи, изъ которыхъ нѣкоторыя происшедшія въ доисторическія времена, вовсе неизвѣстны, а другія только предполагаемы, безпрестанно перемѣщали и перемѣшивали между собою различныя этнографическія группы. Переселяясь въ какую-либо географическую среду. весьма отличную отъ той, въ которой онъ родился, человѣкъ приносилъ съ собою въ новое убѣжище свои прежніе обряды, нравы, физическія и моральныя способности, нѣкогда развитыя въ другомъ мѣстѣ Географическое распредѣленіе и переселенія человѣчества изучаются одной изъ частныхъ сравнительно-географическихъ наукъ, именно антропогеографіей *). Въ этой наукѣ, интересная область которой едва только затронута разработкой, научный анализъ долженъ быть особенно осторожнымъ, терпѣливымъ и внимательнымъ. Только неуклонно строгій методъ можетъ предохранить изслѣдователя отъ поспѣшныхъ и банальныхъ обобщеній въ данной области, отъ преклоненія предъ совершившимися фактами и предъ грубой силой, которое за послѣдніе годы затопило науку, прикрываясь Дарвиновскимъ или эволюціоннымъ соціологическимъ принципомъ.

Вслѣдъ за анализомъ приступимъ къ синтезу. Здѣсь мы могли бы для подтвержденія своей мысли сослаться на картинныя страницы Мишле, въ которыхъ онъ причинно свя-

*) Трудъ Ратцеля „Антропогеографія“, появившійся въ 1883 году, навсегда ввелъ этотъ новый терминъ въ научный языкъ.

зываетъ географическій характеръ каждой изъ французскихъ провинцій и ихъ историческія судьбы. Нѣсколько позже Томасъ Бокль, обнаружившій меньше поэтическаго чувства, но больше методичности и основательности, пытался опредѣлить ту долю участія, которую можно приписать вліянію почвы и климата — словомъ вліянію географической среды въ политической исторіи Англіи, Шотландіи и Испаніи. Трудъ Бокля, не вполнѣ совершенный, но за то въ высокой степени оригинальный и остроумный, къ несчастью, остался незаконченнымъ. Я хотѣлъ бы пойти по пути, проложенному этими великими дѣятелями науки, но при этомъ не ограничиваться той или иной страной, а, напротивъ, представить читателю опытъ синтеза всѣхъ явленій неравномѣрно-капризнаго распредѣленія и прогрессивнаго хода цивилизацій въ Старомъ Свѣтѣ. Я стремлюсь изучить скрытую внутреннюю связь между различными историческими фазами и теченіями у самыхъ цивилизованныхъ народовъ и строго опредѣленною совокупностью топографическихъ и географическихъ условій.

Мнѣ кажется, что наше столѣтіе удачнѣе и ярче всего характеризуется ясной тенденціей цивилизаціи сдѣлаться повсемѣстной, универсальной, проникнуть во всѣ даже мало доступные уголки земного шара и подавить всѣ различія, всѣ мѣстные культурные оттѣнки. Въ настоящій моментъ съ трудомъ можно было бы указать на всемъ разстояніи, отъ полюса до экватора и подъ самыми различными долготами, значительную страну, которая-бы находилась внѣ области воздѣйствія торжествующей Европы, не видѣла бы у себя миссіонеровъ европейской культуры, не знала бы усовершенствованнаго оружія, англійскихъ хлопчато-бумажныхъ тканей и спиртныхъ напитковъ, выдѣлываемыхъ, главнымъ образомъ, въ Германіи, но сбываемыхъ подъ французскими названіями. Нѣкогда изолированные народы, обитатели Сандвичевыхъ острововъ, Сіама, Японіи, употребляютъ безпримѣрныя усилія для того, чтобы преобразовать себя на нашъ ладъ и заимствуютъ отъ насъ не только техническія открытія и изобрѣ-

тенія. но и наши политическія и административныя учрежденія, науку, искусства. языкъ, нравы, обычаи. даже наши костюмы. Другіе, еще болѣе многочисленные, тщетно оказываютъ упорное и отчаянное сопротивленіе нашествію бѣлыхъ Изъ нихъ наибольшаго вниманія заслуживаютъ китайцы, принужденные, чтобы противостоять захвату европеизма, у этого же европеизма дѣлаютъ еретическія заимствованія, съ помощью которыхъ они и разсчитываютъ восторжествовать Недоступнѣйшія страны. которыя еще недавно были, пожалуй, еще меньше извѣстны, нежели напр. луна: Центральная Азія, внутренность Африки теперь пройдены и пересѣчены по всѣмъ направленіямъ смѣлыми путешественниками, миссіонерами всѣхъ вѣроисповѣданій, комми-вояжерами бельго-африканской международной ассоціаціи, этими предтечами будущихъ экономическихъ или военныхъ завоеваній. Въ послѣднее время, съ тѣхъ поръ, какъ для европейцевъ открыты порты Кореи и изслѣдованъ хотя нѣсколько Тибетъ, едва-ли найдется на нашей планетѣ мѣсто, гдѣ-бы существовало вполнѣ изолированное народонаселеніе.

Тѣмъ не менѣе, и въ настоящій моментъ цивилизація далеко не одинаково распредѣлена между различными странами земного шара; наблюдателю приходится въ этомъ отношеніи констатировать самые неожиданные и поразительные контрасты на каждомъ шагу. Въ Австраліи рядомъ съ цвѣтущими и вполнѣ европейскими городами (Сидней, Мельбурнъ, Аделаида, Брисбанъ) вымираютъ толпы туземцевъ, находящихся въ почти звѣриномъ состояніи и ведущихъ самый ужасный образъ жизни. Въ ожиданіи результатовъ своего возрожденія, за которое горячо принялся одинъ изъ симпатичнѣйшихъ современныхъ Донъ-Кихотовъ, путешественникъ Миклуха-Маклай (умеръ въ апрѣлѣ 1888 г. въ Россіи), папуасы, въ нашъ вѣкъ—телефоновъ и электрическихъ двигателей,—рисуютъ предъ нами картины доисторической жизни человѣчества. Сѣверо-американскіе краснокожіе остаются краснокожими и кочующими охотниками въ самыхъ нѣдрахъ ци-

вилизаціи «янки», правда, не особенно утонченной, но по крѣпости и интенсивности превосходящей даже европейскую. Еще недавно рядомъ съ болѣе или менѣе процвѣтающими факторіями Франціи, Англіи, Португаліи и Германіи, дагомеискіе короли праздновали такъ называемое «великое обыкновеніе»; празднованіе этого жестокаго обычая возобновлялось ежегодно въ точно установленный періодъ времени, причемъ для его совершенія вовсе не требовалось, чтобы ему предшествовали какія-либо экстраординарныя обстоятельства *).

Антропофагія и человѣческія жертвоприношенія, вмѣстѣ съ другими жестокими и развратными обрядами культа въ Океаніи, стали понемногу исчезать только въ теченіе послѣдняго вѣка, но и до послѣднихъ дней они тамъ появляются спорадически. Въ экваторіальной Африкѣ людоѣдство и человѣческія жертвоприношенія въ большомъ ходу и открыто практикуются въ нѣсколькихъ шагахъ отъ европейскихъ христіанскихъ миссій и факторій, устроенныхъ уже 300 лѣтъ тому назадъ. У истоковъ Нила, не безъ основанія признаваемыхъ колыбелью человѣчества, Швейнфуртъ не давно видѣлъ такую же торговлю человѣческимъ мясомъ, какая нѣкогда была воспроизведена на знаменитой картинѣ Пигафетты. Свирѣпые Момбутту и доселѣ проводятъ всю жизнь въ набѣгахъ, въ безпрестанной кровопролитной войнѣ съ единственной цѣлью запастись человѣческимъ мясомъ на продажу. «Мяса, мяса»,— вотъ ихъ военный кличъ, возбуждающій храбрость предчувствіемъ ужасной добычи.

Почти всѣ путешественники и этнографы разсматриваютъ цейлонскихъ ведовъ, населеніе Андаманскихъ острововъ, нѣ-

*) «Великіи обычаи дагомеискихъ королей былъ уже много разъ описанъ. Письма Poirier и Beaudoin, французскихъ миссіонеровъ въ Porto Novo (Annales de propagation de la Foi, 1876 г.) содержатъ описаніе любопытныхъ обрядовъ при аналогичныхъ массовыхъ убійствахъ у народностей Счастливаго берега. См. также письмо Циммермана (Annales 81 г.)

Въ майской книжкѣ 81 г. журнала L'Afrique explorée et civilisée (въ Женевѣ) можно найти слѣдующее мѣсто: «король принужденъ поклясться, что онъ уничтожитъ человѣческія жертвоприношенія»...

которые народцы Борнео, негритосовъ Филиппинскихъ острововъ, наконецъ всѣхъ почти обитателей Меланезіи, какъ едва вышедшихъ изъ животнаго состоянія. Клемансъ Ройе считаетъ ихъ ископаемыми остатками расъ, предшествовавшихъ нынѣшнимъ людямъ и такъ относящихся къ доисторическимъ предкамъ современныхъ привиллегированныхъ расъ, какъ фауна міоценоваго періода относилась къ фаунѣ четверичныхъ періодовъ. Тоже самое говорятъ и по поводу населенія Огненной Земли. Во всей Южной Америкѣ полуцивилизованное населеніе—потомки испанцевъ и португальцевъ — окружаетъ слабымъ кольцомъ плотное ядро дикаго населенія, еще не вышедшаго изъ каменнаго періода исторіи.

Съ момента научной и философской революціи, произведенной безсмертнымъ трудомъ Дарвина «о происхожденіи видовъ», со времени появленія трудовъ о началѣ и происхожденіи культуры, принадлежащихъ перу Тайлора и Леббока, старинное стремленіе школы Руссо представить себѣ «человѣка природы», какъ существо, свободное отъ всякихъ культурныхъ путъ, какъ образецъ разумности и добродѣтели,—уступило мѣсто желанію найти настоящаго первобытнаго человѣка, человѣка-звѣря, къ представленію о которомъ насъ логично приводитъ эволюціонная теорія; поэтому слѣдуетъ принимать лишь въ качествѣ гипотезы тѣ изображенія обдѣленныхъ природой народностей, которыя рисуются намъ путешественниками и особенно кабинетными этнографами.

Сводя все вышесказанное къ самой умѣренной и наиболѣе вѣроятной формѣ, намъ, тѣмъ не менѣе, придется признать, что въ наши дни лишь одна Европа имѣетъ кое-какія права на названіе культурнаго континента. Ея огромная сосѣдка Азія, съ исторической и физико-географической точекъ зрѣнія, дѣлится цѣпями горъ и возвышенныхъ плоскогорій, пересѣкающихъ ее по направленію наибольшей длины (отъ Чернаго моря до Тихаго океана), на двѣ неравныя части. Большая изъ половинъ, занимающая все пространство къ

сѣверу отъ этой демаркаціонной линіи и спускающаяся къ Ледовитому океану, представляетъ собою обширную пустыню, въ которой едва насчитывается въ среднемъ одинъ житель на квадратный километръ и гдѣ нѣсколько незначительныхъ городовъ, вмѣстѣ съ остатками древнихъ культурныхъ центровъ. составляютъ немногіе культурные оазисы въ бассейнахъ Аральскаго моря, озера Или и р. Тарима. Южная и юго-восточная части отличаются, напротивъ, густымъ народонаселеніемъ, оставшимся отъ культуръ, блиставшихъ нѣкогда яркимъ свѣтомъ, но погасшихъ или сильно потускнѣвшихъ уже много вѣковъ назадъ. Въ обѣихъ Америкахъ занесенная изъ Европы культура еще борется съ туземнымъ варварствомъ. Наконецъ Африка, за исключеніемъ узкой береговой полосы, коснѣетъ еще въ дикости.

Если мы станемъ разсматривать распространеніе цивилизаціи, какъ общую для всего человѣчества задачу, какъ дѣло, въ которомъ обязаны принять участіе всѣ народы міра, намъ тотчасъ-же придется увидѣть, что на гигантское число «званныхъ» (цифра, обозначающая ихъ количество—полтора милларда) приходится слишкомъ незначительное число «избранныхъ, т. е. дѣйствительно работающихъ или работавшихъ когда-нибудь надъ этой грандіозной задачей человѣчества. Изъ этихъ «избранниковъ» и составляются «историческіе народы», называемые такъ въ отличіе отъ «народовъ природы», которыхъ окрестилъ этимъ именемъ, если не ошибаюсь, антропологъ Вайцъ (Waitz). Весьма возможно, что это было имъ сдѣлано въ воспоминаніе «естественнаго состоянія» (l'état de la nature), о которомъ столько толковали Ж. Ж. Руссо и его школа.

Но нужно-ли доказывать, что въ строгомъ смыслѣ этого слова «народовъ природы» не существуетъ. «Естественное состояніе» невозможно, такъ какъ культура и искусство существовали на землѣ уже до появленія человѣка, хотя-бы у бобровъ Самые отсталые народы, и до нынѣ размножаю-

щіеся въ четырехъ внѣевропейскихъ частяхъ свѣта, все-же обладаютъ зачатками культуры: они успѣли съ начала четвертичнаго періода, а можетъ быть и раньше, худо-ли хорошо-ли, приспособиться къ окружающей средѣ, успѣли пріобрѣсть, хотя-бы и въ слабой степени разумную власть надъ своими инстинктами и надъ природой, одержать драгоцѣнныя побѣды надъ космическими агентами въ культурѣ того или другого растенія, быть можетъ въ прирученіи какого-нибудь полезнаго животнаго, и почти навѣрное въ употребленіи огня Нѣкоторые изъ нихъ, какъ напр. населеніе Малайскаго архипелага, пользуются, по увѣреніямъ Уоллеса такимъ матеріальнымъ обезпеченіемъ, какому позавидовали-бы большинство обездоленнаго населенія нашихъ богатѣйшихъ городовъ и культурнѣйшихъ полей. Но эти «народы-счастливцы» являлись на сцену слишкомъ поздно; они добирались до этапныхъ пунктовъ культуры только въ то время, когда эти послѣдніе уже давно бывали покинуты «историческими народами». Поэтому мы и имѣемъ право сказать, что ни одинъ изъ этихъ народовъ не принесъ ни единаго камня для постройки величественнаго зданія всемірной культуры, не бросилъ ни лепты въ сокровищницу человѣчества.

Всегда и всюду исторія заноситъ на свои скрижали лишь тяжкій кровавый трудъ, результаты котораго завѣщаются въ пользу неизвѣстнаго будущаго

Но, быть можетъ, народы, не знающіе этого тяжкаго безпросыпнаго труда, зато счастливы? Ренанъ отвѣчаетъ утвердительно на этотъ вопросъ. Я-же ограничусь однимъ указаніемъ на то, что эти «народы-счастливцы», если только они дѣйствительно счастливцы, цѣликомъ входятъ въ область изслѣдованія антропологіи и этнографіи; исторія-же имѣетъ полныя права ихъ игнорировать

Проблемма, къ разрѣшенію которой я стремлюсь, можетъ быть формулирована въ слѣдующихъ словахъ: какая таин-

ственная сила налагаетъ на нѣкоторые народы то ярмо исторіи, которое остается вовсе неизвѣстнымъ для подавляющаго большинства человѣческихъ существъ? Каковы естественныя причины неравнаго распредѣленія благодѣяній и тягостей цивилизаціи? Можетъ быть, наше изслѣдованіе броситъ лучъ свѣта на эти вопросы, соціологическую важность которыхъ лишне доказывать.

IV.

Расы „отторгнутыя“ и расы „избранныя“.—Абсолютная неудовлетворительность выработанныхъ доселѣ антропологическихъ и этнологическихъ классификацій.—Приспособленіе и наслѣдственность.—Раса, какъ совокупность наслѣдственно пріобрѣтенныхъ физическихъ и умственныхъ особенностей, представляетъ собою не причину, а результатъ.—Среда—факторъ болѣе могущественный, нежели раса.

Для объясненія различій въ роляхъ тѣхъ или другихъ народовъ, сыгранныхъ этими послѣдними для осуществленія основной проблеммы исторіи, современная наука создала двѣ теоріи. Первая изъ нихъ—*этнологическая*—сводитъ неравномѣрное распредѣленіе культуры у различныхъ вѣтвей человѣчества на различія прирожденныхъ способностей у тѣхъ или другихъ расъ. Вторая, которую для краткости назовемъ «*географической*», ищетъ отвѣта во вліяніи среды. Ясно, что *этнологическая* теорія основывается, главнымъ образомъ, на законѣ наслѣдственности, тогда какъ *географическая*—становится на сторону трансформистской теоріи (впервые указанной Ламаркомъ и развитой Дарвиномъ), выдвигающей на первое мѣсто приспособленіе къ внѣшней средѣ и вліяніе этой среды.

Среди самыхъ рѣшительныхъ сторонниковъ теоріи наслѣдственности можно не безъ удивленія встрѣтить громадное большинство ученѣйшихъ натуралистовъ нашихъ дней, даже завоевавшихъ себѣ всеобщую извѣстность беззавѣтной преданностью плодотворному эволюціонному принципу въ біологіи (Карлъ Фогтъ (Leçons sur l'homme) Клемансъ Ройе и др.). Самымъ вѣрнымъ истолкователемъ и наиболѣе точнымъ представителемъ ихъ мнѣнія является, какъ мнѣ кажется, извѣст-

ный членъ Парижскаго Антропологическаго общества д-ръ Летурно. Вотъ его подлинныя слова по этому поводу *): «Среди человѣческихъ расъ существуетъ извѣстнаго рода іерархія... Раса, какъ совокупность наслѣдственно пріобрѣтенныхъ физическихъ и умственныхъ особенностей, болѣе, нежели среда, обусловливаетъ соціологическое развитіе. Каково-бы ни было мѣсто его жительства, человѣкъ слишкомъ недостаточно вооруженъ для прогрессивнаго развитія, если только онъ не снабженъ совокупностью необходимыхъ способностей, медленно и съ трудомъ пріобрѣтенныхъ предыдущими поколѣніями въ борьбѣ за существованіе и передаваемыхъ ему по наслѣдству. Въ число этихъ способностей входятъ: способность къ обобществленію, объединенію и координированію индивидуальныхъ усилій, умственное развитіе, направляющее эти усилія къ полезной для общества цѣли, наконецъ терпѣливая, настойчивая воля, заставляющая упорно работать.. Внѣшняя среда также дѣлаетъ довольно много, но она далеко не дѣлаетъ всего и вліяніе расы значительно превосходитъ ея спеціальное вліяніе Извѣстно, что никогда не было ни одной великой культуры негрскаго происхожденія Населеніе древняго Египта состояло изъ негроподобныхъ и метисовъ, притомъ берберы и нѣкоторыя бѣлыя азіатскія расы также входили въ его составъ **)...

«Еще ни разу низшей по анатомическому строенію расѣ не удавалось создать культуру высшаго порядка. Надъ низшими расами тяготѣетъ нѣчто въ родѣ органическаго проклятія, могущаго быть осиленнымъ только тяжкой, непрерывной борьбой за лучшее существованіе впродолженіе цѣлыхъ геологическихъ періодовъ. Вообще, въ смыслѣ организиціи, человѣческія расы сильно разнятся другъ отъ друга: тогда какъ

*) La Sociologie d'après l'Ethnographie.

**) Д-ръ Ливингстонъ и Винвудъ Ридъ (Reade) не согласны съ этимъ мнѣніемъ: они увѣряютъ, что встрѣчали настоящій древній египетскій типъ у негровъ области озеръ Бангвеоло и Моеро Оката (см. Dernier Journal du D-r Livingstone t. I).

однѣ несомнѣнно достойны названія «*избранныхъ*», другія, столь-же очевидно, составляютъ особый классъ «*отторгнутыхъ*» расъ».

«Нѣкоторые ученые (напр. Бокль) увѣряли что первыя культуры, достойныя этого названія, развивались исключительно тамъ, гдѣ растительное царство доставляло людямъ обильное пропитаніе, почти безъ труда съ ихъ стороны. Пожалуй, въ этомъ соображеніи заключена нѣкоторая доля истины; но только доля, такъ какъ внѣшнія жизненныя условія не исчерпываютъ всего цикла вліяній на судьбы народа. Въ самомъ дѣлѣ, существуютъ-ли страны въ смыслѣ богатства флоры бо́лѣе счастливыя, нежели лежащія между тропиками острова Океаніи? и тѣмъ не менѣе ихъ населеніе коснѣетъ въ дикости и варварствѣ. Мнѣ возразятъ, быть можетъ, что обитатель Полинезіи не развился исключительно по причинѣ своей изолированности, благодаря тому, что поле его дѣятельности и передвиженія было и есть слишкомъ съужено. Дѣйствительно, цивилизаціонное движеніе, совершающееся въ Азіи и Европѣ, подтверждаетъ такое истолкованіе фактовъ, но, напротивъ, въ Африкѣ дѣло обстоитъ уже совершенно иначе *). Въ самомъ дѣлѣ, Кафръ въ интеллектуальномъ и культурномъ отношеніи стоитъ нисколько не выше «шиллука» изъ области бѣлаго Нила, а Готтентотъ стоитъ еще ниже Кафра. Для Америки вліяніе сообщеній, переселеній и умѣреннаго климата подлежитъ еще большему сомнѣнію. Вообще, всюду культуры высшаго порядка имѣли своимъ мѣстопребываніемъ подтропическія страны, а въ Америкѣ, напротивъ, населеніе обширной площади центральной и вообще межтропической Америки пребывало и пребываетъ въ дикомъ состояніи, доходящемъ до того, что краснокожимъ не пришло въ голову приручить

*) Возраженія этого рода, при всей своей справедливости, нисколько не поражаютъ географической теоріи, а поражаютъ только кое-какія погрѣшности нѣкоторыхъ авторовъ, преувеличивающихъ социологическую важность изотермическихъ линій и градусовъ широты П Мужолль, какъ мнѣ уже приходилось замѣчать, погрѣшилъ въ этомъ отношеніи еще сильнѣе, нежели его знаменитый предшественникъ Томасъ Бокль.

бизоновъ, на охоту за которыми ими убивается почти вся жизнь».

Выслушавши авторитетнаго представителя науки, придерживающагося взглядовъ негроторговцевъ и американскихъ рабовладѣльческихъ плантаторовъ, обратимся къ этой самой наукѣ съ вопросомъ: «что же отличаетъ такъ рѣзко «*избранныя*» расы отъ расъ «*отверженныхъ*»? И я полагаю, что отвѣтить на подобный вопросъ будетъ затруднительно.

Въ теченіе послѣдняго столѣтія очень часто пытались подраздѣлить родъ человѣческій на рѣзко отграниченныя другъ отъ друга группы. Нѣкоторыя изъ этихъ попытокъ брали за точку отправленія своихъ разграниченій окраску кожи, хотя несомнѣнно, что никто бы не подумалъ въ серьезъ опредѣлять принадлежность собаки или лошади къ извѣстной породѣ по цвѣту ихъ шерсти. Другіе основывались на еще болѣе незначительномъ признакѣ, на разницѣ, замѣчаемой въ поперечномъ разрѣзѣ волосъ у различныхъ расъ. Этотъ разрѣзъ оказывается овальной формы у народовъ съ курчавыми шерстистыми волосами (ulotriques) и круглымъ у европейцевъ и семитовъ, обладающихъ прямой или слегка-волнистой шевелюрой (leiotriques).

Наконецъ еще нѣкоторыя классификаціи отправлялись отъ различій въ формѣ черепа, констатированныхъ у разныхъ народовъ. По формѣ черепа люди дѣлятся на коротко-головыхъ (брахицефалы) и длинно-головыхъ (долихопефалы). Менѣе многочисленныя попытки обосновать подобную классификацію человѣчества не однимъ какимъ-либо поверхностнымъ признакомъ, а цѣлой совокупностью существенныхъ антропологическихъ соображеній, тѣмъ не менѣе, также приводили къ неяснымъ и другъ другу противорѣчащимъ результатамъ. Онѣ никогда ничего не могли подѣлать съ противорѣчіемъ въ родѣ слѣдующаго: въ центрѣ Африки живутъ люди въ интеллектуальномъ отношеніи весьма одаренные, несмотря на курчавость волосъ и вполнѣ черный цвѣтъ лица, и въ то же время

цѣлыя группы наиболѣе привиллегированныхъ «избранныхъ» расъ отличаются почти животнымъ прогнатизмомъ.

«Если бы человѣческія расы были абсолютно обособлены,— говоритъ Топинаръ въ своей замѣчательной «Антропологіи», — то для естественной группировки ихъ надлежало бы только подвести итоги всѣмъ ихъ особенностямъ, а также дать себѣ отчетъ въ свойственныхъ имъ индивидуальныхъ и патологическихъ уклоненіяхъ. Но дѣло въ томъ, что расы слишкомъ разсѣяны, слишкомъ перемѣшаны, разбросаны по разнымъ направленіямъ въ теченіе безчисленныхъ тысячелѣтій Большая ихъ часть потеряла давно свой собственный языкъ, замѣнивши его языкомъ побѣдителей, можетъ быть, не одинъ а нѣсколько разъ. Главныя массы расъ могли исчезнуть и весьма вѣроятно, что современный изслѣдователь имѣетъ дѣло съ ничтожными ихъ вѣтвями, происхожденіе которыхъ еще необходимо выяснить... Современныя классификаціи расъ годны въ частностяхъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ приходится имѣть дѣло съ вполнѣ изолированными народами, въ родѣ эскимосовъ Гренландіи или тасманцевъ Ванъ-Дименовой земли. Но во всѣхъ другихъ случаяхъ, съ этнографической точки зрѣнія обыкновенно не сообразуются и терминомъ «раса» пользуются для посторонних цѣлей. Говорятъ, напр., объ индо-германской, латинской, нѣмецкой, славянской, англійской расахъ, хотя всѣ эти термины служатъ только для обозначенія случайныхъ агрегатовъ изъ самыхъ разнообразныхъ антропологическихъ элементовъ... Въ Азіи народы были столько разъ и столь радикально перемѣшаны, что самая характеристичная для нея раса находится, быть можетъ, гдѣнибудь за Тихимъ океаномъ или около полярнаго круга. Въ Африкѣ тотъ-же самый процессъ повторялся нѣсколько разъ. Въ Америкѣ, гдѣ нѣчто подобное происходило уже въ историческія времена, нельзя встрѣтить первобытныхъ расъ, а только результаты безконечныхъ смѣшеній и скрещиваній... Истинную классификацію дѣленій и подраздѣленій человѣчества надлежитъ еще создать, но возможность созданія наступитъ

лишь тогда, когда будутъ ясно опредѣлены составные элементы современныхъ народностей»...

Приведемъ примѣръ несообразностей, вытекающихъ изъ классификаціонной путаницы, такъ удачно разъясненной Топинаромъ. Нѣмцы, столь многимъ пожертвовавшіе для своего національнаго единства (основаннаго въ дѣйствительности на ложныхъ, якобы научныхъ соображеніяхъ), представляютъ одну изъ самыхъ сложныхъ и разнородныхъ антропологическихъ группъ, гдѣ можно встрѣтить и длинно-головыхъ блондиновъ сѣверныхъ провинцій и коротко-головыхъ брюнетовъ юга Почти то-же самое можно сказать и объ Италіи. Наоборотъ. Швейцарія, которую такъ часто выставляютъ образчикомъ случайной агломераціи самыхъ разнородныхъ расъ, на самомъ дѣлѣ обладаетъ гораздо яснѣе выраженнымъ антропологическимъ единствомъ, выражающимся въ брахицефализмѣ.

Затѣмъ не мѣшаетъ замѣтить, что въ исторіи культуры намъ никогда не приходится имѣть дѣло съ народами вполнѣ изолированными, каковы напр. гренландскіе эксимосы или тасманцы съ Ванъ-Дименовой земли. Отсюда-же прямо и согласно съ мнѣніемъ самого Топинара, слѣдуетъ, что всѣ антропологическія классификаціи человѣческаго рода не имѣютъ значенія по крайней мѣрѣ для соціологіи и исторіи. Но остаются еще такъ называемыя лингвистическія классификаціи, созданныя филологами, напр вѣнскимъ ученымъ Фр. Мюллеромъ. Въ сущности, онѣ представляютъ собою нѣчто гораздо болѣе логичное и точное, нежели разсмотрѣнныя классификаціи, основанныя на антропологическихъ и антропометрическихъ соображеніяхъ. Но тѣмъ не менѣе и имъ должно придавать лишь относительную цѣнность. Будучи весьма полезны въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о систематизаціи нашихъ знаній объ отдѣльныхъ нарѣчіяхъ или знаній въ области описательной этнографіи,—онѣ не въ состояніи бросить лучъ свѣта на проблемы соціологіи и философіи исторіи. Руководствуясь чистолингвистическими указаніями, придется въ самый низшій отдѣлъ «отверженныхъ» расъ помѣстить

напр. китайцевъ и другіе народы В. Азіи только за то, что они говорятъ на языкахъ, состоящихъ изъ односложныхъ словъ. Напротивъ, зулусы, бечуаны и еще нѣкоторые народы Южной Африки, говорящіе на одномъ изъ наръчій банту, звучныхъ, полныхъ и приспособленныхъ для выраженія самыхъ незначительныхъ оттѣнковъ мысли и чувства, получатъ по указаніямъ филологіи, право помѣститься въ среду расъ «избранныхъ».

Отъ Летурно не скрыты ни безосновательность антропологическихъ классификацій, ни безсиліе при рѣшеніи соціологическихъ проблеммъ классификацій лингвистическихъ, но онъ, тѣмъ не менѣе, разсчитываетъ все спасти, трактуя этотъ трудный и щекотливый вопросъ съ высоты чистосоціологическихъ и историческихъ соображеній. Разумѣется, такое отношеніе къ дѣлу приводитъ въ концѣ концовъ къ несомнѣнному petitio principii (предложеніе, требующее доказательства). «Избирая» и «отторгая» расы, онъ довольствуется раздѣленіемъ человѣчества на три группы, характеризуемыя отчасти большею или меньшею степенью окраски кожи, отчасти анатомическими особенностями но главнымъ образомъ ихъ отношеніями къ культурѣ и исторіи.

I. Первая раса - *черная*, наслѣдственно-неспособная, внѣ смѣшенія съ высшими расами, создать высокую и продолжительную культуру.

II. Вторая раса *желтая* или монгольская, стоящая несравненно выше первой. «Наиболѣе способные ея представители, азіатскіе монголы, уже въ очень ранній періодъ своей исторіи образовывали громадныя и мудроустроенныя общества, соперничавшія (китайская культура) съ культурами бѣлой расы, а иногда въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ служившія даже имъ образцомъ. Стоящіе на самой низкой степени развитія, интеллектуально наиболѣе жалкіе монгольскіе народы, какъ напр. американскіе индѣйцы, несчастные остатки которыхъ и по сейчасъ томятся на наинизшей степени интеллектуальнаго и соціальнаго развитія—и тѣ, въ лицѣ нам-

болѣе одаренныхъ своихъ представителей, создавали нѣкогда выдающіяся культуры Мексики и Перу».

III. Третья раса—*бѣлая* стоящая на іерархической лѣстницѣ еще нѣсколькими ступенями выше. У представителей ея мозгъ сильно развитъ лобъ расширенъ и вымпрямленъ, челюстныя кости значительно уменьшены. Среди нихъ почти нѣтъ прогнатистовъ и лицъ съ толстыми, широкими губами *). Все это въ общемъ даетъ одной только бѣлой привиллегированной отрасли человѣчества неоцѣненное преимущество быть наслѣдственно одаренной и способной къ созданію высокихъ и устойчивыхъ культуръ.

Эта поверхностная классификація несомнѣнно обладаетъ достоинствами крайней простоты и ясности. Но, къ сожалѣнію, она только. и то не вполнѣ точно, констатируетъ факты, не вдаваясь въ ихъ объясненіе, хотя нужда чувствуется именно въ этомъ послѣднемъ. Безспорно, что большинство народовъ, играющихъ или игравшихъ первыя роли во всемірной исторіи, принадлежатъ къ одной изъ великихъ отраслей бѣлой расы. Таковы арійцы Пенджаба, ассиро-вавилоняне **) (отчасти), финикіяне, греки, итальянцы, французы, германцы и вообще всѣ народы средневѣковой и новой Европы, за исключеніемъ, быть можетъ, финновъ и венгровъ.

Но не слѣдуетъ забывать, что безспорно наилучше изслѣдованная вѣтвь рода человѣческаго, именно группа арійскихъ народовъ, представляетъ нѣчто объединенное исключительно съ лингвистической точки зрѣнія. На громадномъ этнологическомъ пространствѣ, ограниченномъ съ одной стороны браминскими народами Индіи, а съ другой длинноголовыми блондинами Сѣверной Германіи, можно встрѣтить безконечныя измѣненія въ окраскѣ кожи, волосъ и глазъ и безконечное разнообразіе во всѣхъ другихъ антропологическихъ

*) См Letourneau—Sociologie d'après l'ethnographie.

**) Древнѣйшая изъ халдейскихъ культуръ, и какъ кажется самая могущественная, не была вѣроятно ни семитической, ни арійской. Мы еще вернемся къ этому обстоятельству.

признакахъ. Сверхъ того мы видимъ, что большое количество народовъ принадлежность которыхъ къ бѣлой расѣ несомнѣнна, тѣмъ не менѣе дѣйствовало на исторической сценѣ нисколько не интенсивнѣе. нежели напр. чернѣйшіе гвинейскіе негры или какіе-либо другіе еще болѣе «отверженные» народцы Центральной Африки Достойно вниманія, что афганцы, будучи ближайшими родственниками англичанъ. тѣмъ не менѣе испытываютъ совершенно отличныя отъ нихъ историческія судьбы. Бедуины, относящіеся крайне враждебно ко всякой высокой культурѣ, несмотря на многотысячелѣтнее соприкосновеніе съ наиболѣе могущественными цивилизаціями и до днесь, остаются въ томъ же состояніи, въ какомъ исторія видѣла ихъ во времена фараоновъ ѳивскихъ династій. Тѣмъ не менѣе бедуины-семиты, пожалуй еще болѣе чистой крови, нежели ихъ месопотамскіе родственники, эти создатели блестящихъ культуръ—ассировавилонской, а позднѣе калифатской *).

Такимъ образомъ отсюда можно было-бы заключить, что арійцы и семиты съ болѣе или менѣе бѣлой кожей одни только среди всѣхъ, *при извѣстныхъ условіяхъ*, создавали могущественныя государства и устойчивыя культуры. Но такъ какъ *при другихъ условіяхъ* тѣ-же народы испытываютъ противоположныя историческія судьбы, то очевидно, центръ тяжести вопроса лежитъ не въ способностяхъ, свойственныхъ ихъ расѣ, а въ какихъ-то еще пока не опредѣленныхъ условіяхъ.

Существенная погрѣшность системы, предложенной Летурно, приведетъ насъ къ еще болѣе ошибочнымъ выводамъ, если мы станемъ примѣнять ее ко второй изъ великихъ расъ, установленныхъ Летурно, т. е. къ группѣ желтыхъ или монгольскихъ народовъ. Изо всѣхъ народовъ древняго континента, соединенныхъ Летурно, подъ этой одной рубрикой, лишь одни китайцы занимаютъ въ исторіи человѣчества по-

*) Maspero, Histoire ancienne de l'Orient.

четное мѣсто, но всѣмъ извѣстно, что, какъ по языку, такъ и по наружному виду они значительно отличаются отъ другихъ народовъ монгольской расы Правда, и безспорно-монгольское государство, созданное Чингисъ-Ханомъ и его преемниками—Кублаемъ на востокѣ и Батыемъ на западѣ,—завоевало себѣ историческую извѣстность, но увы, эта извѣстность носитъ слишкомъ геростратовъ характеръ Нѣтъ никакихъ основаній ставить государство Чингисъ-Хана въ культурномъ отношеніи выше тѣхъ громадныхъ государствъ (Felatas, Djakas), грандіозные остатки которыхъ (въ Зимбабеѣ) и понынѣ заставляютъ предполагать крайне неправдоподобное присутствіе европейскихъ инженеровъ въ центрѣ чернаго континента *). То-же самое можно повторить и о громадныхъ имперіяхъ Тамерлана и Баберъ-Мирзы (Великаго Могола).

Изъ народовъ древняго міра, помѣщенныхъ подъ этикетку желтой рассы, намъ остается только указать на турокъ-османли или оттомановъ. Они дѣйствительно вписали свое имя на страницахъ исторіи, но только не въ качествѣ творцовъ культуры. Напротивъ, ихъ историческая роль зачастую весьма справедливо сравнивается съ ролью шакаловъ и хищныхъ птицъ, образующихъ нѣчто въ родѣ санитарной полиціи на улицахъ мусульманскихъ городовъ и пожирающихъ ту падаль, которую никто не заботится убрать.

Притомъ турки, равно какъ и крымскіе татары, только по языку принадлежатъ къ урало-китайской семьѣ народовъ; выражаясь антропологическимъ языкомъ, они облагородили свою расу, благодаря вѣковому обычаю пополнять свои гаремы женщинами бѣлой расы плененными или купленными въ Греціи, Придунайскихъ провинціяхъ, въ Польшѣ, Украйнѣ, на Кавказѣ или въ Арменіи.

Итакъ, ту неспособность къ созданію высшихъ культуръ, которую д-ръ Летурно считаетъ характеристичной для «отверженной» расы негровъ, можно констатировать также и у

*) См. Hartmann, Die Nigritier T. I.

значительной части народовъ бѣлой расы и у почти всѣхъ представителей желтой. Вообще, великія историческія культуры являлись результатами совмѣстной работы самыхъ сложныхъ смѣшеній различныхъ этнологическихъ элементовъ, смѣшеній, въ которыхъ даже приблизительно нельзя опредѣлить долю участія «бѣлыхъ», «желтыхъ» или «черныхъ». Такъ напр., египетская культура, считающаяся одной изъ самыхъ древнѣйшихъ и наиболѣе изолированныхъ тѣмъ не менѣе потребовала для своего возникновенія — соединенія 4-хъ этнологическихъ группъ весьма другъ отъ друга отличавшихся какъ окраской кожи, такъ и другими антропологическими отличительными признаками. Изображенія представителей всѣхъ этихъ четырехъ группъ воспроизведены съ удивительной точностью на гробницѣ фараона Сети I (XIX династіи). Здѣсь мы можемъ замѣтить представителей всѣхъ трехъ расъ д-ра Летурно: *бѣлаго человѣка* (Tama'hou — это имя до сихъ поръ носятъ нѣкоторые, весьма похожіе на европейцевъ, африканскіе народцы, которыхъ арабы называютъ туарегами), *желтаго* человѣка (Amou) съ семитическими характерными чертами, съ болѣе или менѣе ясной примѣсью туранскаго элемента и наконецъ *чернаго* (Nahasiou — обыкновеннаго негра съ курчавыми волосами). Четвертый, изображенный тамъ-же, типъ не нашелъ себѣ мѣста въ классификаціи Летурно, хотя представители его играли, по всѣмъ вѣроятіямъ, главную роль въ Египтѣ временъ фараоновъ. Это — представитель народа *), упоминаемаго и въ іероглифическихъ надписяхъ и въ книгѣ Бытія, народа съ красной кожей, повидимому, тожественнаго темно-коричневымъ народамъ, въ доисторическія времена весьма распространеннымъ по обоимъ берегамъ Краснаго моря и вплоть до Сиріи и Палестины. Остатки этихъ народовъ сохранились и доселѣ въ пустыняхъ мыса Гвартафуй (полуостровъ Сомаль), въ верховьяхъ Нила и на южномъ берегу

*) Rot Ленормана, или Retou, іероглифическій синонимъ Loud книги Бытія См. Lenormant: Histoire ancienne de l'Orient jusqu'aux guerres médiques.

Аравіи Намекъ на окраску ихъ кожи, пожалуй, можно найти въ ихъ старинномъ имени Роиn, откуда по всѣмъ вѣроятіямъ, произошло названіе φοίνιξ грековъ и Poeni, Punici римлянъ. *Красное* море также могло быть именно имъ обязано своимъ наименованіемъ. Это предположеніе станетъ еще болѣе вѣроятнымъ если мы сообразимъ, что изъ Himyarites, данное Савеямъ Счастливой Аравіи происходитъ отъ корня h-m-r, по-арабски homra, что обозначаетъ красный цвѣтъ въ семитическихъ языкахъ.

При современномъ состояніи науки опредѣлить относительную, быть можетъ, весьма несходную съ другими, роль каждаго изъ четырехъ этническихъ элементовъ въ созданіи египетской культуры невозможно. Основываясь на показаніяхъ египетскихъ жрецовъ, большинство авторовъ античнаго періода принимало, что наиболѣе видную роль въ этомъ случаѣ пришлось играть эѳіопскому элементу изъ нижней долины Нила Дѣйствительно, по преданіямъ, Озирисъ — олицетвореніе порядка, прогресса и культуры—отличался темной кожей *), а Тиѳонъ—его антагонистъ, обладалъ напротивъ красными волосами и желтой кожей, каковые признаки на гробницѣ Сети I присвоены желтой расѣ.

Въ общемъ, однако, мы не можемъ принять безъ ограниченій мнѣнія греческихъ историковъ и египетскихъ жрецовъ, такъ какъ изученіе языка и вѣрованій древнихъ египтянъ заставляетъ насъ заключить, что культура древняго Египта имѣла какую-то связь съ семитическимъ элементомъ **). Но такъ какъ ни семитамъ, ни ливійцамъ въ одиночку никогда не удавалось создать высокую и устойчивую культуру въ той же самой области Африки, то на этомъ основаніи можно было-бы выставить гипотезу, діаметрально противоположную положеніямъ Летурно; именно, можно было-бы утверждать, что бѣлая привиллегированная историческая раса нуждается для исполненія своей великой роли въ «отверженной»

*) Плутархъ—объ Изидѣ и Озирисѣ.
**) Maspero—Histoire ancienne des peuples de l'Orient

крови «отверженныхъ» негровъ и что, не будучи оплодотворена этой примѣсью, она тѣмъ самымъ осуждается на безплодіе. Въ самомъ дѣлѣ, можно думать, что Арійскіе народы, населяющіе Европу, никогда не обратились-бы въ то интеллектуально и морально высокое племя, какое мы наблюдаемъ нынѣ вокругъ себя, еслибы имъ не удалось въ нужный моментъ получить при посредствѣ финикіянъ и эллиновъ драгоцѣнное наслѣдство отъ египетской культуры, бывшей цѣликомъ дѣломъ рукъ негровъ и метисовъ. Перейдемъ теперь къ другой могущественной культурѣ, зародившейся въ Месопотаміи. Эта культура завѣщала намъ не менѣе драгоцѣнное наслѣдство; въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ она даже можетъ конкурировать за пальму первенства съ культурой нильской долины. На порогѣ исторіи мы находимъ здѣсь тоже смѣшеніе крови и различныхъ расъ, какое только что, на основаніи изображеній ѳивскаго некрополя, констатировали въ Египтѣ. Задолго до появленія арійскаго элемента здѣсь уже работали надъ созданіемъ культуры Сумиры и Аккады *) выходцы изъ Турана (среди всѣхъ французскихъ и нѣмецкихъ и англійскихъ ассирологовъ одинъ лишь Галеви оспариваетъ присутствіе туранскаго элемента въ Месопотаміи). Но имъ предшествовали въ нижней Хаилеѣ народы съ еще болѣе темной кожей, нежели большинство негровъ (кушиты нашихъ археологовъ и этнографовъ). Итакъ, по мнѣнію самыхъ авторитетныхъ ученыхъ, слава и честь закладки зданія Месопотамской культуры принадлежитъ именно темнымъ народамъ **).

Перенесясь съ запада на востокъ, перейдя черезъ тройной хребетъ Соломоновыхъ горъ, вступимъ въ Индію, изъ которой на историческую арену вышли самыя привиллегиро-

*) Oppert признаетъ, что Сумиры туранскаго происхожденія. Англійскіе ученые и Lenormant считаютъ Сумировъ кушитами и только въ Аккадахъ видятъ туранцевъ. Но всѣ они согласны, что оба эти элемента работали надъ месопотамской культурой еще въ древнѣйшія историческія времена (см. по этому поводу Hamy, Bull. de la société d'anthropologie de Paris. 1873 г. p. 34—36.

**) Maspero и Lenormant—цитированные труды.

ванныя и благороднѣйшія арійскія народности. Аріо-индусы, при своемъ вступленіи въ преддверіе Индіи, въ область теперешняго Пенджаба, нашли уже тамъ болѣе высокую культуру, нежели та, которою они сами обладали. Эмиль Бюрнуфъ видитъ доказательство такого предположенія въ молитвахъ, съ которыми ведійскіе пѣвцы безпрестанно обращаются къ своимъ божествамъ. Они просятъ передать въ ихъ собственныя руки всѣ богатства, стада, драгоцѣнности, а также земли дакіевъ (см. Burnouf, Essai sur le Veda).

Всѣ эти блага культуры, воспѣваемыя ведійскими поэтами, отнюдь не были,—какъ это мы узнаемъ изъ современныхъ изслѣдованій,— плодомъ труда дакіевъ или ихъ туранскихъ покорителей Они представляли собою результаты работы туземнаго населенія,—аборигеновъ Индіи, весьма отличавшихся отъ дакіевъ и туранскихъ народовъ и которыхъ, между прочимъ, Рамайяна смѣшиваетъ съ обезьянами. Эти туземцы—дравиды отличались весьма темной кожей *) и по новымъ изысканіямъ Липперта **) находились въ родствѣ, даже составляли одну вѣтвь кушитовъ, уже встрѣченныхъ нами въ Египтѣ и Мессопотаміи. Кушиты отличаются отъ негровъ меньшею шерстистостью и меньшею курчавостью волосъ. Но достаточно-ли подобнаго отличія, чтобы отдѣлить кушитовъ отъ собственно негровъ и помѣстить ихъ въ рубрику менѣе «отверженныхъ», но зато болѣе неопредѣленныхъ негроподобныхъ народовъ это остается вопросомъ.

Въ сущности, для того, чтобы представить негровъ обособленной группой человѣчества, необходимо одно условіе, именно ни разу не имѣть случая наблюдать ихъ непосредственно. Всѣ тѣ, кому приходилось на живыхъ примѣрахъ изучать этнологію чернаго материка: Ливингстонъ, Стэнли, Ридъ, Вернеръ Мунцингеръ, Бастіанъ, Гартманнъ, Казалисъ,

---

*) см Burnouf'a цитированный трудъ; Quatrefages, Materiaux pour servir à l'histoire de l'homme

**) Lippert, Kulturgeschichte der Menschheit in ihrem organischen Aufbau (есть русскій переводъ)

Фритчъ и мн. др.,— согласны, что проведеніе точной демаркаціонной линіи между неграми и не-неграми невозможно. Извѣстно напр., что Фритчъ въ своей талантливой попыткѣ новой классификаціи человѣчества, разсматриваетъ обитателей странъ вокругъ Средиземнаго моря, монголовъ и негровъ т. е. «*бѣлыхъ, желтыхъ и черныхъ*» д-ра Летурно, какъ разновидности, происшедшія отъ одной общей формы, которую Фритчъ называетъ «homo primitivus migratorius» въ противоположность «homo primitivus sedentarius», предполагаемому предку австралійскихъ и океанійскихъ народностей папуасовъ, а также дравидовъ, айносовъ и готтентотовъ *) Такъ какъ способность къ переселеніямъ, предполагающая обладаніе извѣстной эластичностью организма и умѣньемъ приспособляться къ различнымъ условіямъ жизни, составляетъ значительное преимущество «переселяющагося» человѣка надъ вѣчно «осѣдлымъ», то негры, «отторгнутые» д-ромъ Летурно, помѣщаются Фритчемъ—самымъ авторитетнымъ знатокомъ негрскихъ племенъ кафровъ или банту—въ рангъ «избранныхъ» и привиллегированныхъ народовъ человѣчества.

Забудемъ на мгновеніе все сказанное и примемъ, что различныя расы наслѣдственно одарены спеціальными способностями, необходимыми для того, чтобы сыграть опредѣленную роль въ исторіи, одарены ими, ну, хоть на подобіе того, какъ макъ одаренъ наркотическими свойствами... **) и посмотримъ какимъ образомъ умудримся мы тогда отвѣтить на слѣдующіе вопросы:

1. Почему столь родственныя этническія группы, какъ Курды и Нѣмцы, Англичане и Афганцы, составляющія одну и ту-же арійскую вѣтвь бѣлой расы, тѣмъ не менѣе сыграли и играютъ въ исторіи столь несхожія роли?

---

*) см. Fritsch,—Verhandlungen der Gesellschaft für Erdkunde VI 1881 года.

**) Съ нѣкоторой, впрочемъ, разницей, заключающейся въ томъ что каждый лавочникъ съумѣетъ опредѣлить макъ, тогда какъ ни одному изъ ученыхъ антропологовъ не удалось до сихъ поръ распредѣлить человѣческія расы.

2. Почему въ исторіи можно наблюдать радикальныя измѣненія въ іерархіи расъ? Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь въ тѣ времена, когда напр., Кушиты, возжгли въ нижней Халдеѣ или сѣверной Индіи тотъ великій культурный свѣтильникъ, который въ теченіе столѣтій, переходя изъ рукъ въ руки, и донынѣ свѣтитъ человѣчеству,—современные имъ соціологи и этнографы имѣли полное право удивляться бездѣятельности тогдашнихъ болѣе бѣлыхъ расъ и осудить ихъ на вѣчную «отверженность».

Кушиты вѣдь не обладали тогда совокупностью необходимыхъ способностей, развиваемыхъ борьбой за жизнь и наслѣдуемыхъ позднѣйшими поколѣніями... Геродотъ свидѣтельствуетъ что египетскіе жрецы имѣли основаніе смотрѣть на бѣлокожихъ Эллиновъ примѣрно такъ, какъ мы смотримъ на троглодитовъ въ то время, какъ негроподобные Нильской долины уже въ теченіе 30 или 40 вѣковъ жили среди сравнительно утонченной культуры.

3. Почему историческія судьбы одной и той-же группы народовъ такъ часто мѣняются. не смотря на то, что ея этнографическія и антропологическія характерныя черты остаются неизмѣнными? Феллахи современнаго Египта, будучи изумительно похожи на своихъ предковъ періода фараоновъ, уже не играютъ въ исторіи той роли, которую нѣкогда сыграли Рету (ихъ предки). Современные Греки, управляемые Деліанисомъ и Трикуписомъ, уже не занимаютъ на страницахъ исторіи того почетнаго мѣста, которое они занимали при Периклѣ. Отношенія Итальянцевъ и Нѣмцевъ при Гумбертѣ и Бисмаркѣ не носятъ уже того характера, какимъ они отличались въ періодъ Тацита. «Вырожденіе». скажутъ намъ; но вѣдь это слово еще не объясняетъ историческихъ явленій.

Нелогично предполагать, что наслѣдственность можетъ образовывать непроходимыя пропасти и воздвигать рѣзкія границы между различными группами человѣчества. Напротивъ, расовыя отличія, отнюдь не составляя неизмѣнныхъ историческихъ данныхъ, должны разсматриваться только въ

качествѣ продукта приспособительныхъ процессовъ къ разнообразнымъ географическимъ и социальнымъ условіямъ *). Такой взглядъ подтверждается массой примѣровъ Извѣстно, напр., что Англо-саксонцы и Гвинейскіе негры при переселеніи въ Америку подверглись значительнымъ и рѣзкимъ измѣненіямъ.

Одинъ изъ добросовѣстнѣйшихъ наблюдателей извѣстный русскій писатель Глѣбъ Успенскій, въ цѣлой серіи писемъ съ Кавказа помѣщенныхъ въ 1887 г въ «Русской Мысли» также указываетъ, что русскіе диссиденты на почвѣ религіи (раскольники), переселенные изъ безпредѣльно-монотонныхъ равнинъ Великороссіи на Кавказъ, въ теченіе только нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, измѣнились до того что образовали совершенно новый этническій и соціологическій типъ

Аналогичные случаи констатировались столь часто, что даже одно перечисленіе ихъ въ нѣсколькихъ строкахъ былобы невозможно.

Самый рѣзкій, пожалуй, примѣръ этихъ измѣненій, происходящихъ подъ вліяніемъ среды, приводитъ Ливингстонъ, наблюдавшій у голландскихъ женщинъ Трансвааля случаи стеатопигіи **), которую считаютъ обыкновенно характернымъ признакомъ готтентотской расы. Это достойно вниманія, конечно, только потому, что отвращеніе, проявляемое боэрами къ туземцамъ, не позволяетъ видѣть въ стеатопигіи результатъ скрещиваній.

Интересныя многолѣтнія изысканія проф. Ломброзо въ тюрьмахъ Милана и Турина, будто-бы, доказали существованіе особой человѣческой разновидности въ населеніи большихъ городовъ Ломбардіи и Пьемонта. По своимъ антропологическимъ особенностямъ она значительно отличается отъ нормальнаго типа населенія Сѣверной Италіи. Темнобурый оттѣнокъ кожи, богатство гладкой, твердой и черной шевелюры,

*) Именно такой точки зрѣнія придерживается Липпертъ въ своемъ замѣчательномъ трудѣ, когда пытается создать новую классификацію человѣческихъ группъ.

**) Steatopigie—характерно сильное развитіе бедръ

косоглазіе, выдающіяся широкія скулы и замѣтное уменьшеніе вторичныхъ половыхъ признаковъ сближаютъ эту разновидность съ туранскими народами желтой расы *). Къ сожалѣнію, итальянскій ученый какъ мнѣ кажется, не уяснилъ себѣ всего научнаго значенія сдѣланныхъ имъ наблюденій. Онъ придалъ имъ исключительно криминалогическій характеръ и даже наградилъ объектовъ своего изученія грустнымъ наименованіемъ «людей-преступниковъ». Чтобы объяснить присутствіе этого варварскаго типа среди населенія богатѣйшихъ городовъ современной Италіи, Ломброзо прибѣгаетъ къ одной изъ самыхъ неправдоподобныхъ гипотезъ. Онъ увѣряетъ, что преступный контингентъ миланскихъ и туринскихъ тюремъ вербуется главнымъ образомъ, изъ остатковъ какого-то таинственнаго народа-аборигена благодаря атавизму умудрившагося сохраниться и доселѣ, не взирая на смѣшенія съ другими націями, на эмиграцію и на всѣ историческія превратности.

Однако, лишь одинъ тотъ фактъ,—предупредительно сообщенный, между прочимъ, самимъ Ломброзо,—что представители «преступнаго» типа несравненно многочисленнѣе въ большихъ городахъ, нежели въ изолированныхъ отъ городскаго вліянія деревняхъ,—совершенно достаточенъ, чтобы подвергнуть сомнѣнію атавистическую теорію Ломброзо. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь многіе писатели утверждали, и недавно еще знаменитый англійскій естествоиспытатель Уоллесъ показалъ **), что среда, къ которой приходится приспособляться неимущему населенію большихъ и цвѣтущихъ европейскихъ городовъ въ смыслѣ содѣйствія антропологическому его развитію, гораздо менѣе благопріятна, нежели жизненная обстановка дикарей Малайскаго Архипелага или другой какой-либо дикой мѣстности. Преступный человѣкъ Ломброзо—только поучительный представитель людей, вырождающихся исключительно подъ вліяніемъ неблагопріятно сложившейся среды, т. е.

*) Lombroso—Uomo delinquente.
**) Wallace—The Land Nationalisation.

вредныхъ жизненныхъ условій. Такъ какъ развитіе пауперизма въ Ломбардіи и Пьемонтѣ относится главнымъ образомъ къ началу нынѣшняго вѣка, то значитъ въ данномъ случаѣ не понадобилось даже совмѣстнаго дѣйствія цѣлыхъ геологическихъ періодовъ времени для образованія въ анатомической и физіологической организаціи человѣка столь важныхъ и представляющихъ громадный историко-соціологическій интересъ измѣненій.

Присутствіе этой «отверженной» народности, продукта нищеты нашихъ большихъ городовъ, къ несчастью далеко не ограничивается одной Италіей. Оно констатируется всюду, гдѣ только имѣетъ мѣсто среда, благопріятствующая появленію выродившихся людей. Многочисленныя работы по криминалогической статистикѣ и соціальной психіатріи частью, какъ напр., работа Moreau Christoffe'a *) во Франціи или Маудсли **) въ Англіи, появившіяся раньше труда Ломброзо, констатировали присутствіе «человѣка-преступника» во всѣхъ значительныхъ городахъ цивилизованнаго міра. Жаль только, что ученые авторы названныхъ важныхъ трудовъ, поглощенные исключительно своими — психіатрическими у Маудсли, криминалогическими у Ломброзо и его сотрудниковъ—заботами, не пытались воспользоваться своими наблюденіями для изученія самаго факта возникновенія антропологическихъ разновидностей подъ вліяніемъ извѣстной среды. Лишь немногіе изъ нихъ мимоходомъ показываютъ, что появленіе ненормальныхъ типовъ обусловливается нѣсколькими спеціальными агентами, каковы напр., вредный воздухъ въ жилищахъ, недостаточная и нездоровая пища и т. п. ***). Большинство ученыхъ, напирая слишкомъ на тотъ фактъ, что преступленіе и вообще извращеніе моральнаго чувства въ нѣкоторыхъ случаяхъ передается по нисходящей линіи родства —получили склонность относить все опредѣляющую причину вырожденія

*) Moreau Christoffe—Le monde des Coquins.
**) Le crime et la folie; „Pathologie de l'Esprit".
***) См. главнымъ образомъ въ различныхъ работахъ Ломброзо

не на счетъ неблагопріятныхъ условій жизни, а только на счетъ одной наслѣдственности. Мнѣ лично думается, что наслѣдственность въ данномъ случаѣ играетъ только второстепенную роль. Печальная ея роль сводится на увѣковѣченіе неблагопріятнаго дѣйствія среды для цѣлой серіи послѣдующихъ поколѣній и на укрѣпленіе характерныхъ чертъ вырожденія, пріобрѣтенныхъ однимъ изъ отдаленныхъ предковъ.

Въ 80-хъ годахъ вышли въ свѣтъ чрезвычайно важныя изслѣдованія наслѣдственности въ ея отношеніяхъ къ естественному отбору у людей, принадлежащія А де-Кандоллю и русскому ученому д ру Якоби. Несмотря на мое глубокое уваженіе къ наукѣ вообще и къ талантливости этихъ изслѣдователей въ частности, я долженъ замѣтить, что они проявили значительную слабость въ пользованіи научнымъ методомъ въ этихъ трудахъ, посвященныхъ столь важному вопросу. Всякій разъ, какъ имъ случается замѣтить одну характерную черту или цѣлую ихъ совокупность, передающимися отъ отца къ сыну въ продолженіе нѣсколькихъ поколѣній, они заключаютъ отсюда о несомнѣнномъ вліяніи наслѣдственности. Но я думаю, чаще случается, что, напр., сынъ, поставленный въ условія, аналогичныя тѣмъ, въ которыхъ находился его отецъ получаетъ возможность пріобрѣсти отцовскія характерныя черты просто въ силу непосредственнаго вліянія среды. Карьера ученаго наиболѣе доступна сыну ученаго, карьера извозчика — сыну извозчика и т д... Наконецъ несчастная перспектива обратиться въ преступника интенсивнѣе всего преслѣдуетъ сына преступника. Весьма возможно, что каждый изъ нихъ трехъ получилъ въ наслѣдство отъ своихъ родителей нѣкоторую спеціальную способность, но центръ тяжести тѣмъ не менѣе остается въ томъ, что съ самаго своего дѣтства они унаслѣдовали жизнь въ такой или иной спеціальной обстановкѣ, опредѣляющей ихъ будущую дѣятельность *). Въ концѣ концовъ я думаю, что посредствомъ пріемовъ, упо-

*) См. Л Мечниковъ.—Географическая теорія развитія историческихъ обществъ, В Е 89, 3.

требляемыхъ де-Кандоллемъ и Якоби, мы никогда не будемъ въ состояніи точно опредѣлить взаимныя отношенія вліяній среды и наслѣдственности или расы и среды

Въ качествѣ убѣдительнаго примѣра появленія новыхъ расъ, т. е. особенныхъ антропологическихъ типовъ сформировавшихся подъ давленіемъ «среды» и укрѣпленныхъ наслѣдственностью, можно указать на *кретинизмъ*, чисто эндемическое характерное явленіе, наблюдаемое въ нѣкоторыхъ горныхъ странахъ въ Савойѣ, Швейцаріи, въ колумбійскихъ Андахъ на Кавказѣ и т. п **). Наблюдая его, мы находимся въ присутствіи одного изъ весьма исключительныхъ случаевъ, когда антропопластическая дѣятельность среды можетъ быть замѣчена невооруженнымъ глазомъ. Но это-то и хорошо! Исключенія, вообще, легче схватываются, чѣмъ общее правило рискующее ускользнуть отъ нашего вниманія, благодаря монотонности и обыденности своихъ проявленій. Мы можемъ упомянуть еще о такъ называемыхъ «профессіональныхъ типахъ», образующихся характерными, неизгладимыми особенностями, налагаемыми на человѣка долговременными занятіями однимъ и тѣмъ-же ремесломъ или дѣломъ. Въ то время, какъ по мнѣнію компетентнѣйшихъ ученыхъ признаки, по которымъ антропологъ распознаетъ различныя расы, неопредѣленны и сбивчивы, каждый внимательный наблюдатель всюду сможетъ распознать представителей различныхъ профессій: земледѣльцевъ моряковъ, солдатъ, духовныхъ, ученыхъ кузнецовъ и т. д. Если-же продолжительное занятіе опредѣленной отраслью труда отмѣчаетъ людей различнаго происхожденія одной и той же печатью, притомъ болѣе замѣтной, нежели врожденныя расовыя особенности, то тѣмъ большимъ вліяніемъ должны обладать тѣ сложныя и зачастую скрытыя условія, которыя опредѣляются однимъ словомъ «среда»,

**) Изслѣдованія, самостоятельно предпринятыя нѣкоторыми земскими врачами Нижегородской и Самарской губ., доказываютъ, что явленіе кретинизма получаетъ за послѣдніе годы въ Россіи очень значительное распространеніе *Прим. пер.*

и которыхъ совершенно достаточно, чтобы объяснить всѣ анормальныя и болѣзненныя видоизмѣненія человѣческаго типа.

Резюмирую все сказанное въ этой главѣ слѣдующимъ образомъ: *наслѣдственность—могучій факторъ, въ союзѣ съ нею приспособленіе формируетъ человѣчество. но вліяніе ея не въ состояніи освободитъ человѣка отъ еще болѣе могучаго вліянія среды*

V.

Физическія измѣненія земной поверхности. — Изслѣдованіе гипотезы Адольфа д'Ассье объ отношеніяхъ между зарожденіемъ культуры и ледниковымъ періодомъ. — Предшествіе равноденствій. — Преувеличенное значеніе, приписываемое термическимъ вліяніямъ. — Значеніе среды измѣнчиво.

Исторія безпрестанно перемѣщается. Европа теперь стоящая во главѣ прогрессивнаго движенія человѣчества, еще недавно была погружена въ глубокій мракъ невѣжества и дикости; свѣточъ культуры и знанія въ это время блисталъ въ другой части свѣта, пустынной и дикой въ настоящее время. Въ Египтѣ и въ Азіи мы видимъ массу городовъ, навсегда вписавшихъ свое имя въ исторію культуры, но отъ которыхъ теперь осталась или безформенная куча развалинъ, погребенныхъ подъ песками пустынь, или нѣсколько надгробныхъ памятниковъ или, наконецъ, только одно названіе. Номадъ попираетъ ногами ихъ остатки, столько же размышляя объ ихъ быломъ величіи, сколько и пасущіяся подъ его охраной стада.

Зачастую паденіе историческихъ культуръ по времени совпадаетъ съ геологическими или географическими измѣненіями среды. Вообще различныя страны нашей планеты, быть можетъ, еще больше, нежели народныя судьбы, подлежатъ дѣйствію властнаго гнета всесокрушающаго времени. Наружная оболочка нашей планеты не въ состояніи жить вѣка, не измѣняя своего вида. Отъ значительнаго Латмійскаго залива къ нашему времени осталось только незначительное озерко, окруженное заражающими воздухъ болотами. Вся остальная его часть заполнилась наноснымъ иломъ Меандра, причемъ нѣко-

торое поднятіе почвы еще ускорило этотъ процессъ *). Древній Милетъ, нѣкогда пышная столица іонійской федераціи, обязанный своимъ величіемъ Латмійскому заливу, обратился теперь, благодаря этому, въ жалкую деревушку Palatia.

Однако, еслибы жители новаго Милета были вдохновлены геніемъ, нѣкогда создавшимъ въ ихъ средѣ Ѳалеса и Анаксимандра, они могли бы противопоставить медленному, но неизбѣжному поднятію почвы такой же отпоръ, какой нѣкогда дали ихъ далекіе предки Александру Македонскому; при пораженіи въ подобной неравной борьбѣ имъ оставался бы еще одинъ выходъ—именно перенесеніе своихъ славныхъ пенатовъ въ другую мѣстность. Поступить такъ было тѣмъ болѣе легко, что въ сосѣдствѣ нѣтъ недостатка въ удобныхъ гаваняхъ. Но, увы, біеніе «пульса» исторической жизни прекратилось въ милетской артеріи раньше, чѣмъ ее занесъ илъ Меандра. Жители Милета не смогли сдѣлать того, что впослѣдствіи сдѣлали Римляне съ своей гаванью Остіей. Извѣстно, что она постоянно заполнялась заносами Тибра и уже во времена Августа древнее устье находилось на твердой землѣ; но величіе вѣчнаго города нисколько не пострадало отъ этого, такъ какъ, по велѣнію цезарей, къ югу и сѣверу отъ занесеннаго лимана вырывались новые каналы.

Самыя значительныя измѣненія земной поверхности чаще всего наблюдались въ странахъ, лежащихъ на востокъ отъ Средиземнаго моря. Изъ нѣкоторыхъ достовѣрныхъ указаній можно заключить, что почва каменистой Аравіи нѣкогда была менѣе безплодной и болѣе поддавалась культурѣ. Берега большей части ея безводныхъ рѣкъ «*ouadi*» обросли акаціями и тамарисами, показывающими, что въ продолженіе громаднаго количества лѣтъ въ сырое время года воды поднимались только футовъ на шесть **). Но утесистые берега этихъ высокихъ

*) Оставшееся озерко лежитъ теперь на 29 метровъ выше поверхности воды въ океанѣ.

**) G. Marsh. Man and Nature, of physical Geography as modified by human action.

рѣкъ носятъ еще несомнѣнные слѣды разрушительнаго дѣйствія водъ даже на высотѣ 15-ти метровъ. Къ сожалѣнію, въ народной памяти не осталось воспоминаній объ этой эпохѣ Такъ какъ ни каменистая Аравія, ни сосѣдній Синайскій полуостровъ никогда не были покрыты лѣсами на большихъ пространствахъ, то приписать высыханіе текущихъ здѣсь рѣкъ лѣсоистребленію, конечно, нельзя. Оно объясняется гораздо проще и вѣроятнѣе космическими причинами, тѣмъ болѣе важными, что дѣйствіе ихъ не ограничилось Аравійскимъ полуостровомъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Ренанъ, чтобы объяснить упадокъ Палестинской культуры, прибѣгнулъ къ гипотезѣ, будто климатъ тамъ сталъ значительно знойнѣе со временъ Іисуса Христа и Понтія Пилата. Элизе Реклю, въ свою очередь *), предпринялъ провѣрку этого интереснаго вопроса исторической метеорологіи. Онъ считаетъ несомнѣннымъ, что «годовая температура осталась тамъ приблизительно одной и той же такъ какъ сѣверная граница зоны вызрѣванія финиковъ и южная граница области винограда до сихъ поръ совпадаютъ на берегахъ Іордана. Слѣдовательно, средняя годовая температура въ 21^0—$21^1/_2{}^0$ держалась тамъ устойчиво и неизмѣнно въ теченіи 25 вѣковъ **) (21^0—$21^1{}_2{}^0$ необходимы для созрѣванія финиковъ и составляютъ крайній предѣлъ, при которомъ виноградъ еще можетъ выдержать). Во всякомъ случаѣ можно допустить, что въ странѣ, рельефъ которой носитъ такой безпорядочный характеръ, незначительныя измѣненія въ границахъ области распредѣленія отдѣльныхъ растеній могли произойти, не будучи замѣчены современниками или историками. Извѣстно, что поднятіе поверхности на 200 метровъ значитъ тоже, что удаленіе ея отъ экватора на одинъ градусъ широты.

Въ древней Палестинѣ точно также, какъ и въ современной, атмосферныхъ осадковъ не могло не хватать для процвѣтанія культуры. Дѣйствительно, мы видимъ, что возвеженіе

*) См. IX томъ его Nouvelle Geographie Universelle.
**) См. Л. Мечниковъ, Географ. теорія. В. Е. 89, 3.

цистернъ, постройка водопроводовъ для снабженія водою городовъ и полей и тогда уже считались необходимой общественной работой. Молитвы о ниспосланіи дождя возносились уже и тогда. Происходило это главнымъ образомъ въ октябрѣ, когда обыкновенно выпадаютъ первые ливни, и въ апрѣлѣ, когда ждутъ первыхъ весеннихъ дождей.

Какъ бы то ни было, общій видъ страны доказываетъ, что эта мѣстность, «текущая млекомъ и медомъ», обладала нѣкогда болѣе влажнымъ климатомъ. Всѣ древніе писатели согласно утверждаютъ, что Палестина нѣкогда была покрыта лѣсами на большей части своего протяженія. Теперь лѣса совершенно исчезли отовсюду, за исключеніемъ узкой береговой полосы вдоль моря и нѣсколькихъ горныхъ склоновъ, обвѣваемыхъ влажными вѣтрами. Ихъ жалкими остатками, въ видѣ могучихъ корней, добываемыми изъ-подъ земли для выдѣлки угля или топлива, еще и доселѣ пользуются обитатели современной Палестины. Нѣкогда культура занимала въ Палестинѣ гораздо болѣе обширную область, нежели теперь.

Остатки древнихъ поселеній находятся въ настоящей пустынѣ, куда теперь нѣтъ доступа для необходимой влаги Вообще, современная, столь безплодная, каменистая и знойная Палестина нѣкогда во всей своей южной части представлялась сплошнымъ садомъ съ богатѣйшей растительностью; горные склоны ея были обращены въ террасы, похожія на террасы Прованса и Лигуріи.

Внимательное изученіе физическихъ условій современной Малой Азіи и особенно Месопотаміи заставляетъ насъ признать, что высыханіе почвы имѣетъ мѣсто и здѣсь. И все-таки, даже находясь въ печальномъ періодѣ упадка, эти страны, гдѣ нѣкогда былъ созданъ первый кусокъ хлѣба, и доселѣ заслуживаютъ прежняго названія «житницъ», такъ какъ онѣ еще до сихъ поръ гораздо плодороднѣе многихъ плодородныхъ странъ Европы или Сѣверной Америки и могли бы прокормить болѣе многочисленное населеніе, нежели какое составляютъ жалкіе остатки древнихъ калифскихъ подданныхъ.

Несомнѣнно, что часть измѣненія къ худшему въ физическихъ условіяхъ существованія должна быть приписываема вредному направленію соціальнаго строя но эту часть нельзя признать естественной причиной историческаго паденія культурныхъ націй, такъ какъ она сама есть продуктъ этого упадка.

Явленіе прогрессивнаго уменьшенія влажности почвы и воздуха въ областяхъ древнихъ культуръ, особенно въ Азіи, заставляетъ предполагать въ его корнѣ какую-либо общую для различныхъ мѣстностей и могущественную физическую причину, для насъ, къ сожалѣнію, еще неизвѣстную. Весьма возможно, что это явленіе находится въ нѣкоторой связи съ постепеннымъ, но быстрымъ исчезновеніемъ послѣднихъ остатковъ океана третичной эпохи, волны котораго нѣкогда раздѣляли Европу и Азію и остатками котораго являются Каспійское и Аральское моря, озеро Балкашъ и другіе меньшіе водоемы Центральной Азіи *).

Нѣсколькихъ приведенныхъ нами примѣровъ достаточно, чтобы сдѣлать очевиднымъ, насколько значительный интересъ съ исторической и соціологической точекъ зрѣнія представилобы изслѣдованіе явленій динамической геологіи и зависящихъ отъ нея измѣненій въ климатѣ.

Насколько мнѣ извѣстно, единственная попытка связать синтетически всемірную исторію человѣчества съ космической и физической исторіей нашей планеты была сдѣлана Адольфомъ д'Ассье. Ему принадлежитъ честь первоизслѣдованія этого важнаго вопроса въ широкихъ размѣрахъ, при помощи строгаго и точнаго метода и громадной разносторонней эрудиціи.

«Почему,—спрашиваетъ онъ,—нѣкоторые народы Востока пробудились уже 150 вѣковъ (?) тому назадъ, а европейцы всего 7 или 8 тысячъ лѣтъ тому назадъ еще пребывали въ

*) Въ августѣ. кн. Revue de Geographie (86 г.) помѣщена [illegible]ая статья Венюкова, гдѣ собраны важныя наблюденія надъ высыханіемъ озеръ внутренней Азіи.

состояніи троглодитовъ» *). Ученый авторъ надѣется найти ключъ къ этой загадкѣ въ теоріи ледниковыхъ періодовъ.

«Будучи лишенъ высокихъ горъ и прилегая своей южной границей къ тропику Рака, Египетъ всегда былъ защищенъ отъ явленій, неразлучныхъ съ присутствіемъ ледниковъ. Въ подобномъ же положеніи находились всѣ страны, лежавшія къ югу отъ громадныхъ горныхъ цѣпей, пересѣкающихъ Азію отъ береговъ Средиземнаго моря до восточныхъ береговъ Китая.

Совершенно въ противоположномъ положеніи находилась Европа, помѣщающаяся вдали отъ тропиковъ, граничащая съ Ледовитымъ океаномъ и вслѣдствіе этого являющаяся классической страной продолжительныхъ періодовъ холода. Снѣговое покрывало, въ теченіе ледниковаго періода прикрывавшее большую часть ея поверхности, задерживало процессъ распространенія и развитія народонаселенія. И, дѣйствительно, первые слѣды существованія доисторическихъ людей въ Европѣ наблюдаются только въ періодъ, непосредственно слѣдовавшій за исчезновеніемъ ледниковъ. Только тогда человѣкъ сталъ селиться въ гротахъ, въ свайныхъ постройкахъ на озерахъ, въ пещерахъ, торфяныхъ ямахъ. Въ отложеніяхъ предыдущихъ эпохъ находятъ только очень незначительное количество человѣческихъ костей и ихъ остатки становятся все болѣе рѣдкими по мѣрѣ приближенія къ слоямъ четвертичныхъ эпохъ».

Такимъ образомъ, по мнѣнію д'Ассье, въ страшномъ полярномъ холодѣ и суровости климата сѣвернаго полушарія надо видѣть причину того, что народонаселеніе высокихъ плато Азіи было принуждено эмигрировать изъ своей родины и поселиться вдоль южнаго берега Средиземнаго моря, береговъ Персидскаго залива, Индостана и Индокитая, климатъ которыхъ въ то время былъ приблизительно такой, каковъ теперь климатъ счастливѣйшихъ странъ. Человѣчество, такъ

*) См. Revue scientifique отъ 26 juillet 79 г.

сказать, расцвѣло въ благопріятной для него средѣ, въ климатическомъ отношеніи не оставлявшей желать ничего лучшаго, такъ какъ зной умѣрялся здѣсь близостью ледниковъ. Но мало-по-малу, съ исчезновеніемъ льдовъ охлаждающее ихъ дѣйствіе прекращалось, климатъ становился все болѣе тропическимъ, интеллектуальная энергія населенія слабѣла и наконецъ, ихъ культура пала, уступая мѣсто новой европейской цивилизаціи. Въ свою очередь, европейскій климатъ со времени диллювіальнаго періода значительно смягчился, оставляя вмѣстѣ съ тѣмъ за собою всѣ преимущества климата внѣтропическаго, не знающаго, раздражающаго и разслабляющаго зноя *). Но если Европа оказывается такимъ образомъ страной сравнительно покровительствуемой въ борьбѣ противъ антицивилизаціоннаго дѣйствія высокихъ температуръ, за то она, по тѣмъ-же причинамъ, первая должна будетъ подвергнуться еще болѣе страшной опасности, именно прогрессивному охлажденію сѣвернаго полушарія, когда ближайшій ледниковый періодъ снова направитъ главное культурное теченіе къ жаркому поясу. Правда, д'Ассье предвидѣлъ это и создалъ утѣшеніе. Но его словамъ, человѣкъ будущихъ вѣковъ получитъ возможность бороться съ разрушительнымъ дѣйствіемъ природы несравненно интенсивнѣе своихъ предковъ, благодаря завоеваніямъ техники и науки.

Смѣлая гипотеза д'Ассье не лишена привлекательности, какъ и всѣ вообще теоріи, пытающіяся объединить разрозненныя явленія въ нѣчто цѣлое и стройное. Въ данномъ случаѣ она связываетъ интеллектуальную и политическую исторію человѣчества съ ходомъ безостановочныхъ измѣненій въ солнечной системѣ вообще и въ частности на нашей планетѣ. Къ сожалѣнію, гипотеза д'Ассье недостаточно обоснована или, вѣрнѣе, цѣликомъ построена на колеблющейся почвѣ: такъ напримѣръ, она признаетъ египетскую культуру

*) Mougeolle въ своей Statique des Civilisations, предложилъ объясненіе хода культуры по направленію отъ экватора къ полюсамъ — почти аналогичное теоріи д'Ассье.

существующей въ теченіе 15.000 лѣтъ, хотя самыя смѣлыя хронологическія вычисленія не даютъ и половины этой цифры *). Затѣмъ д'Ассье обусловливаетъ возникновеніе ледниковыхъ періодовъ космическими причинами, хотя этого нельзя утверждать навѣрно. Наконецъ, онъ преувеличиваетъ мертвящее вліяніе климатической среды, якобы проявляющееся при различіи между средними годовыми температурами всего въ нѣсколько градусовъ, тогда какъ всѣмъ извѣстно, что въ дѣйствительности культура можетъ процвѣтать и прогрессировать подъ весьма удаленными другъ отъ друга изотермами, каковы проходящія черезъ Москву, Стокгольмъ, Эдинбургъ и чрезъ Калькутту или Алжиръ.

Многіе ученые приписываютъ значительное распространеніе ледниковъ въ Европѣ въ первые годы четвертичнаго періода дѣйствію болѣе или менѣе мѣстныхъ причинъ: значительной высотѣ горъ, можетъ быть, также и поднятію почвы, влажности, приносимой восточными вѣтрами и пріобрѣтенной ими при проходѣ надъ громадною поверхностью водныхъ пространствъ Центральной Азіи (несравненно болѣе обширныхъ, нежели теперь) и надъ Чернымъ моремъ, соединеннымъ въ то время съ Каспійскимъ; наконецъ, отсутствіе сухого и горячаго вѣтра фёна, дующаго теперь съ юга и обладающаго способностью «съѣдать», по выраженію горцевъ, снѣгъ и ледъ. Этотъ вѣтеръ, до тѣхъ поръ пока не высохло внутреннее море въ Сахарѣ, являлся, напротивъ, насыщеннымъ парами, и, слѣдовательно, безсильнымъ разрушительно дѣйствовать на снѣга и льды.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію астрономическихъ при-

**) Мена, основатель египетской монархіи, по Manéthon, жилъ за 5000 лѣтъ до христіанской эры; Brugsch думаетъ, что эту цифру надобно уменьшить до 4500 л.; Lepsius сводитъ ее къ 3600 г. Mariette устанавливаетъ 4000—4500 лѣтній возрастъ нѣкоторыхъ египетскихъ надписей и статуй, открытыхъ благодаря поискамъ его и его предшественниковъ. Mariette'у-же принадлежитъ и честь открытія самаго древняго египетскаго памятника, а именно храма, знаменующаго собою переходъ отъ эпохи циклопическихъ построекъ къ вѣку, когда получила развитіе архитектура. См. слѣд. главу.

чинъ, могущихъ вызывать тѣ или другія измѣненія температуры земного шара, укорачивая или удлиняя зимнее время въ мѣстностяхъ, лежащихъ къ югу и сѣверу отъ экватора. Изъ вычисленій Кроля, Стона. Мора и Чарльза Ляйелля *) мы узнаемъ, что одна изъ этихъ причинъ, именно измѣненія эксцентритета земной орбиты переходятъ отъ maximum'а къ minimum'у однажды въ 850.000 лѣтъ. т. е. въ теченіе столь громаднаго, въ сравненіи съ историческимъ временемъ, періода, что мы смѣло можемъ оставить ихъ вліяніе внѣ разсмотрѣнія.

Мы лишены возможности поступить столь-же просто съ такъ называемымъ предшествіемъ равноденствій, которое, различнымъ образомъ видоизмѣняясь, совершаетъ полный циклъ своего развитія въ 210 вѣковъ. Извѣстно, что математикъ Адемаръ усматривалъ въ предшествіи равноденствій существенную причину появленія ледниковыхъ періодовъ **).

Наша планета прошла свой перигелій въ моментъ зимняго солнцестоянія въ 1248 г. по Р. Х. Такимъ образомъ, этотъ годъ представляетъ собою критическую дату въ исторіи нашей планеты, которая не могла остаться внѣ всякой связи съ хронологіей древнихъ культуръ. 9252-й годъ до Р. Х. былъ самымъ холоднымъ годомъ для всего сѣвернаго полушарія, затѣмъ земная температура все повышалась съ тѣмъ, чтобы въ 1248 году снова начать движеніе въ обратномъ направленіи, которое въ 11747-мъ году достигнетъ своей кульминаціонной точки. Наиболѣе авторитетные и заслуживающіе довѣрія египтологи, какъ мы уже видѣли, относятъ возникновеніе фараоновой монархіи къ моменту, бывшему за 45—50 вѣковъ до Р. Х. Разстояніе между двумя хронологическими датами, 9252-мъ годомъ, самымъ холоднымъ годомъ нашего полушарія, и 4500-мъ, приблизительно въ которомъ Менá явился въ Мемфисѣ, очень значительно; около 5000 лѣтъ

*) Ch. Lyell—Principles of Geology.

**) Для послѣдующаго изложенія необходимо имѣть въ виду ст. Мечникова въ В. Е. 89, 3.

должно было протечь до перигелія. Много вѣковъ должны были настать и окончиться, пока одинъ за другимъ не эмигрировали народы леденѣвшихъ странъ въ сѣверо-восточную часть Африки, тогда еще обладавшую умѣреннымъ климатомъ. При ихъ появленіи на исторической сценѣ, они встрѣтили Египтянъ уже обладателями замѣчательной передовой культуры, бывшей, разумѣется, плодомъ работы безчисленныхъ отжившихъ поколѣній *). Замѣчательно удачно приспособившись къ нильской средѣ, они уже тогда изобрѣли свои нагнетательные водяные аппараты, бывшіе для нихъ несравненно болѣе полезными, нежели всѣ мемфисскія пирамиды и ѳивскіе храмы. Современные феллахи пользуются подобными-же снарядами для проведенія воды на поля и до сихъ поръ.

Опредѣлить съ достовѣрностью моментъ возникновенія халдейской или ассиро-вавилонской культуры еще труднѣе. Нѣкогда полагали, что она гораздо моложе египетской, но успѣхи новѣйшей ассирологіи доказали существованіе слѣдовъ найденной культуры, которые должны быть отнесены примѣрно къ 3000-му году до Р. Х. **). Вообще, хотя въ этомъ отношеніи наука еще далеко не сказала своего послѣдняго слова, однако, не прегрѣшая противъ вѣроятія, можно считать начатки исторической культуры въ нижней Халдеѣ современными таковымъ-же въ Египтѣ.

На примѣрѣ халдейской культуры мы можемъ видѣть, какъ исторія противорѣчитъ теоріи д'Ассье. Она гласитъ, что по мѣрѣ того, какъ наше полушаріе отогрѣвалось и исчезали льды, ассиро-вавилонская культура, особенно въ періодъ владычества Салманассара и Навуходоносора, обнаруживала все болѣе замѣтную тенденцію подвигаться въ тропическія широты, къ Персидскому заливу, а позднѣе и къ Индійскому океану. Противорѣчитъ теоріи д'Ассье и другой важный фактъ. Бле-

*) По мнѣнію Опперта (Oppert), сообщенному въ Академіи надписей, Египтяне занимались наблюденіями надъ звѣздами уже за 11500 лѣтъ до Р. Х

**) Lenormant цитированный трудъ. Perrot et Chipiez, Histoire de l'art dans l'antiquité, t. I.

стящій періодъ и расцвѣтъ Калифата, являющійся заключительной фазой халдейской культуры, въ теченіе которой произошло завоеваніе экваторіальной Африки, Индостана и расширеніе мусульманскаго вліянія вплоть до китайскихъ морей— этотъ расцвѣтъ пришелся какъ разъ на XIII столѣтіе, долженствовавшее быть для халдейской культуры именно пагубнымъ въ качествѣ періода наибольшаго охлажденія сѣвернаго полушарія.

Вообще, еслибы зарожденіе и прогрессивный или регрессивный ходъ культуръ управлялись какимъ-либо общимъ космическимъ закономъ, то явилась-бы возможность всюду констатировать синхронизмъ культурныхъ и историческихъ явленій. Но историческая наука не позволяетъ этого а только предоставляетъ предполагать нѣкоторую одновременность между фактами первобытныхъ исторій Египта и Халдеи.

Займемся теперь культурой Индіи II Малабарскій и Коромандельскій берегъ, а тѣмъ болѣе область Пенджаба, подобно долинѣ рѣки Нила, были защищены отъ вреднаго вліянія сѣверныхъ холодовъ. Дѣйствію тропическихъ жаровъ Индія подвергалась еще болѣе, нежели Египетъ. II тѣмъ не менѣе, я не думаю, чтобы кто-либо изъ серьезныхъ санкритистовъ принималъ, что арійская культура Пятирѣчья зародилась раньше 12—15 вѣковъ до Р. Х. По всѣмъ вѣроятностямъ, пробужденіе Индіи къ исторической жизни случилось спустя 80 вѣковъ послѣ самаго жаркаго года въ сѣверномъ полушаріи и за 30 вѣковъ до наиболѣе холоднаго года (т. е. до 1248). Правда, можно возразить на это наиболѣе вѣроятное предположеніе, что индостанскіе арійцы (находящіеся въ родствѣ съ иранцами, впослѣдствіи придавшими столько славы судьбамъ Месопотаміи), въ теченіе многихъ вѣковъ до своего появленія на берегахъ Инда прожили въ Бактріи. Но въ такомъ случаѣ явится на сцену новое непримиримое противорѣчіе съ термической теоріей, такъ какъ, въ то время, какъ по ея объясненіямъ, температура сѣвернаго полушарія все повышалась, арійская культура, не взирая на это, подвигалась все къ югу

изъ Бактріи (изотерма + 18) въ Ганго-Индійскую низменность (изотерма + 22), затѣмъ нѣсколько позже въ Деканъ (изотерма Дели +26), гдѣ въ концѣ-концовъ достигла термическаго экватора (средняя годовая температура въ настоящее время +28). Почти то же самое возраженіе можно было бы сдѣлать и по поводу китайской культуры, зарожденіе которой, даже принимая конфуціеву хронологію *), нельзя отнести къ моменту, бывшему раньше 20-го вѣка до Р. Х. Эта культура не переставала распространяться къ югу съ береговъ Желтой рѣки (изотерма + 15) къ рѣкѣ Янтсе-кіангу (изотерма +18), чтобы затѣмъ перейти тропикъ Рака и занять Кантонъ и Формозу (изотерма + 22).

Какъ намъ пришлось уже видѣть раньше. изотермическія линіи дѣйствительно образуютъ границы той области, которую принято называть ареной историческихъ культуръ. Эти границы. будучи не вполнѣ опредѣленными и постоянными, совпадаютъ, однако, за весьма немногими исключеніями, сѣверная съ изотермой +4, а южная съ изотермой +20, 22. Пять большихъ и весьма населенныхъ городовъ, лежащихъ къ югу отъ этой границы, какъ-то: Мексика, Каны, Мадрасъ, Бомбей, Калькутта, — каково-бы ни было ихъ мѣстное значеніе, — играютъ слишкомъ подчиненную роль въ лѣтописяхъ всемірной исторіи человѣчества. Но извѣстно, что всѣ космическія, геологическія и теллургическія измѣненія, констатированныя наукой въ различныхъ мѣстахъ нашей планеты, имѣли несравненно менѣе обширное распространеніе. Притомъ всякая историческая культура, достойная этого имени, т. е. достигшая извѣстной степени расцвѣта, ни въ какомъ случаѣ, не похожа на одинъ изъ тѣхъ нѣжныхъ цвѣтовъ, которые могутъ быть обезпложены или рискуютъ погибнуть, вслѣдствіе только одного незначительнаго термическаго уклоненія. Сыны зеленаго Эрина (Ирландіи), родились на островѣ, средняя температура кото-

*) Но конфуціева хронологія совершенно безосновательна. См. по этому поводу статью Васильева въ «Исторіи древнихъ литературъ» М. Корша.

раго не достигаетъ и +10, блаженствуютъ въ округѣ Санъ-Діего (Лосъ-Анжелосъ), на границахъ Мексики и чувствуютъ себя несравненно лучше, нежели на родинѣ подъ игомъ англійскихъ ландлордовъ.

Русскіе также легко приспособляются къ климату съ изотермой +12. Китайскій кули переноситъ на громадныя разстоянія отъ Манджуріи до Перу,—свой духъ ассоціаціи, свою физіономію и наружный видъ, свой собственный запахъ, — смѣсь опіума, камфоры и порченыхъ яицъ, свою спокойную но непоколебимую трудовую энергію, наконецъ, свой талантъ всюду устраиваться даже при самыхъ неудобныхъ жизненныхъ условіяхъ, талантъ, соединенный со склонностью къ почти платоновскому эпикуреизму и къ утонченности. Эти факты не внушаютъ намъ слѣпаго довѣрія къ ученымъ космологическимъ соображеніямъ и сопоставленіямъ, которыя выше нами были разсмотрѣны.

Тѣмъ не менѣе, слѣдуетъ признать нѣсколько приведенныхъ гипотезъ безспорно полезными, хотя бы по одному тому, что онѣ, такъ сказать, расширяютъ горизонты и побуждаютъ къ новымъ изслѣдованіямъ.

Гораздо раньше д'Ассье, но съ тѣми же цѣлями, т. е. для объясненія незначительной роли сыгранной континентальной Европой въ греко-римскій или классическій періодъ исторіи, многіе замѣчательные ученые полагали, что ея климатъ долженъ былъ бы быть въ то время слишкомъ сырымъ и холоднымъ. Точныя изысканія были сдѣланы по этому поводу: Гумбольдтомъ, Фраасомъ *), Гей-Люссакомъ, Араго **), Беккереломъ ***), Моро-де-Жоннесъ, Дюро-де-Маль и т. д. въ Европѣ, и еще многими учеными въ Америкѣ. Вопросъ, однако, не получилъ безапелляціоннаго разрѣшенія и если съ одной стороны установлено, что климатическія измѣненія дѣй-

*) Klima und Pflanzenwelt in der Zeit.
**) Annales du Bureau des longitudes 1834.
***) Des climats et de l'influence qu'exercent les sols boisés et non boisés.

ствительно имѣли мѣсто въ исторіи, то съ другой—сдѣлалось несомнѣннымъ, что эти измѣненія распространялись въ слишкомъ узкихъ предѣлахъ. Слѣдовательно, мы не имѣемъ никакихъ основаній приписывать громадные соціологическіе результаты дѣйствію этихъ незначительныхъ причинъ.

Въ сравненіи съ быстротой историческихъ перипетій геологическія, почвенныя и климатическія измѣненія происходятъ невѣроятно медленно. «Сегодня, какъ и во времена Плинія, гіацинтъ цвѣтетъ въ Галліи, барвинокъ въ Иллиріи, маргаритка на развалинахъ Нуманціи и въ то-же время вокругъ нихъ сотни государствъ перемѣнили сотни правителей и наименованій, тысячи городовъ разрушены, десятки культуръ пали, а скромныя поколѣнія цвѣтовъ пережили вѣка и дожили до насъ все тѣ-же свѣжія, смѣющіяся» *)... На мой взглядъ, вообще примѣры паденій историческихъ культуръ, которые безъ натяжки могутъ быть приписаны дѣйствію безспорныхъ геологическихъ измѣненій—крайне рѣдки. Случай съ Милетомъ, павшимъ благодаря высыханію Латмійскаго залива и подобный-же съ Пизой, потерявшей возможность успѣшно конкурировать съ Венеціей и Генуей, изъ за занесенія песками ея собственной гавани, — вотъ наиболѣе характерные извѣстные мнѣ примѣры

Гораздо чаще является возможность научно констатировать совпаденіе культурнаго паденія съ измѣненіями къ худшему географическихъ условій, но здѣсь второе весьма естественно можетъ быть результатомъ перваго. Къ сожалѣнію примѣръ, которымъ обыкновенно иллюстрируютъ это соображеніе—неудачно выбранъ Этотъ историческій примѣръ—Понтійскія болота, которыя въ дѣйствительности существовали, пожалуй даже въ большихъ размѣрахъ и въ счастливѣйшія времена древняго Рима. Извѣстно, что нѣкоторыя изъ лагунъ Понтійскихъ болотъ, упоминаемыя у древнихъ авторовъ, высушены именно въ послѣдніе вѣка. По мнѣнію Ампера ма-

*) Edgar Quinet, Introduction à la Philosophie de l'Histoire de l'humanité.

реммы на этрусскомъ берегу въ древности имѣли значительно большее протяженіе, нежели въ наше время; переходъ черезъ нихъ теперь сравнительно легокъ, а еще Ганнибалъ совершилъ его съ громадными затрудненіями.

Лучше подобраннымъ является примѣръ съ королевствомъ Ориссой, бывшей нѣкогда настоящимъ земнымъ раемъ, а теперь вслѣдствіе одного прекращенія культуры почвы, почти цѣликомъ заросшей джунглей и усѣянной стоячими болотами, заражающими воздухъ. Такимъ-же примѣромъ можетъ служить Египетъ послѣ перехода подъ турецкое владычество. Даже въ Европѣ пустующія мѣстности (despoblados) Арагоніи, печалящія взоры путешественниковъ контрастомъ съ восхитительными пейзажами Каталоніи, обязаны своимъ происхожденіемъ не воздѣйствію природы, а Филиппу II и инквизиціи, подавлявшимъ аррагонскія льготы, вольности и самоуправленіе массовыми истребленіями жителей. Всюду въ Испаніи и Сициліи, Калабріи и въ Пелопонесѣ, въ Малой Азіи, Мавританіи, Киренаикѣ, въ Сирійской пустынѣ и въ Палестинѣ характерныя черты измѣненій къ худшему въ почвѣ и климатѣ неизмѣнно сопровождаются культурнымъ паденіемъ этихъ, нѣкогда столь славныхъ странъ, но наука пока не даетъ еще отвѣта на вопросъ: гдѣ тутъ слѣдствіе и гдѣ причина? Между тѣмъ, рѣшеніе этой проблеммы имѣло бы значительную практическую важность. Одинъ извѣстный американскій мыслитель пишетъ по этому поводу: «если-бы древній міръ удалось возстановить во всемъ его блескѣ и великолѣпіи, если-бы человѣческое искусство снова отвоевало пустующія равнины и опустошенные холмы, если-бы оно смогло имъ возвратить плодородіе прежнихъ временъ, то милліоны европейцевъ, эмигрирующихъ въ Новый Свѣтъ и несущихъ туда массу силъ и скопленныхъ капиталовъ, могли-бы получить и дома то, что они ищутъ за океаномъ» *).

Окинувши однимъ общимъ взоромъ страны, въ кото-

*) G. March, Man and Nature.

рыхъ протекала всемірная исторія человѣчества, прослѣдивши историческія судьбы даже только одной какой-либо страны, мы всюду видимъ, что вліяніе климатическихъ и геологическихъ явленій существенно видоизмѣнялось, смотря по времени ихъ воздѣйствія.

«Извѣстно, насколько благодѣтельно было вліяніе среды для прогрессивнаго хода Европы; можно смѣло сказать, что европейцы обязаны своимъ первенствомъ не творческимъ силамъ расы, такъ какъ родственные имъ народы въ другихъ странахъ стараго континента не проявили себя ничѣмъ замѣчательнымъ. Счастливыя условія: почва, климатъ, форма и положеніе континента, словомъ счастливая среда, вотъ что послужило европейцамъ и дало имъ возможность познать вселенную и стать во главѣ человѣчества... Во всякомъ случаѣ надлежитъ помнить, что общая форма земли и моря и вообще *географическія особенности вліяютъ въ исторіи человѣчества различнымъ образомъ, сообразуясь съ состояніемъ культуры, котораго достигла данная нація.* Та-же самая рѣка, которая составляетъ непобѣдимое препятствіе для некультурнаго народа, преображается въ удобный путь для торговыхъ сообщеній у народа, вкусившаго отъ плодовъ культуры, и наконецъ можетъ обратиться просто въ ирригаціонный каналъ, направленіе котораго управляется произволомъ человѣка—властелина природы. Та-же самая гора, которая въ началѣ исторіи была доступна однимъ охотникамъ и пастухамъ, на высшей степени культуры начинаетъ привлекать рудокоповъ и промышленниковъ, а вскорѣ и вовсе перестаетъ быть препятствіемъ, благодаря пересѣкающимъ ее дорогамъ. Точно также и морская бухта, нѣкогда ужасавшая своей величиной мореходныя скорлупки нашихъ предковъ, благодаря культурнымъ ухищреніямъ. брекваторамъ (волнорѣзамъ) является убѣжищемъ для громадныхъ современныхъ судовъ... Вообще, повторяю еще разъ, надлежитъ безпрестанно помнить, что историческое значеніе конфигураціи земли—это главный фактъ, на который надлежитъ об-

ращать вниманіе при разсмотрѣніи исторіи. . Изучая «пространство», необходимо, конечно, отдавать себѣ отчетъ о дѣйствіи и другаго равносильнаго элемента «времени» *).

Какъ уже было однажды сказано, я не изъ числа защитниковъ теоріи географическаго фатализма, провозглашающаго наперекоръ фактамъ, что данная совокупность физическихъ условій можетъ и должна всюду играть одну и ту-же неизмѣнную роль. Напротивъ, я только стремлюсь изслѣдовать, можно-ли создать какое-бы то ни было сообщеніе культурно-историческихъ значеній географической среды во всемъ ихъ разнообразіи. Другими словами, я желалъ бы поработать надъ открытіемъ синтетической *формулы, охватывающей въ общихъ чертахъ, тѣ скрытыя отношенія, которыя сближаютъ, и такъ сказать, связываютъ каждую фазу соціальной эволюціи, каждый періодъ исторіи человѣчества съ опредѣленнымъ состояніемъ географической среды.*

*) **Elisée Reclus, Nouvelle Geographie Universelle.**

VI.

Трехчленная формула географическаго развитія.—*Рѣчная среда.*—Зарожденіе культуры на берегахъ великихъ рѣкъ, въ Египтѣ, Халдеѣ, Индіи, Китаѣ. *Среда средиземно-морская. Среда океаническая или всемірная.*

До сихъ поръ неизвѣстно, въ какой географической средѣ зародилась первичная цивилизація, послужившая фундаментомъ всемірной исторіи. Ошибка исторической перспективы побуждала древніе народы съ дѣтскимъ высокомѣріемъ относить начало возникновенія своихъ культуръ къ моменту зарожденія міра. Но новѣйшіе успѣхи антропологическихъ и историческихъ наукъ сильно потрясли это традиціонное убѣжденіе, помѣщавшее колыбель великихъ культуръ и самаго человѣчества въ мѣстность между озеромъ Балкашъ и устьями рѣкъ Тигра и Евфрата, мѣстность, гадательно опредѣляемую при помощи археологическихъ открытій и новѣйшихъ научныхъ соображеній, причемъ различные ученые раздвигаютъ или съужаютъ ее сообразно со своими цѣлями и нуждами.

При современномъ состояніи нашихъ знаній, Египетъ представляетъ взорамъ наблюдателей безспорно древнѣйшіе памятники человѣческой культуры, что и свидѣтельствуетъ въ весьма значительной степени въ его пользу, какъ наиболѣе древней культурной страны. Но это свидѣтельство не есть еще истина, а только вѣроятность, такъ какъ вѣковое сохраненіе культурныхъ памятниковъ обусловлено многочисленными причинами. Не всѣ историческіе народы древности имѣли въ своемъ распоряженіи одинаково прочные строительные матеріалы; въ самомъ дѣлѣ, что̀ такое халдейскіе кирпичи и

черепица въ сравненіи съ каменными глыбами пирамидъ? Затѣмъ различные климаты далеко не въ одинаковой степени разрушительно дѣйствуютъ на произведенія человѣческихъ культуръ. Наконецъ, достовѣрно извѣстно, что въ нѣдрахъ нѣкоторыхъ цивилизацій, напр. въ древней Индіи, вплоть до буддійскаго періода, не существовало обычая строить грандіозныя зданія, руины которыхъ поражаютъ глаза весьма отдаленныхъ потомковъ. Замѣчу кстати, что отсутствіе въ Индіи грандіозныхъ построекъ, вплоть до VI-го вѣка до Р. Х., нимало не помѣшало Боклю—на мой взглядъ до нѣкоторой степени легкомысленно—утверждать, что культурныя традиціи захватываютъ у индусовъ бо́льшій періодъ времени, нежели у остальныхъ народовъ Азіи.

Громадный интересъ представляли-бы достовѣрныя свѣдѣнія о томъ, въ одномъ-ли общемъ очагѣ зажглись культурные свѣтильники древнихъ человѣческихъ обществъ или же имъ удалось зародиться независимо другъ отъ друга въ изолированныхъ другъ отъ друга мѣстностяхъ. Существуютъ основанія предположить, что между Египтомъ и юго-западной Азіей существовала связь въ доисторическій періодъ времени, но ни сущность, ни значеніе ея неизвѣстны и еще должествуютъ быть опредѣлены *). Что касается до взаимныхъ отношеній въ древности между ассиро-вавилонской культурой съ одной стороны и Индіей и Китаемъ съ другой, то они до сихъ поръ еще не были доказаны достаточно достовѣрно. Извѣстно даже, что между двумя великими западными культурами (египетской и ассиро-вавилонской) и двумя восточными (индійской и китайской) существуетъ хронологическая разница, по крайней мѣрѣ въ 10—15 столѣтій, что естественно не вяжется съ гипотезой объ ихъ общемъ происхожденіи. Вообще, исторія древнѣйшихъ культуръ представляетъ собою нѣчто чрезвычайно темное. Утверждаютъ напр., что

*) Необходимо, напр., признать въ египетской миѳологіи съ ея культомъ Озириса извѣстную общую почву съ миѳологіей Сиріи и Месопотаміи.

первый толчокъ древней халдейской (ассиро-вавилонской) культурѣ данъ былъ чернокожими Кушитами, проживавшими въ доисторическія времена на всемъ пространствѣ отъ внутренней Африки до береговъ Индостана *), другіе болѣе расположены приписать первые тріумфы надъ варварствомъ великой, азіатской континентальной расѣ, называемой монгольской или туранской **), къ которой принадлежитъ и безыменная народная вѣтвь Ста Семей, пришедшая откуда-то съ запада на берега Гоанго и подарившая міру китайскую культуру. Высказывается и такое мнѣніе, что египетскіе іероглифы и китайское письмо родились изъ одного источника, но доказательства, приводимыя въ его подтвержденіе, мнѣ не кажутся исчерпывающими сомнѣнія.

Мнѣ думается, что сходство и даже аналогичность изображеній такихъ явленій и понятій, какъ небо, гора, солнце, свѣтъ, день и др. объясняются вполнѣ просто и не прибѣгая къ этой послѣдней гипотезѣ. Вообще, наблюдая напр., что дерево фигурируетъ въ клинообразномъ письмѣ подъ видомъ кипариса, а въ идеографіи крайняго востока копируется, повидимому, съ какого-то крупнаго растенія съ опущенными листьями или, что понятіе власти выражено было на берегахъ Нила человѣкомъ съ бичомъ (по всѣмъ вѣроятіямъ изъ гиппопотамовой кожи) въ рукѣ, тогда какъ въ Китаѣ символъ власти вооруженъ бамбуковой палкой, мы еще не имѣемъ права заключить отсюда, что Египтяне и Китайцы только воспроизводили заимствованное изъ какого-то болѣе древняго письма, условное обозначеніе власти. Напротивъ, намъ слѣдовало бы признать, что и тѣ и другіе только находились подъ непосредственнымъ внушеніемъ и воздѣйствіемъ дѣйствительности. Въ дѣйствительности, намъ неизвѣстны отдѣльные знаки древне-китайскаго письма, пока оно еще сохраняло харак-

*) G. Maspero, Histoire ancienne des peuples de l'Orient.

**) E Hamy полагаетъ, что халдейская культура создана финно-венгерской вѣтвью желтой или монгольской расы. См. по этому поводу главу IV— „Расы".

геръ простой живописи, но и среди позднѣйшихъ, съ наименьшими измѣненіями сохранившихся знаковъ, легко было-бы подобрать значительное число аналогичныхъ египетскому.

Еще очень недавно извѣстный голландскій синологъ Шлегель въ любопытной работѣ объ «Уранографіи (описаніи неба) у древнихъ китайцевъ (Uranographie des anciens Chinois) стремился показать, что астрономы древняго востока почерпнули свои первыя астрономическія знанія изъ той же школы, которая сформировала и древнихъ халдейскихъ маговъ. Если факты, подтверждающіе это предположеніе, могутъ быть обоснованы достаточно солидно, если найдено будетъ средство объяснить или же свести на нѣтъ отсутствіе синхронизма между моментами зарожденія двухъ западныхъ и двухъ восточныхъ культуръ, то явится возможность безъ особенныхъ затрудненій принять гипотезу о существованіи въ весьма далекое время въ Центральной Азіи культурнаго очага, освѣтившаго древній міръ на западъ вплоть до Ливійской пустыни и на востокъ до китайскихъ морей.

Наиболѣе древней китайской легендой, затрогивающей сношенія китайцевъ съ западными народами, надлежитъ считать легенду о принцѣ или королѣ Му-Вангѣ (Mou-Vang), отправившемся на быстромъ бѣгунѣ посѣтить Мать западныхъ царей, обитавшую на горахъ Куэнъ-Лунь. Оффиціальная и столь мало достовѣрная хронологія Небесной Имперіи относитъ эту болѣе или менѣе баснословную поѣздку къ довольно скромной исторической датѣ. Именно, она утверждаетъ, что это случилось за тысячу лѣтъ приблизительно до христіанской эры *), т. е. въ моментъ, когда многовѣковыя культуры Азіи и Африки уже процвѣтали въ странахъ, сосѣднихъ съ Средиземнымъ моремъ.

Сношенія Индіи съ западной Азіей имѣли мѣсто въ еще болѣе близкія къ намъ времена: ихъ нельзя прослѣдить дальше момента перваго вторженія въ Индію Салманассара **), слу-

*) См. цитированную уже работу проф. Васильева.
**) См. Christian Lassen, Indische Alterthums-Kunde Ba. I.

чившагося въ VIII-мъ вѣкѣ до Р. Х. Только начиная съ этой эпохи, на ассиро-вавилонскихъ памятникахъ начинаютъ попадаться изображенія слоновъ и носороговъ, какъ извѣстно не встрѣчающихся ни въ Египтѣ, ни въ Мессопотаміи, но за то вполнѣ характерныхъ для Индіи.

Если теперь, оставивши въ сторонѣ обрисованный только что темный вопросъ о происхожденіи культуръ, мы бросимъ общій взглядъ на всеобщую исторію, со временъ Мена, гипотетическаго основателя египетскаго государства, то намъ легко будетъ замѣтить въ ней три послѣдовательныхъ періода, соотвѣтствующихъ тремъ различнымъ. строго опредѣленнымъ системамъ внѣшнихъ географическихъ условій.

Четыре древнѣйшихъ великихъ культуры всѣ расцвѣли и развились въ средѣ великихъ рѣчныхъ странъ. Гоанго и Янтсе-кіангъ орошаютъ мѣстность, гдѣ зародилась и выросла первобытная китайская культура; индійская или ведійская культура не выходила за предѣлы бассейновъ Инда и Ганга; ассиро-вавилонскія первобытныя культурныя общества разрослись по Тигру и Евфрату—этимъ двумъ жизненнымъ артеріямъ Мессопотамской долины; наконецъ древній Египетъ, какъ это утверждалъ уже Геродотъ, былъ «даромъ», созданіемъ Нила.

Искатель аналогій, пожалуй, замѣтилъ-бы намъ, что великія культурныя рѣки представлены въ Азіи парами *). Въ Индіи каждая изъ двухъ рѣкъ въ свою очередь раздвояется: воды Инда пополняются водами Сетледжа, а Гангъ—Джамной. Въ то же время Брамапутра, сливающаяся также съ Гангомъ, до сихъ поръ оставалась внѣ историческаго движенія. Въ Африкѣ этотъ своего рода дуализмъ, если и существуетъ, то далеко не столь очевидно. Правда, можно разсматривать Нилъ, какъ рѣку составную изъ двухъ большихъ рѣчныхъ системъ, Бахръ-Эль-Абіада или Бѣлаго Нила и Бахръ-Эль-Азрека или

*) Къ четыремъ перечисленнымъ древнимъ культурамъ можно было прибавить пятую по рѣкамъ Оксусу и Яксарту (Аму-Дарья и Сыръ-Дарья), къ которой мы вернемся нѣсколько ниже.

Голубого Нила, но обѣ онѣ соединяются у Хартума, а древняя культурная нильская долина начиналась несравненно сѣвернѣе этого пункта. Дуализмъ историческихъ рѣкъ можно было-бы пожалуй констатировать и по отношенію къ территоріи Африки, если-бы принять на вѣру показанія историковъ классическаго періода о происхожденіи египетской культуры изъ глубины Эѳіопіи, согласиться, что первымъ основателемъ государства фараоновъ былъ человѣкъ изъ страны Мероэ и счесть второй рѣкой все таки не Голубой Нилъ, а Атбару, впадающую въ Большой или Бѣлый Нилъ между пятымъ и шестымъ порогомъ, приблизительно около 18° с. ш. и на 35′ внизъ по рѣкѣ отъ Мероэ. Но Брегшъ (Bregch-bey) и Масперо (G Maspero) лишили вѣроятности всѣ эти легенды: по ихъ изысканіямъ, египетская культура двигалась не по теченію рѣки, а противъ него *). Даже больше, въ своемъ тріумфальномъ шествіи къ югу, она была надолго задержана въ Сіенѣ (Assouan), т. е. ниже перваго порога; Мероэ же представляло собою только египетскую колонію сравнительно болѣе поздняго происхожденія. Перенесеніе столицы фараоновъ изъ Мемфиса въ Ѳивы, а изъ Ѳивъ въ Саисъ имѣетъ въ географическомъ смыслѣ второстепенное значеніе.

Съ точки зрѣнія, занимающей насъ теперь, положеніе Мемфиса, этой первой исторической столицы Египта, у са-

*) Таково наиболѣе вѣроятное и обоснованное мнѣніе, поддерживающее, повидимому, ту гипотезу, которая считаетъ цивилизаторовъ нильской долины не людьми эѳіопскаго происхожденія (по терминологіи Геродота, наиболѣе добродѣтельныхъ изъ людей), а переселенцевъ изъ сосѣдней Азіи, привившихся къ туземцамъ—ливійцамъ, неграмъ и негроподобнымъ. Однако въ разрѣзъ съ изложенной гипотезой идетъ тотъ фактъ, что культура древняго Египта не знала въ теченіе долгаго времени домашнихъ животныхъ Азіи—лошади, овцы, верблюда, тогда какъ прирученныя животныя Африки—волъ и собака фигурируютъ на наиболѣе древнихъ памятникахъ мемфисскихъ династій и играютъ значительную роль въ древней египетской миѳологіи (см. Pietrement, les chevaux dans les temps historiques). По мнѣнію Липперта, египтяне—ближіе родственники финикіанъ или пунійцевъ, т. е. того краснаго племени, которое съ первобытныхъ временъ утвердилось на полуостровѣ Сомали.

мой Дельты, заслуживаетъ большаго вниманія въ силу того, что оно подчеркиваетъ наиболѣе характерную черту египетской культуры, именно зависимость ея отъ рѣки Нила. Дѣйствительно, хотя она зародилась всего въ нѣсколькихъ льe разстоянія отъ Средиземнаго моря, т. е. отъ той географической среды, несомнѣнныя преимущества которой для развитія культуры были обрисованы уже Карломъ Риттеромъ, тѣмъ не менѣе, вмѣсто того, чтобы энергично стремиться къ этой выгодной средѣ, культура фараоновъ, отвернувшись отъ нея, направляется къ Θивской странѣ. Къ дельтѣ, къ мѣсту своего исхода, культурное теченіе возвращается лишь въ періодъ полнаго упадка. По мнѣнію Масперо, перенесеніе столицы въ Саисъ, происшедшее во время владычества XXI династіи, даже ускорило процессъ культурнаго разложенія. Впрочемъ, еще до возникновенія той эпохи, когда столицей древняго Египта сдѣлался Саисъ, уже прошло время существованія первобытныхъ осѣдлыхъ историческихъ поселеній

Для ученаго автора, котораго мы только что цитировали, отраженіе нашествія номадовъ—Гиксовъ *) Hycsos или (Higchous), отбросившее египтянъ въ переднюю Азію, послужило моментомъ провозглашенія всемірной исторіи и завершенія періода изолированныхъ **) культуръ, по моей терминологіи,

*) Hik, въ переводѣ на древнеегипетскій языкъ, значитъ „вождь или король“, chous—„разбойникъ и грабитель“. Изъ этихъ наименованій, этнологическая цѣнность которыхъ еще рѣшительно не опредѣлена, авторы классическаго періода составили одно общее слово Hycsos. Въ число этихъ послѣднихъ, ведшихъ бродячую жизнь въ теченіе многихъ вѣковъ, обыкновенно заносятъ и евреевъ временъ Іосифа. Всѣ современные ученые согласны въ томъ, что Гиксы, покорившіе Египетъ, не чистые семиты и что къ нимъ въ значительной мѣрѣ былъ примѣшанъ туранскій элементъ.

**) Не слѣдуетъ понимать изолированность Нильской культуры въ слишкомъ преувеличенномъ и исключительномъ смыслѣ. Правда, подобное мнѣніе поддерживается Ленорманомъ (Ch. Lenormant), утверждающимъ, что „скороспѣло развившаяся матеріальная культура мемфисскаго Египта представляла собою вполнѣ изолированное явленіе, жившее исключительно своей собственной изолированной жизнью, не изливаясь въ другія страны“, но, съ другой стороны І. Дюмихенъ (Weltgeschichte in Einzel-Darstellungen de W. Onken) далеко не столь утвердительно разрѣшаетъ этотъ вопросъ. По его словамъ, „не суще-

періода первобытныхъ культурныхъ образованій въ бассейнахъ великихъ рѣкъ.

Опредѣлить причины, побудившія строителей пирамидъ, въ теченіе долгихъ вѣковъ, удаляться отъ береговъ Средиземнаго моря, не представляетъ трудности. Какого-бы происхожденія ни были культурные египтяне древнихъ временъ, все-же, съ самаго начала своей исторіи, они составили народъ, по преимуществу, континентальный и земледѣльческій. До тѣхъ поръ, пока теченіе рѣки Нила не было урегулировано земляными сооруженіями, нильская дельта представляла собою безпорядочное скопленіе грязныхъ наносовъ и гніющихъ болотъ: прежде чѣмъ колонизировать, ее надлежало еще приспособить для жизни. Притомъ, замѣчательно удобное положеніе Средиземнаго моря между тремя континентами, въ то время еще не составляло реальной выгоды для египтянъ, такъ какъ и Европа и Африка и Азія, за исключеніемъ, быть можетъ одной Халдеи, исключеніемъ *единственнымъ* въ настоящемъ смыслѣ этого слова, были еще погружены въ глубокое варварство. Впослѣдствіи-же, когда голубыя воды Средиземнаго моря оживились судами финикіянъ, критянъ фригійцевъ, лидійцевъ, египтяне продолжали держаться вдали отъ морскаго берега, такъ какъ онъ не представлялъ защиты отъ грабительскихъ стремленій пѣнителей морей, т. е. пиратовъ. Съ первыхъ моментовъ своей исторически-сознательной жизни, египтяне привыкли ждать завоевателей со стороны сухопутной дороги изъ Азіи, т. е. со стороны Синайскаго полуострова. Предупредительныя мѣры противъ вторженія были приняты ими только съ этой стороны: извѣстно, что еще задолго до китайцевъ, египетскимъ фараонамъ при-

---

ствовало эпохи, когда древніе Египтяне были-бы столь безусловно изолированы отъ сосѣднихъ народовъ, какъ это зачастую полагали. Напротивъ, извѣстно, что до XVIII-й династіи и даже во время правленія Тутмозиса I потомковъ Рамсидеса между обитателями Нильской долины и сосѣдними народами существовали уже дѣятельныя торговыя сношенія. Лично я не нахожу возможнымъ высказать въ рѣшительной формѣ то мнѣніе, будто-бы древній Египетъ въ теченіе тысячелѣтій былъ чуждъ всякаго иностраннаго вліянія въ области наукъ и искусствъ"

ходила въ голову мысль защитить наиболѣе опасную изъ своихъ границъ грандіозной каменной стѣной *). Теперь, по прошествіи столькихъ вѣковъ, можно возстановить картину ужаса охватывавшаго владѣнія фараоновъ при появленіи у береговъ пиратовъ въ мѣдныхъ шлемахъ: города и деревни пустѣли, побережья дельты укрѣплялись съ лихорадочной быстротой: при входѣ въ нее, въ Рокотисѣ располагался гарнизонъ съ формальнымъ полномочіемъ убивать или брать въ плѣнъ всѣхъ людей, прибывающихъ съ моря **). Напротивъ того, библейская исторія объ Іосифѣ достаточно убѣдительно указываетъ что къ сухопутнымъ пришельцамъ, египтяне относились очень доброжелательно. Внѣ всякаго сомнѣнія, не слѣпая ненависть ко всему иностранному и чужому внушала имъ крутыя мѣры по адресу морскихъ гостей, а только ужасъ предъ пиратами, но эти крутыя мѣры вскорѣ оказались недостаточными и Египетъ былъ принужденъ платить дань разбойникамъ, внушавшимъ имъ такой трепетъ.

Идея о томъ, что море по природѣ представляетъ собою нѣчто нечистое и демоническое циркулировала среди египтянъ еще въ александрійскія времена Плутархъ разсказываетъ, что «по убѣжденію ихъ жрецовъ, море было создано огнемъ, что оно стоитъ внѣ какой-бы то ни было опредѣленной классификаціи что оно не составляетъ ни составной части ни элемента міра и что его слѣдуетъ разсматривать, какъ разнородное выдѣленіе разрушительныхъ и болѣзненныхъ началъ. Озирисъ (доброе божество)—это Нилъ, соединяющійся съ Изисомъ или землей, Тифонъ — это море, въ которомъ теряется и исчезаетъ бросающійся въ него Нилъ. . Вотъ почему море возбуждаетъ ужасъ въ жрецахъ, почему, даже соль — произведеніе моря — они называютъ пѣной Тифона. Для нихъ существуетъ заклятіе — никогда не класть соли на столъ, чтобы не оскверниться, они никогда не обращаются съ рѣчью къ матросамъ и рулевымъ, такъ

*) Lenormant, см. цитир. трудъ.
**) Winwood Reade the Martyrdom of Man.

какъ тѣ работаютъ въ морѣ и живутъ моремъ. По тому-же мотиву они съ отвращеніемъ смотрятъ на рыбу». . «Съ другой стороны, извѣстная поговорка плиагорейцевъ: «море— *Слеза Сатурна*» даетъ основаніе полагать что и они считали море нечистой стихіей... Пустынность почвы и ея полное безплодіе причиняются сосѣдствомъ моря, сосѣдствомъ по существу не оплодотворяющимъ. По мнѣнію египтянъ, Тифонъ былъ нѣкогда обладателемъ той области жизни которая теперь находится въ завѣдываніи Озириса. Дѣйствительно, древній Египетъ былъ покрытъ моремъ. Это подтверждается многочисленными находками раковинъ въ горахъ и при раскопкахъ. Но съ теченіемъ времени, Озирисъ взялъ верхъ надъ Тифономъ, отодвинувши море и наполнивши первобытный заливъ заносами земли» *)...

Руководствуясь столь нелѣпой идеей о природѣ моря, египтяне естественно не имѣли возможности предаться ему и эксплуатировать. Псамметихъ и др. фараоны довольствовались тѣмъ, что платили иностраннымъ флотамъ за защиту ихъ береговъ и за далекія экспедиціи по ихъ порученію. Впрочемъ, превращенію Египта въ морскую державу препятствовала и естественная причина, именно недостатокъ въ нильской долинѣ дерева для постройки судовъ. Не умѣя приспособиться къ новымъ требованіямъ новой географической среды, историческая цѣнность которой такъ существенно измѣнилась, Египетъ, лишь только пульсъ исторіи, перемѣстился на берега Средиземнаго моря, потерялъ свое прежнее значеніе. Мало-по-малу онъ сталъ падать подъ ударами персидскаго, македонскаго, арабскаго, турецкаго нашествій причемъ новые пришельцы постепенно захватывали собранное имъ съ громаднымъ трудомъ, драгоцѣнное культурное наслѣдство.

Оставимъ пока три остальныя великія рѣчныя культуры работать въ теченіе долгихъ вѣковъ съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ для приспособленія къ измѣняющейся геогра-

*) Sur Isis et Osiris.

фической средѣ и займемся вторымъ великимъ періодомъ всемірной культурной исторіи, получившихъ свое начало на берегахъ Средиземнаго моря. Провозгласили этотъ періодъ финикійскіе города, уже весьма многочисленные на сирійскомъ берегу, болѣе чѣмъ за 10 вѣковъ до Р. Х. Они колонизировали острова Средиземнаго моря и усѣяли своими могущественными факторіями берега Сѣверной Африки. Между прочимъ они основали Великій Лептисъ, Гадруметъ, обѣ колоніи Гиппо, выходили на своихъ корабляхъ за Геркулесовы столбы (Гибралтаръ), высаживались въ Кадиксѣ и даже на Канарскихъ островахъ *).

Карѳагенъ, по другому наименованію, Новый городъ, будучи основанъ приблизительно за 800 лѣтъ до Р. Х., почти тотчасъ обратился въ наиболѣе дѣятельный культурный очагъ новаго историческаго періода, носящаго ясно выраженный средиземно-морской характеръ. Всѣмъ извѣстно, насколько обязана морская дѣятельность человѣчества смѣлымъ финикійскимъ и карѳагенскимъ морякамъ, но главная заслуга финикійскихъ федерацій передъ всемірной исторіей заключается въ томъ, что они передали въ руки грековъ и народовъ Италіи священный свѣточъ культуры, взятый ими у египтянъ и ассировавилонянъ **). Провансъ и Иберійскій полу-

*) По убѣжденію Авезака (Avezac, Les Iles africaines), Тенерифъ нѣкогда въ глазахъ финикіянъ былъ послѣднимъ изъ Геркулесовыхъ столбовъ. Страбонъ разсказываетъ, что финикіянамъ были знакомы даже и Азорскіе острова. Въ описаніи круговаго путешествія карѳагенянина Ганнона, дѣйствительно, упоминается о какомъ то островѣ, отъ куда по морю несется благоуханіе и надъ которымъ высилась громадная гора Theon Ochema (возможно, что гора Тейде). Имя „Юнонія", данное Птоломеемъ острову Тенерифу, даетъ основанія предполагать, что этотъ островъ былъ посвященъ карѳагенской Танитѣ, отождествлявшейся у Римлянъ съ Юноной. Но Theon Ochema Ганона могла относиться также и къ вершинѣ Камеруна; и дѣйствительно, въ описаніи карѳагенскаго путешествія упоминаются горилы и шимпанзе, т. е. антропоморфныя обезьяны, которыя не встрѣчаются уже сѣвернѣе Гвинейскаго залива.

**) Основываясь на немногочисленныхъ остаткахъ финикійскаго искусства, нѣкоторые ученые утверждали, что въ его развитіи играла роль только ассиро-вавилонская культура и что роль Египта въ этомъ отношеніи равна почти нулю (см. Perrot et Chipiez, Histoire de l'art

островъ *) также до нѣкоторой степени подвергались прямому культивирующему вліянію Финикіи и Карѳагена, но окончательно присоединились они къ области завѣдыванія исторіи только значительно позже, благодаря покоренію Римлянами.

Вступленіе финикійскихъ федерацій на сцену исторіи провозгласило, какъ я уже говорилъ, новую великую эру культуръ космополитическаго характера, группировавшихся вокругъ Средиземнаго моря и, по своимъ отличительнымъ признакамъ, весьма отличавшихся отъ древнихъ изолированныхъ рѣчныхъ культуръ.

Періодъ упадка насталъ для Греціи только чрезъ шесть столѣтій по возникновеніи этого новаго періода исторіи, а для римской культуры и вообще культуры народовъ, разселившихся вокругъ Средиземнаго моря, даже нѣсколько позже. Но этотъ упадокъ имѣлъ относительный характеръ, и дѣйствительно Э. Ренанъ убѣдительно доказалъ, что наука и искусство грековъ главенствовали въ Европѣ и оказывали на нее вліяніе вплоть до паденія византійской имперіи. Въ эпоху возрожденія и даже позже Италія еще обладала многочислен-

---

dans l'antiquité). Но за то другое безсмертное твореніе финикійскихъ мореплавателей—изобрѣтеніе алфавита есть не болѣе, какъ заимствованіе египетскихъ письменъ для выраженія звуковъ другихъ языковъ. Притомъ само появленіе финикійскихъ федерацій на аренѣ исторіи было обусловлено, даже почти силой создано чрезъ посредство покореннаго Египта. Наконецъ, историческая ихъ роль находилась въ полной зависимости отъ существованія могущественныхъ государствъ и утонченныхъ культуръ въ сосѣдствѣ съ Средиземнымъ моремъ. Поскольку финикіяне были пиратами, постольку они нуждались въ богатыхъ и населенныхъ городахъ, какъ въ объектѣ грабежей; въ качествѣ купцовъ имъ были нужны потребители, способные оцѣнить ихъ товары. Словомъ, въ общихъ чертахъ я скорѣе высказалъ бы то мнѣніе, что египетскія вліянія передались грекамъ и народамъ Италіи, главнымъ образомъ, при посредствѣ финикіянъ, тогда какъ ассиро-вавилонскія вліянія проникли въ Грецію настолько чрезъ М. Азію, насколько и чрезъ Средиземноморе.

*) Достойно удивленія значительное количество испанскихъ городовъ, обязанныхъ своими названіями Геркулесу или тирскому Мелькарту. Основываясь на этомъ фактѣ, можно было бы признать, что финикійскія культурныя вліянія не ограничивались приморскими мѣстностями, но они проникали въ глубину страны, напр. почти до центра Иберійскаго полуострова (современный Пиринейскій полуостровъ).

ными остатками своего прежняго блеска. Католическій Римъ возникъ изъ пепла пожарища, зажженнаго варварами, и на зарѣ новаго историческаго періода, городскія республики Аппенинскаго полуострова еще продолжали осуществлять въ жизни традиціи классическихъ олигархій финикійскихъ временъ.

Одна яркая черта, на мой взглядъ, особенно характеризуетъ второй періодъ культурно-историческихъ образованій: съ наступленіемъ его народы и націи могутъ отнынѣ тускнѣть и исчезать съ историческаго горизонта, какъ это случилось съ египтянами послѣ покоренія ихъ персами или съ самими финикійцами, подпавшими подъ тяжкое владычество своихъ собственныхъ учениковъ, но свѣточъ всемірной цивилизаціи отъ этого не тухнетъ, а, переходя изъ рукъ въ руки, вступаетъ въ нашу эпоху

Извѣстно напр., что, по разрушеніи Серапеума и уничтоженіи Александрійской библіотеки христіанскими монахами. послѣ того, какъ замучена была свѣтило математики—Гипатія и установлена папская теократія въ Римѣ (и теократія патріарховъ на востокѣ), духъ аскетизма казалось почти затушилъ свѣтъ культуры и погрузилъ міръ Средиземнаго моря въ мракъ варварства *); но въ наиболѣе опасный моментъ семиты передней Азіи еще разъ явились на помощь арійской Европѣ: арабы, обращенные въ Исламъ, подвигая передъ собою Ливійцевъ и Берберовъ, прошли побѣдителями весь африканскій берегъ Средиземнаго моря и основали въ Испаніи маврское государство, послужившее для всей Европы, вплоть до наступленія лучшихъ дней, единственнымъ убѣжищемъ философской мысли, науки, искусствъ и даже промышленности.

Средиземно-морской періодъ всемірной исторіи не исчерпывается развитіемъ только тѣхъ блестящихъ культуръ, которыя сгруппировались на берегахъ обширнаго Средиземнаго моря. Это послѣднее явилось въ данномъ отношеніи наиболѣе удачнымъ и счастливымъ, но далеко не единственнымъ

*) См. Драперъ, les Conflits de la Science et de la Religion и Duruy, Histoire des Romains т. IV и слѣд.

примѣромъ внутренняго моря, при содѣйствіи котораго развилась пышная культура. Ассиро-вавилонскій міръ сыгравшій, благодаря Тигру и Евфрату, пышную роль въ первичный періодъ рѣчныхъ культуръ, не закончилъ этимъ цикла своего развитія. Во второй великій историческій періодъ онъ завязалъ сношенія съ менѣе крупнымъ воднымъ бассейномъ, именно съ Персидскимъ заливомъ. Древнія столицы Халдеи: Уръ, Урухъ, Вавилонъ, Синнара находились по отношенію къ этому значительному углубленію Индійскаго океана въ такомъ же отношеніи, въ какомъ къ Средиземному морю находились весьма незначительно отъ него удаленные Мемфисъ и Ѳивы. Шатъ-Эль-Арабъ, т е общее устье, чрезъ которое Тигръ и Евфратъ въ настоящее время несутъ свои воды въ заливъ. въ отдаленной древности еще не существовалъ *). Какъ и нильская дельта оно образовалось, благодаря рѣчнымъ заносамъ, въ теченіе многихъ вѣковъ. Въ древнія времена обѣ главныя водныя артеріи Мессопотаміи имѣли каждая свое особое устье, связанныя другъ съ другомъ, однако, массой пересѣкавшихся рукавовъ и протоковъ, цѣлой сѣтью природныхъ каналовъ и болотъ, измѣнявшихся сообразно съ временемъ года и образовавшихъ тонкую, необитаемую, гніющую мѣстность. Ходъ исторіи, вмѣсто того, чтобы направить культурное теченіе, слѣдуя по рѣкамъ къ морю, напротивъ подвинулъ его въ противоположную сторону, по Тигру вплоть до Ель-Ассура и Ниневіи и по Евфрату до Каркемиша Гиттитовъ (Hetta) и тамъ привелъ его въ соприкосновенье съ небольшой обособленной Палестинской культурой, а затѣмъ черезъ Сирію и Малую Азію и съ Средиземнымъ моремъ.

Положеніе измѣнилось, когда теченія обѣихъ рѣкъ были урегулированы и приспособлены для культурныхъ цѣлей вѣковымъ трудомъ народонаселенія и рѣчная среда Халдеи оказалась превращенной въ Средиземно-морскую. Передняя Азія вступила въ этотъ моментъ въ періодъ кризиса, подобнаго

*) Maspero и Lenormant цитированные труды.

тому, которыи оказался столь гибельнымъ для Египта Саисскихъ династій. Ниже мы еще вернемся къ этому любопытному историческому движенію, пока же отмѣтимъ только одинъ интересный фактъ. Ниневія, въ періодъ рѣчной культуры, поглощавшая своимъ величіемъ всѣ послѣдовательно выдвигавшіеся крупные центры по Тигру и Евфрату, подъ вліяніемъ новой исторической фазы, склонила главу предъ соперникомъ, до тѣхъ поръ постоянно побѣждавшимся и, казалось, сдѣлавшимся навсегда безопаснымъ, именно предъ Вавилономъ, бывшимъ простой резиденціей намѣстника государя. «Ея положеніе на Евфратѣ,—говоритъ Іоахимъ Менанъ *),—обезпечивало ей нескончаемыя преимущества и верховенство». но когда для ассиро-халдейской имперіи насталъ моментъ высшаго развитія, царицей міра оказалась не Ниневія. а Вавилонъ, несмотря на покореніе и разрушеніе его, обратившійся въ главную столицу великаго Халдейскаго государства... Въ эпоху съ 625—536 г. до Р. Х. Вавилонъ сдѣлался совершенно новымъ городомъ. За исключеніемъ кое-какихъ мелочей старины, реставрированныхъ Ассаргадономъ, въ немъ нельзя встрѣтить уже ничего, что-бы напоминало древній городъ; повидимому настоящимъ творцомъ его надлежитъ считать Навуходоносора (Nabou-choudour-nossour).

Возрожденный Вавилонъ былъ построенъ Навуходоносоромъ на мѣстѣ прежняго и посредствомъ гавани Тередона, соединенъ съ внутреннимъ моремъ, т. е. Персидскимъ заливомъ. Одной изъ первыхъ работъ великаго деспота, стремившагося возродить нижнюю Халдею, было велѣть прорыть главный каналъ Паллакопасъ, обратившійся тотчасъ въ могущественную артерію. помогшую Евфрату стать главнымъ торговымъ путемъ міра, а Вавилону — обратиться въ складочное мѣсто богатствъ Индіи, усиліями послѣднихъ ниневійскихъ повелителей привлеченной къ культурно-историче-

*) Menant, Babylone et la Chaldée.

скому теченію западнаго міра. Персидское нашествіе положило, однако, конецъ грандіозному предпріятію Новуходоносора и его преемниковъ. Но, хотя Дарій Гистапсъ энергично разрушалъ укрѣпленія непокорнаго города хотя Ксерксъ не менѣе усердно уничтожалъ его храмы.—Вавилонъ ко временамъ Геродота, казалось, не потерялъ своей блестящей внѣшности *). Ему страшенъ былъ не гнѣвъ побѣдителей, а недостатокъ ума у нихъ, такъ какъ персидскіе повелители, привыкшіе къ жизни на континентѣ, не имѣвшіе спеціально морского опыта, стремились затруднить развитіе торговыхъ сношеній между Индіей и Мессопотаміей. Разсматривая рѣки, не въ качествѣ удобныхъ путей, а лишь какъ линіи, подлежащія защитѣ, они преграждали ихъ теченія искусственными порогами съ цѣлью помѣшать судоходству и, такимъ образомъ, гарантировать себя отъ нападеній **).

Къ счастью, случившееся во время Македонское нашествіе задержало, пока не было поздно, реакціонное теченіе. Александръ Македонскій не ограничился возстановленіемъ воднаго пути къ Персидскому заливу, открытому Новуходоносоромъ, а повелѣлъ вырыть у Вавилона портъ, способный вмѣстить въ себѣ тысячу кораблей. Онъ даже лично наблюдалъ за очисткой канала Паллакопасъ. Только преждевременная смерть помѣшала Македонскому герою установить свое собственное мѣстопребываніе въ чудномъ городѣ нижней Халдеи. Селевкъ Никаторъ, жадно мечтавшій соединить свое имя съ созданіемъ новаго великаго города, перенесъ богатства Вавилона въ Селевкію, на берега Тигра, и нанесъ такимъ образомъ смертельный ударъ благоденствію славной столицы Новуходоносора, но судьбы культуры передней Азіи отъ этого не измѣнились. Разъ она вступила во вторую средиземно-морскую фазу своего развитія, ея будущее не зависѣло уже отъ положенія столицы. Шатъ-эль Арабъ былъ уже судоходенъ и то обстоятельство, какой именно городъ, Вавилонъ-

*) Perrot et Chipiez, цитиров. трудъ.
**) Elisée Reclus, Nouvelle Géographie universelle, t. IX.

ли или, лежащій въ нѣсколькихъ километрахъ отъ него вверхъ по рѣкѣ. Багдадъ. или Селевкія будетъ складочнымъ торговымъ мѣстомъ для морской торговли Индіи — не представляло особенной важности. Перемѣщеніе столицы имѣло, однако, естественнымъ результатомъ созданіе новаго порта Бассоры, насчитывавшей во время калифовъ до милліона жителей.

Ассиро-вавилонская культура вышла такимъ образомъ побѣдительницей изъ историческихъ испытаній. Въ разгаръ средиземно-морскаго періода, Багдадъ и Бассора сдѣлались одними изъ центровъ того великаго движенія, главнымъ послѣдствіемъ котораго было магометанское движеніе арабскихъ номадовъ на западъ. Когда знаменитый Эль-Тарикъ переправился черезъ проливъ, носящій въ настоящее время его имя и подготовилъ возникновеніе маврскихъ государствъ въ Испаніи, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ передалъ европейской средиземноморской культурѣ дань отъ ея скромной соперницы на Востокѣ.

Крестовыми походами, этимъ гигантскимъ движеніемъ среднихъ вѣковъ, христіанскій западъ отплатилъ Востоку, но ни одно изъ созданныхъ въ это время въ Левантѣ европейскихъ государствъ не имѣло столь славныхъ судебъ, какъ мусульманскія государства Валенціи, Гренады и Кордовы.

Географически континентальная Европа соприкасается со Средиземнымъ моремъ лишь берегами Прованса и замѣчательно, что ей пришлось выступить во второмъ періодѣ коллективной исторіи человѣчества, именно, благодаря латинскому вліянію на часть Галліи, прилежащую къ указанному берегу Средиземнаго моря. Но вплоть до среднихъ вѣковъ народы континентальной Европы фигурируютъ въ лѣтописяхъ человѣчества лишь соразмѣрно своему участію въ развитіи величія или паденія Римской имперіи; въ продолженіе-же среднихъ вѣковъ они живутъ исторически энергично постолько лишь, поскольку велики спасенные ими при кораблекрушеніи римской имперіи культурные остатки. Культъ ихъ носитъ греко-семитическій

характеръ. ихъ государственное устройство отмѣчено элементомъ цезаризма. Ихъ наука арабскаго или еврейскаго происхожденія, а искусство—византійскаго. Одна архитектура въ этомъ отношеніи составляетъ исключеніе..... Карлъ Великій, папство и имперія, Гвельфы и Гибелины перенесли по ту сторону Альпъ лишь старыя начала средиземно-морской культуры. Континентальная Европа, обратившаяся, благодаря перемѣщенію культуры, въ центръ того цѣлаго, часть котораго составляла еще недавно, обладала также и своими собственными рѣками— этими черными культурными рабочими—и внутренними морями.

Съ этими внутренними сѣверными морями, освѣщенными не столь яркимъ солнцемъ и по величинѣ незначительными, но тѣмъ не менѣе, сгруппировавшими вокругъ себя, движимыя міровымъ потокомъ мѣстныя рѣчныя культуры Сены Рейна, Дуная и т. п., соединено все, что наши средніе вѣка знаютъ свѣжаго, самобытнаго, свободнаго. На берегахъ сѣвернаго моря въ этотъ моментъ не замедлили образоваться второстепенныя культуры Англіи, рейнской дельты, Даніи, а на Балтійскомъ морѣ—Швеціи, Ливоніи, Россіи. Судьбы этихъ культуръ непостоянны и измѣнчивы, но тѣмъ не менѣе значеніе ихъ ростетъ съ каждымъ годомъ. Рядомъ съ ними длиннымъ рядомъ, по континентальному пути между Балтійскимъ и Чернымъ морями, устанавливаются республики: Польша, Литва, Украина.

Средніе вѣка европейской и передне-азіатской исторіи кажутся намъ просто эпизодомъ громаднаго историческаго періода культуръ, развивающихся у внутреннихъ морей и между прочимъ въ западномъ мірѣ начавшихся съ возникновенія финикійскихъ федерацій. На крайнемъ Востокѣ дѣло обстояло иначе: тамъ аріо-индійская культура, будучи надолго задержана на многочисленныхъ притокахъ двухъ великихъ культурныхъ рѣкъ полуострова, только съ трудомъ пробилась къ внутреннему морскому бассейну, притомъ крайне незначительному и открывавшему пути лишь къ Малайскому архипелагу

и Индо-Китаю. Китайцы должны были научиться регулировать капризное теченіе рѣкъ Гоанго и Янтсе-Кіанга, раньше чѣмъ распространить сферу своего вліянія на рѣки и морской берегъ Индо-Китая, и такимъ образомъ доставить себѣ выгоды обладанія двумя внутренними морями: Желтымъ и Тонкинскимъ или Кохинхинскимъ. Во время этого поступательнаго движенія, имъ приходилось одерживать мирныя побѣды не столько надъ мѣстными народами, которыхъ они, такъ сказать, впитывали въ себя, подвигаясь къ тропику Рака и океану, сколько надъ участками наносной плодородной почвы, встрѣчавшимися въ бассейнахъ Голубой и Желтой рѣкъ.

Подобно тому, какъ воды всякой великой рѣки въ концѣ концовъ достигаютъ моря, такъ и каждая рѣчная культура должна погибнуть или раствориться въ какомъ-либо болѣе обширномъ культурномъ потокѣ, или же развиться въ болѣе обширную, морскую, распространяющуюся во всѣ стороны культуру. Александрія не замедлила образоваться у устья Нила, когда почва для ея возникновенія оказалась достаточно подготовленной и сосѣдніе народы получили возможность приступить къ мирной, упорядоченной цѣлыми вѣками интернаціональныхъ сношеній, солидарной работѣ. Но истощенный народъ можетъ уже не обладать достаточнымъ запасомъ энергіи и жизненности, чтобы побѣдоносно пройти и эту новую стадію развитія. Такъ было и въ данномъ случаѣ: Александріи не суждено было быть центромъ морской египетской культуры, такъ какъ энергіи египтянъ хватило лишь на исполненіе части міровой культурной задачи.

Въ бассейнахъ великихъ рѣчныхъ системъ культуры могли быть только первобытными, изолированными и, наоборотъ, онѣ пріобрѣтали другой характеръ, дѣлались способными къ распространенію, къ дальнѣйшему развитію лишь только вступали въ среду внутреннихъ морей и охватывали собою различные народы и страны. Способность культуры къ широ-

кому распространенію. весьма значительно развитая уже при началѣ средиземно-морского періода идетъ все болѣе и болѣе, увеличиваясь по мѣрѣ того, какъ исторія покидаетъ берега внутреннихъ морей съ тѣмъ чтобы перенестись въ еще болѣе широкую среду. на берега океана.

Хотя всякій океанъ. особенно Атлантическій. представляетъ собою лишь обширное внутреннее море и наоборотъ всякое внутреннее море является миніатюрой океана, хотя вообще всѣ подраздѣленія, а особенно подраздѣленія историческія имѣютъ относительный характеръ, однако, установился болѣе или менѣе освященный временемъ обычай устанавливать границу между средними вѣками и болѣе близкимъ къ намъ историческимъ періодомъ. Установленіе его опирается на различіяхъ въ размахѣ и въ широтѣ развитія культурнаго теченія въ эти два періода. Ясно, что увеличеніе этого размаха находится въ прямомъ отношеніи къ величинѣ захваченной культурнымъ потокомъ географической среды, значительно большей въ океаническій періодъ, нежели въ средиземно-морской Демаркаціонной линіей между ними условились считать открытіе Новаго Свѣта Христофоромъ Колумбомъ. Однимъ изъ наиболѣе естественныхъ и прямыхъ послѣдствій этого открытія было, какъ извѣстно, быстрое паденіе средиземно-морскихъ націй и государствъ и соотвѣтственный быстрый ростъ странъ, открывающихся къ Атлантическому океану. т. е. Португаліи Испаніи, Нидерландовъ, Англіи, Франціи не замедлившихъ воспользоваться своими выгодами странъ, могущихъ служить передаточными пунктами между культурами Средиземнаго моря и океана.

Обрисованный только что мною въ общихъ чертахъ послѣдній періодъ всемірной исторіи, періодъ океаническихъ культуръ, сравнительно съ предшествовавшими ему періодами, еще очень молодъ, но тѣмъ не менѣе въ немъ уже можно установить важное подраздѣленіе. Съ момента наступленія новыхъ вѣковъ и вплоть до второй половины текущаго вѣка среди всѣхъ пяти океановъ, омывающихъ нашу планету,

одинъ Атлантическій океанъ пользовался привиллегіей служить главной сценой культурныхъ тріумфовъ. За послѣднія сорокъ лѣтъ дѣла обстоятъ уже иначе. Быстрый ростъ культуры въ Калифорніи, южной Америкѣ и Австраліи, открытіе Китая и Японіи для торговыхъ международныхъ сношеній, значительное развитіе китайской эмиграціи, распространеніе русскаго вліянія на Манджурію и на порты Кореи окончательно присоединили Тихій океанъ къ области міровой культуры.

Тѣмъ не менѣе я не нахожу возможнымъ назвать это второе подраздѣленіе современнаго историческаго періода— эпохой Тихаго океана, такъ какъ такое названіе слишкомъ неудачно обрисовывало-бы наиболѣе характерную черту совершающагося у насъ на глазахъ культурнаго движенія. Дѣло въ томъ, что культурное завоеваніе Великаго или Тихаго океана не имѣло результатомъ паденія исторической миссіи Атлантическаго, не нанесло послѣднему смертельнаго удара, подобнаго тому, который нанесло открытіе Америки олигархіямъ итальянскаго типа.

Наоборотъ, характерная черта современнаго момента выражается совершенно въ другомъ явленіи. Благодаря Суэцкому каналу, присоединеніе Тихаго океана къ общему культурному теченію вызвало къ жизни и третій океанъ, промышленное значеніе котораго ростетъ все энергичнѣе, именно Индійскій. Наконецъ, новѣйшія путешествія Норденшильда къ сѣверу отъ Сибири показываютъ, что для культуры цѣнность Сѣвернаго полярнаго океана отнюдь не равняется круглому нулю, какъ это полагали раньше. Кто знаетъ, какое будущее хранитъ исторія для Антарктическаго океана, до сихъ поръ остающагося внѣ общаго культурнаго движенія?

Капризное по внѣшнему виду переселеніе культуръ въ разныя эпохи изъ однѣхъ странъ въ другія, измѣненіе въ теченіе вѣковъ культурной цѣнности различныхъ географическихъ мѣстностей, повидимому столь случайное, на самомъ дѣлѣ замѣчательно регулярны и подчиняются стройному по-

рядку. Съ теченіемъ времени на землѣ происходитъ эволюція культурной географической среды: въ началѣ она ограничена не особенно обширными бассейнами немногихъ культурно-историческихъ рѣкъ уже названныхъ мною; затѣмъ, въ извѣстный моментъ она расширяется и принимаетъ характеръ средиземно-морской, спустя еще нѣкоторое время охватываетъ Атлантическій океанъ, чтобы наконецъ распространиться и захватить въ свои объятія всѣ обитаемыя мѣстности земного шара.

Германскій ученый С. Боттигеръ понималъ это, когда въ предисловіи къ своему громадному труду о Средиземномъ морѣ *) набрасывалъ слѣдующія строки: «Средиземное море послужило той переходной географической средой, гдѣ произошелъ переходъ древнихъ *рѣчныхъ* культуръ, *рѣчнаго* культурнаго міра, представителями котораго и до сихъ поръ являются Китай и Индія **) къ океаническому періоду нашихъ дней. *Такимъ образомъ*,—прибавляетъ онъ, заканчивая свое предисловіе, въ которомъ всѣ три вида географической среды, какъ я ихъ опредѣлилъ выше, т. е. рѣчная, средиземно-морская и океанская среда, обрисованы ясно,—*вода оказывается оживляющимъ элементомъ не только въ природѣ, но и истинной двигательной силой въ исторіи* (die eigentliche Zugkraft in der Weltgeschichte). Не только въ геологическомъ мірѣ и въ области ботаники, но и въ исторіи животныхъ и человѣка вода является силой, побуждаю-

*) Das Mittelmeer Leipzig 59 г.

**) Ученый авторъ, на мой взглядъ, недостаточно цѣнитъ роль Индіи и Китая въ исторіи человѣческой общественности. Мы увидимъ нѣсколько ниже, что Индія представляетъ собою примѣръ истинно великой культуры, недокошенной, однако въ силу неблагопріятныхъ особенностей своей географической среды. Наоборотъ, Китай, хотя и слѣдующій съ большимъ опозданіемъ за общимъ культурнымъ теченіемъ, тѣмъ не менѣе перешелъ границу, отдѣляющую первый періодъ человѣческой исторіи отъ втораго или средиземно-морского періода и въ настоящее время находится у порога океаническаго періода. Вообще законъ *трехчленнаго географическаго развитія* имѣетъ несравненно большее общее значеніе, чѣмъ это предполагалъ цитируемый авторъ.

щей культуры къ развитію. къ переходу изъ среды рѣчныхъ системъ на берега внутреннихъ морей, а оттуда къ океану».

Послѣдующія соображенія обрисуютъ съ еще большей очевидностью скрытую связь между каждой изъ великихъ фазъ исторіи человѣчества и опредѣленной совокупностью служащихъ для нихъ географическихъ условій.

I. *Древніе вѣка. рѣчной* періодъ. Онъ охватываетъ собою исторію четырехъ великихъ культуръ древности, существовавшихъ въ Египтѣ, Мессопотаміи, Индіи и Китаѣ и расположенныхъ въ мѣстностяхъ, орошаемыхъ великими рѣками. Исторіи этихъ четырехъ культуръ не синхронистичны: восточная группа (Индія и Китай) съ самаго начала значительно запаздываетъ сравнительно съ двумя западными культурами (Ассиро-Вавилонія и Египетъ). При дальнѣйшихъ подраздѣленіяхъ, которыя будутъ сейчасъ сдѣланы, я имѣлъ въ виду исключительно эти двѣ послѣднія культуры, болѣе скороспѣлыя и благодаря близости къ Средиземному морю оказавшія на Европу, а слѣдовательно и на весь міръ болѣе непосредственное и могущественное воздѣйствіе, нежели группа восточныхъ культуръ.

Въ періодѣ древнихъ рѣчныхъ культуръ можно различить двѣ эпохи:

1) Эпоха вполнѣ изолированныхъ историческихъ культуръ, завершающаяся къ XVIII-му вѣку до Р. Х. *).

2) Эпоха первыхъ сношеній и сближеній между историческими народами, начинающаяся первыми войнами Египта и Ассиро-Вавилоніи и заканчивающаяся вступленіемъ на историческую сцену пуническихъ (финикійскихъ) федерацій, приблизительно около 800-года до Р. Х. **).

II. *Средніе вѣка, средиземно-морской* періодъ. Онъ за-

*) G. Maspero, цитиров. трудъ

**) Гипотетическая историческая дата основанія Карѳагена.

нимаетъ собою 25 вѣковъ, съ основанія Карѳагена до Карла Великаго и подраздѣляется слѣдующимъ образомъ:

1) *Эпоха Средиземнаго моря*, во время которой главные очаги культуры, одновременно или поочередно представлены крупными олигархическими государствами Финикіи Карѳагена, Греціи и наконецъ Рима при цезаряхъ вплоть до Константина Великаго (въ восточной римской имперіи).

2) *Эпоха нѣсколькихъ внутреннихъ морей*, дебютирующая основаніемъ Византіи и присоединеніемъ Чернаго моря къ общему культурно-историческому движенію. Эта эпоха обнимаетъ средніе вѣка европейской исторіи.

III. *Новые вѣка океаническій* періодъ, характеризуемый замѣтнымъ перевѣсомъ государствъ Западной Европы, открывающихся къ Атлантическому океану. Этотъ періодъ несмотря на свою юность сравнительно съ двумя предыдущими *) можетъ быть все-таки подраздѣленъ на двѣ эпохи:

1) Атлантическая эпоха, отъ открытія Америки до момента золотой горячки въ Калифорніи, широкаго развитія англійскаго вліянія въ Австраліи, русской колонизаціи береговъ Амура и открытія портовъ Японіи и Китая.

2) Всемірно-культурная эпоха, едва только получающая свое начало.

Изложенное только-что дѣленіе исторіи вполнѣ соотвѣтствуетъ установленнымъ выше, тремъ послѣдовательнымъ фазисамъ соціальной эволюціи, а также и тремъ восходящимъ ступенямъ органической эволюціи въ природѣ.

Основная задача моего труда, отчасти опредѣляемая этими аналогіями,—*опредѣлить естественные, хотя и скрытые пути, при помощи которыхъ различные виды географической среды видоизмѣняютъ судьбы націй, предоставляя нѣкоторымъ изъ нихъ верховенство надъ сосѣдними населенными странами*. Задача эта слишкомъ обширна,

*) Геологическіе періоды точно также, какъ и географическіе становятся все короче по мѣрѣ того, какъ мы удаляемся отъ первобытныхъ временъ.

чтобы ее исчерпать цѣликомъ. Въ этой книгѣ я ограничусь областью великихъ культурныхъ рѣкъ, названныхъ уже много разъ. Съ перваго момента зари исторіи, вліяніе этихъ рѣкъ на судьбы жившихъ въ ихъ бассейнахъ народовъ выразилось въ наложеніи на нихъ ярма угнетенія и деспотизма, при помощи котораго населеніе бассейновъ великихъ культурныхъ рѣкъ только и сдѣлалось причастно цивилизаціи и прогрессу.

VII.

Термическія условія развитія первобытныхъ культуръ.—Превосходство Запада надъ Востокомъ въ древности объясняется естественными географическими преимуществами перваго.—Зона высохшихъ морей (han-hai).—Территорія древнихъ рѣчныхъ цивилизацій могла быть населена лишь сурово-дисциплинированными скопленіями людей.—Отличительныя особенности природы великихъ рѣкъ налагали на населеніе, подъ страхомъ общаго истребленія, иго жестокаго деспотизма.

Область стараго континента, на почвѣ которой развился первый періодъ всемірной исторіи, представляетъ опредѣленное конкретное цѣлое, но тѣмъ не менѣе не соотвѣтствуетъ ни одному изъ общепринятыхъ географическихъ дѣленій. Три великихъ рѣчныхъ культуры развились на азіатской почвѣ *) колыбель четвертой находится въ другой части свѣта.

Территорія ихъ ограничена на сѣверѣ громадной цѣпью высокихъ горъ и возвышенныхъ плоскогорій, протянувшихся отъ Архипелага до Манджуріи и Японскаго моря и составляющихъ такимъ образомъ естественную ихъ границу, общее направленіе которой можетъ быть болѣе или менѣе точно опредѣлено 40-мъ градусомъ сѣв. шир. Тропикъ Рака опредѣляетъ ихъ южную границу. Заключающійся между этими двумя линіями параллелограммъ занимаетъ въ ширину всего 16 съ половиной градусовъ, тогда какъ въ длину онъ протягивается отъ 25° в. д. (по Парижскому меридіану) почти до 120° той-же долготы, т. е. отъ цѣпи Ливійскихъ горъ,

*) Авторы такъ называемаго классическаго періода разсматривали Египетъ, какъ составную часть Азіи, но они не соединяли съ понятіемъ объ Египтѣ ни тѣхъ размѣровъ, ни тѣхъ границъ, какіе принимаетъ современная географическая номенклатура.

лежащихъ на западъ отъ рѣки Нила до Желтаго моря. Параллель тридцатаго градуса сѣверной широты составляетъ среднюю ось этого параллелограмма и вмѣстѣ съ тѣмъ проходитъ вдоль каждой изъ древнихъ рѣчныхъ культуръ, или же пересѣкаетъ ихъ. Три рѣчныя культуры, именно Египетская, Ассиро-Вавилонская и Индійская во всемъ своемъ объемѣ заключены между средними годовыми изотермами въ +20, +26; китайская же—соприкасается съ меньшей изъ этихъ изотермъ лишь южной своей частью, а на сѣверѣ выходитъ за ихъ предѣлы и достигаетъ изотермы въ +15. Рѣчныя культуры могутъ быть такимъ образомъ сравнены съ стойкими растеніями, процвѣтающими при разныхъ термическихъ условіяхъ, колебанія которыхъ доходятъ болѣе чѣмъ до 10 градусовъ.

Раздѣлимъ громадную зону рѣчныхъ культуръ линіей, выходящей изъ горнаго массива Кинду-ку на 65° в. д. (Парижскаго меридіана) и направленной на югъ, къ заливу Качъ, по гребню самой высокой изъ цѣпей Сулейманъ-Дага. Этотъ горный валъ, поднятый самой природой между культурами крайняго востока и культурами передней Азіи, какъ, должно быть, вспоминаетъ читатель, является однимъ изъ наиболѣе изолирующихъ на всемъ земномъ шарѣ.

Составляющія его известковыя и песчаниковыя горныя цѣпи однообразно параллельны другъ другу; протянутыя съ сѣвера на югъ или съ сѣверо-востока на юго-западъ, онѣ всѣ обращены своимъ отлогимъ скатомъ къ Иранскому плоскогорью, тогда какъ въ сторону Индіи онѣ обрываются настолько круто, что во многихъ мѣстахъ на нихъ нельзя взобраться даже при помощи лѣстницъ.... *).

Особенное расположеніе горъ, лежащихъ между Индостаномъ и Ираномъ, раздѣляетъ на двѣ совершенно различныя и опредѣленныя части не только зону рѣчныхъ культуръ, но и вообще Западъ и Востокъ. Авторъ Новой Всемірной

*) Elisée Reclus, цитиров. трудъ т. IX.

Географіи (Elisee Reclus, Nouvelle geographie universelle) говоритъ по этому поводу слѣдующее: «наиболѣе знаменитая группа Соломоновыхъ горъ (Сулейманъ-Дага) носитъ спеціальное названіе трона царя Соломона (Takht-i-Souleiman).... Сѣверная вершина этихъ горъ наиболѣе высока 3444 метра и извѣстна тѣмъ, что на ней, по преданію остановился Ноевъ ковчегъ. Легенда прибавляетъ, что пещера пробуравленная въ скалѣ, и куча камней, считаемая развалинами храма, представляютъ собою тронъ, на которомъ возсѣдалъ Соломонъ, обозрѣвая неизмѣримыя міровыя пространства. Съ высоты этихъ горъ Титанъ съ орлинымъ зрѣніемъ былъ бы въ состояніи увидѣть направо и налѣво отъ себя два обособленныхъ историческихъ міра, столь различающихся по формѣ, именно Западъ и Востокъ».

Осуждая полуостровъ Индостанъ на затворничество, Соломоновы горы тѣмъ не менѣе не защищали его отъ нападеній завоевателей, являвшихся съ запада или сѣверо-запада. «Разсмотрите, все равно въ какую эпоху,—говоритъ одинъ ученый англичанинъ.—общую исторію древнихъ западныхъ народовъ и вы увидите, что обладаніе и завладѣніе Индіей всегда являются для нихъ вопросомъ капитальной важности» *). Наоборотъ, даже въ дни самаго пламеннаго расцвѣта буддійскаго прозелитизма, въ Индіи нельзя констатировать попытокъ движенія на западъ».

На западъ отъ Кинду-ку, въ наиболѣе возвышенной части горнаго массива изъ горы Кои-баба (Kohi-baba, отецъ горъ), поднимающейся почти до 5000 м. беретъ свое начало рѣка Кундузъ (Koundouz), впадающая въ Аму-Дарью (Оксусъ. Oxus) невдалекѣ отъ древней Бактріи. Она вырыла для себя извилистое и длинное ущелье извѣстное въ исторіи подъ названіемъ Баміанъ (Bamian). Къ югу отъ такъ называемаго Индійскаго Кавказа, долина рѣки Кабула (Kerh или Korhes) образовываетъ нѣсколько проходовъ, къ Инду все болѣе или

*) Winwood Reade, The Martyrdom of Man

менѣе неудобныхъ. Самый знаменитый изъ нихъ Khaiber. удаляющійся отъ ущелья рѣки Кабула и змѣящійся къ югу, а затѣмъ отъ горы Тирпири на западъ. Эта дорога была извѣстна буддистскимъ миссіонерамъ; ею-же между прочимъ пользовались: Магометъ Газневидскій, Баберъ (Великій Моголъ) Акбаръ Надиръ Ахметъ-шахъ и наконецъ. англійскіе генералы. Горный проходъ, по которому проникъ Александръ Македонскій и, какъ кажется. слѣдовали первые завоеватели Индіи. проходитъ вмѣстѣ съ многими другими къ сѣверу отъ рѣки Кабула, въ странѣ Юсуфъ-Заи. Въ настоящее время англичане выстроили тамъ желѣзную дорогу, начинающуюся отъ Лагора и Реваль-Пинда (Rewal-Pindi), проходящую мимо Аттока и соединяющуюся съ рѣкой Кабуломъ у самаго входа въ ущелье недалеко отъ Пешавера (Pechaver).

Болѣе къ югу, ущелья, пересѣкающія южные выступы Соломонова Трона, открываютъ также относительно легкій доступъ со стороны Кандагара къ рѣкѣ Инду черезъ горный проходъ Bolan. Проходящая здѣсь англійская желѣзная дорога, выходя изъ Шикарпура (Chikarpour), пересѣкаетъ пустыню Качъ-и-Гандава на западъ отъ великой рѣки и поднимается на плоскогорье. «Начиная съ сѣдой древности,—писалъ въ 1602 г. исторіографъ д'Акбаръ,—на Кабулъ и Кандагаръ смотрѣли, какъ на двери Индостана: черезъ первый возможенъ доступъ изъ Турана, черезъ второй — изъ Ирана». Именно изъ за обладанія этими дверьми, ключами отъ нихъ и боролись основатели единой міровой монархіи, стремившіеся посредствомъ оружія и побѣдъ господствовать надъ Западомъ и Востокомъ древняго міра.

Кровавая борьба за ихъ овладѣніе относится, однако. далеко не къ первобытной эпохѣ исторіи Въ періодъ великихъ рѣчныхъ культуръ. по милости двухъ могущественныхъ горныхъ хребтовъ. Киндуку и Сулейманъ-Дага, Западъ и Востокъ составляли еще два обособленныхъ міра, имѣвшихъ каждый свои особыя судьбы. вслѣдствіе чего ихъ и надлежитъ изучать отдѣльно

Правда, ихъ обширныя территоріи представляютъ нѣкоторыя аналогіи въ конфигураціи почвы, правда и то что каждая изъ нихъ составляется изъ двухъ странъ со своими особыми характеристичными отличіями. особенности которыхъ настолько велики, что каждую страну порознь можно было-бы сравнить съ островной территоріей, игравшей свою спеціальную роль Направо отъ установленной мною линіи дѣленія, т. е. отъ Соломоновыхъ горъ. находятся Китай и Индія налѣво—Египетъ и Тигро-Евфратійская равнина съ своимъ естественнымъ дополненіемъ—Ираномъ. Въ каждой изъ этихъ двухъ половинъ, страны восточныя, т. е. Китай. съ одной стороны, и Ассиро-Вавилонія съ другой—пользуются болѣе умѣреннымъ климатомъ, даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ болѣе суровымъ и холоднымъ; для Востока центръ культуры находится въ умѣренномъ поясѣ и расположенъ къ сѣверу отъ 30-ой параллели, для Запада онъ приближается къ жаркому поясу и переходитъ за 30-ую параллель къ югу.

Если до сихъ поръ еще нельзя утверждать съ полной увѣренностью, что наиболѣе южныя культуры, т. е Египетская и Индійская, возникли и созрѣли раньше, за то внѣ всякаго сомнѣнія находится фактъ ихъ болѣе ранняго паденія. Болѣе жаркіе очаги культуры, Египетъ и Индія, отмѣчены болѣе рѣзко выраженной чертой изолированности, нежели болѣе умѣренные. Дѣйствительно, Египетъ представляетъ собою оазисъ среди обширной пустыни; Индія образуетъ треугольникъ, отдѣленный отъ остальной Азіи высочайшими горами. Напротивъ, первобытный Китай и Мессопотамія воздѣйствуютъ на сосѣднія съ ними страны и кончаютъ тѣмъ что пріобщаютъ ихъ къ себѣ.

Весьма многочисленные пункты несходства между Западомъ и Востокомъ этимъ еще не ограничиваются. Такъ напр., разница изотермъ (линій среднихъ годовыхъ температуръ) между Египетомъ и Мессопотаміей равна всего 4 градусамъ, тогда какъ между изотермами Пенджаба и великихъ китайскихъ рѣкъ заключена уже разница въ 12 градусовъ Сверхъ

того изолированность каждой изъ двухъ восточныхъ культуръ проведена несравненно сильнѣе, нежели на Западѣ. Недоступные хребты Гималайскихъ горъ и Тибета, расположенные на востокъ и сѣверо-востокъ отъ Индіи и изрѣзанные параллельными ущельями, по которымъ протекаютъ верхнія теченія Янтсе-Кіанга, Меконга и Салуэна вполнѣ отрѣзываютъ Китай отъ Индіи, между тѣмъ какъ въ западной группѣ культуръ Тигро-Евфратійская страна связана съ бассейномъ Нила Синайскимъ полуостровомъ и съ Европой посредствомъ Малой Азіи и острововъ Эгейскаго моря.

Въ эпоху Гиксовъ *), а можетъ быть и раньше, но во всякомъ случаѣ не позже, чѣмъ за 20 вѣковъ до Р. Х., уже можно было констатировать первыя явленія сближенія между Египтомъ и семитическимъ міромъ. Индія и Китай напротивъ не знали другъ друга вплоть до сравнительно недавнихъ временъ буддистской пропаганды. Когда, наконецъ, и имъ удалось перейти черезъ свои границы, то встрѣча произошла на чужой почвѣ, на крайнемъ юго-востокѣ Азіи, населенной бирманцами, аннамитами, малайцами, сіамцами. Эта страна во многихъ отношеніяхъ чрезвычайно соотвѣтствуетъ своему названію—Индо-Китай, такъ какъ она заимствовала отъ арійской Индіи религію и большую часть искусствъ, а отъ китайцевъ—свое государственное устройство и литературное развитіе.

Для выясненія могущественной роли, сыгранной непроходимымъ горнымъ барьеромъ между бассейномъ Ганга съ одной стороны и системой великихъ культурныхъ рѣкъ Небесной Имперіи съ другой, достаточно привести слѣдующій фактъ. Въ этомъ гигантскомъ, почти совершенно неизслѣдованномъ, горномъ массивѣ, въ незначительномъ разстояніи отъ многотысячелѣтнихъ культуръ живутъ еще наиболѣе противящіеся всякому культурному воздѣйствію дикіе народцы.

*) Hommel. Die Vorsemitischen Culturen in Aegypten und Vorderasien.—Dumichen, цитиров. трудъ.

Лаотійцы. Михми, Мои, Мантце, Наиу *) и мн. другіе по происхожденію и культурѣ чрезвычайно разнородные но тѣмъ не менѣе въ устахъ китайцевъ сливающіеся подъ одно презрительное названіе «западныхъ варваровъ» (Si-fan).

Воды, омывающія полуостровъ Индостанъ, еще рѣзче усиливаютъ его природную изолированность. Бенгальскій заливъ, благодаря циклонамъ мелямъ, весьма многочисленнымъ въ сѣверной его части, свирѣпости и измѣнчивости его теченій—одно изъ самыхъ негостепріимныхъ морей на свѣтѣ.

Особенности водъ у Малабарскаго берега носятъ не столь опасный характеръ; тѣмъ не менѣе встрѣчные вѣтры покрываютъ здѣсь море страшными водоворотами. Небольшое Оманское море настолько неудобно для плаванія, что прибрежные рыбаки пользуются при поѣздкахъ здѣсь судами снабженными плавучими противовѣсами, и вслѣдствіе этого не тонущими, но зато крайне неудобными для поѣздокъ на далекія разстоянія.

Названіе Бабъ-эль-Мандэбъ (буквально—ворота погибели, ворота того, кто погибнетъ), данное узкому проливу, соединяющему Красное море съ Индійскимъ океаномъ, свидѣтельствуетъ объ ужасѣ, внушавшемся его водами даже арабамъ среднихъ вѣковъ, моряки которыхъ по своимъ достоинствамъ были несравнимы съ потомками ведійскихъ индусовъ. Безполезно, наконецъ, искать вдоль береговъ восточныхъ великихъ рѣчныхъ деспотій тѣхъ цѣпей острововъ и мысовъ, которыми усѣяны моря Эгейское и Средиземное и которыя мало по малу привели Финикіянъ съ Сирійскихъ береговъ въ Испанію, а затѣмъ, вооруживши ихъ глубокими знаніями мореходнаго искусства на внутреннихъ моряхъ, открыли имъ и безпредѣльный океанъ.

Приведенныя общія соображенія достаточны, чтобы объяснить отсутствіе синхронизма между культурами славныхъ

*) Эти названія представляютъ собою ничто иное, какъ ругательныя или насмѣшливыя прозвища, придуманныя китайцами и не имѣющія никакой этнографической цѣнности.

народовъ древности. Если-бы даже было доказано, что четыре великихъ древнихъ культуры не зародились самостоятельно и независимо другъ отъ друга въ тѣхъ странахъ, гдѣ зарожденіе ихъ указывается древнѣйшими ихъ лѣтописями, памятниками и документами, если-бы былъ даже установленъ фактъ ихъ происхожденія изъ одного общаго и еще неизвѣстнаго источника, то и тогда періодъ назрѣванія культуры могъ быть неодинаковъ для различныхъ странъ, а ея послѣдовательная эволюція могла идти болѣе или менѣе быстро соотвѣтственно мѣстности.

Къ 40-му вѣку до Р. Х. Египетъ обладалъ памятниками уже древними *) для современниковъ основателей Мемфиса; при первыхъ фараонахъ эти памятники приходилось уже реставрировать. Если въ Халдеѣ не осталось слѣдовъ столь сѣдой древности, то во всякомъ случаѣ успѣхи современной ассирологіи стремятся отодвинуть моментъ зарожденія культуры нижняго Евфрата все дальше въ глубь вѣковъ.

Въ Китаѣ, наоборотъ, самыя преувеличенныя вычисленія лѣтописей Небесной Имперіи не захватываютъ эпохи болѣе древней, нежели 22-ой—23-ій вѣка до наступленія христіанской эры. Еще большую неувѣренность необходимо проявлять по адресу момента появленія первыхъ лучей культурнаго свѣта въ арійскомъ обществѣ Пенджаба. Извѣстно лишь, что законы Ману (XI-ый вѣкъ до Р. Х.) рисуютъ намъ въ Индіи почти столь же архаическій строй, каковъ былъ въ Египтѣ во времена фараоновъ первыхъ мемфисскихъ династій. Вообще, съ самаго начала исторіи, культурное движеніе на Востокѣ сравнительно съ Западомъ слѣдуетъ съ значительнымъ опозданіемъ и это опозданіе, несомнѣнно являющееся результатомъ географическихъ особенностей Востока, главнымъ образомъ рельефа почвы, проявляется еще и до сихъ поръ.

Заглянувши въ глубь исторіи, когда только что завя-

*) Архаическій храмъ, открытый Мариэттомъ, и сфинксъ Гизе.

зались первыя торговыя сношенія Индіи съ другими культурными странами, легко замѣтить, что инициатива этихъ сношеній всегда принадлежала западнымъ народамъ: въ X-мъ вѣкѣ до Р. Х. финикіяне, по порученію фараоновъ а иногда и на счетъ еврейскихъ царей уже проникли въ опасныя моря крайняго востока. Глава IX-я первой Книги Царствъ сообщаетъ намъ интересныя подробности о флотѣ снаряженномъ Соломономъ «въ Азіангаберъ находящійся вблизи Элата въ Эдомской странѣ, на берегу Краснаго моря». «Хирамъ послалъ и своихъ людей, опытныхъ на морѣ, на корабляхъ этого флота, чтобы помочь людямъ Соломона. Всѣ они вмѣстѣ прибыли въ Офиръ, взяли тамъ четыреста двадцать талантовъ золота и отвезли его царю Соломону». I-я глава той-же книги разсказываетъ, что «флотъ Хирама, доставлявшій золото, однажды привезъ множество драгоцѣнныхъ камней и благовоннаго дерева. И изъ этого дерева царь повелѣлъ сдѣлать баллюстрады для храма и царскаго дворца и арфы и тимпаны для пѣвцовъ. До того времени никто никогда не доставлялъ такого дерева въ Палестину и никто изъ жителей даже не видѣлъ ничего подобнаго». Съ тѣхъ поръ финикійскія экспедиціи, покровительствуемыя Соломономъ и царемъ Тирскимъ Хирамомъ, пріобрѣли регулярный характеръ: «черезъ каждые три года флотъ поднималъ паруса и направлялся въ Тарзисъ, гдѣ нагружался золотомъ, серебромъ, слоновой костью, обезьянами и павлинами». Книга Паралипоменонъ указываетъ даже, что портомъ, въ которомъ, по преимуществу, организовались такія экспедиціи, былъ Азіангаберъ.

Географическое положеніе таинственнаго Офира, откуда еврейскіе цари вывозили перечисленныя богатства, возбуждало и возбуждаетъ большіе споры. Нѣкоторые авторы поддерживаютъ то мнѣніе, что онъ долженъ былъ-бы находиться въ Африкѣ, другіе болѣе многочисленные, помѣщаютъ его въ Азіи. Корабли, выходя изъ Азіангабера, могли заходить въ гавани по берегу Африки и тамъ запасаться слоновой костью,

но золото, серебро, драгоцѣнные камни въ то время добывались лишь въ странахъ Индіи. Любопытная подробность, упоминающая о благовонномъ деревѣ, заставляетъ полагать, что это было сандаловое дерево, вывозимое изъ Океаніи *). Но могли ли смѣлые моряки сирійскаго берега, хотя-бы въ видѣ исключенія, доходить до странъ столь отдаленныхъ? Утверждать этого нельзя, такъ какъ они могли получать драгоцѣнный товаръ и въ какой-либо гавани Индо-Китая отъ малайскихъ мореплавателей, этихъ финикіянъ Индійскаго океана, и вообще южныхъ морей, долгое время властно державшихъ въ своихъ рукахъ всѣ торговыя сношенія Индіи съ жителями юго-восточныхъ береговъ Азіи.

Инертность и пассивность роли, играемой Индіей въ исторіи съ незапамятныхъ временъ, соотвѣтствуетъ, какъ это ясно видно, ея безвыгодному географическому положенію въ территоріи великихъ культурныхъ рѣкъ, ведшихъ только къ угнетенію жившаго по нимъ населенія. Въ противоположность Индіи западъ никогда уже не выпускалъ изъ своихъ рукъ вліянія, которое онъ съумѣлъ захватить на Востокѣ при посредствѣ финикіянъ, съ большимъ искусствомъ эксплуатировавшихъ выгодное географическое положеніе ихъ отечества и свои знанія, пріобрѣтенныя изъ общенія со Средиземнымъ моремъ. Между прочимъ, отъ финикіянъ узнали дорогу въ опасныя воды Индійскаго океана и Тонкинскаго моря также и Греки. Изученіе анонимнаго описанія, составленнаго въ первомъ вѣкѣ христіанской эры, дало полковнику Yule **) основанія опредѣлить приблизительно направленія путей, по которымъ, въ эпоху римскихъ цезарей, греческіе мореплаватели ходили изъ Эритрейскаго моря до морей Tsin (омывающихъ китайскія земли). Столѣтіе спустя Клавдій Птоломей уже ясно различалъ страну Tsin или Sinae, т. е. Китай, достигнуть которой можно по морю отъ страны Seres,

*) См. Mémoire sur le Periple d'Hannon, par Aug. Mer.
**) Proceedings of the R. Geographical Society 1882.

т. е. отъ континентальнаго Китая, посылавшаго шелкъ и ткани въ Римъ сухопутнымъ путемъ черезъ Бактрію.

Въ то время, какъ проникновеніе Запада въ запаздывавшій Востокъ, развиваясь все шире, продолжается и доселѣ, Индія и Китай, въ теченіе долгаго періода времени, оставались изолированными другъ отъ друга и, какъ кажется, даже пребывали во взаимномъ невѣдѣніи о существованіи другъ друга. Все, что намъ извѣстно о легендарныхъ путешествіяхъ великаго китайскаго идеалиста Лаотзе, не имѣетъ никакой исторической цѣнности, но если-бы эти путешествія и существовали въ дѣйствительности, то все-таки это слишкомъ бѣглый и случайный эпизодъ, чтобы на немъ что-либо основывать. Китайцы вообще вступаютъ въ область достовѣрной исторіи лишь съ конца III-го вѣка до Р. Х., когда ихъ имперія была поглощена царствомъ Tsin'a, но и тогда они направлялись все-таки не къ Индостану, существованія котораго, казалось, не подозрѣвали, а къ Согдіанѣ и къ странѣ Та-Van (Бактрія), причемъ воспользовались съ этой цѣлью долиной рѣки Тарима и обогнули сѣверовосточной стороны Памиръ. Индія такимъ образомъ осталась совершенно непричастной этому первому соприкосновенію Востока съ Западомъ.

Начиная съ завоевательныхъ походовъ Ou-ti (186—140 гг. до Р. Х.) и военной экспедиціи Чангъ-Кіена (Tchang-Kien), торговля Китая съ страной Та-Van вступаетъ въ періодъ значительнаго развитія. Между обѣими странами по рѣкѣ Тариму и вплоть до береговъ Сыръ-Дарьи *) стали ходить караваны, иногда насчитывавшіе въ своемъ составѣ нѣсколько сотенъ путешественниковъ. Докторъ Бреттшнейдеръ **) (Brettschneider) полагаетъ, что потомки Хама (Китайцы) обязаны этимъ торговымъ сношеніямъ съ Малой Азіей познаніемъ многихъ полезныхъ растеній, играющихъ весьма важную роль въ ихъ народной экономіи. И, дѣйстви-

*) Васильевъ, цитир. трудъ.
**) On the study and value of chinese botanical works

тельно, китайскія легенды сообщаютъ намъ что шелковица и шелковичный червякъ перенесены къ нимъ изъ Туркестана

Къ сѣверу отъ гигантскаго горнаго барьера, отдѣляющаго территорію первобытныхъ историческихъ культуръ отъ остальной части стараго материка, простирается обширная, обладающая чрезвычайно характерными чертами, область, подобно которой не найдется ни въ какой другой странѣ земного шара. Прорѣзанная мощнымъ горнымъ массивомъ Памира и Гинду-ку, втиснутая между Гималайскими и Небесными горами, Тянь-Шанемъ, Тенгри-Шанемъ, Алатао, Тарбагатаемъ Алтаемъ и т. д., эта возвышенная, по большей части, равнинная мѣстность простирается съ запада на востокъ на сорокъ географическихъ градусовъ, вплоть до цѣпи горъ Хинганъ перпендикулярной къ ней и отдѣляющей ее отъ лѣсистыхъ холмовъ Манджуріи. Вдоль по ней, въ направленіи съ юго-запада на сѣверо-востокъ *) проходятъ значительные отроги горъ берущіе свое начало изъ Кинду-ку или гигантскаго горнаго узла Кара-Корумъ (черная стѣна). Они дѣлятъ необъятное плоскогорье на двѣ совершенно отдѣльныхъ страны. изъ которыхъ сѣверная—Тибетъ (Bod-yu) значительно выше южной. Въ географіи эти горные отроги извѣстны подъ названіями Куэнъ-Лунь съ своимъ продолженіемъ Алтынъ-Дагъ, Нанъ-Шань, Байянъ-Кара; наконецъ, тамъ же находятся горы Ордосъ, прилегающія къ перпендикулярной стѣнѣ Хингана весьма длинной горной цѣпью, по которой между прочимъ къ западу отъ Пекина проходитъ Великая Китайская стѣна.

Очерченная такимъ образомъ, эта обширная внутренняя равнина, подраздѣляемая обыкновенно на Китайскій Туркестанъ, Монголію и Джунгарію образуетъ *центральную* Азію, въ буквальномъ смыслѣ этого слова **).

---

*) Р. Пумпелли и Ф. Риштгофенъ называютъ это направленіе характеристичнымъ для китайской горной системы.

**) F. de Richthofen, China t. I.

Будучи высокимъ плоскогорьемъ, она тѣмъ не менѣе далеко не всюду безводна и лишена растительности. Пустынные песчаные солончаки расположены тамъ съ большими промежутками и образуютъ нѣчто въ родѣ плѣшинъ среди общей густо травяной мѣстности, испоконъ вѣковъ доставляющей пищу безчисленнымъ стадамъ различныхъ номадовъ: Туранцевъ, Монголовъ и другихъ турко-татарскихъ народностей разныхъ наименованій. На западѣ, въ Туркестанѣ, островки пустыни разбросаны рѣдко и отличаются незначительной величиной, удачнымъ примѣромъ ихъ могутъ служить Такламаканскіе пески, залегающіе между рѣкой Таримомъ и цѣпью Алтынъ-нага; на востокѣ, въ пустынѣ Гоби, песчаные и безплодные островки учащаются и образуютъ настоящія Ша-мо, т. е. моря песку. Китайцамъ не безъизвѣстна природа и физическая исторія этихъ песчаныхъ пустынь: они называютъ ихъ gan-hai, что означаетъ высохшія моря. Дѣйствительно, это, по всѣмъ вѣроятіямъ, мѣста древнихъ водныхъ бассейновъ.

Окруженное и сплошь изборожденное крутыми снѣговыми горами, покрытыми ледниками, плоскогорье центральной Азіи значительно богаче водою, нежели африканская Сахара. На географическихъ картахъ его изображаются обыкновенно безчисленныя озера, среди которыхъ Балкашъ, Куку-Норъ, или Голубое озеро. Тангри-Норъ, или Небесное озеро Коссогёль, Иссыкъ-Куль и еще нѣкоторые довольно велики, большинство-же представляетъ собою болотныя лагуны, безъ стока для воды, съ неопредѣленными очертаніями и даже измѣняющейся, колеблющейся величины. На всѣхъ нихъ удобно изучать явленіе прогрессивнаго высыханія. Всюду, гдѣ только это допускаютъ уклонъ и непроницаемость почвы, здѣсь, по плодороднымъ долинамъ, протекаютъ рѣки значительной величины, несущія, однако, свои воды не въ море. Таковъ напр. Таримъ, простирающійся въ длину на 2000 километровъ.

Громадный бассейнъ такихъ рѣкъ, не имѣющихъ выхода къ морю, выходитъ далеко за предѣлы собственно центрально-

азіатскаго высокаго плоскогорія какъ географическаго цѣлаго. Ручьи, сбѣгающіе съ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ склоновъ Гинду-ку, Памира и Тянь-Шаня, соединяясь вмѣстѣ, образуютъ двѣ большихъ и знаменитыхъ въ исторіи человѣчества съ древнѣйшихъ временъ рѣки: Оксусъ (Аму-Дарья) и Яксартъ (Сыръ-Дарья), текущихъ въ значительной части своего протяженія уже по низменности. Выходя за предѣлы горной страны и утративъ характеръ горныхъ потоковъ, обѣ эти рѣки вступаютъ въ мѣстность, нѣкогда, въ третичную эпоху, занятую громаднымъ внутреннимъ моремъ, отдѣлявшимъ Европу отъ Азіи и въ настоящее время почти совершенно высохшимъ. Благодаря чрезвычайно слабому наклону почвы, воды Сыръ-Дарьи и Аму-Дарьи текутъ лѣниво, мало-по-малу просачиваются сквозь пески пустыни и, отъ времени до времени, мѣняютъ направленіе. Нѣкогда онѣ пополняли собою Каспійское море, но въ настоящее время доходятъ лишь до Аральскаго.

Легко задать себѣ интересный вопросъ: составляетъ-ли центральное высокое плоскогорье Азіи совмѣстно со своимъ придаткомъ равниной рѣкъ Оксуса и Яксарта и территорію рѣчныхъ культуръ или нѣтъ? Но отвѣтить на него весьма не легко. Въ весьма многочисленныхъ отношеніяхъ описанная мною только-что мѣстность, болѣе всего заслуживала-бы наименованія «страны первобытныхъ варварскихъ обществъ». Въ самомъ дѣлѣ, даже расширивши сѣверныя границы древнихъ славныхъ рѣчныхъ культуръ, даже включивши въ центральную часть Азіи Согдіану и Бактрію, все же нельзя не признать, что и центральное азіатское плоскогорье, и прилегающая къ нему на западъ низменность до сихъ поръ служили областью развитія лишь пастушеской и вообще кочевой жизни. Обитавшіе тамъ монгольскіе и туркменскіе джентльмены, правда, неоднократно пытались участвовать въ лѣтописяхъ человѣческой культуры, но всѣ эти ихъ попытки, какъ напр. внезапныя появленія въ исторіи вмѣстѣ съ Аттилой, Чингисъ-Ханомъ, Тамерланомъ, въ темные вѣка

первоначальныхъ переселеній, равно какъ и въ вѣка европейской исторіи неизмѣнно носятъ характеръ варварскихъ грабежей, сопровождаемыхъ массовыми убійствами.

Тѣмъ не менѣе существуетъ основаніе полагать что въ неопредѣленный историческій періодъ предшествовавшій возникновенію арійской культуры въ Пенджабѣ страна между Кинду-ку и теперешнимъ Каспійскимъ моремъ обладала самостоятельнымъ культурнымъ очагомъ зародившимся отдѣльно отъ четырехъ великихъ рѣчныхъ деспотій, расположенныхъ къ югу отъ горной діафрагмы *). Первобытный періодъ исторіи Бактріи протекъ въ такомъ глубокомъ уединеніи что остался для насъ вполнѣ неизвѣстнымъ. Извѣстно, однако, что именно тамъ получили начатки культурнаго воспитанія западные Арійцы и что тамъ родилась высокая религія Заратустры (Зороастра) задолго до стоиковъ до христіанства и мистическихъ религій римской имперіи впервые провозгласившая равенство людей на землѣ, ихъ братство въ трудѣ и одинаковыя права на блага міра и культуры

Оксусъ и Яксартъ должны были-бы слѣдовательно занять мѣсто среди культурно-историческихъ рѣкъ, но въ силу того, что онѣ не имѣли выхода къ настоящему внутреннему морю, ихъ культура смогла излиться въ общую сокровищницу только косвеннымъ путемъ, соединивши свои силы съ силами могущественной месопотамской культуры. Обитавшее въ ихъ области населеніе оставалось неизвѣстнымъ для исторіи вплоть до VII-го вѣка до Р. Х., когда первыя полчища эмигрантовъ изъ Бактріи въ качествѣ авангарда будущихъ многочисленныхъ нашествій, напали на современную Персію подъ предводительствомъ Урахатара (Ourakchatara, Ксіаксара, по Геродоту), основателя Экбатаны и мидійскаго государства. Приведенные имъ персы не замедлили обратиться въ повелителей ассиро-вавилонскаго міра. Но, если ихъ нашествіе и

*) „Діафрагмой“ Мечниковъ называетъ здѣсь цѣпи горъ, отдѣляющихъ месопотамскую, ганго-индійскую и китайскую рѣчныя системы отъ остальной части Азіи.

провозвѣстило новую эру для общей исторіи Запада *), то оно, во всякомъ случаѣ, не прибавило новыхъ странъ къ территоріи рѣчныхъ культуръ. Дѣйствительно, въ географическомъ отношеніи, Иранъ представляетъ собою, ничто иное, какъ проходъ между Бактріей и Мессопотаміей, между передней Азіей и Индіей; въ историческомъ отношеніи необходимо замѣтить, что Мидяне и Персы задержались тутъ, проходя въ «страну рѣкъ», лишь на недолгое время.

Ультра-континентальная центральная Азія въ сѣдой древности представляла собою настоящее внутреннее море, но самое неудобное и неблагодарное изо всѣхъ. Мы уже видѣли, что по трудному пути, пересѣкавшему Китай, онъ стремился вступить въ единеніе съ западными народами. Прилегая къ берегамъ Великаго или Тихаго океана, гдѣ прибрежныя воды славятся своею бурностью, будучи отдѣлена отъ Индіи нѣсколькими рядами недоступныхъ горъ, Небесная имперія была бы осуждена на абсолютную изолированность и на уединеніе, если-бы въ видѣ крайняго выхода она не могла-бы воспользоваться неудобными сухопутными путями Тибета и Монголіи. И если историческое развитіе Китая оказалось настолько медленнымъ, что, въ сравненіи съ быстрымъ культурнымъ прогрессомъ Запада, оно казалось неподвижно стоящимъ на одномъ мѣстѣ, то причина здѣсь слѣдующая: испоконъ вѣковъ нормальное теченіе культурнаго развитія Китая было раздвоено; часть силъ направлялась къ восточнымъ морямъ, другая часть тратилась на стремленія въ безплодныя страны Запада чрезъ Si-Yu **). Сами Китайцы, повидимому, понимали, что возвышенныя равнины Центральной Азіи исполняли въ ихъ культурѣ функцію отлива, отвода силъ, такъ какъ называли свои

---

*) Моментъ нашествія составляетъ важную хронологическую дату, такъ какъ со времени Кира Арійцы пріобрѣтаютъ рѣшающее значеніе въ западномъ мірѣ, хотя верховенство у нихъ еще въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ оспаривалось семитами.

**) Cм Elisée Reclus, Nouvelle geographie Universelle t. IX. Si-Yu— административное китайское названіе Центральной Азіи.

владѣнія ѣамъ «дорогами къ сѣверу и югу отъ Небесныхъ горъ».

Опредѣливши границы той обособленной части древняго материка, которая послужила мѣстомъ пробужденія человѣчества, я принужденъ теперь задать себѣ вопросъ: на долю какой особенности его географическаго положенія слѣдуетъ отнести его привиллегію—служить колыбелью исторіи человѣчества.

Нашъ земной шаръ представляетъ въ самыхъ различныхъ странахъ суммы условій, способныхъ вывести человѣчество изъ животнаго варварства. Доисторическая археологія,—эта наука, родившаяся едва не вчера —во всѣхъ изслѣдованныхъ странахъ міра констатируетъ существованіе многочисленныхъ остатковъ искусства и промышленности, реликвій такихъ группъ человѣчества, которыя никогда не фигурировали въ исторіи. Уже въ неолитическую эпоху, во многихъ мѣстахъ стараго и новаго материка люди изобрѣтали и совершенствовали болѣе или менѣе остроумно домашнюю утварь, устраивали мастерскія для производства каменныхъ орудій en grand, обмѣнивались матеріалами и продуктами труда. Иногда очень обширныя трибы, съумѣвшія худо-ли, хорошо ли приспособиться къ условіямъ существованія жили (и живутъ до сихъ поръ) въ отдаленныхъ уголкахъ земного шара, затѣмъ исчезаютъ, не оставляя послѣ себя никакихъ другихъ слѣдовъ, кромѣ разбитой утвари, охотничьихъ и рыболовныхъ ловушекъ, оружія, свайныхъ построекъ, и т. п., вообще всего, что мы впослѣдствіи находимъ съ удивленіемъ въ землѣ на нѣкоторой глубинѣ. Для того, чтобы вписать свое имя въ лѣтопись коллективной исторіи человѣчества, необходимо создать что-либо поучительное, могущее заинтересовать или удивить потомство. Но человѣчество не всегда работаетъ для потомства. Скромные строители египетскихъ пирамидъ, надъ которыми во все время постройки тяготѣлъ бичъ надсмотрщика, напр. навѣрно работали не изъ чести фигурировать нѣкогда въ руководствахъ всемірной исторіи.

Въ то время, какъ ученые и философы задаются еще вопросомъ: есть-ли культура—зло или благо? истинные творцы всякой культуры — безчисленныя народныя массы нисколько, какъ кажется, не сомнѣваются на этотъ счетъ и считаютъ культуру зломъ, къ которому ихъ принуждаютъ силой. Всюду, на первыхъ страницахъ лѣтописей человѣчества, мы дѣйствительно находимъ страшное угнетеніе народныхъ массъ и неограниченный абсолютизмъ правителей. Всюду, гдѣ только это было возможно, народныя массы запряжены въ ярмо исторіи.

Какая-же таинственная причина создала тѣ могущественныя деспотіи, которыя соединили въ гигантскія народности разбросанное доселѣ народонаселеніе, принадлежавшее къ самымъ различнымъ группамъ: Арійцамъ и Семитамъ, Ливійцамъ съ розовой кожей, Кушитамъ съ кожей болѣе черной, нежели у негровъ, Туранцамъ, Дравидамъ, Китайцамъ и т. д.?

Нельзя видѣть эту причину въ климатическихъ условіяхъ, такъ какъ они далеко не аналогичны въ различныхъ частяхъ обширной территоріи, занятой первобытными рѣчными культурами. Небо Мессопотаміи совершенно не похоже на небо долины нижняго теченія Нила, а между ведійской Индіей и средними теченіями историческихъ китайскихъ рѣкъ разница въ изотермахъ доходитъ до 15 градусовъ. Прилегающій къ Средиземному морю берегъ Африки на всемъ протяженіи отъ Киренаики до береговъ Атлантическаго океана въ Марокко заключенъ между изотермами +25 и +20 (во многихъ мѣстахъ средняя годовая температура его равняется только +19, 18, 17 град.), т. е. между тѣми-же изотермами, которыя ограничиваютъ зону трехъ главныхъ очаговъ древней культуры, т. е. Египта, Мессопотаміи и Ганго Индійскаго бассейна и тѣмъ не менѣе онъ не былъ причастенъ культурѣ. Цѣпь невысокихъ Ливійскихъ горъ, лежащихъ на западъ отъ долины Нила приблизительно на 25° восточной долготы (по Парижскому меридіану) служитъ крайней западной границей территоріи первобытныхъ историческихъ образованій. Средняя въ климатическомъ отношеніи Европа, включающая въ себѣ

Англію и южную половину Ирландіи, принадлежитъ къ зонѣ ограниченной изотермами +20 и +10 и хотя при той же температурѣ развились культуры Бактріи и Китая, нашу современную блестящую европейскую культуру все же нужно считать не самостоятельнымъ продуктомъ среды, а продуктомъ ассиро-египетскихъ вліяній.

Томасъ Бокль стремился объяснить различія между нашей современной культурой и культурами восточныхъ деспотій причиной нѣсколько спеціальнаго свойства. Именно онъ находилъ, что Европа обязана своей исторической ролью—климату, тогда какъ Африка и Азія—плодородію своей почвы Я, лично, вижу эту причину въ совершенно другой области явленій. Дѣло въ томъ, что европейскія культуры принадлежатъ къ вторичной, средиземно-морской исторической фазѣ, тогда какъ восточныя деспотіи пробудились къ жизни первичной рѣчной фазой исторіи. Внѣ всякаго сомнѣнія, что почва, на которой развились восточныя деспотіи, была баснословно плодородна, что вообще высокія ея качества являются conditio sine qua non, однимъ изъ самыхъ необходимыхъ условій развитія первобытной исторической жизни. Но чрезмѣрное плодородіе земли тѣмъ не менѣе не составляетъ единственной исторической привиллегіи бассейновъ великихъ культурныхъ рѣкъ, уже такъ часто мною здѣсь названныхъ. Мавретанія не стоитъ въ рядахъ первобытныхъ очаговъ культуръ, но не потому, чтобы ея почва была безплодной. Напротивъ, ея неистощимыя блестящія данныя въ почвенномъ отношеніи и преимущества географическаго положенія общеизвѣстны, но имъ удалось проявиться съ громаднымъ блескомъ лишь въ тотъ моментъ, когда Мавретаніей овладѣли Карѳагеняне, а затѣмъ Римляне, т. е. вообще лишь по полученіи извнѣ культурнаго толчка, пріобщившаго эту страну къ обще-міровому культурному движенію. Существуютъ еще болѣе краснорѣчивые примѣры. Въ нѣкоторыхъ частяхъ классической рѣки варварства, Конго, благодаря изумительному плодородію почвы, сгруппировалось столь-же густое

населеніе, какъ и въ наиболѣе культурныхъ странахъ, и тѣмъ не менѣе тамъ процвѣтаетъ еще каннибализмъ.

Во всѣхъ странахъ, жизненнымъ синтезомъ всей совокупности сложныхъ условій климата, почвы, конфигураціи земли, геологическаго строенія представляется мнѣ рѣка. Быстрота или медленность ея теченія, обиліе и степень стремительности водъ обусловливаются дождями, таяніемъ снѣговъ, смѣной временъ года, безчисленными климатическими измѣненіями; поверхностный земной рельефъ, степень отдаленности отъ моря опредѣляютъ длину и извилистость ея теченія; отъ природы русла, обилія или недостатка наносовъ, присутствія или отсутствія органическихъ остатковъ и различныхъ минеральныхъ веществъ въ руслѣ зависитъ прозрачность или мутность водъ; тѣ-же условія сообщаютъ рѣчной водѣ спеціальныя свойства, окраску, запахъ, увеличиваютъ или уменьшаютъ ея могущественную пластическую или разрушительную силу.

Бѣглый обзоръ поверхности земнаго шара въ состояніи доказать, что историческое значеніе рѣкъ отнюдь не пропорціонально длинѣ ихъ теченія или массѣ проносимой ими воды. Скорѣе даже можно было-бы утверждать, что наиболѣе могущественныя рѣки до сихъ поръ не играли исторической роли. Правда, Нилъ находится въ числѣ гигантовъ рѣчнаго міра, но лишь по своей длинѣ, а не по массѣ воды. По длинѣ онъ слѣдуетъ тотчасъ за Миссисипи-Миссури, не имѣющей почти никакого значенія въ исторіи, но его собственно *историческая* часть начинается только около Сіена (за вторымъ порогомъ внизъ по рѣкѣ) и, слѣдовательно, занимаетъ всего нѣсколько сотъ километровъ *). Евфратъ,

*) Длина восьми важнѣйшихъ рѣкъ земного шара, по даннымъ новѣйшей работы Тилло, выражается въ слѣдующихъ цифрахъ:

Миссисипи-Миссури . . .	6600 километр.
Нилъ	5920 „
Амазонка-Укайяли	5500 „
Янсе-Кіангъ	5080 „
Енисей-Селенга	4750 „

даже если его считать вмѣстѣ съ Мурадъ-Чаемъ, все-же пигмей въ сравненіи съ Амазонкой. а изъ двухъ историческихъ рѣкъ Китая, именно меньшую по справедливости слѣдуетъ считать творцомъ китайской культуры. Немногимъ болѣе длинный Янсе-Кіангъ не достигаетъ величины гигантскихъ рѣкъ Сибири, которыя, не взирая на это, играютъ до нельзя скромную роль въ исторіи культуры. Впрочемъ, эти рѣки употребляются всегда въ качествѣ иллюстраціи того положенія, что соціологическая цѣнность рѣкъ парализуется ихъ зависимостью отъ Ледовитаго океана. Это положеніе, для меня лично весьма спорное, можетъ имѣть географическое значеніе въ занимающемъ насъ вопросѣ. Безспорно, культуры, возникшія на берегахъ рѣкъ, оканчивающихся въ ледяныхъ пустыняхъ арктической области, не могли нормальнымъ путемъ достигнуть вторичнаго средиземно-морскаго культурнаго періода, но дѣло въ томъ, что по бассейнамъ этихъ рѣкъ никакой культуры не было, а связать причинно арктическое положеніе устьевъ этихъ рѣкъ и отсутствіе въ ихъ бассейнахъ какой-либо культуры не представляется основаній. Въ первобытныя времена великія культуры теченія, изучаемыя нами теперь, были, пожалуй, съ этой точки зрѣнія въ еще болѣе неблагопріятномъ, нежели сибирскія рѣки, положеніи. Ихъ устья были почти совершенно недоступны. Современная нильская дельта и Шатъ-эль-Арабъ являются скорѣе продуктами культуры, нежели природы. Нижній Индъ изливается въ пустынное море протоками, не

Амуръ	4700 километр.
Конго	4640 „
Мэкензи	4615 „

Изъ всѣхъ великихъ историческихъ рѣкъ, не поименованныхъ въ этой таблицѣ, одинъ Гоанго по величинѣ превышаетъ 4000 километровъ, но, по увѣреніямъ Пржевальскаго, изображеніе его на нашихъ картахъ ошибочно и глубокій изгибъ, приписываемый ему въ странѣ Ордосъ на самомъ дѣлѣ преувеличенъ. Длина Инда равна 3000 километровъ, т. е. менѣе половины Миссисипи-Миссури, а длина Евфрата, считая ее даже отъ истоковъ Мурадъ-Чая, все же не, превышаетъ 2800 килом. Вообще, за исключеніемъ Нила и Янсе-Кіанга всѣ историческія рѣки по длинѣ уступаютъ Конго и гигантамъ обѣихъ Америкъ.

поддающимися утилизаціи. Гангъ заканчивается лабиринтомъ постоянно гніющихъ болотъ и лагунъ, міазмы которыхъ дали поводъ посвятить богинѣ смерти и разрушенія—Кали—значительную часть Бенгальской провинціи. Точно въ такомъ-же положеніи находился и Гоанго: выйдя за городъ Каифунгъ-фу онъ. какъ рѣка, почти совершенно исчезалъ, расплываясь въ безчисленныхъ рукавахъ и каналахъ, дѣлавшихъ буквально необитаемымъ цѣлый обширный треугольникъ, между теперешнимъ сѣвернымъ его устьемъ у залива Печили и прежнимъ южнымъ. Впрочемъ, даже и въ наши дни значеніе устья Гоанго для торговли и для плаванія попрежнему ничтожно.

Амуръ лишенъ неудобствъ гигантскихъ сѣверныхъ сибирскихъ рѣкъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ плодородіе почвы вдоль его береговъ баснословно и его вѣковые лѣса наряду съ прирѣчной долиной могли-бы составить рай для охотниковъ, рыболововъ и даже для земледѣльцевъ, эксплуатирующихъ богатства почвы небольшими обществами для себя и своихъ семей. Енисей въ верхнемъ своемъ теченіи представляетъ намъ, точно также какъ и его громадный притокъ Сунгара и Амуръ, любопытный образчикъ географической среды, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, быть можетъ, слишкомъ благопріятствующей человѣку и вслѣдствіе этого негодной для развитія исторической культуры. Дѣло въ томъ, что слишкомъ благопріятныя и удобныя условія позволяютъ обитателямъ данной географической среды медлить на низшихъ ступеняхъ развитія и закоченѣвать въ жизни трапперовъ и бродячихъ земледѣльцевъ, довольствующихся только новой, неистощенною землей. Вознаграждая слишкомъ широко отдѣльныхъ, живущихъ изолированно людей, такія благодѣтельныя условія не заключаютъ въ себѣ стимула къ координированію отдѣльныхъ лицъ въ нѣчто сложное, обобществленное, не заставляютъ переходить къ высшимъ формамъ солидарности, составляющимъ conditio sine qua non историческаго развитія.

Великія историческія рѣки, по справедливости заслужи-

вающія названія воспитателей человѣчества, какъ уже сказано, не выдаются среди прочихъ рѣкъ мощностью массъ передвигаемыхъ ими водъ. Напримѣръ Нилъ вливаетъ въ море въ три раза менѣе воды, нежели Дунай.

Но всѣ эти рѣки зато обладаютъ одной замѣчательной характерной чертой, способной объяснить секретъ ихъ славныхъ судебъ. *Всѣ онѣ обращаютъ орошаемыя ими страны то въ плодородныя житницы питающія милліоны людей за трудъ нѣсколькихъ дней, то въ чумныя болота, усѣянныя трупами безчисленныхъ жертвъ* Специфическая географическая среда этихъ рѣкъ могла быть эксплуатирована лишь коллективнымъ, сурово дисциплинированнымъ трудомъ бесчисленнаго народонаселенія, состоявшаго хотя-бы изъ самыхъ разнородныхъ и различающихся по языку, расѣ, нравамъ и наружному виду племенъ и расъ. Каналы Кянгъ-Нанъ и плотины Гоанго являются вѣроятно результатами мудро объединенной работы гораздо болѣе многочисленныхъ поколѣній, нежели какія выстроили пирамиды и храмы Египта. Малѣйшее нерадѣніе при прорытіи какого-нибудь рва, въ поддержаніи какого либо сооруженія, простая лѣность, эгоизмъ одного человѣка, или небольшой группы ихъ, при общей работѣ надъ коллективнымъ богатствомъ—драгоцѣнной влагой и общественное бѣдствіе, непоправимое несчастье готово. *Подъ страхомъ неминуемой смерти, рѣка-кормилица внушаетъ населенію солидарность* и стремленіе объединять свои силы, хотя-бы на самомъ дѣлѣ отдѣльныя группы населенія не знали и даже ненавидѣли другъ друга. Она присуждаетъ каждаго члена общества къ исполненію части общественной работы, полезность которой познается впослѣдствіи, а вначалѣ бываетъ непонятна громадному большинству. Зачастую даже это большинство не въ состояніи дать себѣ отчетъ о планѣ исполненія общей работы. Вотъ гдѣ истинный источникъ боязливаго благоговѣнія и уваженія, проявляемыхъ народами по адресу *рѣкъ*, этихъ божествъ, прокармливающихъ и управляющихъ, умерщвляющихъ и оживо-

творяющихъ, открывающихъ свои тайны только немногимъ избраннымъ, а всѣми остальными смертными повелѣвающихъ и управляющихъ, на подобіе того, какъ управляетъ ими судьба. Типичная культурная рѣка Нилъ ежегодно создавала своими благодѣтельными наводненіями не только новую плодородную почву для Египта, но вмѣстѣ съ тѣмъ создавала и замѣчательно искусно организованное общество. Съ перваго взгляда въ прозаичномъ матеріалистѣ-египтянинѣ нельзя было замѣтить ни малѣйшихъ чертъ солидарности. Каждый, казалось, былъ поглощенъ эгоистическими заботами о самосохраненіи, однако, едва только наступалъ моментъ общественныхъ работъ, всѣ хватались за нихъ со страстнымъ рвеніемъ истинно вѣрующихъ людей, которое такъ легко отличить отъ привычнаго возбужденія при исполненіи повседневной работы *).

Начинаю болѣе детальное изученіе четырехъ великихъ культурно-историческихъ рѣчныхъ бассейновъ съ Нила, по выраженію древняго египетскаго папируса, «изсушающаго слезы изъ всѣхъ глазъ и повсюду распространяющаго изобиліе своихъ благъ» **)

---

*) Fr. Lenormant, Histoire ancienne.
**) Papyrus Sellier, II, pl. XI, 1, 6.

VIII.

Нилъ.

Истоки Нила.—Конго-нильская ось.—Рѣка исторіи и рѣка варварства.—Sedd'ы, т. е. огромныя скопленія плавучей растительности —Общественный режимъ, обусловленный наводненіями.—Деспотизмъ фараоновъ.—Прогрессъ въ Египтѣ

Въ самомъ сердцѣ Африки, проливные экваторіальные дожди, падающіе въ изобиліи на непроницаемую для влаги почву одной изъ тѣхъ террассъ, которыя характеризуютъ черный континентъ, опредѣляютъ собою крайне замѣчательную географическую область, изученіе которой—еще далеко неполное—началось лѣтъ сорокъ тому назадъ. То, что извѣстно объ этой странѣ въ наши дни, показываетъ, что географы XVI-го столѣтія имѣли о ней гораздо болѣе точныя свѣдѣнія, чѣмъ это можно было-бы апріорно предположить. Въ самомъ дѣлѣ, по словамъ этихъ авторовъ, двѣ величайшія рѣки африканскаго міра, знаменитый Нилъ и безвѣстное Конго получили свое начало изъ одного и того-же внутренняго моря (Aïché Lounda), которое занимало, по ихъ мнѣнію, всю ту площадь, на которой расположены величественные водные резервуары Ніяса (Маравн), Бангуеоло, Моэро—Оката, Танганійка, Кэруэ или Викторія Ніанца (это послѣднее имѣетъ нѣкоторое право называться моремъ, такъ какъ по площади оно превосходитъ такъ называемое Аральское море). Промежуточныя пространства между этими великими озерами, которыя окружены какъ-бы цѣлой сѣткой притоковъ и вытекающихъ изъ нихъ рѣкъ, во многихъ мѣстахъ состоятъ изъ лагунъ, болотъ съ скрадываю-

щимися контурами. Благодаря этому обстоятельству, вся площадь цѣликомъ легко можетъ произвести впечатлѣніе моря на путешественника, который только проѣзжаетъ мимо этой системы озеръ, не пытаясь пересѣчь ее изъ конца въ конецъ. Свѣдѣнія эти португальцы получали отъ караванныхъ проводниковъ, негровъ-pombeiros, которые ежегодно отправляются отъ Бигэ, на границѣ Бенгвэлы въ область великихъ озеръ и нижняго Замбезе *), еще недавно такого-же мнѣнія придерживались всѣ арабы и занзибарцы, съ незапамятныхъ временъ ведущіе торговлю съ внутренностью материка по дорогѣ, остановочные пункты которой расположены по восточному берегу Танганійки и на верхнемъ Конго.

Въ первой половинѣ XVII столѣтія въ Мадридѣ была издана книга подъ заглавіемъ: Relacion de la Mission Evangelica en el reyno de Congo de la serafica corporacion de los Capuchinos. Прочтя помѣщенное въ этомъ трудѣ описаніе центральной Африки, легко можно понять, почему знаменитый Bruce, добравшійся до истоковъ Голубой рѣки или Баръ-эль-Азрека былъ увѣренъ самъ и увѣрилъ нѣкоторыхъ современныхъ ученыхъ, что ему удалось наконецъ разрѣшить почти десятитысячелѣтнюю задачу объ истокахъ Нила, задачу, которая съ самой глубокой древности волновала столько выдающихся людей **) и стоила жизни столькимъ изслѣдователямъ!

Уже въ послѣдней половинѣ II вѣка по Рождествѣ Христовомъ, Клавдій Птоломей зналъ, что таинственная рѣка течетъ изъ южнаго полушарія ***) изъ Лунныхъ горъ, и въ

*) Маршрутъ двухъ изъ такихъ pombeiros, въ 1806 г., т. е. приблизительно за полустолѣтіе до извѣстнаго путешествія Ливингстона, уже пересѣкшихъ Африку отъ Атлантическаго океана до устья Замбезе, можетъ быть опредѣленъ съ нѣкоторой точностью. Извѣстно даже, что, въ своемъ пути, они отклонялись значительно къ сѣверу для того, чтобы посѣтить резиденцію короля Муата-Ямбо

**) Луканъ въ своемъ „Фарсаліѣ“ вкладываетъ въ уста Цезаря такую фразу: „Я отказался-бы отъ гражданской войны, если-бы мнѣ дано было знать, гдѣ Нилъ беретъ начало“.

***) Онъ помѣщаетъ источники Нила на 10 или 12 градусѣ южной широты, что повидимому преувеличено; но, при теперешнемъ состояніи

самомъ дѣлѣ, Ou-nyamouezi — названіе странъ къ югу отъ озера Викторія — составлено изъ трехъ словъ нарѣчія банту: ou (страна), nya (частица, выражающая отношеніе), mouezi (луна) *). По мнѣнію великаго александрійскаго географа Нилъ возникаетъ на западѣ изъ другой рѣки Rhapius или Rhapta — названіе, которому, какъ замѣчаетъ Ливингстонъ въ своемъ Dernier Journal, нельзя отказать въ нѣкоторомъ сходствѣ съ названіемъ Rovouma

Кромѣ того,—и это показываетъ, что Птоломей черпалъ свои свѣдѣнія не изъ многочисленныхъ легендъ и фантастическихъ разсказовъ того времени, — онъ проводитъ шесть рѣкъ которыя, по его мнѣнію, образуютъ начало Нила (Caput Nili) черезъ два большихъ озера, расположенныхъ въ востоку и западу одно относительно другого (Танганійка и Викторія-Ньянца) **). Въ общемъ, свѣдѣнія, которыя онъ намъ оставилъ о великой рѣкѣ, не болѣе отдалены отъ истины, чѣмъ то, что знали на этотъ счетъ Спикъ и Грантъ, когда совѣтовали 25 лѣтъ тому назадъ M-lle Tinné не продолжать своего пути, такъ какъ, по ихъ словамъ, они воочію убѣдились, что Нилъ вытекаетъ изъ озера Ньянца И, однако блестящія открытія этихъ двухъ офицеровъ были достаточны, чтобы рѣшить вопросъ объ африканскомъ водораздѣлѣ. и

знаній относительно притоковъ озера Викторія Ньянца, нельзя съ увѣренностью сказать, насколько онъ ошибается Давидъ Ливингстонъ всю жизнь придерживался гипотезы Птоломея и искалъ этихъ истоковъ въ области озера Бангуэло

*) Burton утверждаетъ, однако, что названіе „Страна Луны“ было-бы на этомъ языкѣ Ou-mouezi, а частица nya была-бы лишнею. Съ другой стороны mouezi значитъ „воръ“ (вѣроятно, это значитъ „тотъ, кто работаетъ при свѣтѣ луны, т. е. ночью, а не днемъ“). „Страна воровъ“—таковъ буквальный переводъ слова Ou-nyamouezi, причемъ частица nya здѣсь является необходимой (см Lake Regions of Central Africa).

**) Или, быть можетъ, M'wutan Nzighe, озеро Альберта, которое дѣйствительно принадлежитъ къ бассейну Нила; но описаніе у Птоломея слишкомъ неточно, чтобы можно было съ увѣренностью рѣшить, о чемъ онъ говоритъ. Онъ получилъ свѣдѣнія объ этихъ озерахъ отъ Марина Тирскаго, который самъ узналъ объ ихъ существованіи только изъ разсказа извѣстнаго Діогена, посѣтившаго Центральную Африку около 100-го года до Р. Х.

тщетно Ливингстонъ продолжалъ свои поиски источниковъ Нила въ тѣхъ болотистыхъ низменностяхъ Бангуэоло, которыя принадлежатъ уже къ бассейну Конго.

Для сопоставленія съ почти достовѣрными взглядами Птоломея, посмотримъ, какъ отвѣчала въ послѣднія времена царствованія фараоновъ египетская мудрость на вопросъ о великой тайнѣ «Головы Нила». По словамъ Геродота, покровъ этой тайны былъ поднятъ только для одного человѣка—священнаго жреца при храмѣ богини Нейтъ (Аѳина—Минерва) въ Саисѣ *).

Какъ греческому путешественнику удалось вывѣдать эту священную тайну—неизвѣстно, но онъ выдаетъ ее намъ всю безъ остатка: «Мѣстомъ истоковъ Нила,—говоритъ онъ,—служатъ двѣ горы съ остроконечными вершинами Krophi и Mophi, расположенныя между городомъ Сіенъ (Ассуанъ) въ Ѳиванской области и Элефантиной (Абу)» **).

Отсюда видно, что древніе Египтяне отождествляли истоки Нила съ крайнимъ предѣломъ его благотворныхъ наводненій: ни они, ни Геродотъ, который въ XXIX, XXX и XXXI главахъ даетъ точный маршрутъ отъ Элефантины до Мероэ черезъ Тахомисо и далѣе до страны Аутомоловъ, не могли не знать, что рѣка тянется значительно дальше этого мнимаго источника. Но въ глазахъ народа, жившаго исключительно благодаря нильскимъ наводненіямъ—самой сущности божественнаго Гапи (Нарі)—эта рѣка теряла весь свой интересъ, лишь только запертая между высокими стѣнами своей Нубійской тюрьмы, она теряла возможность выходить изъ своего

*) Безъ сомнѣнія это нововведеніе саитскихъ временъ: въ древности одинъ только фараонъ зналъ „тайну Нила“, и это было одно изъ главнѣйшихъ правъ, вызывавшихъ къ нему благоговѣніе народа.

**) По мнѣнію проф Lauth „Krophi“ есть видоизмѣненное на греческій ладъ Кег-Нарі (пучина Нила), а «Mophi“—Mou-Нарі (вода Нила). Я привожу эти свѣдѣнія по Дюмихену (J. Dumichen) въ Онкеновской „Weltgeschichte in Einzeldarstellungen“, въ первомъ выпускѣ, которой (исторія Египта) приведено много интересныхъ подробностей относительно представленія, которое составили себѣ древніе Египтяне о „Головѣ Нила“.

русла, оставляя такимъ образомъ страну, черезъ которую она проходитъ, беззащитной передъ ядовитымъ дыханіемъ пустыни—безжалостнымъ Сэтомъ (Тифономъ). Мнѣ кажется гораздо болѣе непонятнымъ почему на этотъ истокъ смотрѣли какъ на какую то грозную тайну; всякій рыбакъ и лодочникъ—наиболѣе отверженныя корпораціи древняго Египта—могъ осквернить своимъ нечистымъ взоромъ святость этихъ мѣстъ. Неронъ, интересовавшійся, какъ и всѣ Цезари*) первыхъ временъ римской имперіи, вопросомъ о «Головѣ Нила», послалъ двухъ центуріоновъ разыскивать вѣроятные источники великой рѣки; имъ удалось пробраться вверхъ по теченію выше сліянія Нила съ Бахръ-Эль-Арабомъ и гораздо дальше, чѣмъ то удавалось европейскимъ путешественникамъ до послѣдняго пятидесятилѣтія, но тутъ они были остановлены sedd'ами—этими скопленіями плавучей растительности, которыя дѣлаютъ невозможнымъ всякое движеніе впередъ.

Эти посланцы вывѣдали тайну, оберегаемую священнымъ хранителемъ божественной мудрости Саиса, и слѣпо повѣрили этой странной выдумкѣ: пробравшись на 1500 километровъ выше по теченію того мѣста, въ которомъ должны были по этому воззрѣнію находиться истоки рѣки, они все же по возвращеніи изъ путешествія донесли императору, что дѣйствительно видѣли мѣсто зарожденія Нила между двумя холмами Крофи и Мофи въ видѣ родниковъ неизмѣримой глубины. Водный потокъ, берущій начало въ этой пучинѣ, сразу же дѣлится на двѣ части; одна изъ нихъ направляется къ сѣверу, образуя Нилъ (Нарі) Египтянъ; другая—течетъ по направленію къ Эфіопіи и теряется тамъ въ неприступныхъ болотахъ.

Для Птоломея, какъ и для нашихъ современныхъ изслѣдователей, вопросъ объ истокахъ Нила имѣлъ только чисто географическій интересъ; для египтянъ, напротивъ, вопросъ этотъ, еще долго послѣ паденія ихъ государства, все оста-

*) Быть можетъ это въ значительной мѣрѣ объясняется подражаніемъ Александру Македонскому, который живо интересовался этимъ вопросомъ.

вался въ священной области религіозныхъ тайнъ, области, въ которой объясненіе наименѣе всего согласное съ непреложными законами природы, горячѣе всего принимается вѣрующимъ... Никогда не видано чтобы рѣка имѣла истокъ посрединѣ, вѣрнѣе даже къ концѣ теченія но развѣ можетъ какая нибудь другая рѣка быть образцомъ для Нила, для божественнаго Нарі? На мой взглядъ простое сопоставленіе отвѣтовъ о «Головѣ Нила», данныхъ Македонскимъ географомъ изъ Александріи и Саитскими жрецами. позволяетъ охватить съ одного взгляда разницу между духомъ средиземной культуры и духомъ древняго Египта: результаты военной экспедиціи Птоломея Филадельфа привели грека Эратосѳена, который цитируется у Страбона. къ заключенію, что Нилъ беретъ начало въ великихъ озерахъ Экваторіальной Африки, тогда какъ представители высочайшей египетской мудрости, передавали еще другъ другу, какъ достойную благоговѣнія, священную тайну—сказочку о Крофи и Мофи

Если наши свѣдѣнія относительно истоковъ Нила и до сихъ поръ еще не полны, мы знаемъ по крайней мѣрѣ, что два водныхъ колосса огромнаго африканскаго континента — Нилъ и Конго — выходятъ изъ различныхъ, но довольно близкихъ между собою источниковъ. Танганійка, которая связана съ Конго при помощи рѣки Лукуга и Викторія Ньянца, изъ которой выходитъ Нилъ, принадлежатъ къ двумъ различнымъ бассейнамъ. Водораздѣлъ между Ниломъ и Конго вздымается въ видѣ возвышенныхъ вершинъ, вулканическаго, вѣроятно, происхожденія. Но эти вершины не соединены сплошными отрогами ни между собою, ни съ гигантскими массивами горъ Кенія и Килиманджаро, ни съ такъ называемымъ Хребтомъ Изслѣдователей, который окаймляетъ М'вутанъ-Нцигге (Альбертъ-Ньянца) съ запада; далѣе къ сѣверу демаркаціонную линію между бассейнами Нила и Уелле, одного изъ большихъ притоковъ Конго, образуютъ небольшія неровности почвы или даже равнины съ едва замѣтной покатостью; возможно что въ періодъ дождей какое нибудь

болото или лагуна столь многочисленныя въ этой мѣстности сливаетъ свои воды съ водами обоихъ великихъ сосѣдей и служитъ такимъ образомъ временнымъ соединительнымъ звеномъ между Танганайкой и Керуэ-Ньянца. между Конго и Ниломъ. Какъ-бы то ни было отъ истоковъ Уэле, впадающаго въ Конго, до предполагаемыхъ мѣстъ зарожденія самыхъ южныхъ притоковъ Нила ясно замѣтна демаркаціонная линія, идущая съ сѣверо-запада на юго-востокъ. Продолжая эту линію черезъ весь африканскій материкъ, мы получимъ нѣкоторую воображаемую ось. направляющуюся отъ Мыса Спартель къ Занзибарскому морю; если теперь, начиная отъ южной оконечности Сулейманъ-Дага, провести такую же линію, прорѣзывающую Азію и Европу параллельно Конго-Нильской оси, то обѣими этими линіями мы отрѣжемъ двѣ огромныхъ материковыхъ площади (одна налѣво отъ Конго-Нильской оси до Атлантическаго океана, другая—направо, до второй проведенной нами линіи). величина и особенно историческое значеніе которыхъ далеко не одинаковы; каждая изъ этихъ областей имѣетъ свою великую рѣку одинъ изъ двухъ близнецовъ, зародившихся въ общей колыбели, въ области великихъ озеръ Экваторіальной Африки. Направо отъ Конго-Нильской оси, Нильская область; здѣсь, правда есть нѣсколько пустынь, уединенныхъ пространствъ, находящихся въ вполнѣ дикомъ состояніи, но здѣсь же находится область всѣхъ великихъ культуръ, которыя когда-бы то ни было сверкали яркимъ свѣтомъ въ лѣтописяхъ запада начиная съ самой глубокой древности и кончая новѣйшими временами: здѣсь Египетъ съ Эѳіопіей; средиземныя африканскія провинціи, передняя Азія, отъ дельты Инда до Кавказа и Сиріи; Малая Азія; вся центральная и западная Европа съ Британскими островами, не исключая отсюда южной Скандинавіи и части Россіи. Территорія, лежащая налѣво отъ Конго-Нильской оси заключаетъ въ себѣ всю остальную Африку, т. е. весь собственно черный континентъ, до сихъ поръ являвшійся столь враждебнымъ всякой культурѣ.

Чисто количественная разница между протяженіемъ, т. е. величиной этихъ двухъ громадныхъ континентальныхъ отрѣзковъ не имѣетъ никакой важности. Точно также, съ географической точки зрѣнія, какъ я уже показалъ, несущественна величина рѣки, орошающей тотъ или другой отрѣзокъ. Нилъ по длинѣ значительно превышаетъ своего юго-западнаго сосѣда (т. е. Конго) но чѣмъ дальше по теченію рѣки внизъ, тѣмъ онъ болѣе ослабѣваетъ и уменьшается, какъ-бы теряя по дорогѣ толкающую его къ Средиземному морю энергію. Болѣе короткая рѣка Конго, наоборотъ многократно изгибается, свертывается въ величественную спираль, принимаетъ въ себя массу многоводныхъ и могучихъ притоковъ, такъ что вся цѣликомъ мѣстность орошаемая водами ея и притоковъ (включая сюда и Уэлле) по пространству значительно превосходитъ своего противника. И тѣмъ не менѣе, до послѣдняго времени Конго остается рѣкой по преимуществу варварской, между тѣмъ какъ Нилъ по справедливости долженъ считаться, если не первымъ и единственнымъ творцомъ то, безспорно, однимъ изъ главныхъ основателей славныхъ культуръ, впродолженіе 6000 или 8000 лѣтъ блиставшихъ и до сихъ поръ еще горящихъ въ западномъ мірѣ.

Въ смыслѣ судоходности, Конго и Нилъ проявляютъ сходство со всѣми остальными африканскими рѣками; всѣ онѣ, стекая съ возвышенныхъ террасъ центра Чернаго Континента, изобилуютъ быстринами и настоящими порогами, не только препятствующими судоходству, но иногда и совершенно искореняющими всякую его возможность. Эти, общія со всѣми остальными африканскими рѣками, неудобства усложняются для Нила особыми затрудненіями, о которыхъ я уже говорилъ такъ называемыми «Sedd-ами». «По выходѣ изъ озера Мвутанъ-Нцигге Нилъ, шириною въ 500—2000 метровъ змѣится широкими излучинами между двумя зеленѣющими берегами и течетъ спокойно. Посреди фарватера глубина его равна отъ 5 до 12 метровъ, такъ что даже крупныя суда могли-бы ходить километровъ на 200 внизъ по теченію

отъ озера Острова и островки, покрытые богатой растительностью, словно букеты папируса, подымаются изъ воды и окаймляютъ берега. Зачастую при началѣ половодья можно наблюдать, какъ по теченію проносятся плавучіе острова. Матеріалами для образованія такихъ острововъ служатъ обыкновенно охапки опавшихъ листьевъ и камыша, свалившіяся на густую массу водяныхъ растеній и отъ вліянія воды сдѣлавшіяся жесткими и крѣпкими, какъ якорные канаты. Всѣ эти растительные остатки въ свое время разлагаются и образуютъ основу будущаго плавучаго острова, которая вскорѣ не замедлитъ покрыться растительностью... Часто случается, что такіе плавучіе острова скопляются, гдѣ либо по теченію рѣки, въ большомъ количествѣ, растущія на нихъ растенія пускаютъ корни на дно, прикрѣпляются такимъ образомъ и, наконецъ, рѣка оказывается покрытой зыбкимъ и эластичнымъ растительнымъ покровомъ, по которому иногда рискуютъ пробираться даже караваны. Благодаря быстрому образованію такихъ травяныхъ острововъ, Нилъ очень часто задерживается въ своемъ поступательномъ движеніи и бываетъ принужденъ вырывать для себя новыя русла. На равнинѣ, протягивающейся на западъ отъ современнаго Нила, дѣйствительно, можно во многихъ мѣстахъ замѣтить остатки древнихъ руслъ, по которымъ нѣкогда двигался Нилъ....

«Потокъ дождевыхъ водъ, образующихъ верхнее теченіе Нила, будучи сжатъ въ одно узкое русло, какъ напр. въ Гондокоро или Ладо, производитъ внушительное впечатлѣніе, но такія мѣста рѣдки. Протекая по равнинѣ съ весьма слабымъ уклономъ, Нилъ обыкновенно развѣтвляется на множество боковыхъ рукавовъ. Главное устье въ иныхъ мѣстахъ вполнѣ раздваивается и въ то время, какъ собственно Нилъ направляется къ сѣверо-западу, другой главный рукавъ Баръ-эль-Зарафъ, или «Рѣка Жирафовъ», течетъ прямо къ сѣверу и присоединяется къ Нилу только послѣ блужданья на пространствѣ 300 километровъ, среди саваннъ и болотъ. Марно, впрочемъ, не находитъ возможнымъ назвать Рѣку Жирафовъ

рѣкой и считаетъ ее скорѣе остатками озера (Khor), которое притомъ съ году на годъ становится все труднѣе посѣщать...

Дѣйствительно повидимому, вся низменная страна, по которой змѣятся Баръ-эль-Джебель (Baḥr-el-Djebel), Баръ-эль-Зарафъ (Baḥr-el-Zarâf) и ихъ безчисленные протоки и притоки, представляла нѣкогда обширное озеро, постепенно заполнившееся наносами. Мѣсто, гдѣ нѣкогда находился крутой и высокій берегъ этого древняго внутренняго моря, обозначено теперь внезапнымъ поворотомъ теченія Нила у впаденія въ него притока Баръ-эль-Газель или «Рѣки Газелей», называемой въ верхней ея части также Баръ-эль-Арабъ или «Рѣкой Арабовъ». У этого поворота, носящаго названіе «Ярма рѣкъ», вся система воды, включая сюда и главное русло, и всѣ рукава, и притоки принуждены круто изогнуться къ востоку и пройти вдоль высокихъ равнинъ Кордофана. Небольшой остатокъ озера, извѣстный подъ именемъ Но (или Birket-el-Ghazâl) влачитъ еще жалкое существованіе, наполняя одну изъ впадинъ древняго бассейна, но подъ взаимнымъ дѣйствіемъ потоковъ, заносовъ и половодья, небольшое, представляемое имъ водное пространство безпрестанно измѣняетъ свою форму.. На всѣхъ оригинальныхъ картахъ контуры его изображаются различно; повидимому, оно все болѣе уменьшается, заполняясь заносами изъ главнаго русла Нила и второстепенныхъ протоковъ; по крайней мѣрѣ, когда въ 1840 г. Арно (Arnaud) снималъ съ него карту, этотъ остатокъ древняго моря представлялъ собою еще весьма значительный бассейнъ.

Названіе «Ярмо рѣкъ» опредѣляетъ собою и ту часть Нила, гдѣ богатѣйшая водная растительность наиболѣе часто загромождаетъ русло, плавучіе островки, приносимые теченіемъ, задерживаются здѣсь благодаря крутымъ поворотамъ, и протягиваются отъ берега до берега словно подвижной плотъ. Не будучи въ силахъ превозмочь выростающія такимъ образомъ препятствія, рѣка перемѣщаетъ теченіе, но тотчасъ-же свѣжія массы водяныхъ растеній, плавучихъ островковъ,

охапки особаго растенія «aubach» (болѣе легкаго, нежели пробковое дерево) тотчасъ загромождаютъ новый фарватеръ. Земля, скрѣпляющая плавучіе органическіе остатки, вскорѣ уплотняется твердѣетъ и покрывается папирусомъ даже древесной растительностью. Наконецъ, надъ скрытой рѣкой, продолжающей медленно течь подъ плотнымъ растительнымъ покровомъ, выростаетъ цѣлый лѣсъ. Многочисленныя толпы населяющихъ эту мѣстность туземцевъ устанавливаютъ свои лагери на коврѣ изъ плавучихъ травъ и питаются рыбой изловливаемой сквозь продѣлываемыя для этой цѣли отверстія въ зыбкой почвѣ, или сѣменами различныхъ видовъ семейства Nymphaeaceae. На возвышенныхъ берегахъ рѣки и болотъ въ разныхъ мѣстахъ виднѣются миріады глиняныхъ холмиковъ, построенныхъ термитами и настолько возвышенныхъ, чтобы верхней своей частью превышать уровень водъ во время наводненій: смотря по высотѣ наводненія, термиты подымаются или спускаются изъ этажа въ этажъ. Однимъ изъ наиболѣе любопытныхъ обитателей этой затопленной страны является громадная птица Balaeniceps rex натуралистовъ, называемая арабами за форму клюва «башмачникомъ». Когда издали замѣтишь на вышкѣ холмика термитовъ эту странную птицу съ длиннѣйшими ногами, покрытую сѣрымъ опереньемъ, съ громадной головой, то зачастую трудно рѣшить, птица-ли это или туземецъ-рыболовъ изъ племени Nouer, выкрасившій свое тѣло пепломъ . *).

Въ 1864 году m-elle Тиннэ, благодаря своей упорной энергіи, а быть можетъ, благодаря удачно-сложившимся обстоятельствамъ, съумѣла подняться по Нилу на паровомъ суднѣ дальше за озеро. Но и Ярмо Рѣкъ, но въ 1880 году итальянецъ Джесси во главѣ 500 египетскихъ солдатъ и многочисленныхъ черныхъ невольниковъ безуспѣшно пробивался сквозь тѣ же препятствія въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Болѣе половины людей этой экспедиціи погибло отъ голода

*) Elisée Reclus, цитиров. трудъ, т X.

или отъ ядовитыхъ міазмовъ распространяемыхъ гигантскими массами гніющихъ растеній; остальные, принужденные уже питаться трупами умершихъ товарищей, спаслись, лишь благодаря явившейся къ нимъ на помощь экспедиціи знаменитаго австралійскаго изслѣдователя и охотника Марно. Впрочемъ, Джесси все-таки умеръ спустя нѣсколько мѣсяцевъ отъ послѣдствій какой-то болотной болѣзни, схваченной во время блужданій по нижнему теченію Нила, да и его юный освободитель Марно пережилъ его всего немногими годами.

Нилъ, затерянный среди травъ и болотъ, казалось-бы, дѣлается вслѣдствіе этого совершенно негоднымъ для судоходства. Но, со впаденіемъ въ него рѣки Газелей, картина Нила значительно измѣняется. Этотъ многоводный притокъ вливаетъ въ него всю массу воды, собранной между страной антропофаговъ Нямъ-Нямъ и страной Vadj; его быстрое теченіе сильно очищаетъ Нилъ отъ загромождающихъ препятствій и великая рѣка, обогащенная при томъ водами изъ южной Абиссиніи, принесенными рѣками Собатъ (Sobat) и Баръ-эль-Азрекомъ или Голубой рѣкой становится доступной для судовъ. Между Картумомъ и мѣстомъ присоединенія къ Бѣлому Нилу Атбары проходъ судовъ снова преграждается шестымъ порогомъ, первымъ изъ тѣхъ, которые съ небольшими интервалами сопровождаютъ теченіе Нила, вплоть до вступленія его у Ассуана въ область Θивъ, гдѣ уже начинается собственно историческій Египетъ, т. е. долина наводненій. Такимъ образомъ, на всемъ своемъ громадномъ протяженіи, Нилъ не представляетъ ни одного судоходнаго мѣста, которое бы по длинѣ превышало хотя одну треть судоходнаго пространства рѣки Конго (отъ Stanley Falls до Stanley Pool 1700 килом.), не говоря уже о томъ, что у Конго масса судоходныхъ притоковъ дающихъ паровымъ судамъ возможность проникать въ глубь страны на сотни, иногда даже тысячи километровъ.

По плодородію почвы и въ смыслѣ приспособленія къ нуждамъ населенія, бассейнъ Конго одаренъ несравненно болѣе, нежели бассейнъ Нила въ предѣлахъ Египта. Объ этомъ

можно судить по цвѣтущему виду окруженныхъ возлѣланными полями факторій, которыя основаны торговцами-арабами и занзибарцами тамъ и сямъ по Верхнему Конго, напр. въ Нянгуэ. Стэнли, Франсуа, Вайсманнъ, Гренфелль и многіе другіе изъ современныхъ изслѣдователей этихъ странъ съ удивленіемъ отзываются о крайней густотѣ народонаселенія на правомъ берегу Конго, между Stanley Pool и Alima, а также въ странѣ Бангала, въ бассейнѣ рѣки Кассаи и другихъ крупныхъ притоковъ «рѣки варварства». Правда, тутъ иногда по сосѣдству съ важными центрами встрѣчаются почти пустынныя обширныя пространства, но это зависитъ не отъ неблагодарности почвы и не отъ нездоровыхъ свойствъ климата Обыкновенно это простой результатъ визита негроторговцевъ, разграбившихъ окрестныя деревни и принудившихъ жителей бѣжать въ лѣса... Человѣкъ-звѣрь, некультурный человѣкъ природы находитъ въ бѣгствѣ единственное средство спасти себя при такихъ условіяхъ, такъ какъ посколько онъ является соціальнымъ существомъ, онъ – безсиленъ противиться нападающимъ грабителямъ, аттакующимъ его стройной массой, съ превосходнымъ оружіемъ въ рукахъ.

Съ извѣстной точки зрѣнія указанная уже, враждебная всѣмъ блестящимъ открытіямъ современныхъ изслѣдователей легенда о Крофи (Krophi) и Мофи (Mophi), созданная служителями Саисской Минервы, остается тѣмъ не менѣе вѣрной. Близь Элефантины дѣйствительно находится таинственная пучина, дѣлящая гигантскую рѣку Африки на два отрѣзка, не только различныхъ по величинѣ, но и различающихся по своему значенію для соціологіи и исторіи: нижнее теченіе, своими наводненіями создавшее Египетъ, а слѣдовательно, и культуру западнаго міра, и верхнее теченіе, при всей своей величинѣ въ теченіе многихъ тысячелѣтій создававшее и создавшее только нижній Нилъ съ его наводненіями. Если-бы истоки великой культурной рѣки Египта не находились въ Центральной Африкѣ, надъ скалистой, непроницаемой почвой которой впродолженіе десяти мѣсяцевъ сгущаются и раздра-

жаются цѣлыми потопами пары двухъ океановъ, то воды Нила отчасти испарились-бы подъ дѣйствіемъ палящаго солнца этихъ широтъ, отчасти были-бы впитаны въ пески пустыни за долго до того, чтобы достигнуть Средиземнаго моря Божественный Нилъ подвергается и другой опасности Несмотря на неизсякаемое могущество своихъ экваторіальныхъ источниковъ въ первой, верхней части своего пути, ведущаго въ богоговорящую его страну, онъ рискуетъ потеряться среди чумныхъ болотъ, образуемыхъ рѣкой Жирафовъ и рѣкой Горъ (Bahr-el-Djehel). Только благодаря водамъ «Рѣки Газелей», существованіе чудной рѣки наконецъ оказывается гарантированнымъ. Вырвавшись изъ «Ярма рѣкъ», Нилъ принимаетъ водяную дань перваго мощнаго своего притока съ правой стороны Собатъ *) и затѣмъ вступаетъ въ гѣсные нубійскіе берега, поднявшіеся и съузившіеся, словно нарочно, чтобы помѣшать водянымъ богатствамъ Нила безъ пользы изсякать въ жгучихъ пескахъ пустыни Начиная съ этого мѣста, русло Нила, до сихъ поръ обладавшее лишь слабымъ уклономъ къ сѣверу, спускается къ Средиземному морю шестью уступами, какъ будто-бы съ исключительной цѣлью ускорить теченіе рѣки и такимъ образомъ уничтожить возможность слишкомъ быстраго испаренія.

Наконецъ божественный Нарі (т. е. Нилъ) минуетъ Элефантину и вступаетъ въ узкую полосу долины наводненій, пересѣкающую безграничную пустыню и окаймленную двумя рядами гранитныхъ и известковыхъ холмовъ. Сообразно съ тѣмъ, насколько сходятся или расходятся эти гряды холмовъ, съужается или раздвигается и мѣстность, орошаемая оплодотворяющими половодьями. Восточная гряда со стороны

*) Russegger не вполнѣ ошибочно и не безъ основаній принимаетъ Собатъ за настоящій Бѣлый Нилъ. Измѣняя такимъ образомъ установившуюся номенклатуру, онъ руководствуется слѣдующими соображеніями во-первыхъ, только принявши въ себя эту рѣку воды Нила пріобрѣтаютъ мѣловую окраску, дающую свое имя рѣкѣ, во-вторыхъ, въ періоды наводненій Собатъ несетъ болѣе воды, нежели Нилъ. Впрочемъ, за то у него бываютъ періоды засухъ и паденій воды, когда рѣка не въ состояніи носить на себѣ даже и небольшія суда.

Аравіи сжимаетъ долину наводненій наиболѣе тѣсно, какъ будто-бы для того чтобы въ концѣ своего долгаго и славнаго пути волны Нила не повернулись къ Красному морю что, безъ сомнѣнія, самымъ роковымъ образомъ отозвалось-бы на судьбахъ Египта и на исторіи цѣлаго міра *).

Итакъ, рѣка уже создана, но не создана еще зеленѣющая колыбель западной культуры—Египетъ. Мы прослѣдили образованіе великана рѣчнаго міра, Нила но мы еще не говорили о томъ, какъ создался даръ Нила—египетская культура. Въ томъ видѣ, въ какомъ онъ вышелъ изъ области великихъ центрально-африканскихъ озеръ Нилъ навсегда останется однимъ изъ первыхъ рѣчныхъ гигантовъ древняго и новаго міра но, оставаясь такимъ, онъ пока не обладаетъ характерной отличительной чертой, дѣлающей изъ него иниціатора историческаго развитія человѣчества по преимуществу. Питаясь въ своемъ истокѣ экваторіальными, не знающими періодичности дождями, Нилъ оказывается достаточно могучъ, чтобы, не изсякая и не затеряясь, пройти громадныя пространства болотъ, а затѣмъ сыпучихъ знойныхъ песковъ, отдѣляющихъ его отъ моря. Но мы не знаемъ еще источника наводненій, безъ которыхъ египетская Изида—земля, не будучи оплодотворена, не могла-бы создать богатыхъ жатвъ, не могла-бы пользоваться высокимъ соціальнымъ и моральнымъ строемъ. Не испытывая благодѣтельнаго воздѣйствія половодій, почвѣ Египта пришлось-бы томиться такъ-же, какъ томится ея сестра, страдалица Nephtis (всей почвы которой не достигаютъ нильскія наводненія), предоставленная во власть безплоднаго духа, Сета-Тифона, сатаническаго божества пустыни, безпорядка и отчаянія. Но, къ

*) Извѣстно, что Альбукеркъ обращался къ португальскому королю съ просьбой дать ему рабочихъ съ тѣмъ, чтобы соединить каналомъ притокъ Атбары Маребъ съ Баркой и такимъ образомъ отклонить теченіе Нила къ Красному морю. Еще раньше, подобный-же проектъ лелѣялъ абиссинскій король Ѳеодоръ, стремившійся такимъ образомъ отмстить Египту, погубивши его народъ засухою (Beke, sources of the Nile).

счастью, между Нилом и Краснымъ моремъ высится горный массивъ Абиссиніи, привлекающій пары и дождевые облака изъ Индійскаго океана. Когда солнце вступаетъ въ зенитъ нашего сѣвернаго полушарія, въ этой горной странѣ разражаются съ страшной силой тропическіе ливни; въ нѣсколько часовъ образуются свирѣпые потоки, коверкающіе крутые склоны скалъ, прорывая себѣ въ нихъ русла. Безчисленное множество разъ внезапно нахлынувшіе потоки воды сметали какъ песчинку цѣлые баталіоны войскъ или караваны, въ сухое время года, обыкновенно пользующіеся рытвинами, оставленными изсохшими потоками, для того, чтобы вскарабкаться на вершины горъ...

Собатъ, самый южный изъ правыхъ притоковъ Нила, уже носитъ до извѣстной степени характеръ періодическаго абиссинскаго потока; Голубой Нилъ и Атбара находятся уже въ полной зависимости отъ временъ года. Только благодаря ихъ періодическимъ половодьямъ, Нилъ выходитъ изъ береговъ и оплодотворяетъ страну во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ къ югу отъ перваго порога, гдѣ это допускается пониженіемъ береговъ.

«Воды Нила, — говоритъ Winwood Reade *), — прозрачны и свѣтлы; напротивъ воды Атбары и Голубаго Нила приносятъ изъ своей родной страны особый черный осадокъ, который рѣка и распредѣляетъ въ видѣ удобренія слоями по всей долинѣ. Послѣ того, какъ рѣка снова войдетъ въ свое обычное русло, обитателямъ Египта болѣе ничего не остается дѣлать какъ довѣрить сѣмена жирному грязному илу и тѣмъ закончить свой землеобрабатывающій трудъ. Имъ даже нечего бояться немилосердія неба и поднимать къ нему тоскующіе взоры. Для того, чтобы обратить ихъ сѣмена въ баснословно богатый урожай хлѣба, необходимо лишь солнце, въ которомъ можно быть увѣреннымъ никогда не будетъ недостатка въ Египтѣ».

*) The martyrdom of Man

«Птакъ, значитъ, безъ Бѣлаго Нила абиссинскія воды были-бы поглощены пустыней а безъ бурныхъ потоковъ Атбары, Голубаго Нила и Собата Бѣлый Нилъ оказался-бы безполезной рѣкой, какъ и многія другія. Другими словами: рѣка Нилъ создается экваторіальными дождями а страна тропическими ливнями, разражающимися надъ величественной цитаделью Абиссинскихъ горъ».

Посколько дѣло касается только періодическихъ наводненій, дѣйствительность обстоитъ именно такъ, какъ Winwood Reade ее обрисовалъ. Именно, Бѣлый Нилъ доставляетъ массу воды, къ которой Голубой Нилъ и Атбара присоединяютъ чудесный даръ—илъ, для оплодотворенія имъ земледѣльческой прирѣчной полосы, во время удобное для обсѣмененія полей... Но посколько мы говоримъ о *качествѣ*, объ оплодотворяющихъ свойствахъ нильскихъ половодій, отношенія между названными рѣками, быть можетъ. скорѣе діаметрально противоположны. Черный илъ, образующій оплодотворяющую массу, состоитъ изъ всевозможныхъ остатковъ и мельчайшихъ частицъ, отрѣзываемыхъ бурными потоками, конечно и отъ сланцевыхъ породъ абиссинскаго горнаго массива, но оплодотворяющая его сущность скорѣе всего обязана своимъ возникновеніемъ гніющимъ частицамъ sedd (растительныхъ остатковъ, загромождающихъ Нилъ) и только. благодаря мощнымъ усиліямъ Рѣки Газелей, выносимыхъ внизъ по теченію рѣки изъ чумныхъ болотъ озера, и вообще нижняго теченія Нила.

Однихъ этихъ, исключительно органическихъ остатковъ, было-бы, безъ сомнѣнія, недостаточно, чтобы покрыть слоемъ оплодотворящаго гумуса безплодную почву египетской долины, но, прежде чѣмъ пройти воображаемую пучину Kgorhi и Morhi, Нилъ примѣшиваетъ и бѣловатые осадки Собата, и темный илъ Баръ-эль-Азрека и Атбары.

Возможно, что замѣчательныя достоинства нильскаго ила обязаны своей наличностью какой-либо химической реакціи, происходящей въ смѣшанной массѣ, такъ рѣзко различающихся по окраскѣ и по происхожденію остатковъ, но ни

божественная Неитъ изъ Саисскаго храма, ни новѣйшіе изслѣдователи еще не открыли этой тайны Нила. Извѣстно только, что прежде чѣмъ распространить драгоцѣнный илъ по поверхности почвы, благодѣтельный Нарі (Нилъ) подвергаетъ его нѣкоторымъ предварительнымъ процессамъ. Органическіе остатки вынесенные Ниломъ изъ области sedd, благодаря незначительному удѣльному вѣсу, первые всплываютъ наверхъ и сообщаютъ водамъ Нила зеленый цвѣтъ. Эта первая фаза половодья. Вода великой рѣки, обыкновенно пріятная на вкусъ и безвредная. въ это время отравлена и ее остерегаются пить.

Во второй фазѣ половодья, когда воды Нила окрашиваются краснымъ цвѣтомъ, опасность отравленія уже исчезаетъ, хотя вода какъ будто пропитана кровью, и имѣетъ очень странный видъ. Если въ это время зачерпнуть воды и дать ей отстояться въ стаканѣ, то можно увидѣть какъ черная грязь быстро осаждается на дно и что, не взирая на это, верхняя часть воды остается красной и непрозрачной; вся же вода на вкусъ вовсе не пріятна.

Тайна Нила заключается въ сложности физическихъ условій. настолько необычныхъ и экстраординарныхъ, что мы тщетно подыскивали бы имъ аналогію во всѣхъ другихъ странахъ нашей планеты. Ни съ чѣмъ несравнимая географическая среда Египта, самъ Египетъ, часто провозглашаемый обособленнымъ міромъ, микрокосмомъ, изолированнымъ отъ остального міра пустынями, необходимо долженъ былъ имѣть исключительную историческую судьбу. Если исторія и археологія до сихъ поръ еще не указали вполнѣ научно-истинную колыбель нашей западной культуры именно въ этой «землѣ наводненій» «Pe-to-me-ra», то географическое изслѣдованіе Египта, думается мнѣ, можетъ придать значительную достовѣрность этой гипотезѣ. Во всякомъ случаѣ безспорно, что по отношенію къ нильской долинѣ тѣсная связь, всегда и всюду существующая между жилищемъ человѣка и его исторической судьбой, проявляется въ наиболѣе ясной первоначальной формѣ.

Мы видѣли только что, какъ природа создаетъ Нилъ, и какъ Нилъ творитъ Египетъ. Изслѣдуемъ теперь, по возможности кратко, вопросъ о томъ, какъ Египетъ создалъ нашу исторію.

Здѣсь прежде всего является вопросъ: представляютъ-ли періодическія оплодотворяющія наводненія Нила дѣйствительно безспорное благо составляютъ-ли они даровой подарокъ природы, гарантирующій обитателямъ египетской долины за небольшое количество труда и издержекъ, болѣе высокое матеріальное обезпеченіе, нежели какимъ они пользовались-бы въ другихъ странахъ?

Начиная съ Геродота и вплоть до нашихъ дней, столько разъ различные люди настаивали на фактѣ исключительныхъ благодѣяній наводненій Нила, что поднятый мною вопросъ рискуетъ показаться праздным. Дѣйствительно, почтительныя прозвища и любовныя названія, которыя давались великой рѣкѣ туземными трудящимися людьми (во времена фараоновъ—«Tsaf-en-Ta—кормилецъ міра, подъ владычествомъ современныхъ угнетателей феллаховъ—«Abou-el—Baraka—«Отецъ благословенія»), подтверждаютъ традиціонное мнѣніе, а гимнъ въ честь Нила *), созданный въ древности, казалось-бы не оставляетъ и тѣни сомнѣнія по этому поводу.

Вотъ этотъ гимнъ:

«Слава тебѣ, Нилъ! Слава тебѣ, явившійся на землю въ міръ, чтобы подарить жизнь Египту. Таинственный богъ, ты замѣняешь день тьмой всюду, гдѣ тебѣ это нравится, ты орошаешь сады и поля, созданныя природой съ тѣмъ, чтобы дать жизнь всѣмъ животнымъ, ты напояешь землю всюду и вездѣ... Властитель рыбъ, когда ты приподнимаешься надъ наводненными землями, ни одна птица не можетъ уже расхищать полезныхъ богатствъ. Создатель ржи, производитель ячменя, ты доставляешь вѣчное существованіе времени. Твой

*) Записанъ этотъ гимнъ въ эпоху XII-ой династіи, но составленіе его можетъ относиться къ еще болѣе отдаленному времени.
Папирусъ Sallir, переведенный Масперо

трудъ – отдыхъ для милліоновъ несчастныхъ. Когда твои воды спадаютъ на небесахъ боги падаютъ ницъ и чахнутъ люди Ты покрылъ животными всю землю, и благодаря тебѣ, они всѣ благоденствуютъ... Едва твои воды подымаются, земля наполняется ликованіемъ всякая жизнь радуется всякое существо получаетъ свою пищу всякій зубъ измельчаетъ ее. Ты доставляешь лучшіе продукты, создаешь всѣ избраннѣйшія вещи, ты — господинъ и создатель пріятнѣйшей пищи; если у насъ есть жертвы для поднесенія, то только благодаря тебѣ. Нилъ заставляетъ траву выростать на пищу животнымъ и приготовляетъ священные дары для каждаго бога. Θиміамъ— лучшій продуктъ, производимый имъ. Нилъ овладѣваетъ двумя странами для того, чтобы наполнить продуктами всѣ склады, всѣ житницы чтобы приготовить пищу для бѣдныхъ. Тебя не изображаютъ на камнѣ, тебя не видно на статуяхъ, на которыхъ помѣщаютъ двойную корону; никакая услуга, никакая жертва не достигаютъ тебя. Тебя нельзя помѣстить во свѣтилище; никто не знаетъ всѣхъ мѣстъ гдѣ ты находишься. . Нѣтъ жилища, которое-бы тебя содержало; ни одинъ проводникъ не проникалъ въ твое сердце.. Ты радуешь поколѣнія твоихъ дѣтей, тебѣ воздаютъ почести на югѣ и твои декреты пользуются уваженіемъ, когда произносятся предъ лицомъ твоихъ сѣверныхъ подданныхъ. Ты заставляешь высыхать слезы во всѣхъ глазахъ и создаешь обиліе всѣхъ благъ».

Этотъ гимнъ, замѣчательный особенно по своему контрасту съ лирическими преувеличеніями Ведъ и другихъ извѣстныхъ произведеній того-же рода, нѣтъ основаній приписывать творчеству какого-нибудь свѣтскаго поэта или одного изъ многочисленныхъ чиновниковъ, кормившихся при дворцахъ и государственныхъ учрежденіяхъ, съ древнѣйшихъ временъ родившихся въ Египтѣ Еще болѣе неосновательно считать его авторомъ какого-либо жреца, проводившаго свою жизнь въ праздномъ созерцаніи. Мнѣ кажется, что онъ ясно отмѣченъ духомъ народной поэзіи. Человѣкъ, создавшій его, былъ очень близко знакомъ съ тягостью трудоваго ярма и муче-

ніями голода: «отдыхъ радость жизни. измельчаніе пищи зубами» имѣютъ болѣе цѣны въ его глазахъ, нежели различныя славословія, придуманныя изступленными почитателями для возвеличенія другихъ божествъ Пѣвецъ Нила вступаетъ въ область поэзіи, не смущаясь упоминаніями о мелкихъ банальностяхъ повседневной жизни и даже въ рѣдкіе моменты. когда онъ платитъ свою дань пафосу неразлучному съ этимъ родомъ творчества. онъ все-таки говоритъ о реальныхъ фактахъ, но только такимъ образомъ что ихъ истинное значеніе можетъ съ перваго взгляда не возбудить вниманія... «Таинственный богъ, ты замѣняешь день тьмой всюду, гдѣ это тебѣ нравится»... говоритъ пѣвецъ. и дѣйствительно времена года въ Египтѣ регулируются Ниломъ, безчисленныя поколѣнія существуютъ и живутъ своей исторической жизнью только потому, что Нилу изъ года въ годъ угодно повторять свою дивную творческую работу.

Въ своей основѣ приведенный мною гимнъ носитъ ясно выраженный оттѣнокъ фетишизма. т. е. чистѣйшаго обожествленія такого явленія, которое съ матеріалистической точки зрѣнія представляетъ нѣчто вполнѣ конкретное и естественное; если онъ идетъ дальше тѣхъ границъ, какихъ когда-либо достигала теософія, то лишь потому, что воодушевившая его рѣка по природѣ отмѣчена дѣйствительно единственнымъ въ своемъ родѣ исключительнымъ характеромъ. «Тебя не изображаютъ на камнѣ, никакое святилище не въ состояніи вмѣстить тебя. . никому не извѣстны всѣ мѣста твоего пребыванія»... и имъ подобныя выраженія. напоминающія тѣ, которыя внушались израильскимъ пророкамъ утонченнымъ монотеизмомъ, въ устахъ пѣвца, славословившаго Нилъ, были только умѣреннымъ отраженіемъ географическаго положенія данной страны. Авторъ гимна, мнѣ кажется, обладалъ великой поэтической душой и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ добросовѣстнымъ и точнымъ изслѣдователемъ: въ самомъ дѣлѣ невозможно было-бы болѣе кратко и точно перечислить благодѣянія Нила, нежели это сдѣлано имъ.

Но всякая медаль, какъ-бы блестяща она не была, имѣетъ свою оборотную сторону. Не принадлежитъ къ исключеніямъ и нарисованная гимномъ картина. Нилъ — безспорное благо для населенія Египта, потому что онъ «создаетъ лучшую пищу», вызываетъ къ жизни растительность, которой питаются всѣ животныя, приготовляетъ «жертвенныя приношенія для всѣхъ боговъ» и т. д., но для того, чтобы стать благомъ, половодью его необходимо подняться на шестнадцать футовъ, а это случается далеко не неизмѣнно и не регулярно. Общая сумма условій, производящихъ наводненіе, слишкомъ сложна, чтобы здѣсь не играла роли случайность, тѣмъ болѣе, что достаточно всего трехъ футовъ нехватки до нормальнаго уровня въ высотѣ воды и «на небесахъ боги падутъ ницъ и люди станутъ чахнуть» — словомъ появится на сцену та жизненная картина, о которой говоритъ книга Бытія въ преданіи о тощихъ коровахъ. Въ абиссинской горной странѣ тропическіе дожди подвержены тысячамъ случайностей и измѣненій; въ случаѣ, если они превышаютъ средніе размѣры, воды поднимаются слишкомъ быстро, затопляютъ страну, сносятъ жилища и людей, слѣдовательно не только недостатокъ, но и обиліе воды во время половодья можетъ быть гибельно. Конечно, во всѣхъ культурныхъ странахъ неудачные года обыкновенно чередуются съ удачными, но нигдѣ контрастъ между ними не достигаетъ такой интенсивности и не бываетъ такъ ужасенъ, какъ въ зеленѣющей долинѣ Нила, стѣсненной со всѣхъ сторонъ объятіями пустыни *).

Не останавливаясь далѣе на несчастныхъ уклоненіяхъ отъ нормальнаго хода вещей, представляющихъ собою исключенія, примемся за изученіе нильскихъ наводненій въ ихъ наиболѣе благопріятной формѣ.

Египетъ появился на сценѣ всемірной исторіи, какъ

*) Fr. Lenormant, W. Reade, см. цитированные труды. Послѣдній авторъ, какъ мнѣ кажется, нѣсколько преувеличиваетъ роль неурожайныхъ годовъ въ исторіи египетской долины.

Минерва, выпрыгнувшая изъ головы Юпитера, т. е. во всеоружіи техническихъ усовершенствованій мѣстнаго изобрѣтенія и съ сложной и совершенной соціальной организаціей. Но для того, чтобы оцѣнить природныя преимущества его географической среды, встрѣтившей такое исключительное покровительство въ исторіи памятники исторической жизни, какъ-бы они не были древни, еще не могутъ послужить въ особенную пользу. Для подобной оцѣнки необходимо представить себѣ Нилъ въ его первобытномъ естественномъ видѣ, въ какомъ его увидали первые обитатели, а вовсе не такимъ, какимъ онъ оказался въ результатѣ коллективной работы безчисленныхъ темныхъ неизвѣстныхъ поколѣній, предшествовавшихъ развитію деспотическаго государства фараоновъ. Къ счастью при возстановленіи прото-исторической географіи Египта, намъ не приходится ввѣряться исключительно однимъ указаніямъ воображенія: происходящее теперь въ верховьяхъ Нила, до нѣкоторой степени, можетъ намѣтить общій абрисъ картины первобытнаго состоянія Египта.

Необходимо не упускать изъ виду, что не особенно возвышенное, въ сравненіи съ Нубіей, положеніе Нильской долины въ Египтѣ подвергало ее въ болѣе значительной мѣрѣ испытаніямъ отъ капризовъ рѣки. Во время половодья воды Нила, естественно, не могли въ разные годы покрывать страну съ математической точностью одинаково и каждое измѣненіе въ распространеніи и направленіи теченій, заново коверкало поверхность почвы и перемѣшало при каждомъ новомъ наводненіи наносы предыдущихъ годовъ. При спадѣ водъ каждое почвенное возвышеніе являлось препятствіемъ для стока влаги, каждая рытвина, каждое пониженіе задерживало лужи воды, тотчасъ обращавшіяся въ гнилыя болота съ удушливыми, смертоносными испареніями. Египетъ первобытный, естественный, Египетъ, созданный природой, совершенно не былъ похожъ на Египетъ, вызвавшій справедливое удивленіе Геродота. Для первыхъ своихъ колонизаторовъ онъ представлялъ болѣе или менѣе точное изображе-

ніе первобытнаго хаоса. Возможно, что авторы Библіи почерпнули свое представленіе о первобытномъ хаосѣ изъ непосредственнаго наблюденія страны фараоновъ *). Дѣйствительно, хаосъ, оставляемый тамъ наводненіемъ, заключаетъ въ себѣ всѣ элементы для образованія «избранныхъ сортовъ пищи» и вообще «всего, что есть хорошаго на свѣтѣ» и тѣмъ не менѣе остается ничтожествомъ вплоть до той поры, пока чья-либо могущественная и мудрая воля не поработаетъ надъ нимъ и не измѣнитъ удобнымъ образомъ. Божественный «Нарі» представлялъ всю творческую работу инициативѣ и заботамъ своихъ обожателей. Раньше чѣмъ одарить своими дарами безчисленное племя своихъ избранниковъ, навербованныхъ безъ различія цвѣта и происхожденія среди черныхъ красныхъ, желтыхъ и бѣлыхъ людей, онъ подвергалъ ихъ тяжкимъ испытаніямъ. Дикія орды, аналогичныя тѣмъ, которыя въ гордой независимости размножались на берегахъ Конго, прежде чѣмъ перейти къ тѣсной солидарности и вкусить плодовъ культуры, осуждались на гибель отъ нищеты и болѣзней не взирая на изумительныя природныя богатства Нильской долины.

Поддерживать въ рѣкѣ постоянное русло, распространять оплодотворяющее начало по возможно болѣе широкой поверхности при помощи вспомогательныхъ ирригаціонныхъ каналовъ, открывающихся въ главную рѣку, принуждаетъ воды при посредствѣ цѣлой системы поперечныхъ къ долинѣ плотинъ задерживаться на долгое время надъ почвой и спокойно осаждать свой илъ, укрѣплять и защищать мѣста, избранныя для поселеній отъ опасности быть снесенными слишкомъ разросшимися наводненіями, сооружать машины легкой и простой конструкціи для поднятія воды въ мѣста, куда не достигало половодье, наконецъ, когда уровень воды начинаетъ понижаться, облегчать регулярный спадъ воды съ тѣмъ,

*) Понятіе о хаосѣ, какъ о первобытной грязной, плодородной массѣ, заключающей въ себѣ зародыши всѣхъ вещей и всѣхъ существъ, могло быть родомъ и изъ Халдеи (см слѣдующую главу).

чтобы не оставалось лужъ и болотъ испаренія которыхъ могли-бы заразить воздухъ. вотъ, полная программа необходимыхъ работъ, которыя Египтяне должны были исполнить чтобы полностью воспользоваться естественнымъ даромъ природы. Вотъ почему имъ прежде всего пришлось исполнить и завершить работу покоренія почвы.

Необходимыя работы по ирригаціи. вытекавшія изъ физическихъ условій нильской нижней долины, плодородіе которой находилось въ зависимости отъ работъ, оказали на исторію Египта столь рѣшительное вліяніе что ихъ невозможно игнорировать Система общественныхъ работъ регулирующихъ и развивающихъ благодѣтельные эффекты наводненій. образуетъ здѣсь стройное цѣлое, объединяющее составныя части необходимой связью и комбинирующее ихъ отдѣльныя дѣйствія на всемъ протяженіи, отъ пороговъ Сіена (Ассуана) вплоть до моря. Достаточно одной части работы не быть исполненной, чтобы всѣ остальныя части очутились въ опасности. Пусть только одна какая-либо провинція вверхъ по теченію рѣки допуститъ свои каналы заполниться иломъ, прекратитъ поддержаніе ихъ въ полной исправности. равновѣсіе окажется поколебленнымъ и для другихъ провинцій, и урожай будетъ испорченъ на громадномъ протяженіи быть можетъ, даже во всей странѣ. Необходима всюду одинаковая бдительность, необходимо, чтобы въ цѣломъ системы и въ отдѣльныхъ ея проявленіяхъ царствовало одно общее направленіе и чтобы всѣми управляла одинаковая дѣятельная энергія.. Лежавшія въ основѣ этой необходимости физическія условія не ограничились наложеніемъ единства на обитателей Египта. Необходимымъ послѣдствіемъ ихъ было осужденіе Египтянъ на иго угнетенія и деспотизма со стороны повелителей... Ни одинъ народъ не доводитъ до такихъ широкихъ предѣловъ повиновенія царской власти не возноситъ самаго понятія ея на такую высоту, не признаваль за ней столь упорно божественныхъ свойствъ. Объясняется это, конечно, тѣмъ, что ни одинъ народъ не испытывалъ

настолько интенсивно необходимости въ ней всюду, гдѣ дѣло касалось условій матеріальной жизни и производства всего необходимаго для пропитанія *).

Ученый авторъ, у котораго я заимствую предыдущую тираду, опредѣливши съ точностью и ясностью чисто географическое происхожденіе египетскаго деспотизма, восклицаетъ: «Детерминистская историческая школа могла-бы съ полнымъ правомъ и большимъ удобствомъ воспользоваться примѣромъ Египта въ качествѣ подтвержденія того своего принципа, что существуютъ роковыя стеченія условій въ природѣ, тяготѣющія надъ человѣкомъ настолько сильно, что онъ не можетъ и пошевелить своей ношей, эти условія представляютъ пользованіе свободой обитателямъ только нѣкоторыхъ странъ, нѣкоторыхъ климатовъ, а надъ всѣми остальными распростираютъ бичъ деспота... Да, безъ сомнѣнія, элементъ фатальности проявляется въ природѣ и исторической жизни; онъ является результатомъ комбинаціи несмѣтнаго множества внѣшнихъ обстоятельствъ и проявляетъ свое дѣйствіе на судьбахъ обитателей тѣхъ или другихъ странъ».

Это признаніе со стороны столь компетентнаго, опытнаго писателя и столь убѣжденнаго противника философскаго матеріализма, для насъ драгоцѣнно. Но ученый археологъ, и едва-ли не послѣдній защитникъ теоріи произвольной дѣятельности въ исторіи, идетъ дальше наиболѣе пылкихъ и убѣжденныхъ детерминистовъ. Школа историческаго детерминизма гораздо менѣе придерживается принципа фаталистическаго построенія исторіи въ нѣкоторыхъ случаяхъ, нежели въ приведенномъ отрывкѣ самъ Fr. Lenormant. Не прегрѣшая противъ эволюціоннаго принципа, она не могла-бы признать вѣрной его фразу о «роковыхъ силахъ природы, тяготѣющихъ надъ человѣкомъ и приговаривающихъ его къ игу неподвижности, застоя и угнетенія». И, въ самомъ дѣлѣ, несмотря на отмѣченныя мною характеристичныя особен-

*) Fr. Lenormant, цитиров. трудъ.

ности Египта, историческія судьбы его населенія не могутъ считаться непреложно и неизмѣнно обусловленными совокупностью физическихъ данныхъ страны. Въ египетской долинѣ, какъ и всюду, во всемъ свѣтѣ, политическій и соціальный строй населенія естественно и логически вытекаетъ изъ отношеній между характеромъ кооперативной дѣятельности опредѣляемой средой съ одной стороны, и между способностью населенія доставить въ силу свободнаго добровольнаго сообщничества, а также благодаря высокоразвитой соціальной организаціи, достаточную сумму коллективной работы извѣстнаго качества, требуемой средой съ другой. Два опредѣляющія начала, указываемыя здѣсь, т. е. *среда* и *способность жителей къ приспособленію*, являются элементами *измѣнчивыми*, откуда неопровержимо слѣдуетъ, что и историческія судьбы народовъ, разселенныхъ по какимъ-бы то ни было странамъ, должны постоянно измѣняться. За исключеніемъ очень небольшого количества частныхъ случаевъ, поименованныхъ уже выше, здѣсь можно не принимать въ разсчетъ медленныхъ и малозначущихъ въ исторіи человѣчества геологическихъ и климатическихъ измѣненій. Наоборотъ, совершенно иначе надлежитъ относиться къ измѣненіямъ великой важности, вносимымъ въ природу страны успѣхами техники и промышленности, и, вообще, всѣмъ накопленнымъ трудомъ послѣдовательныхъ поколѣній. Доисторическіе колонизаторы нильской долины завѣщали своимъ потомкамъ мемфисской эпохи страну далеко не въ томъ видѣ, въ какомъ сами ее получили, болѣе или менѣе прямо и непосредственно изъ рукъ природы. Важныя работы, предпринятыя еще позже въ родѣ напр созданія гигантскаго водоема у Файюма, еще болѣе значительно измѣнили физическія данныя страны, полученной въ наслѣдство египтянами ѳивскихъ династій.

Еще болѣе подвержена измѣненіямъ и колебаніямъ способность отдѣльныхъ людей и цѣлыхъ послѣдовательныхъ поколѣній къ добровольному координированію усилій, т. е. къ коллективной работѣ, внушаемой средой Но зато ея резуль-

ганы наиболѣе могущественны и очевидны. Наслѣдникъ трудовыхъ привычекъ и общественности, давшихся тяжкимъ трудомъ его предкамъ, долгимъ опытомъ уяснившій себѣ полезность различныхъ работъ, сложныи планъ которыхъ былъ еще непонятенъ его предшественникамъ, массой попытокъ составившій себѣ болѣе сознательное представленіе о своей связи съ обществомъ и государствомъ, такой индивидъ послѣдующихъ поколѣній несетъ уже все болѣе и болѣе добровольно и свободно часть общественной ноши, постепенно теряя нужду во внѣшней власти для урегулированія работы, удовлетворенія всѣхъ и каждаго и вообще для поддержанія сложнаго соціальнаго механизма, требуемаго средой. Подчиненные тысячамъ вліяній, историческіе пути, какъ и пути природы не могутъ быть прямолинейны, но уже одинъ фактъ возможности накопленія результатовъ труда и опыта предыдущихъ поколѣній свидѣтельствуетъ, что, въ видѣ общаго правила, въ видѣ нормы, въ исторіи долженъ осуществляться прогрессъ въ томъ видѣ и составѣ, какъ мы его опредѣлили выше. Ширина и быстрота прогрессивныхъ варіацій ростутъ по мѣрѣ того, какъ увеличивается власть человѣка надъ временемъ и пространствомъ, такъ что историческая цѣнность различныхъ періодовъ не пропорціональна ихъ продолжительности. Въ первые вѣка своего историческаго существованія, человѣчество двигалось со скоростью черепахи по тому пути, который мы теперь пролетаемъ на всѣхъ парахъ. Если не принимать въ разсчетъ исторической перспективы, то, при заглядываніи въ далекое прошлое, можно было-бы создать себѣ иллюзію существованія полнаго застоя, тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, наши отцы, правда медленно, но зато вѣрно шествовали по прогрессивному пути. Замѣчу кстати, что иллюзія эта чрезвычайно распространена и что не иначе какъ на ея счетъ слѣдуетъ отнести убѣжденіе о неподвижности древняго Египта, столь снисходительно описанной множествомъ авторовъ, начиная съ Геродота, продолжая Боссюэтомъ и кончая обоими Ленорманами (Charles Lenormant и François L.). Извѣстно, что но-

вѣйшія открытія отнесли это убѣжденіе цѣликомъ къ разряду почтенныхъ фикцій разсыпающихся въ пыль отъ перваго прикосновенія науки и истины.

Нильская среда не внушала своимъ обитателямъ необходимости угнетенія и деспотизма, какъ существеннаго условія развитія Напротивъ она совѣтовала имъ построить свою жизнь на солидарности и принципѣ кооперацiи. Оба этихъ послѣднихъ начала и обусловили величіе египетской культуры. Элизе Реклю слѣдующимъ образомъ обрисовываетъ истинную, реальную, географическую подкладку египетской культуры между прочимъ, на мой взглядъ, значительно болѣе вѣрно, нежели благочестивый авторъ «Происхожденія исторіи по даннымъ Библіи» («Origines de l'histoire d'apres la Bible»): «общественная собственность народа, Нилъ наводнялъ всѣ земли сразу и одинаково. и раньше чѣмъ геометры вымѣрили и расцѣнили землю, онъ обратилъ ее уже въ коллективную собственность. Ирригаціонные каналы, необходимые для земледѣлія, тамъ, гдѣ эксплуатація почвы перешла зону регулярныхъ наводненій могли быть вырыты и поддерживаемы только множествомъ рабочихъ, трудившихся вмѣстѣ. Предъ земледѣльцами Нила стояла альтернатива: быть всѣмъ равными и обобществленными, или всѣмъ быть рабами одного повелителя, туземнаго или иностранца» *).

Жителями первобытнаго Египта диллема была разрѣшена во второмъ смыслѣ и они всѣ обратились въ рабовъ. Понятія эволюціи, прогресса были-бы лишены смысла, если-бы съ первыхъ своихъ шаговъ на исторической сценѣ, человѣчество уже умѣло въ самыхъ трудныхъ условіяхъ разрѣшать проблему добровольной солидарности въ ея наивысшихъ формахъ. Для того, чтобы на исторической сценѣ появилась египетская культура и. слѣдовательно, для самаго существованія всемірной исторіи было необходимо, чтобы появился «Распредѣлитель благъ Нила», фараонъ но необходимость эта—чисто психо-

*) Elisée Reclus, цитиров. трудъ т. X.

логическаго порядка Лучшій изъ фараоновъ не могъ прибавить къ способности приспособленія у народа болѣе, нежели яркій цвѣтъ знамени прибавляетъ физическихъ силъ у бойцовъ. Какъ и всѣ символы и фетиши. фараонъ не обладалъ другими качествами кромѣ тѣхъ, которыя ему сообщались другими, т. е. не обладалъ собственными добродѣтелями. Онъ не могъ быть ни наиболѣе сильнымъ, ни наиболѣе мудрымъ, или искуснымъ изъ людей потому что предъ непостижимой тайной Нила всѣ были одинаково слѣпы и безсильны. По мнѣнію M Fontaine'a, фараонъ даже не превосходилъ остальныхъ Египтянъ коварствомъ и хитростью: «Въ то время, какъ подданные могли,—говоритъ онъ **),—полагать, что государь знаетъ тайны рѣки, самъ онъ не постигалъ всей глубины своего незнанія и чувствуя надъ собою высшую, болѣе могущественную власть, не позволялъ надменности ослѣпить себя». Мнѣ кажется это предположеніе недостаточно вѣроятнымъ, такъ какъ для того чтобы играть высокую роль въ историческомъ пантеонѣ, необходимо дурачить самого себя. Цитируемый авторъ, притомъ противорѣчитъ самъ себѣ, говоря дальше слѣдующее: «кажется, въ исторіи нельзя указать болѣе почитаемаго божества, нежели какимъ былъ Нилъ. Нилъ былъ единственнымъ божествомъ, внушавшимъ страхъ своимъ жрецамъ». Чтобы съ достоинствомъ и сознательно выполнять свою функцію толкователя божественныхъ повелѣній Нила у фараона. на самомъ дѣлѣ, было въ распоряженіи непогрѣшимое средство: добросовѣстно подражать своимъ предшественникамъ, особенно въ той части ихъ дѣйствій, которая носила непонятный характеръ. Этимъ объясняются, на мой взглядъ, крайній традиціонализмъ, суровый и боязливый ритуализмъ и рабская подражательность прошлому, составлявшіе основу египетскихъ моралн и нравовъ.

Резиденція фараона — Мемфисъ носила также названіе «жилища божества», На-Ка-Ptah, изъ котораго авторы клас-

**) Histoire universelle. Les Egyptes, t. I.

сическаго періода сдѣлали Aegipios. Основываясь на этомъ наименованіи, многіе увѣряли, что уже при жизни фараона на него смотрѣли, какъ на божество, но мнѣ кажется, что это предположеніе было-бы истинно лишь въ томъ случаѣ, если-бы египтяне обладали представленіемъ о божествѣ, обособленномъ отъ понятія о фараонѣ. Археологи внимательно изслѣдовавшіе всѣ уголки Пантеона первыхъ династій, нашли тамъ, кромѣ изображеній покойныхъ повелителей, лишь двухъ другихъ обитателей: быка, т. е. по преимуществу рабочее животное и барана рога котораго въ болѣе позднюю эпоху при Птоломеяхъ украшали голову Юпитера Аммона, весьма уважаемаго во всѣхъ странахъ вокругъ Средиземнаго моря. По-видимому египтяне составили себѣ самостоятельную идею о божествѣ, только перенесши конкретное представленіе о фараонѣ въ болѣе высшую сферу. При своемъ первомъ появленіи на страницахъ египетской исторіи, фараонъ совмѣщаетъ въ себѣ не только всѣ религіозныя и общественныя учрежденія *), но и представляетъ собою квинтъ-эссенцію столь абсолютнаго деспотизма, что размѣры его было-бы трудно выразить даже на нашемъ современномъ, весьма точномъ и чрезвычайно развитомъ языкѣ! Сколько бы мы ни слѣдили за нею въ исторіи, абсолютная власть египетскихъ повелителей представляется намъ на первыхъ страницахъ исторіи мягкой и человѣчной; въ древнія времена Египетъ, кажется, не зналъ даже жестокихъ казней, позорящихъ патріархальный деспотизмъ Небесной Имперіи. Этого одного факта достаточно, чтобы доказать, что въ долинѣ Нила абсолютная власть никогда не встрѣчала сопротивленія со стороны угнетенныхъ. Во все время существованія Мемфисскихъ династій, произвольная власть настолько увѣрена въ своемъ правѣ, въ своей силѣ въ своемъ божественномъ происхожденіи, что она проявляетъ себя только безумными, безполезными, или безсознательно наносящими вредъ для общества, дѣйствіями. Насколько можно судить по

*) Maspero и Lenormant, цитированные труды.

древнимъ памятникамъ, роль тогдашняго фараона сводилась, во-первыхъ: къ установленію культа самого себя *) и во-вторыхъ, къ постройкѣ гигантскихъ пирамидъ, т. е. къ уничтоженію десятковъ тысячъ жизней подданныхъ для того только, чтобы возбудить удивленіе потомковъ.

Я не знаю, какой скрытый переворотъ произошелъ въ учрежденіяхъ и нравахъ древней египетской имперіи, но, несомнѣнно, что со вступленіемъ XII-ой династіи на престолъ, положеніе вещей внезапно измѣнилось. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ Аменемха I, основатель славной линіи новыхъ фараоновъ, прославляетъ свою дѣятельность, обращаясь къ своему сыну и наслѣднику: «Съ тѣхъ поръ, какъ я родился, я ни разу не отступалъ ни предъ безпорядками во дворцѣ, ни передъ саранчою, когда она нападала на мое государство, ни предъ несчастіями во время наводненій, когда не хватало воды и высыхали резервуары... Я воздѣлалъ землю вплоть до Абу, а распространилъ радость на всемъ пространствѣ до Аду, я выростилъ три рода хлѣбныхъ злаковъ. Только внимая моимъ мольбамъ, Нилъ разливалъ свои воды по окрестнымъ полямъ, никто не голодалъ при мнѣ, никто не страдалъ подъ моей властью, такъ какъ всѣ поступали согласно моимъ повелѣніямъ и все, что я приказывалъ, было новымъ поводомъ для любви ко мнѣ. Я побѣдилъ льва и плѣнилъ крокодила. Поступай еще лучше, нежели твои предшественники и поддерживай добрыя отношенія между тобою и твоими подданными».

Этотъ послѣдній совѣтъ поступать лучше, нежели поступали предшественники, могъ-бы показаться богохульствомъ для фараоновъ десяти первыхъ династій, вся дѣятельность которыхъ сводилась къ рабскому подражанію примѣрамъ предковъ. Но съ тѣхъ поръ основанія морали и дѣятельности рѣшительно измѣнились. Фараонъ, стремившійся быть чѣмъ-то бо́льшимъ, нежели великимъ жрецомъ своего собствен-

*) Fr. Lenormant цитиров. трудъ т. III стр. 25 (см. текстъ и гравюру).

наго культа, фараонъ, заботившійся о поддержаніи доброи гармоніи между собою и своими подданными, поощрявшій ихъ къ важнымъ общественнымъ работамъ, вмѣсто того, чтобы изнурять ихъ надъ постройкой пирамидъ, представлялъ собою уже замѣчательное явленіе: повелитель въ его лицѣ уже стремится до нѣкоторой степени узаконить свое положеніе заботами о подданныхъ и трудомъ на пользу народа. Абсолютный деспотъ началъ уже сомнѣваться въ своемъ божественномъ правѣ и происхожденіи онъ стремится уже внести въ свои дѣйствія элементъ полезности, а это во всякомъ случаѣ рѣшительный шагъ къ его собственному паденію; можно смѣло сказать, что съ этихъ поръ настала возможность дальнѣйшаго развитія. Безъ сомнѣнія, фараоны еще слѣдуютъ примѣрамъ своихъ предшественниковъ, они строятъ, напримѣръ, пирамиды, но матеріаломъ для этихъ пирамидъ служитъ уже кирпичъ и размѣры ихъ весьма скромны въ сравненіи съ гигантскими каменными громадами предыдущихъ вѣковъ.

Значительный регрессъ въ искусствѣ постройки царскихъ некрополей, уменьшеніе ихъ раамѣровъ кажется нѣкоторымъ археологамъ совершенно достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы утверждать, что съ момента появленія Египта на исторической сценѣ, онъ все время неизмѣнно падаетъ. Но съ точки зрѣнія историка, наоборотъ, ясно, что съ этихъ поръ въ исторіи Египта замѣчаются слѣды прогрессивнаго развитія, осуществляющагося мало по малу. Тотъ самый фараонъ, о которомъ мы говорили выше, дѣлаетъ слѣдующее признаніе: «Вотъ, противъ меня поднимаютъ оружіе и я становлюсь безсиленъ, какъ змѣя». Необходимо замѣтить, что общественный прогрессъ не былъ при этомъ купленъ цѣною значительнаго упадка въ техническихъ искусствахъ. Правда, новые фараоны не строютъ уже безумно громадныхъ пирамидъ, но зато они предпринимаютъ другія работы, напр. повелѣваетъ вырыть озеро Моэрисъ, способное вмѣстить въ себѣ болѣе трехъ тысячъ милліоновъ кубическихъ метровъ

воды и играющее съ тѣхъ поръ важную роль въ гидрологической экономіи Египта; даже наши современные инженеры до сихъ поръ удивляются этому гигантскому предпріятію.

Со времени вступленія XII династіи на историческую сцену и вплоть до явнаго паденія саисской эпохи, исторія Египта представляетъ длинный послѣдовательный рядъ фазъ, свидѣтельствующихъ о разложеніи первобытной фараоновой власти и въ тоже время отмѣчающихъ собою новыя даты по пути прогресса. Абсолютная власть фараона Мемфисскихъ вѣковъ раскалывается сперва на два составныхъ элемента— свѣтскій и духовный на царя и жреца, которые немедленно обращаются въ ожесточенныхъ враговъ. Если при фараонахъ Мемфисскихъ династій, жрецы были еще похожи на обыкновенныхъ гражданскихъ чиновниковъ, подвластныхъ власти государя то тѣмъ не менѣе они уже составляли нѣчто вродѣ касты и эта каста въ теченіе вѣковъ все болѣе освобождалась отъ подчиненія соперничающей власти. Оба противника иногда заключали перемиріе для того, чтобы продолжить общую свою агонію, но въ силу того, что двѣ неограниченныхъ власти не могутъ существовать рядомъ, они уже заранѣе были осуждены на погибель. Вскорѣ разложеніе охватило ту и другую власть: династическія стремленія, честолюбіе монарховъ, бюрократическія стремленія чиновниковъ... все чѣмъ характеризуется институтъ произвольной власти и сами по себѣ оказались бы достаточными для того, чтобы въ конецъ уничтожить нѣкогда стройное и могущественное явленіе, но вмѣшательство иностранцевъ еще раньше отбросило умиравшій фараонизмъ съ исторической арены. Собственно говоря, настоящіе фараоны исчезли еще задолго до политическаго паденія своего государства: съ момента вторженія Гиксовъ и возстановленія народныхъ династій, лица носившія имя фараона, были въ сущности только главными управляющими надъ администраціей, надъ собственной гвардіей и надъ войсками. Но божественный Нилъ ни въ какомъ случаѣ не былъ символомъ войны, и фараоны, лишь

только волна исторіи снесла ихъ съ своей родной почвы и бросила въ водоворотъ военныхъ предпріятій, не замедлили быстро стушеваться передъ болѣе молодыми и лучше вооруженными соперниками, т. е. предъ разбойничьими государствами Месопотаміи.

IX.

Тигръ и Евфратъ.

Бассейны рѣкъ Тигра и Евфрата и передняя Азія.—Халдейскіе повелители и ѳивскіе фараоны.—Мессопотамскій періодъ.—Египетская культура въ сравненіи съ культурами Ассиро-Вавилоніи.

Египетъ представляетъ собою оазисъ, отдѣленный отъ остального міра песчаными пустынями, скалистыми пространствами, морями и обширными болотами. Совершенно въ другомъ положеніи находится страна Тигра и Евфрата, которую я сравнилъ бы съ блестящей вставкой въ драгоцѣнной мозаичной картинѣ, окраинныя части которой съ перваго взгляда какъ будто имѣютъ самостоятельный характеръ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ въ историческомъ и географическомъ отношеніи онѣ подчинены странѣ двухъ великихъ рѣкъ, т. е. Мессопотаміи.

Если разсматривать Евфратъ только съ его праваго берега, то его можно счесть повтореніемъ и даже воспроизведеніемъ гигантской рѣки Африки. Дѣйствительно, обойдя вокругъ Каркемиха, главнаго города Геттитовъ, онъ тѣсно сжимается песками громадной пустыни, пролегающей безъ перерыва вплоть до Неджефа и до границы обитаемой мѣстности Аравіи. Трясины, топи, болота которыя онъ образуетъ внизъ по теченію рѣки отъ Вавилона и вся совокупность которыхъ носитъ одно общее наименованіе Неджефъ, представляютъ нѣкоторую аналогію съ мѣстностью у Файюма; страна около Шатъ-эль-Араба напоминаетъ также дельту Нила. Это послѣднее сходство бросалось-бы еще болѣе въ глаза, еслибы мы

могли возстановить сѣверную часть Персидскаго залива въ томъ видѣ, въ какомъ она пребывала до исполненія гигантскихъ работъ въ первыя славныя времена халдейской исторіи и оставленіе которыхъ, безспорно, составляетъ одну изъ причинъ историческаго паденія южной части Мессопотаміи. Замѣчу кстати, что въ странѣ, лежащей къ юго-западу и западу отъ Евфрата, граница обитаемой мѣстности опредѣляется той чертой, до которой достигаютъ рѣчныя наводненія

Но всякое сходство съ Ниломъ исчезаетъ, лишь только перейти на лѣвый берегъ Вавилонской рѣки и начать изучать страну во всемъ ея цѣломъ. На сѣверѣ и востокѣ Ассиро-Вавилонской равнины цѣпи горъ, усаженныя вулканическими вершинами, въ числѣ которыхъ многія какъ напр., Араратъ, Аладагъ и Тандурекъ высотой превышаютъ 3,500 метровъ, образуютъ для бассейна рѣкъ Тигра и Евфрата горную границу, изолирующую его отъ прикавказской страны и отъ плоскогорія Ирана Эта естественная граница между Чернымъ моремъ и Мессопотамской страной представляетъ внушительное, почти грозное зрѣлище, особенно на сѣверѣ, т. е. въ странѣ истоковъ Тигра и Евфрата. Цѣпи Антикавказскихъ горъ и Армянскихъ Альпъ подымаются до весьма значительной вышины и ихъ изломанная конфигурація, обрывистые склоны, остроконечныя вершины, господствующія надъ обрывами, еще сильнѣе оттѣняютъ дикій пейзажъ страны. Несмотря на высокій горный барьеръ Понтійскихъ Альпъ, большая часть южной Арменіи пользуется богатыми водяными испареніями восточныхъ вѣтровъ, направляющихся отъ моря къ плоскогорью, чтобы здѣсь превратиться въ осадки въ западныхъ долинахъ. Точно также возвышенная долина Кара-Су вплоть до мѣстности около Эрзерума пользуется вѣтрами, доносящимися съ Чернаго моря. Эти вѣтры дуютъ главнымъ образомъ въ продолженіе зимы и покрываютъ снѣгами весь амфитеатръ горъ вокругъ источниковъ рѣки Евфрата; сѣверные и восточные вѣтры, представляя собою развѣтвленіе главнаго воздушнаго теченія, пересѣкающаго весь континентъ

Азіи, весьма знойны и обыкновенно дѣйствіе ихъ ограничивается тѣмъ, что они разгоняютъ тучи, впрочемъ, случается, что производимыя ими внезапныя ужасныя бури оканчиваются жестокими ливнями Какъ я уже говорилъ, сѣверный склонъ Армянскихъ Альпъ получаетъ громадное количество влаги и образуетъ нѣсколько такихъ большихъ рѣкъ, какъ напр., Шорукъ и Каршу, количество водъ которыхъ по отношенію къ ихъ бассейну чрезвычайно значительно. Южные склоны тѣхъ же Альпъ питаютъ Евфратъ и Тигръ, масса водъ которыхъ, будучи соединена въ Шатъ-Эль-Арабѣ, превышаетъ не только воды каждой изъ рѣкъ между Индомъ и Дунаемъ, но даже въ два раза больше массы водъ, вливающихся черезъ устье Нила въ Средиземное море. Такимъ образомъ, въ общемъ атмосферическомъ и рѣчномъ кругооборотѣ Черное море, при посредствѣ дождей и русла рѣки Евфрата, безпрестанно перемѣщаетъ свои воды въ Персидскій заливъ *).

Горные массивы Арменіи не представляютъ непроходимаго вала между Месопотаміей и странами Понтійскими и Кавказскими. Наоборотъ, при ихъ помощи плодотворные пары Чернаго и Средиземнаго морей орошаютъ Тигро-Евфратскую страну. Конфигурація почвы здѣсь совершенно одинакова съ обѣихъ сторонъ Антикавказскихъ горъ, такъ что для того, чтобы найти настоящую естественную границу описываемой страны, необходимо обратить взоры дальше на берега Чернаго моря, туда, гдѣ проходятъ высокія цѣпи Кавказскихъ горъ, прикасающіяся къ Каспійскому морю. Склоны Армянскихъ Альпъ безводны, обрывисты и обнажены, но долины, змѣящіяся между ихъ снѣжными и покрытыми лавой цѣпями, равно какъ и террасы, спускающіяся къ югу и къ югозападу отъ Арарата, могутъ съ полнымъ правомъ занять мѣсто среди странъ, наиболѣе облагодѣтельствованныхъ природой. Это по преимуществу страны контрастовъ, съ зимами столь-же холодными, какъ въ Москвѣ, и съ лѣтомъ настолько знойнымъ,

*) Elisée Reclus, цитир. трудъ, т. IX.

какъ въ большей части тропическихъ странъ *). Альпійская растительность входитъ здѣсь въ соприкосновеніе съ флорой жаркаго пояса; виноградники Эривани и вообще русской Арменіи производятъ вина по крѣпости стоящія наравнѣ съ испанскими винами; вина же изъ окрестностей озера Ванъ къ югу отъ Антикавказскихъ горъ выдерживаютъ сравненіе съ бургонскими винами. Во многихъ мѣстахъ здѣсь почва воздѣланная чрезвычайно отсталыми пріемами даетъ тѣмъ не менѣе двѣ богатыхъ жатвы въ теченіе одного года: дубы ели, клены, ясени каштаны, сосны и вообще всѣ деревья центральной и южной Европы образуютъ по горнымъ склонамъ густые лѣса, полные дичи: многіе изъ нашихъ фруктовыхъ деревьевъ, безъ сомнѣнія, родомъ изъ этой мѣстности **) гдѣ даже шелковичное дерево растетъ успѣшно, несмотря на сильные зимніе холода Главное богатство страны составляютъ зеленѣющіе луга, на которыхъ въ наше время, точно также какъ и въ доисторическую эпоху милліоны овецъ и козъ отыскиваютъ себѣ пропитаніе. Арабскія и туркменскія лошади, переведенныя сюда неизвѣстно когда изъ мѣста своей родины, образовали новыя разновидности, изъ которыхъ нѣкоторыя весьма цѣнятся въ окрестныхъ мѣстностяхъ. Какъ и прежде, такъ и теперь, страну населяютъ многочисленныя толпы пастуховъ и номадовъ, охотниковъ съ грубыми и жестокими нравами, привыкшихъ къ неудобствамъ своей жизни и крайне ревниво берегущихъ свою личную независимость и въ то-же время весьма мало озабоченныхъ упроченіемъ въ своей средѣ солидарныхъ стремленій, представляющихъ въ ихъ полной приключеній жизни безполезную роскошь. Начиная съ доисторическихъ вѣковъ, эти дикіе народы бродили на обоихъ склонахъ Армянскихъ Альпъ точно также, какъ современные Курды, которые. ни мало не заботясь о политическихъ границахъ.

*) На сѣверѣ Антикавказскихъ горъ температура въ 33° считается зимою обычнымъ явленіемъ; въ Эрзерумѣ холода доходятъ до 25° Лѣтніе жары съ обѣихъ сторонъ колеблются между 42°—45°.

**) A de Candolle, Origines des plantes cultivées

пасутъ и перегоняютъ свои стада съ береговъ озера Гохчи на берега озера Ванъ и даже, при желаніи, изъ Прикавказскихъ странъ въ Мессопотамію. Мы знаемъ уже, что при подобныхъ условіяхъ всякая страна, предоставленная своей собственной участи, не можетъ явиться колыбелью деспотизма, а слѣдовательно и вписать свое имя на страницы той части всемірной исторіи, которая интересуется эпохой первобытныхъ обществъ, т. е эпохой великихъ рѣчныхъ культуръ. И дѣйствительно, хотя Арменія и имѣетъ полное право гордиться своимъ блестящимъ прошлымъ, хотя и Пріамъ, и Навуходоносоръ добивались союза съ ней, хотя народныя преданія относятъ возникновеніе ея культуры приблизительно къ 2350 году до Рождества Христова, тѣмъ не менѣе она не представляетъ собою чего-либо первичнаго, самостоятельнаго. Существуетъ страна, у которой она заимствовала свою культуру и это именно та страна, по которой протекаютъ великія историческія рѣки Тигръ и Евфратъ.

Къ югу отъ Арарата и Тандурека горы понижаются, чтобы образовать нѣсколько параллельныхъ цѣпей, направляющихся отъ истоковъ Аракса и отъ озера Урміи на юго-востокъ, къ Мерану и отдѣляющія Мессопотамскій бассейнъ отъ высокаго плоскогорья Ирана, проходя по лѣвому берегу Тигра. Нѣкоторыя вершины центральной изъ этихъ горныхъ цѣпей, какъ напр., Эльвендъ, къ юго-западу отъ Экбатаны и Алиджукъ, къ югу отъ Испагани подымаются отъ 3 до 4000 метровъ; здѣсь же находится вершина въ 5200 метровъ, представляющая послѣ Демавенда наиболѣе возвышенный пунктъ передней Азіи *). Со стороны высокихъ плоскогорій Ирана и Белуджистана эти горныя цѣпи образуютъ какъ-бы одну стѣну, развѣтвляющуюся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на нѣсколько второстепенныхъ отроговъ и постепенно понижающуюся по направленію къ юго-востоку. У подошвы этой горной стѣны, на высотѣ почти 1500 метровъ отъ уровня

*) По мнѣнію Oliver S. John.

воды въ океанѣ группируются наиболѣе знаменитые историческіе города Персіи и Мидіи: Экбатана Ипагань Персеполисъ, Ширасъ Наоборотъ, со стороны Тигра вмѣсто этой одной стѣны проходитъ безчисленное количество параллельныхъ известковыхъ и нумуллитовыхъ горныхъ цѣпей, прерываемыхъ извилистыми ущельями и вполнѣ заслуживающихъ то названіе «боевой колонны войскъ» которое имъ далъ англичанинъ Ravert. Подобно тому, какъ пары Средиземнаго и Чернаго морей, скопляющіяся на вершинахъ Армянскихъ Альпъ, въ концѣ концовъ, пополняютъ воды Евфрата, влажные вѣтры Индійскаго океана, въ свою очередь оставляютъ на только что описанныхъ горахъ много осадковъ образующихъ кромѣ безчисленныхъ второстепенныхъ притоковъ Тигра еще и нѣсколько значительныхъ рѣкъ: Забъ. Діаллахъ. Керка. Хотя, какъ уже сказано, горныя цѣпи окаймляющія Тигръ, и горы Луриста значительно ниже главнаго массива, однако, съ западнаго склона доступъ на нихъ весьма труденъ. Обрывы скалъ образуютъ во многихъ мѣстахъ вертикальныя стѣны въ 500 и 600 метровъ, т. е. настоящія естественныя крѣпости, господствующія надъ Мессопотамской равниной. До самаго послѣдняго времени курдскіе разбойники при помощи ихъ постоянно торжествуютъ надъ турецкими пашами и представителями персидскаго государства.

Уже въ весьма отдаленную эпоху главная военная и торговая дорога изъ Мессопотаміи на востокъ и изъ Ниневіи въ Экбатану, которой пользовались, между прочимъ, караваны, проходила чрезъ ущелья Діаллахъ. Зимою и въ періоды наводненій эта дорога зачастую непроходима. что и представляло значительное препятствіе для распространенія Мессопотамской культуры на востокъ. Горныя вершины, окаймляющія долину рѣки Тигра со стороны Ирана. служили въ то же время неприступными цитаделями, откуда дисциплинированныя арміи Мидіи и Персіи легко господствовали надъ Мессопотамской низменностью.

Если при посредствѣ Мурадъ-Чая, истокъ котораго нахо-

дится въ недалекомъ разстояніи отъ истока Тигра, Евфратъ принадлежитъ отчасти къ курдо армянской странѣ, образующей едва замѣтный уклонъ къ Персидскому заливу, то его большой другой притокъ, носящій у турокъ названіе Карасу, присоединяетъ Евфратъ и къ Малой Азіи. Къ югу отъ впаденія этой рѣки, внизъ по теченію отъ Малатіи, Великая Месопотамская рѣка обходитъ вокругъ восточнаго выступа Тавра и, усвоивши себѣ. начиная съ Самозата, свое прежнее направленіе къ западу, подвигается дальше къ Средиземному морю. Но на 36-й параллели, какъ бы въ гнѣвѣ на невозможность соединить свои воды съ водами Аронта, она поворачиваетъ свое теченіе къ юго-востоку, на этотъ разъ окончательно, и приближается къ Тигру. Къ западу отъ Месопотаміи. къ сѣверу-востоку отъ Сиріи уже нѣтъ препятствій, замедляющихъ, а иногда и совершенно останавливающихъ всякое поступательное движеніе, грубо задерживающихъ развитіе торговли и не позволяющихъ пользоваться лучшимъ естественнымъ путемъ. У подошвы Тавра и Амана страна уже почти всюду способна къ воспріятію культуры, а нѣкоторыя ея части отличаются даже удивительнымъ плодородіемъ. Таковъ напр., Дамасскій оазисъ... Аманскія горы, несмотря на крутизну своихъ скалъ, и Таврскія, не взирая на высоту своихъ горныхъ вершинъ, доставляютъ возможность пересѣкать ихъ во многихъ мѣстахъ и этими проходами пользуются во всякое время. Съ другой стороны ущелій здѣсь уже нельзя встрѣтить, какъ напримѣръ, въ Туркестанѣ, новыхъ грозныхъ параллельныхъ цѣпей горъ, которыя снова приходится преодолѣвать За ущельями Аманскихъ горъ открывается обширная Киликійская равнина. Съ другой стороны Тавра разстилаются обширныя плоскогорья, гдѣ не только всюду возможна жизнь, но гдѣ она во многихъ мѣстахъ представляетъ громадныя удобства для обитателей. Ея травянистыя степи даютъ возможность жителямъ держать многочисленныя стада, ея озера доставляютъ въ изобиліи соль, а вдоль ея рѣкъ расположились громадныя пространства плодородной земли. Раздѣ-

ленныя во многихъ мѣстахъ обширными долинами, представляющими собою естественные пути сообщенія, эти плоскогорія, мало-по-малу понижаясь, склоняются къ западу, какъ будто бы для того, чтобы дать большую возможность людямъ и идеямъ скользить по ихъ поверхности.. Это обширное пространство, отдѣляющее долину Евфрата отъ береговъ на которыхъ возникли первыя греческія поселенія, извѣстные историки прежде разсматривали, какъ мѣсто въ культурномъ отношеніи совершенно пустое и ничего незначущее. Но съ теченіемъ времени этотъ взглядъ оказался невѣрнымъ; въ странѣ, которую Тавръ раздѣляетъ на двѣ неравныхъ части, не преграждая, однако, сообщеній между ними, въ настоящее время находятъ слѣды высокой, независимой и оригинальной культуры. Повсюду въ долинѣ рѣки Аронта, равно какъ и на центральномъ плоскогоріи Малой Азіи, можно встрѣтить замѣчательные памятники искусства, хотя и сохраняющіе нѣкоторое сходство съ таковыми же Месопотамскими, но тѣмъ не менѣе отличающіеся отъ нихъ своими особенными, весьма существенными характерными чертами *)

Ассиро-Вавилонія, будучи окружена со всѣхъ сторонъ, за исключеніемъ южной, различными географическими странами, зависимыми отъ нея и даже, такъ сказать, припаянными къ бассейнамъ рѣкъ Тигра и Евфрата, образуетъ, какъ мы уже видѣли, центральную часть особеннаго, промежуточнаго между Индіей и Грецiей міра, восточныя границы котораго, проходящія по Соломоновымъ горамъ и нижнему Инду, намъ уже извѣстны, а западныя—достигаютъ береговъ Средиземнаго и Эгейскаго морей. Такое положеніе двухъ великихъ историческихъ рѣкъ передней Азіи среди обширной и разносторонней страны совершенно достаточно для того, чтобъ объяснить возникновеніе въ этой мѣстности культуры съ судьбами не столь однородными и прямолинейными, каковы судьбы ея африканской соперницы на берегахъ Нила. Дѣйствительно, за

*) Perrot et Chipiez, цитир. трудъ, т. IV.

исключеніемъ, быть можетъ, самыхъ отдаленныхъ и темныхъ временъ ея первичнаго зарожденія, она подвержена многочисленнымъ и разнороднымъ вліяніямъ со стороны сосѣднихъ странъ: начиная же съ X вѣка до Р. Х., Ассиро-Вавилонская культура начинаетъ проявлять свое собственное вліяніе на всю громадную территорію, протягивающуюся отъ Каспійскаго моря къ Финикійскому берегу и отъ Соломоновыхъ горъ къ Лидійскому царству, захватывая въ вихрь своего вліянія Туранцевъ и Арійцевъ Прана, Палестинскихъ евреевъ и всѣхъ семитовъ Сиро-Месопотамской области и даже почти европейскіе народы Арменіи и новой Азіи. Мы можемъ замѣтить здѣсь, что судьбы Месопотаміи всегда находились въ соотвѣтствіи съ орографическимъ рельефомъ страны, наклоняющейся и открывающейся къ западу, тогда какъ съ восточной стороны она ограничена, поименованными выше, высокими горными цѣпями Прана.

Географическими терминами: Месопотамія, Ассиро - Вавилонія, Халдея пользуются обыкновенно, не различая ихъ, для опредѣленія, то всей совокупности странъ, орошаемыхъ Тигромъ и Евфратомъ, то одной какой-либо, болѣе или менѣе опредѣленной, части ихъ обширнаго бассейна. Библейская номенклатура была несравненно болѣе точной. Она называла Халдеей южную часть страны въ окрестностяхъ и внизъ по теченію рѣки отъ Вавилона и Сиріи и Ассиріей или «Сиріей двухъ рѣкъ» сѣверную часть страны, гдѣ главнымъ городомъ была Ниневія. Геродотъ *), на счетъ котораго, быть можетъ, слѣдуетъ отнести охарактеризованное мною смѣшеніе географическихъ терминовъ, говоритъ увѣренно, что почва Ассиріи не въ состояніи производить виноградъ и фиговое дерево. Если это и справедливо, то только для Вавилоніи или Халдеи, такъ какъ значительная часть Месопотаміи къ сѣверу отъ Вавилона, которую еще Страбонъ **) называлъ Aturia (Ассирія), напротивъ, доставляетъ вина отлич-

*) I, CXCIII.
**) Strabon, Geographie, XVI, 1, 1—3.

ныхъ качествъ; точно также здѣсь съ успѣхомъ растетъ фиговое дерево, какъ. вѣроятно, оно росло и въ тѣ времена, когда знаменитый греческій историкъ посѣщалъ эту страну. Необходимо замѣтить что Мессопотамія въ точномъ смыслѣ этого слова, т. е. страна, лежащая между обѣими рѣками на пространствѣ до ихъ соединенія у Корны, даже до ихъ соединенія у Багдада, посредствомъ многочисленныхъ каналовъ представляетъ нѣсколько зонъ или географическихъ поясовъ, совершенно отличныхъ другъ отъ друга и слѣдующихъ другъ за другомъ отъ сѣвера къ югу. Я уже описалъ наиболѣе сѣверную изъ нихъ т. е. страну Армянскихъ Альпъ, изборожденную горами, дикій пейзажъ которой носитъ грозный характеръ, изобилующую громадными вулканами съ крутыми склонами своими озерами (Ванъ и Урмія), страну, которая въ мѣстности у Діарбекира, лежащаго на Евфратѣ, понижается террасами, покрытыми густыми лѣсами и пастбищами. Подвигаясь къ югу и, оставивши за собою Карача-Дагъ, послѣдній изъ Антикавказскихъ выступовъ, путешественникъ вступаетъ въ слегка волнообразную равнину съ однообразнымъ рельефомъ, монотонность которой нарушаютъ только нѣсколько холмовъ, разсѣянныхъ тамъ и сямъ. Однако, видъ этой равнины не утомляетъ взора, такъ какъ, если зима отличалась мягкостью, что бываетъ въ большинствѣ случаевъ, и если весенніе и осенніе дожди оросили мѣстность, по обычаю, обильно, то плодородіе и сила почвы проявляются здѣсь въ богатой и удивительно разнообразной растительности. Геродотъ не рѣшается опредѣлить высоту, до которой достигаетъ здѣсь ячмень, потому что, какъ говоритъ онъ: «тѣ, кто не видѣли страны въ лучшее время ея года своими собственными глазами, могутъ не повѣрить моимъ показаніямъ». Мы находимся здѣсь въ центрѣ страны, гдѣ хлѣбные злаки, это по преимуществу культурное растеніе, произрастаютъ въ дикомъ состояніи. Всѣ фруктовыя деревья южной и центральной Европы, т. е. персиковыя, абрикосовыя, гранатовыя, фиговыя, апельсинныя, шелковичныя, миндальныя,

вишневыя. грушевыя деревья образуютъ здѣсь настоящіе лѣса, виноградъ покрываетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ буквально всю почву. Поля, находящіяся подъ паромъ покрываются цвѣтами и травами въ такомъ изобиліи, что охотничьи собаки, которыхъ туда посылаютъ за дичью, возвращаются сплошь покрытыя отростками растеній и цвѣтовъ. Очень знойное, очень сухое и очень длинное лѣто съ трудомъ побѣждаетъ эту могучую растительность, сжигаетъ ее и освобождаетъ отъ нея землю, которая является тогда сѣрой, истощенной, покрытой морской солью и испещренной словно какой-то болѣзнью. Вся эта страна. являющаяся отечествомъ для многихъ животныхъ, съ незапамятныхъ временъ ставшихъ нашими домашними друзьями лучше всякой другой соотвѣтствуетъ идеѣ рая или зеленѣющаго Эдема, гдѣ человѣкъ въ естественномъ состояніи могъ проживать въ полной праздности и первобытномъ невѣжествѣ Замѣчательно. что, несмотря на значительную близость къ одной изъ самыхъ древнихъ и могущественныхъ культуръ, развалины свидѣтельствующія обыкновенно о быломъ величіи страны, сравнительно здѣсь весьма немногочисленны, сконцентрированы всѣ почти на правомъ берегу Тигра и всѣ. за весьма немногими исключеніями, относятся къ эпохѣ, бывшей всего за XVI вѣковъ до Р. Х. Немвродъ не могъ выбрать себѣ лучшей страны для своихъ охотничьихъ подвиговъ, а извѣстно. что охотничья жизнь никогда не содѣйствуетъ возникновенію культуры и исторіи Но книга Бытія удостовѣряетъ съ точностью, что его царство началось среди городовъ: Бабель, Эрекъ, Аккадъ, Кальнекъ, т. е. въ странѣ, расположенной къ югу отъ счастливой части Мессопотаміи. По мѣрѣ того, какъ мы подвигаемся въ этомъ направленіи и вступаемъ въ Вавилонскую страну, гдѣ Тигръ и Евфратъ не только сближаются другъ съ другомъ, но и соединяютъ свои воды громаднымъ количествомъ рукавовъ, каналовъ, канавъ и гдѣ нѣкогда они отдѣльно другъ отъ друга впадали въ Персидскій заливъ, мѣстность значительно мѣняется по природѣ и по наружному виду. Тамъ уже нѣтъ

больше ни весеннихъ, ни осеннихъ дождей. какъ и въ Египетской долинѣ, плодородіе почвы проявляется лишь въ мѣстахъ, оживотворяемыхъ рѣчными наводненіями. По словамъ Rawlinson'a, уже въ окрестностяхъ Гитъ на рѣкѣ Евфратѣ и немного къ югу отъ Самара. лежащаго на Тигрѣ путешественникъ покидаетъ слегка волнообразную равнину Месопотаміи, лежащую на значительной высотѣ надъ поверхностью воды въ океанѣ; слѣдуя по одной изъ великихъ рѣкъ, онъ вступаетъ въ низменную, вполнѣ ровную и очень мало наклонную мѣстность, образованную наносами и продолжающуюся безъ перерыва вплоть до Персидскаго залива. Именно тамъ приблизительно на 34° с. ш. знаменитый англійскій ассирологъ устанавливаетъ истинную сѣверную границу библейской страны Сенааръ (Халдея); Ассирія, по его мнѣнію, начинается за этой границей.

Контрастъ между этими двумя странами дѣйствительно поразителенъ и не только по пейзажу, по геологическому построенію почвы, но и по климату, и по флорѣ, по населенію, и по историческимъ судьбамъ. Къ сѣверу отъ установленной границы лежатъ слегка возвышенныя и волнообразныя равнины, обязанныя своимъ удивительнымъ плодородіемъ обильнымъ дождямъ во время равноденствій. Къ югу расположена низкая, безъ малѣйшихъ возвышенностей, страна, почва которой покрыта только солончаками и горькой полынью всюду, куда не проникаетъ оплодотворяющее наводненіе, регулируемое коллективной работой множества людей, которые пожертвовали своей личной независимостью общественной солидарности. Къ сѣверу одни народы, происшедшіе отъ прародителей: Арфаксада, Ассура Луда, Арама, къ югу—значительное количество самыхъ разнообразныхъ этнологическихъ группъ, говорящихъ на самыхъ различныхъ языкахъ. Среди нихъ на первомъ планѣ находятся отверженныя народности, происходившія отъ Хама т. е. кушиты, съ черной кожей уже встрѣченные нами въ Египтѣ, и въ глазахъ авторовъ классическаго періода являвшіеся переселенцами изъ

тропической Африки. На сѣверѣ. въ семитической Азіи высятся дворцы Салманассара и Сенахерима, этихъ грабителей чужихъ и собственныхъ странъ и мучителей подвластныхъ имъ народовъ къ югу, въ мирной тихой Халдеѣ, мѣсто дворцовъ занимаютъ многоэтажныя обсерваторіи, очень похожія на архаическія пирамиды Египта, съ высоты которыхъ. уже въ весьма отдаленныя времена, коронованные астрологи вопрошали небо, изучали теченіе звѣздъ и занимались астрономическими вычисленіями, стремясь проникнуть въ тайны рѣкъ для счастья и славы своихъ подданныхъ *).

Въ собственно Халдеѣ слѣдуетъ различать двѣ отдѣльныхъ страны. Сѣверная изъ нихъ, тамъ, гдѣ находятся развалины Вавилона не создается, а только оплодотворяется годичными наводненіями Тигра и Евфрата; вторая, болѣе южная, съ полнымъ правомъ можетъ считаться исключительнымъ созданіемъ этихъ рѣкъ и въ тоже время пользуется ихъ наводненіями точно такъ же. какъ египетская культурная долина пользуется половодіями Нила. Именно въ эту послѣднюю страну, т. е. въ Нижнюю Халдею, насъ переноситъ то мѣсто книги Бытія, которое посвящено изложенію первобытной исторіи культурныхъ народовъ Если вообще существуетъ какой-либо пунктъ, на которомъ результаты изслѣдованій современной ассирологіи вполнѣ совпадаютъ съ показаніемъ Библіи, то это именно то мѣсто, гдѣ говорится о нижней Халдеѣ. Первобытная ея культура, какъ и культура Египта, имѣла своею колыбелью самую южную часть обширного рѣчного бассейна Вавилонской долины, почва которой сплошь состоитъ изъ наносной земли, все болѣе заполняющей прилежащія части морского прибрежья. Изъ всей долины Тигра и Евфрата это были первыя мѣста, наблюдавшія человѣка выходящимъ изъ цѣпей варварства и пытающимся принять участіе въ культурной работѣ человѣчества. Точно такую же картину мы уже наблюдали въ Нильской долинѣ. Съ теченіемъ времени,

*) Perrot et Chipiez, цитиров. трудъ, т. II.

въ той и другой странѣ культура получила значительно большее распространеніе и, мало-по-малу, подымаясь вверхъ по теченію рѣкъ, достигла наконецъ ихъ истоковъ. Извѣстно уже, что египетскія Өивы родились или, по крайней мѣрѣ, увидѣли періодъ своего величія только черезъ много вѣковъ послѣ мемфисскаго періода.

Точно также и въ Мессопотаміи первое мѣстопребываніе халдейской культуры было въ тѣхъ городахъ, которые, какъ Уръ и Ларзамъ, лежали близко къ морю...

Мѣстная религія съ ея символами и обрядами распространялась вверхъ по теченію рѣки, первые зачатки письменности распространялись по тому же пути и, наконецъ, ихъ же примѣру послѣдовали различные языки, искусства, техническіе пріемы и успѣхи промышленности... Итакъ, раньше всѣхъ странъ, лежащихъ по Тигру и Евфрату культура зародилась въ Халдеѣ; ея главные центры и очаги всѣ основались въ мѣстности, живущей рѣчными наводненіями приблизительно между 30° и 33° с. ш.; наиболѣе славнымъ изъ нихъ былъ Вавилонъ. Народъ извѣстный намъ подъ именемъ Ассиріянъ, заимствовалъ изъ Халдеи первые начатки своей культуры: такимъ образомъ, не безъ основанія можно утверждать, что могущество и величіе этой послѣдней страны относится къ наиболѣе дальнему для ассиро-вавилонской исторіи періоду.

«Вся нижняя часть Евфрато-Тигрской долины, —говоритъ Масперо,—представляетъ собою образованіе сравнительно недавняго времени, созданное не только заносами двухъ наибольшихъ рѣкъ, но и другими рѣками, которыя, какъ напр., Адэмъ, Гиндесъ, Хоаспесъ, нѣкогда были независимы отъ главной рѣчной системы и самостоятельно заполняли своими наводненіями ту часть моря, въ которую впадали, теперь же онѣ обратились въ сѣть мелкихъ притоковъ Тигра. Еще и въ настоящее время дельта Шатъ-эль-Арабъ подвигается по направленію къ морю довольно быстро: увеличеніе ея составляетъ почти англійскую милю за періодъ времени въ 66

лѣтъ. Въ древнія времена возрастаніе ея территоріи шло несравненно энергичнѣе и образовывало наростъ въ одну англійскую милю въ теченіе всего 30 лѣтъ. Весьма возможно, что въ тотъ моментъ когда первые колонизаторы только-что спустились въ великую рѣчную долину съ окрестныхъ горъ, современный Персидскій заливъ проникалъ въ твердый континентъ на нѣсколько сотъ верстъ далѣе. нежели въ настоящее время Тигръ и Евфратъ впадали въ это время въ море на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга и ихъ воды еще не соединялись въ одномъ устьѣ, какъ это случилось позже и продолжается до настоящаго времени. Убѣжищемъ для первыхъ колонистовъ послужила именно страна, орошаемая рѣчными наводненіями и, особенно, часть ея, прилегающая къ берегамъ Персидскаго залива. Въ то время это была обширная низкая равнина монотонность которой не нарушалась ни единымъ почвеннымъ возвышеніемъ. Евфратъ, не вмѣщавшійся тогда въ своихъ берегахъ пересѣкалъ ее налѣво и направо многочисленными рукавами изъ которыхъ нѣкоторые доходили до Тигра, а другіе терялись въ болотахъ. Часть почвы, постоянно лишенная влаги твердѣла какъ камень, подъ лучами знойнаго солнца. другая исчезала почти цѣликомъ подъ слоями песка, приносившагося вѣтромъ пустыни, наконецъ, остальная часть представляла собою чумную лагуну, загроможденную цѣлыми лѣсами камыша, вышина котораго колебалась между 12 и 15 футами. Чтобы сдѣлать изъ этой пустыни одну изъ самыхъ богатыхъ и счатливыхъ, если не самую богатую и счастливую страну свѣта, надлежало урегулировать теченія рѣкъ и при помощи рѣкъ, каналовъ и плотинъ распредѣлить равномѣрно по мѣстности влагу, которая въ ущербъ для нѣкоторыхъ частей территоріи скоплялась въ другихъ, словомъ, сдѣлать буквально тоже, что пришлось сдѣлать предкамъ Египтянъ, явившимся и основавшимся въ долинѣ Нила. Необходимо обратить особенное вниманіе на то обстоятельство, что и здѣсь исторія отвернулась отъ плодородныхъ счастливыхъ странъ, разстилающихся

къ сѣверу и къ югу отъ горы Арарата и сдѣлала первыя попытки основаться въ печальной обнаженной мѣстности, обитатели которой, угрозой самыхъ ужасныхъ неечастій, принуждались къ сложному и мудрому координированію своихъ индивидуальныхъ усилій.

Геродотъ замѣчательно удачно охватилъ и обрисовалъ замѣчательную аналогію между естественными условіями развитія великихъ историческихъ обществъ въ Египтѣ и Халдеѣ но онъ полагалъ, что эта аналогія не достигаетъ размѣровъ тождества. «Въ Ассиріи, — говоритъ онъ, — воды рѣки питаютъ корни хлѣбныхъ злаковъ и порождаютъ. такимъ образомъ. богатыя жатвы, но не такъ, какъ въ Нилѣ. самовольно распространяясь по мѣстности, а при посредствѣ тяжелаго труда и машинъ приспособленныхъ къ поднятію воды» Участіе человѣческаго труда въ созданіи и періодическихъ оплодотвореніяхъ Халдейской страны дѣйствительно болѣе значительно и болѣе постоянно, нежели въ долинѣ Нила. Дѣло въ томъ, что половодья Евфрата и Тигра не отмѣчены ни періодичностью, ни регулярностью нильскихъ наводненій, общій обиходъ которыхъ не столь сложенъ и, слѣдовательно. не столь подверженъ различнымъ случайностямъ. Было бы чрезвычайно интересно детально изучить историческія несходства въ культурахъ Халдеи и Египта, обусловленныя различіями въ географическихъ данныхъ, но, къ сожалѣнію, для насъ недоступны фактическія данныя, могущія послужить почвой для подобной работы. Несмотря на успѣхи, достигнутые за эти послѣдніе годы общими усиліями Смита, Опперта. Лейярда, Равлинсона, Шредера, Менана и другихъ англійскихъ, нѣмецкихъ и французскихъ ученыхъ, наши познанія въ области ассирологіи стоятъ далеко не на высотѣ знаній по исторіи египетской культуры; не безъ основаній можно даже полагать, что древняя эпоха Нижне-халдейской культуры никогда не предстанетъ предъ нашими взорами въ такомъ ясномъ и полномъ видѣ, какъ Нильская культура. Строители Халдейскихъ дворцовъ и обсерваторій не имѣли въ своемъ распо-

ряженіи неразрушимаго известняка и гранита Ассуанскихъ ломокъ изъ котораго построены пирамиды; глиняные цилиндры знаменитой библіотеки Сарданапала въ Ниневіи, падая съ деревянныхъ полокъ, служившихъ имъ подставками, разбивались на тысячи кусковъ. только небольшую часть которыхъ можно было впослѣдствіи найти и разобрать письмена. Кромѣ того, клинообразное письмо, вообще во всѣхъ отношеніяхъ стоитъ ниже египетскихъ гіероглифовъ. Ленорманъ *) по этому поводу утверждаетъ, что добрая половина памятниковъ клинообразной письменности. находящихся въ нашемъ распоряженіи, даетъ только нѣкоторыя руководящія основанія при разборѣ другой половины.

Произведенія Бероза дошли до насъ въ несравненно болѣе неполномъ видѣ, чѣмъ творенія древнихъ египетскихъ писателей. Безспорно, однако, что, будучи созданіемъ почти однородной страны, культура нижней Халдеи должна была составить аналогію культурѣ береговъ нижняго Нила. Извѣстно, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ на таинственнаго Уршама, печать котораго была найдена ученымъ Ker Porter **), но самое имя котораго до нѣкоторой степени можетъ быть оспариваемо, слѣдуетъ смотрѣть, какъ на основателя халдейской культуры. Сквозь густой туманъ. заволакивающій эти архаическія времена. можно также замѣтить, что короли-божества, короли-жрецы Халдеи. олицетворявшіе собою и свѣтскую и духовную власть, представляютъ собою точный сколокъ съ фараоновъ Мемфисскихъ династій. Когда значительно въ исторіи слышится голосъ одного изъ этихъ деспотовъ (Гамураби), оставившаго намъ 5—6 тысячъ лѣтъ тому назадъ первый безспорный историческій документъ Тигро-Евфратійской культуры, то въ немъ уже можно различить звуки голоса ѳивскаго Аменехма, этого строителя каналовъ и иниціатора общественно-полезныхъ работъ, передающаго своимъ подданнымъ вѣщія повелѣнія рѣки, толкователемъ священныхъ тайнъ ко-

*) Essai sur la propagation de l'alphabet phenicien, т. I.
**) Sir Robert Ker Porter. Travels, т. II.

торой онъ себя считалъ. «Я проникъ,—говоритъ этотъ Халдейскій деспотъ —для счастья людей въ глубины великихъ рѣкъ... Я перенесъ рѣчныя воды при помощи каналовъ въ пустыню, я оросилъ ими безплодную мѣстность я одарилъ вѣчнымъ притокомъ влаги народы Суммировъ и Аккадовъ... Я замѣнилъ пустыни орошенными равнинами, я одарилъ ихъ плодородіемъ и богатствомъ, я сдѣлалъ ихъ мѣстопребываніемъ счастья». Правда, онъ не послѣдовалъ примѣру фараоновъ въ томъ смыслѣ, что не оставилъ потомству лабиринта на берегу искусственнаго озера, весьма похожаго на озеро Файюма. но нѣчто въ этомъ родѣ сдѣлалъ и онъ. Имъ предпринято устройство великаго царскаго канала, впослѣдствіи усовершенствованнаго Навуходоносоромъ съ цѣлью сдѣлать изъ Вавилона морской портъ а этотъ каналъ безспорно служитъ культурнымъ цѣлямъ въ ту эпоху когда халдейская культура точно также боялась приблизиться къ берегамъ Персидскаго залива, какъ ѳивская культура къ берегамъ Средиземнаго моря. Отмѣчаемый мною узкій параллелизмъ между исторіями этихъ двухъ странъ существуетъ вплоть до наступленія второй фазы перваго періода всемірной исторіи, когда деспотизмъ доселѣ нераздѣльный и абсолютный. обусловленный чисто космическими причинами начинаетъ до нѣкоторой степени проникаться элементами человѣчности и ищетъ возможности узаконить себя путемъ принесенія пользы обществу. Только въ то время, какъ въ долинѣ Нила эволюція деспотизма сопровождается дифференціаціей, выдѣляющей изъ первобытнаго грубаго угнетенія мемфисской эпохи отдѣльные элементы жреческаго деспотизма и царской власти, въ области Халдеи все это остается смѣшаннымъ и въ теченіе долгихъ вѣковъ власть повелителей включаетъ въ себѣ элементы власти царя и мага. Магія принимаетъ здѣсь ясно выраженный астрологическій характеръ и обращается въ необъяснимую смѣсь суевѣрія и истинно научныхъ данныхъ.

Уже Лаплась утверждалъ, что астрономическія и космологическія познанія Халдеевъ были несравненно болѣе глубоки, реальны и научны, нежели знанія египетскихъ жрецовъ.

Дѣйствительно, десятичное счисленіе, открытіе зодіакальнаго круга съ его дѣленіемъ на 360 градусовъ, измѣреніе пространства, представленіе о солнечномъ годѣ, независимое отъ представленія о лунномъ годѣ, установленіе недѣли изъ семи дней, все это можно включить въ число заслугъ королей-астрологовъ изъ нижней Халдеи. Значительные успѣхи ихъ въ небесныхъ и метеорологическихъ наукахъ объясняются очень просто тѣмъ обстоятельствомъ, что наводненія Евфрата и Тигра отличались своими особенными характерными чертами и дѣлали очевидной для всѣхъ тѣсную связь между явленіями на небѣ и рѣчными измѣненіями, а слѣдовательно и связь между небомъ и судьбами человѣка и всего народа. Если и можно провести демаркаціонную линію между современной реальной философіей природы и халдейской магіей и астрологіей, то только въ томъ смыслѣ, что мы обладаемъ болѣе точными знаніями о сущности, вліяніяхъ и предѣлахъ небесныхъ явленій.

Различія въ географическихъ условіяхъ не замедлили создать между культурами Египта и Халдеи весьма характерныя и замѣтныя отличія. Хотя нижняя Халдея представляетъ безъ сомнѣнія наиболѣе изолированную часть Тигро-Евфратійскаго бассейна, тѣмъ не менѣе ея изолированность далеко не столь сильна, какъ въ нильской равнинѣ. Съ самаго ранняго періода мессопотамской исторіи, она подвергается различнымъ внѣшнимъ вліяніямъ. Хоаспесъ, нѣкогда независимая отъ Тигра рѣка собираетъ свои воды съ южнаго склона мемфисскаго плоскогорія; въ своемъ быстромъ движеніи къ Персидскому заливу она разсѣкаетъ горную страну, постепенно понижающуюся къ Нилу, но главная масса которой все-таки цѣликомъ принадлежитъ къ области высокихъ горныхъ странъ Центральной Азіи и въ силу этого господствуетъ надъ долиной нижней Халдеи, орошаемой наводненіями. Здѣсь находится особое государство въ номенклатурѣ Библіи, извѣстное подъ названіемъ Эламъ и въ самомъ раннемъ періодѣ исторіи уже изобилующее многочисленными городами и сильными

крѣпостями Мадакту, Хаману, Надиту Все это крѣпости коронованныхъ, болѣе или менѣе могущественныхъ грабителей соединившихся задолго до эпохи библейскаго Авраама подъ властью одного высшаго повелителя, засѣвшаго въ своей крѣпости Сузы *), въ томъ мѣстѣ гдѣ соединяются два главныхъ рукава рѣки Хоаспесъ **) Эта эламская страна, извѣстная еще подъ именемъ Сузіаны, съ древнѣйшихъ временъ тѣснѣйшимъ образомъ связала свою славную исторію съ исторіей Вавилона; впрочемъ, она и вообще никогда не была отъ него независима. Южные города Сузіаны особенно тамъ, куда достигали наводненія, лишь весьма незначительно отличались отъ второстепенныхъ городовъ и отъ главныхъ столицъ нижней Халдеи ***). Самыя древнія и смутныя преданія передней Азіи рисуютъ Эламскихъ царей вполнѣ похожими на современника Авраама-Кодуръ-Лагомора Вотъ что разсказываетъ о немъ книга Бытія: «онъ разграбилъ всѣ богатства Содома и Гоморры и похитилъ всѣ ихъ запасы, затѣмъ онъ обратился вспять. Кромѣ того онъ плѣнилъ Лота, племянника Авраама, обитавшаго въ Содомѣ, захвативъ все его имущество и ушелъ» ****). Бросаясь, какъ хищныя птицы, на богатыя поселенія равнины для того, чтобы разграбить ихъ сокровища, жители Эламской страны вносятъ въ исторію Халдеи элементъ борьбы съ сосѣдними воинственными народами, элементъ, благодаря изолированному положенію Нильской долины, почти совершенно отсутствовавшій въ первобытныхъ лѣтописяхъ Египта. Иногда въ теченіе жизни нѣсколькихъ поколѣній Эламиты успѣвали сохранить власть надъ побѣжденными Между прочимъ, уже одинъ предшественникъ выше названнаго Кодура-Лагомора, при помощи

*) Zoftus, Chaldaea and Suziana.

**) Геродотъ и другіе авторы классическаго періода приписываютъ основаніе Сузъ Мемнону (вѣроятно Умаму, одному изъ шести главныхъ божествъ эламитской миѳологіи). См. Lenormant, De la magie chez les chaldeens.

***) Perrot et Chipiez, цитир. трудъ.

****) Книга Бытія, глава 14, § 11, 12.

царя Синхара, разграбилъ и подчинилъ себѣ Халдейское государство. Онъ сдѣлался основателемъ третьей Вавилонской династіи, носящей названіе Мидійской неправильно, такъ какъ ея зарожденіе въ области Эламской страны не оставляетъ никакого сомнѣнія и такъ какъ Эламъ всегда составлялъ совершенно отдѣльную страну отъ Мидіи, политическимъ центромъ которой была всегда Экбатана. Благодаря одному оффиціальному акту изданному царемъ Ассиріи Сарданапаломъ, можно съ нѣкоторою точностью опредѣлить хронологическую дату этого завоеванія (2295 до Р. Х.): когда въ 660 году древней эры этотъ государь овладѣлъ Сузами онъ, въ качествѣ наслѣдника халдейскихъ королей, издалъ особый актъ, гласившій, что его тріумфальное вступленіе въ столицу вѣчнаго врага состоялось спустя 1635 лѣтъ, послѣ упроченія Сузской династіи въ нижней Мессопотаміи. Вавилоняне, впрочемъ, терпѣли иго побѣдителей Эламитовъ только впродолженіе 150 лѣтъ и въ 2047 году мы уже видимъ, что туземные монархи снова возсѣли на свой тронъ.

Къ сожалѣнію, исторія этихъ странъ совершенно неизвѣстна и было бы весьма затруднительно правильно оцѣнить тѣ вліянія, которыя могли имѣть постоянныя угрозы опустошеній и завоеваній на государственное устройство Халдеи, которая со времени Гамураби была такъ похоже на государственное устройство Египта временъ оивскихъ фараоновъ. Необходимо замѣтить, что, за нѣкоторыми несущественными исключеніями, повелители нижней Халдеи могли защитить отъ Эламитовъ цѣлость своего государства, не покидая въ тоже время своихъ астрологическихъ занятій и стремленій — проникнуть въ вѣчныя тайны рѣкъ. Но по мѣрѣ того, какъ культура, родившаяся въ области острововъ, каналовъ, рукавовъ болотъ заносовъ, поднималась вверхъ по теченію Тигра и приближалась къ горной странѣ Курдистана, ей предстояло встрѣтиться съ еще болѣе многочисленными и не менѣе воинственными, нежели Эламиты, разбойничьими племенами, обитавшими на высотахъ Тенъ-Сира или

Страны Ущелій. Мы, по всѣмъ вѣроятіямъ никогда не узнаемъ, какую жестокую борьбу, сколько войнъ и лишеній пришлось перенести строителямъ каналовъ и священныхъ обсерваторій архаической Халдеи въ безпрестанной, длившейся многіе вѣка борьбѣ съ охотничьими дикими племенами и съ номадами сѣверной Мессопотаміи. Намъ извѣстно, что, въ концѣ концовъ, законный наслѣдникъ славной равнинной культуры, древній Вавилонъ *) сохранилъ свое верховенство, пережилъ всѣ опасности и внутреннія междоусобія вплоть до момента Египетскаго нашествія, охватившаго и всю Сирію. Безчисленныя орды боровшихся съ нимъ разбойничьихъ племенъ послѣ того, какъ въ теченіе многихъ вѣковъ имъ пришлось разбивать свою энергію о неприступную скалу халдейской культуры, сгруппировались въ концѣ концовъ въ нѣсколько небольшихъ воинственныхъ государствъ, расположившихся вокругъ естественнаго центра ихъ вторженій грабежей и хищеній. Всѣ горныя вершины треугольника, образуемаго Тигромъ ниже впаденія въ него Шабура и южнымъ изгибомъ большой рѣки Забъ, всѣ высоты на западъ отъ Соломоновыхъ горъ, господствующія надъ ущельями, съ тѣхъ поръ покрылись крѣпостями, группировавшимися обыкновенно вокругъ храма какого-либо могущественнаго божества, представителемъ котораго являлся мѣстный король. Нѣкоторые изъ этихъ храмовъ-цитаделей были посвящены сразу даже нѣсколькимъ богамъ; такъ напр., тѣ, которые господствовали надъ знаменитой долиной Арбеллы и семитическое названіе которыхъ «Арба-Илу» указываетъ что они были посвящены четыремъ божествамъ. Мессопотамія вообще всегда заимствовала своихъ боговъ изъ Халдеи и еще въ IX вѣкѣ до Р. Х. одинъ Ассирійскій король назывался Синхаромъ, что по-халдейски обозначаетъ «Колыбель страны». Всѣ феодальные государи страны считали своимъ общимъ предкомъ древняго Саръ-Іукима I-го, который, по изслѣдованіямъ современной археологіи, жилъ приблизительно около 3750 года

*) Не слѣдуетъ смѣшивать этого Вавилона съ возрожденнымъ Вавилономъ Навуходоносора (см. главу „Великія дѣленія исторіи").

до христіанской эры и котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ Великимъ Саръ-Іукимомъ (Саръ-Гономъ классическихъ авторовъ, отцомъ Сеннахерима), разрушившимъ Израильское царство. Божество, земной представитель котораго держалъ въ страхѣ наибольшее число вассаловъ, естественно разсматривалось, какъ наиболѣе могущественное, и войска, сражавшіяся подъ его знаменемъ, считались принадлежащими къ избранному народу.

Громадное большинство этихъ крѣпостей, принадлежавшихъ охотничьимъ племенамъ Мессопотаміи, не оставили намъ даже и своего имени, но несомнѣнно, что всѣ они находились въ зависимости отъ главнаго города Нимрудъ, основателемъ котораго, по словамъ легенды, былъ знаменитый Немвродъ. Положеніе этого города на высокой горѣ у впаденія Заба въ Тигръ упрочивало для него постоянное владычество надъ сосѣдними крѣпостями. И дѣйствительно, многіе подвижные элементы воинственныхъ грабительскихъ трибъ, обитавшихъ въ Курдскихъ горахъ и на Армянскихъ Альпахъ, подчинялись ему, тамъ же, нѣсколько позже, процвѣла Ниневія, ставшая во время владычества свирѣпаго Сеннахерима столицей всей передней Азіи.

Названіе народа—«Ассиріяне», повидимому, появилось только въ эпоху, когда Самсе-Раманъ II воздвигъ храмъ въ Шаргадѣ и посвятилъ его Эль-Ассуру. За XVIII вѣковъ до христіанской эры Шаргадъ уже служилъ резиденціей его предкамъ, но до него былъ посвященъ богу Ану и носилъ его имя. Усваивая себѣ мало-по-малу религію, обряды, письменность, искусство и науки Халдеевъ, обитатели Мессопотаміи, въ концѣ концовъ, въ теченіе второго тысячелѣтія до Р. Х. получили господство надъ всѣмъ среднимъ бассейномъ Евфрата и Тигра; къ тому времени они обратились уже въ опасныхъ соперниковъ для Вавилонянъ, ослабѣвшихъ вслѣдствіе постоянныхъ войнъ съ фараонами 16, 17, 18 династій. Однако, Ассирійское царство или, вѣрнѣе, Ассирійскій періодъ исторіи Передней Азіи, начинается только около 1270 года, когда

царь Ассиріянъ Тукладъ-Нинибъ низвергъ Вавилонскаго государя Назимурудуса и соединилъ подъ своей властью, впрочемъ еще не навсегда, всю обширную территорію Халдеи.

Обитатели сѣверной Мессопотаміи, бывшіе по своей жизни, по обычаямъ и стремленіямъ, главнымъ образомъ, грабителями, привыкшіе къ тяжелымъ условіямъ своего существованія, получившіе воспитаніе въ охотѣ за львами и дикими быками, въ высшей степени обладали всѣми нравственными и физическими данными, образующими непобѣдимыхъ воиновъ. Ни одинъ народъ не могъ сравниться съ ними въ смѣлости, твердости, ловкости, энергіи; но зато ни одинъ народъ не доводилъ также до такой ужасной степени культа грубой силы и страстнаго стремленія къ военнымъ занятіямъ, любви къ грабежамъ, къ разрушеніямъ и опустошеніямъ. На ихъ языкѣ имя божества было синонимомъ существа, наводящаго ужасъ и трепетъ на окружающихъ. Смотря на себя, по примѣру фараоновъ и королей Халдеи, какъ на олицетвореніе силы, какъ на представителей божественнаго права, Ассиріяне наказывали всякое сопротивленіе ихъ оружію какъ самое страшное беззаконіе. Изъ ошибочнаго представленія о божественномъ происхожденіи своей силы и выросла та холодная, спокойная, неумолимая жестокость, которою дышетъ буквально каждая строка памятниковъ письменности, завѣщанныхъ ими потомству для того, чтобы вѣчно прославлять ихъ подвиги. Вслѣдъ за трудолюбивой культурой Халдеи, озабоченной проникновеніемъ въ тайны рѣкъ и небесъ, занимавшейся урегулированіемъ водъ, оплодотвореніемъ полей, слѣдуетъ періодъ грабежей и убійствъ, о которыхъ сами грабители возвѣщаютъ всему свѣту, какъ о правѣ на вѣчную славу. Въ письменахъ того времени Сеннахеримъ перечисляетъ цѣлые десятки городовъ, о которыхъ говоритъ: «Я ихъ взялъ и разграбилъ сверху до низу, я на нихъ бросился какъ ураганъ, я ихъ обратилъ въ пепелъ... На ихъ мѣстѣ я создалъ пустыню и кучи развалинъ; я опустошилъ вражескую страну, такъ какъ ее могла бы опустошить только огненная метла». Въ лю-

бопытномъ документѣ, извѣстномъ намъ подъ названіемъ «Цилиндра Тайлора», тотъ же деспотъ излагаетъ свои подвиги слѣдующимъ образомъ: «Мои трофеи плавали въ крови, какъ въ рѣкѣ, мои военныя колесницы давили людей и животныхъ и терзали еще трепетавшіе члены враговъ. Я воздвигъ себѣ трофеи изъ кучъ замученныхъ труповъ; всѣмъ тѣмъ, кто падалъ и сдавался, я велѣлъ отрубить руки». Знаменитый библіофилъ Ниневіи. Сарданапалъ, повидимому, еще превзошелъ своего дѣда въ искусствѣ мучить нечестивыхъ, т. е. всѣхъ тѣхъ, кто не позволялъ безнаказанно себя грабить. Доказательствомъ этому могутъ служить надписи въ Куюнджикѣ. Побѣжденный имъ король бывалъ несчастливъ, если не падалъ мертвымъ на полѣ битвы «Я ихъ отводилъ,— говоритъ Сарданапалъ,—въ свою столицу Ниневію и повелѣвалъ содрать съ нихъ живыхъ кожу». Однажды случилось, что молодой Эламскій государь побѣжденный Сарданапаломъ, искалъ отъ него спасенія въ самоубійствѣ. «Я не позволилъ,— говоритъ Сарданапалъ, — похоронить его, но приказалъ отрубить ему голову и такимъ образомъ, во второй разъ лишить его жизни». О другой своей жертвѣ онъ разсказываетъ слѣдующее: «Я повелѣлъ проткнуть глаза его сыновьямъ; что же касается его самого, то я не отдалъ его на растерзаніе собакамъ, а въ цѣпяхъ приказалъ живымъ замуровать во внутренность стѣны Воротъ Солнца Ниневіи.. По моему повелѣнію къ нему поднялся дымъ 34 зажженныхъ городовъ... Всѣмъ тѣмъ, уста которыхъ произносили хулу на мое имя или на имя моего божества и повелителя Эль-Ассура, я приказывалъ отрубить языкъ и разрубить его на мельчайшіе куски. Непокорный народъ по моему повелѣнію отводили къ великимъ каменнымъ быкамъ, воздвигнутымъ моимъ дѣдомъ Сеннахеримомъ, бросали ихъ тамъ въ ровъ, отрубали имъ члены, бросали ихъ на растерзаніе собакъ, лисицъ и хищныхъ птицъ, для того, чтобы обрадовать сердце моихъ повелителей, великихъ боговъ».

Такимъ образомъ оказывается, что оффиціальный стиль

донесеній о побѣдахъ гораздо болѣе поздняго времени почти что заимствованъ изъ ужасныхъ признаній Ассирійскихъ королей. Чудные алебастровые барельефы, вывезенные изъ Ассиріи и помѣщенные въ крупныхъ музеяхъ Европы, доказываютъ, что Ассиріянамъ принадлежитъ и прискорбная заслуга изобрѣтенія самыхъ ужасныхъ казней и всѣхъ страшныхъ мученій, которыми свѣтскіе и духовные деспоты впослѣдствіи такъ широко пользовались для того, чтобы внушить окружающимъ трепетъ.

Возмутительную жестокость, которою дышетъ каждая строка ассирійскихъ надписей наиболѣе блестящей эпохи Саргонидовъ и которая представляетъ такой рѣзкій контрастъ съ кротостію и милосердіемъ, вѣющими отъ древней Халдеи, не слѣдуетъ приписывать особенной кровожадности расы или извращенію инстинктовъ; эта жестокость естественнымъ образомъ вытекаетъ изъ положенія Ассиріянъ. Историческая миссія ассирійскихъ царей выражалась въ распространеніи по всѣмъ странамъ, окаймляющимъ бассейны Тигра и Евфрата, драгоцѣнныхъ пріобрѣтеній халдейской культуры, которыя они грабили и растаскивали во всѣ стороны по частямъ. А для исполненія этой своей миссіи своей исторической задачи въ эту эпоху, развѣ у нихъ были какія-либо другія средства, кромѣ абсолютнаго деспотизма, кромѣ угнетенія, доведеннаго до крайности, и культа силы божественнаго происхожденія? Богатства, накопленныя впродолженіи многихъ вѣковъ періода халдейскаго благосостоянія въ Нижней странѣ, ограниченной съ сѣвера возвышенной Месопотамской равниной, не могли не возбуждать жадности ассирійскихъ грабителей. Эти послѣдніе быстро сознали, что не въ ихъ интересахъ убивать курицу, несущую золотыя яйца, т. е. окончательно искоренять съ лица земли богатые промышленные города только для того, чтобы преподнести своимъ богамъ жертву изъ дыма, поднимавшагося отъ пожарищъ, а для того, чтобы поддержать и утвердить свое владычество надъ Халдеей, у нихъ не оставалось другого сред-

ства кромѣ террора. Замѣчательно, что Ассиріяне никогда не употребляли усилій для того, чтобы тѣсно связать между собою всѣ тѣ народы, которые ими побѣждались и разграблялись... Государи этой разбойничьей имперіи не сдѣлали даже и первыхъ попытокъ для того, чтобы перейти къ искусной политикѣ, которой Римляне были обязаны долгимъ владычествомъ надъ покоренными странами Имъ даже не приходило въ голову употребить въ дѣло то простое средство, которое ихъ иранскіе потомки нѣсколько позже практиковали въ широкихъ размѣрахъ, т. е. ставить во главѣ покоренныхъ провинцій своихъ сатраповъ или вообще представителей своего государя. Ассиріяне, разграбляя массы богатствъ, накопленныхъ подъ мирнымъ скипетромъ халдейскихъ монарховъ, разрушая города, ограничивались только тѣмъ что оставляли въ нихъ изображеніе своего божества и повелѣвали побѣжденнымъ поклоняться ему. Зачастую они замучивали государя покоренной страны, замѣщали его законнымъ наслѣдникомъ и затѣмъ уходили, не имѣя никакой гарантіи въ томъ, что побѣжденный народъ останется вѣренъ и будетъ впредь повиноваться, кромѣ страха, который внушала возможность ихъ возвращенія. Этимъ только можно объяснить ихъ холодную, разсчитанную, неумолимую жестокость, достаточно яркое представленіе о которой даютъ намъ памятники ихъ письменности. Здѣсь также можно найти объясненіе той пышности, того высокомѣрія и той надменности, съ которой проявлялась у нихъ жестокость и которая можетъ служить весьма характерной чертой ассирійскихъ народовъ.

Ихъ лѣтописи свидѣтельствуютъ, что цѣль полнаго устрашенія покоренныхъ при посредствѣ страшныхъ казней не всегда достигалась и особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда побѣдители пренебрегали лучшимъ средствомъ, находившимся въ ихъ распоряженіи, именно не отводили въ плѣнъ главной массы мужчинъ и женщинъ разграбленной страны. Это средство ими иногда примѣнялось, доказательствомъ чего могутъ служить изображенныя на барельефахъ толпы плѣнныхъ,

между прочимъ, евреевъ ведомыхъ при посредствѣ веревки, прикрѣпленной къ кольцамъ, продѣтыхъ въ губы. Несмотря на всѣ эти ужасы, опустошенные города и провинціи едва ли не на слѣдующій день послѣ ухода Ассиріянъ пытались обыкновенно разорвать сковывавшія ихъ цѣпи, пользуясь тѣмъ короткимъ промежуткомъ времени, когда вѣчный врагъ былъ занятъ кровопролитіями и поджогами въ какой-либо другой странѣ, въ свою очередь постоянно покорявшейся и не менѣе постоянно возставшей.

По самой природѣ своихъ дѣяній и своей исторической роли Ассирійская имперія входитъ цѣликомъ во вторую фазу перваго великаго періода исторической эволюціи, т. е. въ фазу распространенія рѣчныхъ культуръ, оказавшуюся кровавой прелюдіей къ средиземно-морскому періоду. По тѣмъ пріемамъ своей исторической дѣятельности которые можно смѣло назвать исключительно присущими ей методами, Ассирійская Имперіи является столь же естественнымъ созданіемъ географической среды, въ которой она родилась, какъ и абсолютный деспотизмъ Мемфисскихъ фараоновъ и все государственное устройство нижней Халдеи. Необходимо установить тотъ фактъ высокой важности, что безъ своихъ халдейскихъ предшественниковъ народы Верхней Мессопотаміи по всѣмъ вѣроятіямъ не были-бы въ состояніи подняться надъ той низкой ступенью культурности, на какой въ наше время находятся горные жители Курдистана и Луристана, но, съ другой стороны, безъ Ассиріянъ мирная и скромная культура Халдеи потребовала бы цѣлыхъ тысячелѣтій для того, чтобы выйти за предѣлы нижняго теченія рѣкъ и распространиться по всей передней Азіи вплоть до Эгейскаго моря. Достойно вниманія и то обстоятельство, что искусство распространенія культурныхъ началъ, однажды зародившееся среди народностей высокой Мессопотамской страны, изъ простой жадности не могло остановиться на рудиментарной ступени своего развитія, которую мы только что наблюдали. Возстанія, безпрерывныя завоеванія и кровопролитія, сталки-

вавшія народы между собою, закончились, наконецъ, полнымъ истощеніемъ силъ у побѣжденныхъ и у побѣдителей; вся передняя Азія буквально плавала въ крови. Но эта кровавая оргія долгимъ печальнымъ опытомъ научила заинтересованныхъ одной *великой и простой истинѣ*, именно *необходимости для слабыхъ соединить свои силы и въ этомъ видѣть единственное средство противъ угнетенія сильныхъ*. Едва шесть вѣковъ успѣли протечь съ момента, въ который, по словамъ Бероза, основалась Ассирійская монархія, и мы видимъ уже многочисленные союзы, зародившіеся между племенами Элама и Халдеи, противъ нѣкогда непобѣдимыхъ разбойниковъ верхней Мессопотаміи. Тотчасъ послѣ смерти Сарданапала, гордившагося тѣмъ, что онъ по своей жестокости превзошелъ всѣхъ своихъ предшественниковъ, на сцену исторіи блестяще выступила Мидія со своей столицей Экбатаной, съ незапамятныхъ временъ укрывавшейся на Иранскомъ склонѣ мощнаго Эльвенда и сразу сконцентрировала въ себѣ всѣ силы Сузіаны, нижней Халдеи и древней Вавилонской монархіи. Геродотъ разсказываетъ, что царь Мидіи Ксіаксаръ, воспользовавшись замѣшательствомъ, въ которомъ находились Ассиріяне, вѣчно усмирявшіе какую-либо изъ странъ запада или юга, нанесъ имъ страшное пораженіе и осадилъ даже ихъ столицу, этотъ кровавый, «полный лжи и добычи», по выраженію древняго историка, городъ. Съ этого момента вся передняя Азія, хотя бы она и была отдѣлена отъ всего свѣта естественными преградами, болѣе непроходимыми, нежели Кавказъ, или болѣе высокими горами и безплодными пустынями, нежели какія отдѣляютъ ее отъ Центральной Азіи, должна была подвергнуться той же участи. Предоставленная своимъ собственнымъ силамъ, Ниневія эта, по выраженію историка, должна была необходимо смириться передъ коалиціей, нѣкогда сотни разъ побѣждавшихся народовъ. Эламъ, Вавилонъ, Сузіана нашли свой стратегическій центръ въ Экбатанѣ и такимъ образомъ, безъ посторонняго вмѣшательства, хотя и слишкомъ поздно, ис-

полнилось пророчество пророка Наума: «Всѣ твои крѣпости будутъ подобны спѣлымъ плодамъ падающимъ въ ротъ тому, кто хочетъ ихъ съѣсть, при первомъ сотрясеніи дерева... И вотъ твой народъ станетъ похожъ на множество женщинъ твоей страны; двери твоихъ городовъ окажутся отворенными для твоихъ враговъ; огонь пожретъ ихъ ворота... Огонь уничтожитъ страну, и вся она будетъ опустошена словно саранчей... Нѣтъ лѣкарства для твоей раны, такъ какъ она смертельна; всѣ тѣ, кто когда-либо зналъ тебя, подымутъ руки противъ тебя, такъ какъ они постоянно терпѣли зло, исходящее отъ тебя».

Вскорѣ оказалось, что передняя Азія, повидимому, отдѣленная отъ остального міра непроходимыми преградами, на самомъ дѣлѣ, не вполнѣ изолирована отъ Европы. Доказательствомъ этого послужило внезапное появленіе въ ней одного изъ дикихъ и почти неизвѣстныхъ кочевыхъ народовъ, жившихъ на той сторонѣ Чернаго моря и называвшихся Скифами. Ихъ участіе въ разграбленіи Ассиріи закончило катастрофу и положило вмѣстѣ съ тѣмъ конецъ возмутительному величію Ассирійской монархіи. Геродотъ разсказываетъ этотъ эпизодъ слѣдующимъ образомъ: «Кіаксаръ одержавши славную побѣду надъ Ассиріянами, державъ Ниневію въ осадѣ, когда вдругъ съ сѣвера явилась армія Скифовъ подъ командой царя Мадіаса; она проникла въ территорію Мидіи, преслѣдуя Киммерійцевъ, которыхъ отбросила изъ Европы въ Азію... Изъ мѣста ихъ жительства до Фазы, рѣки, протекавшей въ Колхидѣ, 30 дней пути для хорошаго ходока, отъ Колхиды до Мидіи разстояніе короче, такъ какъ между этими двумя странами обитаетъ всего одно племя Саспировъ.. Но Скифы не воспользовались наиболѣе коротвимъ путемъ, они пришли по дальней дорогѣ черезъ Кавказъ, оставляя короткій путь направо. Среди горъ Скифы и Мидяне столкнулись. Произошла ожесточенная битва, въ которой Мидяне были побѣждены и потеряли власть надъ Азіей, которой завладѣли Скифы... Скифы хозяйничали въ Азіи впро-

долженіе 28 лѣтъ и по своей грубости и по своему невѣжеству они перевернули все вверхъ дномъ; кромѣ дани они требовали отъ всякаго все, что имъ нравилось и кромѣ того, грабили повсюду, лишь только приходило желаніе. Наконецъ, Ксіаксаръ и Мидяне пригласили ихъ въ большомъ количествѣ, напоили ихъ пьяными и умертвили».

Во всемъ этомъ отрывкѣ особенно любопытно одно обстоятельство. На другой день послѣ смерти грознаго Сарданапала, господствовавшаго надъ всѣми сосѣдними странами и соединявшаго подъ своей властью всѣ военныя силы передней Азіи историкъ даже не упоминаетъ объ Ассиріянахъ. Организованное для грабежей и завоеваній, Ассирійское государство оказалось не въ силахъ защитить самого себя отъ варварскихъ ордъ, хотя сила послѣднихъ должна была быть довольно эфемерна, такъ какъ даже Мидяне, привыкшіе быть всегда побѣжденными, въ концѣ концовъ заставили ихъ исчезнуть со сцены исторіи. Уловка, при помощи которой Ксіаксаръ спасъ будто бы Мессопотамію отъ ига варваровъ, носитъ слишкомъ наивный характеръ, чтобы въ существованіе ея серьезно вѣрить Быть можетъ, партизаны той теоріи, которая дѣлитъ все человѣчество на избранныя и отторгнутыя расы, увидятъ въ этомъ эпизодѣ освобожденія только яркое проявленіе арійскаго духа и, слѣдовательно, новое подтвержденіе своей теоріи. Дѣйствительно, здѣсь побѣдилъ привиллегированный народъ и были искорены съ лица земли или побѣждены племена низшей расы, т. е. Скифы и Ассиріяне. Что касается до меня лично, то я отношусь крайне скептически къ такому чуду, какъ внезапное проявленіе арійскаго духа, успѣвшаго въ нѣсколько часовъ опередить медленное движеніе исторіи. Сверхъ того, замѣчу, что научные труды Опперта установили тотъ несомнѣнный фактъ, что Мидяне не были арійцами. Правда, среди нихъ была одна триба арійскаго происхожденія, но главная часть народа состояла изъ элементовъ Туранскаго происхожденія.

Въ дѣйствительности оказывается, что роль Мидянъ въ

разсказанномъ важномъ историческомъ кризисѣ западной Азіи была далеко не столь исключительной, какъ это полагали авторы классическаго періода Еслибы они одни несли труды по завоеванію Ассирійской монархіи они, конечно, и не подумали бы раздѣлить съ кѣмъ-либо другимъ результаты побѣды. Однако, намъ извѣстно, что послѣ изгнанія или истребленія Скифовъ Ассирійская имперія оказалась раздѣленной между Кіаксаромъ и вавилонскимъ царемъ или намѣстникомъ Набополассаромъ. Послѣдній отпрыскъ Саргонидовъ, послѣдній изъ львовъ Ниневіи, Ассуръ-Эдибъ-Илани погибъ при этомъ въ пламени своего зажженнаго дворца и его смерть послужила, какъ кажется, поводомъ къ зарожденію греческой легенды о Сарданапалѣ.

Я уже указывалъ. на какихъ основаніяхъ я считаю что вторая Вавилонская имперія, особенно со временъ Новуходоносора, сына Набополассара, возвѣстила собой начало новаго «средиземно-морскаго» историческаго періода Мессопотаміи. Мы уже знаемъ, что Египетъ, бывшій, въ силу своего исключительнаго географическаго положенія. естественной родиной одной изъ самыхъ величественныхъ рѣчныхъ культуръ пересталъ носить египетскій характеръ съ тѣхъ поръ, какъ его культура покинула берега священной рѣки и основалась на берегахъ Средиземнаго моря, но бассейнъ Тигра и Евфрата находился въ другомъ положеніи. Разнообразіе странъ, входящихъ въ составъ этого послѣдняго. представило, наоборотъ, чрезвычайно благопріятную почву для дальнѣйшаго развитія той культуры, начало которой было дано одновременно разрушительной и возстановленной работой ея обѣихъ великихъ рѣкъ.

Здѣсь не мѣсто разсказывать, какъ Мидяне, Персы и даже Пареяне приняли участіе въ распространеніи той блестящей культуры, которую Ассиріяне стремились утопить въ крови. Съ тѣхъ поръ, какъ Персы своимъ движеніемъ къ Эгейскому морю возбудили наконецъ противъ себя отраженное движеніе изъ Европы въ Азію и уготовали такимъ образомъ по-

ходы Александра главное теченіе всемірной исторіи покидаетъ Азію и переносится на западъ. Но если даже не принимать въ разсчетъ драгоцѣннаго наслѣдства, которое было передано Европѣ Халдеей при посредствѣ Ассиріянъ Вавилонянъ второй имперіи. Пранцевъ, Гиттитовъ Евреевъ, Финикіянъ, Фригійцевъ Лидійцевъ, все же необходимо будетъ признать, что въ бассейнѣ Евфрата и Тигра, несмотря на это, остается еще свой собственный историческій центръ Среди всѣхъ не-европейскихъ культуръ только одна древняя Халдейская культура подъ владычествомъ Македонянъ и Селевкидовъ пережила «средиземно-морской» культурный періодъ съ тѣмъ чтобы вступить въ лицѣ арабскаго калифата, захватившаго въ сферу своего вліянія сѣверо-африканскіе берега и берега Индійскихъ морей, въ великій океаническій періодъ исторіи. Если она въ смыслѣ культурнаго развитія должна была уступить Европѣ, еще не достигши періода всеобщности, то это лишь потому, что океанъ, на берегахъ котораго она главнымъ образомъ развилась, не одаренъ всѣми естественными преимуществами Атлантическаго океана.

Впрочемъ, я выхожу уже изъ границъ своего изслѣдованія направленнаго на изученіе только великихъ рѣчныхъ культуръ. Мнѣ остается еще изслѣдовать два могущественныхъ бассейна рѣкъ крайняго востока, который несмотря на всю изолированность отъ насъ, игралъ тѣмъ не менѣе важную роль во всеобщей исторіи древняго міра.

X

Индъ и Гангъ

Исторія въ Индіи и Индія въ исторіи.—Кастическій строй — Раннее истощеніе силъ индійской культуры.—Арійцы и Дравиды.—Идиллическія времена.—Веды и ихъ коммунально-анархическія идеи. — Пенджабъ и Восточная Ариаварта.—Короли и жрецы.—Крайнія грани рѣчныхъ культуръ.

Индія во многихъ отношеніяхъ загадочная и таинственная страна. Ея исторія одна изъ наиболѣе неразрѣшимыхъ загадокъ и наиболѣе темная изъ ея тайнъ. Другія древнія страны завѣщали намъ памятники своей древности, тогда какъ все чему мы удивляемся въ Индіи, относится по мнѣнію наиболѣе уважаемыхъ и авторитетныхъ писателей, всего къ III вѣку до Р. Х. *); эту хронологическую дату если и можно отодвинуть назадъ, то всего на 150 — 200 лѣтъ, и то съ нѣкоторой натяжкой.

Античная Индія не воздвигала ни храмовъ, ни надгробныхъ памятниковъ, способныхъ выдержать разрушительное дѣйствіе вѣковъ. она не строила колоссальныхъ памятниковъ и не высѣкала барельефовъ, способныхъ возбудить удивленіе отдаленнаго потомства она даже не вела лѣтописей своей исторіи и вообще она живетъ для насъ только въ своихъ священныхъ гимнахъ и своихъ эпическихъ поэмахъ **) Однако, если бы пренебречь ея участіемъ во всемірной

*) По Велеру, см. его History of India. См. также Ferguson, History of Architecture и M-me Manning. Ancient and Mediaeval India т I

**) Пурана—историческія книги Индостана по происхожденію относится къ близкой намъ эпохѣ.

исторіи, какъ это расположенъ былъ сдѣлать Огюстъ Контъ, мы были бы осуждены на полное незнаніе первыхъ шаговъ развитія поэзіи, философіи, законодательства; даже больше: буддизмъ, исповѣдуемый пятью стами милліоновъ человѣкъ, остался бы при подобномъ отношеніи къ исторіи Индіи неразрѣшенной загадкой. Человѣчество обязано Индостану первыми начатками поэтическаго и интеллектуальнаго развитія и тѣмъ не менѣе, къ сожалѣнію, необходимо констатировать тотъ фактъ, что исторія этого полуострова совершенно неясна, неизвѣстна и по всѣмъ вѣроятіямъ останется таковой навсегда. Непроницаемое покрывало скрываетъ отъ насъ эпоху древнѣйшихъ Ведійскихъ гимновъ, отражающихся неясными, фантастическими тѣнями въ великихъ эпопеяхъ Раммайяны и Магабараты. Законы Ману *), относимые различными учеными къ различнымъ эпохамъ, заключающимся между XI и V вѣками до Р. Х. представляютъ надгробный памятникъ культуры, ходъ и развитіе которой намъ совершенно неизвѣстны но которая тѣмъ не менѣе съиграла въ эволюціи человѣчества важную роль, по своему значенію, превосходящую роль всѣхъ остальныхъ рѣчныхъ культуръ. Ни Египетъ, ни передняя Азія не оказались въ силахъ подобно Индіи создать такой соціальный строй, который бы регулировался самостоятельнымъ взаимодѣйствіемъ своихъ органовъ, основывался бы на своихъ собственнымъ силахъ и могъ бы существовать безъ постояннаго вмѣшательства особой принудительной власти; въ исторіи обѣихъ первыхъ странъ нельзя замѣтить даже и стремленія къ соціальному строю, принятому въ Индіи, основанному правда, на такихъ основаніяхъ, которыя мы признаемъ безумными и жестокими, но въ области которыхъ, по крайней мѣрѣ, не было мѣста произволу жреца или государя. Извѣстно, что законы Ману даровали жрецамъ

*) Названіе „Законовъ Ману“ свидѣтельствуетъ, что ихъ составленіе не приписывалось одному какому-либо опредѣленному лицу, такъ какъ Manon значитъ „человѣкъ“. Подлинное ихъ наименованіе Manava dharma sastra можетъ быть переведено: „Правила человѣческой справедливости“.

особенныя чудовищныя привиллегіи и тѣмъ не менѣе не только брамины, но и самъ Брама не могъ бы обратить Судра въ Ваисія, или же наоборотъ перевести какого-либо человѣка изъ болѣе привиллегированной касты въ касту болѣе низкую если только этотъ человѣкъ не пренебрегалъ исполненіемъ обязанностей и формальностей, налагаемыхъ на него принадлежностью его къ кастѣ.

Законы Ману не составляютъ апогея эволюціи индійской культуры, скорѣе они ее обгоняютъ. Положивши кастическимъ устройствомъ непроходимый предѣлъ произволу, человѣчество должно было роковымъ образомъ стремиться къ тому, чтобы все болѣе и болѣе справедливо распредѣлять между отдѣльными людьми тяжелыя обязанности и привиллегіи пріятныя и горькія стороны существованія. Но законы Ману преградили для Индіи этотъ прогрессивный путь Мы уже видѣли, какъ Египетъ усовершенствовалъ свой соціальный строй процессомъ разложенія абсолютнаго деспотизма, которыи въ первомъ періодѣ его исторіи былъ для него неизбѣженъ въ силу мѣстныхъ географическихъ условій. Почти такимъ же образомъ обстояло дѣло и въ Халдеѣ во все время правленія королей-астрологовъ обитавшихъ въ Урѣ и Вавилонѣ. Можно было бы надѣяться, что, даже послѣ созданія кастическаго устройства. Индія все-таки сохранитъ настолько способности къ исторической жизни чтобы быть необходимо принужденной обратиться къ отрицанію браманическаго строя. Но увы, законы Ману сплошь проникнуты внутреннимъ чувствомъ отреченія отъ будущаго и неспособностью продолжать славную миссію, которую народы Ганго-Индійскаго бассейна уже стали исполнять въ историческую эпоху предшествовавшую брамапизму. Господствующая нота кодекса Ману есть идея неподвижности и смерти; единственное правило человѣческой справедливости, проповѣдывавшееся браминами, состояло въ борьбѣ противъ всякаго измѣненія, могущаго постигнуть кастическій режимъ. Онъ даже утверждаетъ, расходясь въ этомъ случаѣ съ Ведами, несмотря на признаніе ихъ единственнымъ и божествен-

нымъ авторитетомъ, что кастическое устройство существуетъ вѣчно, что оно — отличительная характерная черта человѣческаго рода что народы, отрицающіе его, не только по существу своему варвары, но стоятъ ниже людей и даже Судровъ. По его указаніямъ отвращеніе должно быть проявляемо не только къ низшимъ кастамъ но и ко всякому строю, проповѣдывающему смѣшеніе наиболѣе знатныхъ и наиболѣе низшихъ кастъ Было бы ребячествомъ разсматривать изложенныя характерныя черты кастическаго устройства, какъ продуктъ исключительно брамінскаго эгоизма. Дѣло объясняется совершенно иначе тѣмъ обстоятельствомъ, что во всѣ времена и всюду привиллегированные классы стремились и стремятся увѣковѣчить тѣ выгоды и преимущества, которыя достигались на ихъ долю въ общемъ ходѣ исторической жизни и, если Индія представляетъ примѣръ особенно упорнаго сохраненія такого строя то это необходимо отнести на счетъ исключительныхъ условій ея существованія.

Потомки Панду, читаемъ мы въ Магабаратѣ, успѣли при помощи Кришны одержать побѣду надъ своимъ врагами Куравами, но эта послѣдняя досталась имъ цѣною столь большихъ потерь и жертвъ, что у нихъ не осталось послѣ побѣды ни жизненной энергіи, ни стремленія существовать. Можно сказать, что эта легенда передаетъ достаточно точно историческія судьбы индійскихъ народовъ. Дѣйствительно, разрѣшивши побѣдоносно историческую проблему, эти народы, повидимому, потеряли всякій интересъ къ земнымъ явленіямъ и погрузились въ сонъ и мечтаніе. Весь небольшой запасъ силъ, который у нихъ еще оставался, они растратили на созданіе метафизическихъ и спекулятивныхъ ученій; въ теченіе многихъ вѣковъ въ Индіи существовало цѣлыхъ шесть философскихъ школъ, сближавшихъ странной и непонятной, но непрерывной связью буддистское ученіе съ его неумолимымъ кастическимъ дѣленіемъ. Подобно аббатамъ-вольтерьянцамъ XVIII вѣка, у этихъ философовъ не хватало честности и смѣлости по собственному почину разстаться съ принципами національной религіи.

Будда-Сакіа-Муни, провозгласившій догматъ естественнаго равенства всѣхъ людей имѣлъ по крайней мѣрѣ заслугу смѣлости провозглашать всюду въ общественныхъ мѣстахъ свои истины. Мало озабоченный земными дѣлами Будда вовсе не стремился уничтожить касты, точно также какъ напр. христіанство въ моментъ своего зарожденія и не подумало объ освобожденіи рабовъ; онъ ограничился только отрицаніемъ для кастическаго строя всякой религіозной санкціи. Когда македонское нашествіе пробудило отъ вѣкового оцѣпенѣнія народы Ганго-Индійскаго бассейна, насталъ моментъ для великой революціи, въ развитіи которой буддизмъ съигралъ только роль перваго двигателя; это обстоятельство сообщаетъ буддійской религіи непредвидѣнную и даже пожалуй нежеланную для его первыхъ апостоловъ важность. Одинъ Судра, котораго Пурана называетъ Чандрагрупта убилъ короля Нанду послѣдній отпрыскъ Куравской династіи, и соединилъ подъ своей властью всѣ 118 народовъ Индіи. Намъ извѣстно слишкомъ мало о дѣяніяхъ и подвигахъ государей новой начатой имъ династіи, появленіе которой оказалось въ исторіи эпохой внезапно сильнаго распространенія повелѣній Ману; извѣстно лишь, что внукомъ и третьимъ царемъ послѣ Чандрагрупты былъ знаменитый Асока, такъ часто сравниваемый съ Константиномъ. Онъ провозгласилъ паденіе брамінскихъ законовъ и установилъ буддизмъ государственной религіи Если судить по оставленнымъ имъ блестящимъ памятникамъ, то нужно будетъ признать царствованіе Асоки. а слѣдовательно и годы первыхъ тріумфовъ буддизма послѣднимъ славнымъ періодомъ индійской исторіи Но надо полагать, что онъ продолжался не долго такъ какъ въ VII-мъ вѣкѣ христіанской эры китайскій пилигриммъ Гіуэнъ-Тзангъ нашелъ отечество Сакіа-Муни въ полномъ упадкѣ. Вообще побѣда буддизма при Асокѣ была далеко неокончательной и браманизмъ продолжалъ отравлять Индію продуктами своего разложенія Сиваизмомъ, Кришнаизмомъ и т. п. Сверхъ того, буддизмъ своимъ страстнымъ стремленіемъ къ покою къ отреченію отъ земныхъ радостей

слишкомъ близко соотвѣтствовалъ утомленію, охватившему индѣйскіе народы въ концѣ періода господства браминовъ, чтобы вызвать истинное продолжительное всеобщее возрожденіе. Задолго до появленія на сценѣ индійской исторіи Магомета Гасневидскаго, принудившаго въ X-мъ вѣкѣ христіанской эры населеніе Индостана къ Исламу, громадное большинство древнихъ и нѣкогда могущественныхъ государствъ Ганго-Индійскаго бассейна умирали отъ полнаго истощенія. Съ тѣхъ поръ, какъ ея исторія обнажилась отъ покрова тайны, Индія все время играетъ роль какой-то спящей красавицы, покорить которую стремились всѣ основатели великихъ имперій, между прочимъ, современные англичане и русскіе, Александръ Македонскій и другіе. И Индія подчиняется своей судьбѣ съ пассивностью и индеферентизмомъ загипнотизированной.

Соціальный строй, осуществленный въ первобытной Индіи, поражаетъ насъ своимъ соотвѣтствіемъ со всѣми религіозными доктринами индусовъ, каковы бы онѣ не были; до очевидности ясно, что соціальный строй и религія составляютъ здѣсь только двѣ стороны одного и того же созданія. Но гдѣ же сила. вызвавшая къ жизни это созданіе? Нѣтъ ничего легче, какъ отыскать эту могущественную причину въ таинственномъ геніи, являющемся синтезомъ всѣхъ особенностей и способностей расы и который въ глазахъ нѣкоторыхъ ученыхъ объясняетъ все, но я держусь того мнѣнія, что задача еще не рѣшается постановкой икса вмѣсто главнаго неизвѣстнаго. Притомъ по отношенію къ Индіи предъ изслѣдователемъ встаетъ новое непреоборимое препятствіе, которое можно выразить слѣдующимъ вопросомъ: существуетъ-ли обособленная индійская нація? Если Магасфенъ, посланный Селевкомъ Никаторомъ ко двору Чандрагупты, насчитывалъ уже въ бассейнѣ Инда и Ганга 118 различныхъ народовъ, то не слѣдуетъ-ли отсюда, что и въ настоящее время между южнымъ склономъ Гималая и островомъ Цейлономъ обитаютъ самыя разнородныя расы, отмѣченныя всѣми возможными оттѣнками окраски кожи, начиная съ нѣжно-

розоваго цвѣта лица прелестныхъ обитательницъ Кашмира и кончая ярко-черной окраской кожи у нѣкоторыхъ племенъ, населявшихъ южный Деканъ. Замѣчу кстати что всѣ эти народы говорили на самыхъ разнообразныхъ языкахъ и нарѣчіяхъ. Вообще надлежитъ установить тотъ непреложный фактъ, что настоящее какъ и прошедшее Индіи, отмѣчено лишь весьма относительнымъ господствомъ арійскаго элемента въ ея исторіи. Въ сущности здѣсь невозможна никакая этнологическая статистика, такъ какъ громадное большинство обитателей Индіи составляется изъ метисовъ, арійцевъ и туземныхъ племенъ — аборигеновъ въ самыхъ разнообразныхъ степеняхъ родства между собою. Впрочемъ въ виду того, что одна изъ вѣтвей арійской расы успѣла передать свой языкъ (санскумтскій) четыремъ пятымъ населенія Индіи, для насъ является возможность до нѣкоторой степени отождествить исторію Индостана съ исторіей одной группы восточныхъ арійцевъ, оторвавшихся въ незапамятныя времена отъ центральнаго мѣста осѣдлости арійской расы и до созданія наиболѣе древнихъ гимновъ Ригъ-Веды, уже поселившихся въ сѣверо-западной части Пенджаба. Эта группа, между прочимъ, выдѣляется изъ остальныхъ своимъ безспорнымъ родствомъ (по языку) съ культурными народностями Европы.

Историческій духъ арійской расы всюду, въ Европѣ и въ Азіи, за исключеніемъ одного Индостана, безусловно непримиримъ съ кастическимъ строемъ и всѣ арійскія народности оставались чужды этому послѣднему, за исключеніемъ опять же населявшихъ Индостанъ. Это обстоятельство издавна возбуждало вниманіе ученыхъ, признающихъ, что даже въ Индіи кастическій строй былъ неизвѣстенъ въ первомъ древнѣйшемъ періодѣ ея исторической жизни. Своеобразно съ этимъ убѣжденіемъ, единственное мѣсто въ древнихъ священныхъ арійскихъ гимнахъ, трактующее о рожденіи различныхъ классовъ человѣчества изъ различныхъ частей тѣла Брамы *) и о раз-

*) См. Em. Burnouf. Bhagawata Purana т. I (предисловіе); см. также

дѣленіи его вслѣдствіе этого на обособленныя группы, считается всѣми позднѣйшей вставкой.

Самое слово «браминъ» чуждо лексикологіи ведійской эпохи: когда фигура профессіональнаго жреца появляется впервые въ священныхъ пѣснопѣніяхъ арійцевъ изъ «страны семи рѣкъ» она носитъ названіе pourohita. Вообще контрастъ между суровыми іерархическими тенденціями кодекса Ману и коммунально-анархическими идеями древнѣйшаго ведійскаго періода слишкомъ бросается въ глаза чтобы не привлечь вниманія ученыхъ изслѣдователей культурной исторіи Индіи и съ легкой руки Burnouf'a ими принято за правило разсматривать брамінскій періодъ индійской исторіи какъ продуктъ «порчи» арійскаго духа, происшедшаго при столкновеніи и смѣшеніи арійцевъ съ дравидами—аборигенами на обширной гангоиндійской долинѣ. На языкѣ арійцевъ эти народы-аборигены были извѣстны подъ именемъ «Дакіевъ» (Dacious) «рабовъ» или «враговъ».

Хотя появленіе Индостана въ исторіи относится, какъ кажется, къ моменту на нѣсколько столѣтій болѣе позднему, нежели эпоха появленія Египтянъ Мена и населенія Халдеи, тѣмъ не менѣе Томасъ Бокль не безъ основаній приписываетъ преданіямъ Индусовъ гораздо большую древность, нежели преданіямъ Египта и Халдеи Его увѣренія, конечно, не должны быть понимаемы въ смыслѣ чисто хронологическомъ; они означаютъ лишь, что ни въ Египтѣ, ни въ Халдеѣ до эпохи рѣчныхъ культуръ не существовало никакого извѣстнаго намъ соціальнаго строя; въ то же время для Индіи самые древніе гимны ведійскаго періода рисуютъ уже намъ картину существованія въ верхнемъ Пенджабѣ земледѣльцевъ и жрецовъ задолго до наступленія кастическаго строя и основанія первыхъ государствъ. Намъ даже извѣстны наиболѣе яркія и характерныя черты этой жизненной картины, повидимому, осуществившей въ самой идиллической формѣ «естественное состояніе»

1. Roth Brahma und die Brahminen въ Zeitschrift der Deutschen Morgenlandischen Gesellschaft. т. I 1878 г.

(l'etat de nature) человѣчества, о которомъ такъ много мечтали философы XVIII столѣтія По ея поводу Marius Fontaine *) говоритъ что «первобытный соціальный строй арійцевъ былъ такъ совершененъ что впослѣдствіи самыя пылкія мечтанія индусовъ не шли дальше его основныхъ характерныхъ чертъ.

Арійцы-побѣдители были въ культурномъ отношеніи далеко менѣе развиты нежели ихъ враги Дакіи, которыхъ они встрѣтили на пути къ Гангу и Джамнѣ и тотчасъ же стали стремиться побѣдить и покорить ихъ подъ свою власть. «Дакіи были богаты и горды, покрыты золотомъ и драгоцѣнными камнями; ихъ сила и могущество возбуждали въ нихъ высокомѣріе»... Это былъ богатый народъ, владѣвшій многочисленными стадами, притомъ народъ промышленный, искусный, умѣвшій строить военныя колесницы, ткать одежды и гранить драгоцѣнные камни **). Въ эпоху, когда были созданы первыя ведійскія пѣснопѣнія, они были уже далеко не варварами. Насколько можно проникнуть въ глубину древности, мы видимъ, что они знакомы уже съ земледѣліемъ и значительнымъ количествомъ полезныхъ ремеслъ, пользованіе которыми во всякомъ случаѣ несовмѣстимо съ зачаточнымъ состояніемъ общества Среди нихъ есть кузнецы, каменьщики, горшечники, ткачи, столяры, даже ювелиры ***). Сражаются они не какъ дикіе народы, на нихъ одѣты кирасы и они пользуются колесницами; ихъ пѣхота вооружена мечами, луками и стрѣлами. Правда у нихъ нѣтъ еще городовъ (первыя арійскія городскія поселенія упоминаются только въ Пуранѣ), но на ихъ языкѣ уже существуютъ два обособленныхъ понятія о городѣ «pourа» и о деревнѣ «grama» ****). Даже до наступленія эпохи ведійскихъ гимновъ строеніе

*) Marius Fontaine, L'Inde védique.

**) Гимны Ригъ-Веды.

***) См. Birdwood, The Industrial arts of India, а также Girard de Rialle, Etudes vediques (гимнъ, посвященный божеству Сома)

****) Указаніе на это находится въ первой книгѣ Ригъ-Веды Четвертый гимнъ второй книги Ведъ содержитъ въ себѣ славословіе Индрѣ, разрушившему 99 *городовъ* Дакіевъ, и лишь одинъ сотый *городъ* подарившему своему протеже,—арійцу Диводаза.

арійской семьи стоитъ уже на такой высотѣ, которая не была достигнута установленіями римскаго кодекса; этотъ фактъ тѣмъ болѣе замѣчателенъ, что патріархатъ въ своей первобытной формѣ и до сихъ поръ еще имѣетъ мѣсто на югѣ Индостана. Замѣчательно также, что въ ведійскомъ семейномъ правѣ нѣтъ ни одной черты, свидѣтельствующей о рабскомъ подчиненіи женщины, которое можно констатировать повсюду въ патріархальныя времена исторіи. Кормилецъ и глава арійской семьи пользуется, правда, нѣкоторымъ главенствомъ, но и въ данномъ случаѣ подчиненное положеніе женщины не заключаетъ въ себѣ такихъ элементовъ униженія какіе санкціонированы хотя-бы французскими кодексами. Во многихъ отношеніяхъ мужъ и жена здѣсь равноправны. Даже въ религіозной области они выполняютъ одинаковыя обязанности. Женщина ведійской семьи является «дамой» въ томъ смыслѣ этого слова, какъ мы его понимаемъ въ настоящее время: въ древне-арійской средѣ не было принято пріобрѣтать себѣ женъ покупкой или же похищеніемъ; семья основывалась на взаимной склонности, т. е. любви обоихъ ея членовъ*). Многочисленные гимны свидѣтельствуютъ, что арійцы очень цѣнили красоту и что тонкости любви, притомъ не грубо чувственной, имъ были также небезъизвѣстны**).

Нѣкоторые знатоки исторіи индійской культуры и особенно Максъ Мюллеръ преувеличиваютъ исключительно, будто бы религіозный характеръ умственнаго развитія арійцевъ ведійскаго періода. Дѣйствительно, большинство гимновъ Ригъ-Веды составлено съ цѣлями восхвалять или умалять божества и вообще «все, что наиболѣе могущественно». Однако, безспорно существовала эпоха, когда пантеонъ ведійскихъ поэтовъ не былъ болѣе населенъ воображаемыми существами, нежели пантеонъ египтянъ, когда послѣдніе, кромѣ фараона, быка и барана, не знали другихъ божествъ; въ теченіе дол-

*) Ригъ-Веда.
**) Marius Fontaine, цитир. трудъ

гихъ вѣковъ и арійцы Пенджаба поклонялись только Агни-богу домашняго очага и Сома-опьяняющему напитку. Индра—божество небеснаго огня и бури появляется въ ихъ пантеонѣ только значительно позже Наперекоръ защищаемому Максомъ Мюллеромъ мнѣнію, въ гимнахъ Ригъ-Веды встрѣчаются зато космогоническія теоріи и философскія мысли*). Вотъ напр., образчикъ ихъ: «была темнота и вся природа была погружена въ глубокій мракъ, въ океанъ безъ единаго луча свѣта. Сѣмя, которое лежало тамъ еще скрытымъ въ своей скорлупѣ, вдругъ подъ вліяніемъ сильнаго жара пустило ростокъ. Съ нимъ тотчасъ же соединилась любовь, этотъ новый источникъ мудрости и жизни.... Поэты, размышляя въ своемъ сердцѣ, обнаружили связь между тѣмъ, что создано и что еще не создано, но та искра, которая сверкаетъ отовсюду, которая проникаетъ все, откуда она является съ земли, или съ неба? Кто знаетъ ея тайну? Кто скажетъ: откуда могло выйти это твореніе? Сами божества слишкомъ поздно получили жизнь и никто не знаетъ откуда явился весь обширный міръ Тотъ, кто сотворилъ все видимое нами, чьей волѣ все подчиняется, Великій Всевышній Всевидѣцъ, находящійся на небесахъ, онъ одинъ это знаетъ, а можетъ быть не знаетъ и онъ».

Этотъ гимнъ, отмѣчающій собою кульминаціонную точку ведійской религіи, тѣмъ не менѣе ясно указываетъ на низкое положеніе въ ней божествъ; онъ прямо объявляетъ, что они слишкомъ поздно получили жизнь, что уже все было создано раньше, чѣмъ она явилась въ жизнь. Даже болѣе: онъ ихъ подчиняетъ Всевышнему Всевидцу, создавшему все сознательно или безсознательно, но, быть можетъ, даже не знающему тайны творенія. Впрочемъ въ самый древній періодъ индійской исторіи еще нѣтъ никакихъ указаній на признаніе этого Высокаго Существа; къ этой эпохѣ относятся другіе

*) Гимны Ригъ-Веды расположены не въ строгомъ хронологическомъ порядкѣ, хотя въ общихъ чертахъ первые изъ нихъ носятъ болѣе архаическій характеръ.

гимны, прославляющіе науку и скептицизмъ и стремящіеся ниспровергнуть вѣру и религію. Вотъ цитаты изъ нихъ:

«Величіе науки превосходитъ всякое другое величіе; она стоитъ выше всего, а наиболѣе яркое проявленіе слѣпой вѣры—молитва ниже всего низкаго. Неразумная вѣра—неблагородна и должна исчезнуть и скрыться туда, откуда явилась. Наука сильна, свободный мыслитель—рѣшителенъ въ союзѣ другъ съ другомъ они должны побѣдить слѣпую вѣру».

По своей природѣ божества древнихъ ведійскихъ временъ отмѣчены характеромъ грубаго фетишизма. Агни, Сама, а впослѣдствіе и Индра, въ честь которыхъ Арійцы верхняго Пенджаба слагали свои священные гимны, по ихъ увѣреніямъ, требуютъ жертвъ, выслушиваютъ воззванія, стремятся къ жертвенникамъ, на которыхъ приготовлены возліянія; они любятъ славословія себѣ точно также, какъ юноши любятъ голосъ молодыхъ дѣвушекъ; они бросаются на опьяняющій напитокъ «сома», какъ голодные буйволы, коршуны или лебеди»... Тогдашніе почитатели этихъ божествъ обращались къ нимъ со слѣдующими рѣчами: «о боги; бѣгите, пейте напитка сколько вамъ угодно, но одарите насъ богатствами и дѣтьми будьте побѣдителями нашихъ враговъ. Митра, Варуна, Дхарна, вслушайтесь въ голосъ вашихъ пѣвцовъ».

Отсюда видно, что благочестіе арійцевъ было весьма мало развито. Если они и преподносятъ жертвы и возліянія своимъ божествамъ, то только для того, чтобы получить богатства, дождь, многочисленное потомство или погубить своихъ враговъ. Въ одномъ изъ своихъ гимновъ они говорятъ даже, что «божества должны служить арійцамъ, какъ лошади и буйволы»... Пѣвцы священныхъ гимновъ, между прочимъ, приписывали богу Индрѣ только власть ниспосланія воды съ неба и вообще влаги; если они помѣщаютъ ему въ руки изображеніе молніи, то только съ той цѣлью, чтобы онъ истреблялъ Дакіевъ. Для ихъ религіозныхъ воззрѣній это замѣчательно характерная черта. Она доказываетъ, что, по ихъ

убѣжденію, поэтъ или жрецъ до нѣкоторой степени пользовался властью надъ самыми божествами былъ въ состояніи увеличивать или уменьшать область ихъ могущества. Въ общемъ религіозномъ обиходѣ арійскихъ индусовъ эта характерная черта проскальзываетъ весьма часто. Они вѣрятъ, что «божества рождаются изъ воздуха, выдыхаемаго пѣвцомъ», а слѣдовательно существуютъ лишь постолько, посколько существуетъ вдохновенное настроеніе ихъ почитателя. Впрочемъ, для того, чтобы увѣренно утверждать, что представленіе о не реальномъ существованіи божествъ является исключительно свойственнымъ арійцамъ, надлежало-бы обладать точными знаніями объ умственномъ состояніи другихъ народовъ въ тотъ періодъ ихъ исторической эволюціи, который соотвѣтствовалъ эпохѣ первыхъ пѣснопѣній Ригъ-Веды Таковыхъ знаній не имѣется въ распоряженіи современной науки; ни одинъ народъ древности не оставилъ намъ памятниковъ столь первобытнаго творчества, какъ индусы, а слѣдовательно нѣтъ почвы для сравненія послѣднихъ съ другими народами въ указанномъ отношеніи.

Способность произвольно творить божества, признаваемая за вдохновенными пѣвцами наиболѣе древними гимнами арійцевъ, повидимому, заключаетъ въ себѣ зародыши той исключительно непомѣрной власти, которую «Brahmana» и «Manava dharma sastra» впослѣдствіи стали приписывать кастѣ жрецовъ. Такимъ образомъ является возможность объяснить несправедливость кастическаго строя генетическимъ образомъ, не прибѣгая для этой цѣли къ гипотезѣ, будто-бы историческій духъ арійцевъ подвергся порчѣ при соприкосновеніи съ Дакіями.

Въ исторіи Ганго-Индійской долины несомнѣнно существовала эпоха, когда арійцы не знали еще жрецовъ, не создали еще опредѣленнаго ритуала, когда каждый глава семьи, при помощи своей супруги, призывалъ, созданныхъ изъ нѣдръ своего собственнаго духа, боговъ и преподносилъ имъ жертвы и возліянія. Въ это время каждая триба имѣла

свои собственныя особыя божества, неизвѣстныя и безразличныя для сосѣднихъ группъ населенія. Между трибами не существовало федеративной связи; національное ихъ единство покоилось на общности родины, языка, семейныхъ и общественныхъ учрежденій. на общемъ поклоненіи богу домашняго очага (Агни) и божеству Сома. т. е. тому драгоцѣнному опьяняющему напитку. который «служитъ при жертвоприношеніяхъ, опьяняетъ людей и вмѣстѣ съ опьяненіемъ даруетъ имъ всѣ блага міра».

Вторая характерная черта обитателей браминской Индіи, именно ихъ стремленіе мысленно покидать реальную дѣйствительность и погружаться въ религіозную экзальтацію, въ своего рода опьяненіе, имѣла своимъ источникомъ особенность расы, проявлявшуюся уже въ самомъ началѣ ведійской эпохи. Несомнѣнная религіозная свобода этой эпохи являлась простымъ и естественнымъ результатомъ полнѣйшаго отсутствія какой-либо жреческой или національной организаціи у арійцевъ того времени. За весь историческій періодъ, пока они оставались обитателями плодородныхъ и живописныхъ долинъ верхняго Пенджаба. ихъ политическая жизнь концентрировалась исключительно въ особой формѣ автономной общины, «viç» *)— аналогичной «djemaa Кабиловъ и русскому «міру». По свидѣтельству ученыхъ авторовъ, ваисіи т. е. члены общинныхъ образованій верхняго Пенджаба, періодически приступали къ передѣламъ земель между общинниками, какъ это и доселѣ практикуется въ Россіи. Во главѣ общины у древнихъ арійцевъ стоялъ viçpati, нѣчто въ родѣ русскаго «старосты». представлявшій собою выборное лицо общины съ такими-же функціями, какія выполнялъ впослѣдствіи раджа.

Каждый глава семейства пользовался въ общинныхъ собраніяхъ одинаковыми правами; каждый изъ нихъ исполнялъ обязанности семейнаго жреца и пѣвца религіозныхъ гимновъ;

*) Корень этого слова сохранился въ славян. терминѣ „весь“ (деревня, селеніе).

при нуждѣ всѣ они брались за оружіе и обращались такимъ образомъ въ кшатріевъ. Въ силу одинаковыхъ правъ и обязанностей всѣ арійцы являлись одинаково равноправными. Но, по прошествіи какого-то промежутка времени, хронологическая продолжительность котораго намъ неизвѣстна терминъ арійцевъ «Аґіа» потерялъ исключительно этнологическій смыслъ и сталъ обозначать лишь «свободныхъ» людей земельныхъ и помѣстныхъ владѣльцевъ. Рядомъ съ ними очутился низшій классъ «daça» (слово по звуку сходное со словомъ Дакій) «служителей», «крѣпостныхъ», «подданныхъ» *). Терминъ «daça» сталъ впослѣдствіи примѣняться ко всѣмъ тѣмъ, кого арійцы (Аґуа) обращали или стремились обратить въ рабство, ко всѣмъ разнообразнымъ врагамъ, которыхъ они встрѣчали въ своемъ поступательномъ движеніи изъ Пенджаба къ Гангу, къ Чогра и къ горамъ Винди.

Какъ я уже мелькомъ указывалъ, культура первобытной Индіи далеко не была результатомъ исключительно арійскихъ усилій, какъ это иногда полагаютъ, но скорѣе выросла на почвѣ смѣшенія расъ и языковъ; достовѣрно извѣстно, что все въ бассейнахъ Инда и Ганга, могущее показаться симпатичнымъ для нашихъ современныхъ демократическихъ тенденцій ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть приписано творчеству только арійцевъ. Необходимо отнестись съ крайней осторожностью къ немногимъ историческимъ даннымъ, разсѣяннымъ въ Ведахъ, въ эпическихъ поэмахъ, Браманѣ и Пуранѣ и подвергнуть сомнѣнію фактъ кажущейся порчи арійскаго историческаго духа и первобытныхъ арійскихъ учрежденій встрѣченными отверженными расами. Будучи разсматриваемы сами по себѣ, внѣ всякихъ отношеній къ ихъ генезису, измѣненія государственнаго строя первобытной Индіи должны были-бы служить свидѣтельствами историческаго вырожденія для каждаго общества средиземно-морского или океаническаго періода

*) Ch. Lassen; Max Muller; Hunter, Annals of rural Bendal. На островѣ Цейлонѣ слово daça и по сіе пору употребляется для обозначенія раба или подданнаго.

Дѣйствительно, въ сравненіи съ коммунальной анархіей ведійскихъ временъ, общественный строй Индіи въ эпоху созданія Магабараты и Манава-дарма-састры представлялъ собою зрѣлище очевиднаго соціальнаго регресса но не станемъ забывать что первобытная Индія, несмотря на всю свою свѣжесть и силу, имѣла не больше правъ фигурировать въ исторіи, нежели общины Кабиловъ или нѣкоторыя коммунистическія общества Центральной Африки. Наоборотъ, браманическая Индія, хотя и полузадушенная кастическимъ строемъ, тѣмъ не менѣе довела до конца всю историческую миссію первобытныхъ культуръ. Часть культурной работы, выпавшая на ея долю, далеко не состояла исключительно въ установленіи кастъ; она была несравненно шире. Мы знаемъ уже, что изъ всѣхъ первобытныхъ культурныхъ странъ одна Индія осуществила такой соціальный строй, который регулировался собственнымъ внутреннимъ механизмомъ и оставался независимымъ отъ личной, деспотической и произвольной власти Чтобы разрѣшить эту великую проблемму всемірной исторіи индійская культура довела до абсурдной степени тѣ классовыя различія, которыя проявляются всюду и которыя здѣсь, какъ и вездѣ, обязаны своимъ проявленіемъ чрезвычайно сложному комплексу этнологическихъ, соціальныхъ и политическихъ причинъ *).

Если приписать браманическое (т. е. кастическое) устройство вліянію постороннихъ арійцамъ туземныхъ или иммигрировавшихъ въ самыя древнія времена въ Индіи элементовъ, то тогда пришлось бы свести буквально къ нулю историческое значеніе восточныхъ арійцевъ, хотя послѣдніе называются обыкновенно весьма привиллегированной исторической расой. Это прежде всего. Вообще же, нѣтъ никакихъ основаній приписывать терминамъ Агуа (аріецъ) и Dacion (Дакій), сплошь и рядомъ встрѣчающимся въ ведійскихъ гимнахъ, то значеніе,

*) См. Em Burnouf, Essai sur le Veda; A. Maury, La terre et l'homme; de Quatrefages, Materiaux pour servir á l'histoire de l'homme пятый годъ стр. 357 — 369. — О кастахъ у Макса Мюллера въ его «Essais».

которое эти наименованія имѣютъ для современныхъ этнографовъ и антропологовъ и если это и дѣлаютъ то совершенно произвольно. То одно мѣсто Магабараты *), гдѣ говорится что каждая изъ кастъ Индіи носящихъ общее названіе «варна» (цвѣтъ, оттѣнокъ кожи) отличается особой окраской кожи: *бѣлой* у браминовъ, *красной* у кшатріевъ, *желтой* у ваисіевъ, *черной* у судровъ — совершенно достаточно для того, чтобы удостовѣрить, что различія между аріицами и дасіями не исчерпывались различіями въ окраскѣ кожи и въ этнологическихъ отличительныхъ чертахъ. Въ Индіи была собственно лишь одна вполнѣ арійская или бѣлая каста —именно кшатріи и тѣмъ не менѣе, — брамины кшатріи и ваисіи — наиболѣе несомнѣнные памятники индійской древности не оставляютъ на этотъ счетъ никакого сомнѣнія—безразлично общимъ наименованіемъ Aryas (благородныхъ) и Dvidjas (дважды рожденныхъ) **).

Впрочемъ, нѣтъ никакой нужды углубляться въ лабиринтъ этнологическихъ тонкостей и гипотезъ для того чтобы подвести древнюю исторію ганго-индійскаго бассейна подъ общій установленный мною историческій законъ и одновременно дать себѣ отчетъ въ тѣхъ послѣдовательныхъ измѣненіяхъ политическихъ, соціальныхъ и религіозныхъ учрежденій Индіи которыя привели наконецъ страну въ объятія безжизненно-суровыхъ принциповъ Манавы-дармы-састры (Manava-dharma-sastra). Общія черты историческаго культурнаго движенія, выведенныя мною изъ первобытной исторіи Египта и Ассиро-Вавилоніи, съ полной очевидностью обнаруживаются и въ сложной и таинственной исторіи Индіи. Контрастъ между идиллической анархіей первобытной ведійской эпохи и ожесточеннымъ деспотизмомъ кастическаго строя въ браманическій періодъ индійской исторіи тѣснѣйшимъ образомъ соотвѣтствуетъ

*) Это мѣсто воспроизведено у I. Muir. Original sanscritt exts См также Part, the Mythical und legendary account of Caste.

**) По вѣрованію населенія первобытной Индіи человѣкъ родится два раза: первый разъ *тѣломъ*, во второй разъ *духомъ* и *умомъ*, моментъ подчиненія браманическому режиму.

различію географическихъ условій. среди которыхъ осуществились послѣдовательныя фазы исторической эволюціи Индіи. Болѣе древняя изъ этихъ фазъ, — именно, отмѣченная характеромъ идиллической анархіи, развилась на почвѣ живописныхъ и волшебно-плодородныхъ долинъ Кашмира; вторая началась и протекла въ странѣ Madhya-desa (центральная часть Ганго-Индійской долины), огромной равнинѣ, ограниченной съ сѣвера зачумленной мѣстностью «Тераи», а на востокъ отдѣленной отъ бассейна Брамапутры и Бенгальскаго залива нездоровой болотистой страной. гдѣ нераздѣльно царствуетъ царица Смерть *). На югъ Madhya-desa соприкасается съ Деканомъ (Dakihina desa) при посредствѣ дикихъ ущелій горъ Винди; на западѣ, отъ Оманскаго моря, ее отдѣляютъ пустыни Раджъ Путаны.

«Страна Кашмира, какъ извѣстно. представляетъ собою одну изъ самыхъ очаровательныхъ мѣстностей земного шара; индійскіе и персидскіе поэты воспѣваютъ ее, какъ страну наслажденій, самое ея названіе. воспринятое литературами всего западнаго культурнаго міра, сдѣлалось синонимомъ страны чудесъ и очарованій. Современные путешественники ограничиваются обыкновенно тѣмъ, что повторяютъ о волшебномъ Кашмирѣ восторженные отзывы поэтовъ... Климатъ Кашмира, по своимъ достоинствамъ, не имѣетъ себѣ равнаго въ Индіи и весьма схожъ съ климатомъ Западной Европы, обладая при этомъ большимъ постоянствомъ. По всей странѣ подымаются высокіе холмы и образуютъ округленныя долины, въ которыхъ народное воображеніе помѣщало рай. населенный людьми въ эпоху золотого вѣка Дѣйствительно эти долины не имѣютъ себѣ подобныхъ по климатическимъ достоинствамъ, плодородію почвы, плѣнительности и велико-

*) Страна эта носила названіе Kali-Kata, изъ котораго англичане сдѣлали Калькутту и, собственно говоря, занимала собою всю дельту рѣки Ганга.

лѣпію окрестныхъ пейзажей. отражающихся въ озерахъ и текущихъ водахъ *)

Въ то время какъ эта очаровательная мѣстность. послужившая мѣстомъ созданія древнѣйшихъ гимновъ Ригъ-Веды, благопріятствовала развитію пастушеской жизни и земледѣльческихъ занятій среди незначительныхъ независимыхъ группъ населенія, вся обширная страна Madhya-desa, упоминаемая законами Ману подъ названіемъ Центральной страны. носитъ тѣ отличительныя характерныя черты, которыя способствуютъ развитію рѣчныхъ культуръ и уже изучены нами на примѣрахъ Нильской и Мессопотамской долинъ.

«Малѣйшая нерегулярность въ годовыхъ климатическихъ колебаніяхъ зависящая отъ измѣненій въ атмосферическомъ давленіи, въ распространеніи вѣтровъ и осадковъ. грозитъ здѣсь для населенія самыми тяжкими послѣдствіями Когда не хватаетъ дождей то сохнутъ рѣки и каналы, является неизбѣжнымъ голодъ и милліонамъ людей начинаетъ угрожать смерть отъ истощенія. Голодовки представляютъ постоянную опасность не только для населенія Синда и Пенджаба, но и всего бассейна рѣки Ганга и восточныхъ береговъ Индіи. Вся эта мѣстность періодически липалась-бы населенія, если-бы въ дѣло нельзя было пустить ирригаціонныхъ каналовъ. При помощи послѣднихъ только и возможна полная утилизація текущихъ водъ, берущихъ начало по большей части въ странѣ съ избытками атмосферныхъ осадковъ; только благодаря существованію земледѣльческаго населенія въ Синдѣ и на восточной окраинѣ Индіи, положеніе его является до нѣкоторой степени прочнымъ... Но достаточно какой-либо рѣкѣ высохнуть или перемѣститься и вся окружающая мѣстность становится опустошенной точно послѣ вражескаго нашествія **).

Постоянную необходимость возмѣщать недостатокъ влаги

*) Elisée Reclus, цитиров. трудъ, т. VIII.

**) Elisée Reclus, цитир. трудъ, т. VIII, см. также Rob. B. Buckley, Irrigation works India.

искусственнымъ образомъ. слишкомъ сложнымъ для того, чтобы вытѣсняться изолированными семьями или коммунами, дополняетъ еще одинъ элементъ уже намѣченный нами при разсмотрѣніи другихъ великихъ историческихъ рѣкъ. Я говорю о вѣчномъ измѣненіи почвы капризными водами. «Зачастую достаточно скопленія мелкихъ камней или упавшаго ствола дерева чтобы рѣка перемѣнила свое теченіе, направилась по другому руслу. иногда даже перемѣстилась въ другой бассейнъ» *).

Брамины. составители кодекса Ману. дѣлили страну Aryavarta. т. е. всю мѣстность между Гималаями и горами Виндп, на двѣ части: на Madhya-desa (центральную часть) и Oudîtchia-desa (сѣверная часть), заключавшую въ себѣ волнообразную равнину отъ ущелій Инда вплоть до истоковъ Ганга и Чогра. Къ югу Madhya-desa лежала страна Dakchina-desa (Деканъ), въ которую арійскія вліянія проникли только спустя долгое время послѣ возникновенія индійской культуры.

Madhya-desa, въ свою очередь, заключала въ себѣ двѣ другъ отъ друга отличныхъ географическихъ части: западную, простиравшуюся вдоль Инда и Сетледжа и носившую названіе Раджъ-Путаны (теперь нижній Пенджабъ). По указаніямъ древнихъ санскритскихъ памятниковъ, она орошалась семью рѣками (sapta sindhou). Восточная часть Madhya-desa лежала по рѣкамъ Гангу и Джамнѣ. Водораздѣлъ между Индомъ и Гангомъ не превышалъ въ то время 250 метровъ высоты.

Ареной культурной исторіи Индіи въ теченіе всей ведійской эпохи послужила западная часть Madhya-desa. Поэты Ригъ-Веды говорятъ только объ одной рѣкѣ Sindhou (Индъ); всего одинъ изъ гимновъ Ригъ-Веды упоминаетъ о Гангѣ. Наоборотъ, въ браманическую эпоху священная роль пробудителя культуры переходитъ къ Гангу, а вся западная часть страны подвергается презрѣнію. Суровый кастическій строй возникаетъ именно въ эпоху господства Ганга.

---

*) Elisée Reclus, цитированный трудъ 1 томъ.

Несмотря на слишкомъ незначительное количество памятниковъ письменности, оставленныхъ первобытной индійской культурой, несмотря на очевидную порчу ихъ брахманами-потомками, все же является возможность проследить поступательное движеніе арійцевъ съ сѣверо-запада къ устью Инда въ ту страну, гдѣ Индъ пробившись чрезъ пески пустыни теряется въ огромной грязной лагунѣ. По мѣрѣ того какъ они удалялись изъ счастливой верхней страны въ ихъ душѣ ослаблялось довѣріе къ своимъ силамъ. Радостное настроеніе, внушенное свободной жизнью подъ милостивымъ небомъ, среди богатыхъ пастбищъ и плодородныхъ полей замѣнялось боязнью недостатка влаги и засухъ. Главы семействъ повинуясь собственнымъ вдохновеннымъ порывамъ, еще правда призываютъ боговъ—распредѣлителей благъ но религіозный культъ все болѣе отклоняется отъ божествъ Агна и Сома мирныхъ покровителей домашняго очага и выдвигаетъ на сцену бога атмосферы Инду и повелителя вѣтровъ Рудру, громовымъ голосомъ гоняющаго по небесамъ облака и орошающаго поля арійцевъ. На сцену жизни появляются жрецы и обособленное жреческое сословіе.

Арійцамъ всегда было свойственно дѣленіе общества на классы, но въ добрыя старыя ведійскія времена ни одинъ изъ этихъ классовъ не господствовалъ надъ другими, не эксплуатировалъ и не подавлялъ другихъ. Одинъ изъ священныхъ гимновъ по этому поводу гласитъ что «въ сраженіи Агни зачастую помогаетъ и даетъ побѣду бѣдному и незнатному арійцу» Но по мѣрѣ того какъ измѣняются географическія условія существованія, дифференціація общества, проявляющаяся въ выдѣленіи обособленныхъ классовъ осуществляется все рѣзче и рѣзче и, задолго еще до окончанія ведійской эпохи, мы видимъ на сценѣ жизни новый классъ *господъ* и притомъ составлявшійся не изъ выборныхъ лицъ а изъ настоящихъ деспотовъ. Въ цѣлой обширной странѣ Aryavarta государственное устройство съ царями-деспотами во главѣ на много вѣковъ предшествовало возникновенію касти-

ческаго строя и всемогущаго браманизма. Слѣдующія строки изъ Магабараты въ состоянiи неопровержимо доказать, что арійское представленіе о неограниченной царской власти ни мало не разнилось отъ аналогичныхъ представленій у обитателей береговъ Нила. Тигра и Евфрата Вотъ онѣ: «Отъ царя зависитъ установленіе обязанностей для населенія. . отъ царя зависитъ установленіе церемоній и жертвоприношеній, отъ которыхъ въ свою очередь находятся въ зависимости божества; послѣднія властвуютъ надъ дождями, обусловливающими произрастаніе всѣхъ травъ на землѣ, всѣхъ злаковъ, а слѣдовательно и существованіе и благосостояніе человѣка». Словомъ, вся жизнь, вся вселенная зависитъ отъ царя. Быть можетъ, ни въ одной странѣ психологическій тезисъ деспотизма не выступалъ съ большей рѣзкостью и ясностью, какъ въ Индіи. Замѣчательно, что, когда царская власть въ ней ослабѣла и оказалась подавленной властью жрецовъ, представленіе о ней все таки почти не измѣнилось по существу. Кодексъ Ману служащій полнымъ отраженіемъ браманической системы, гласитъ. что государь создается изъ частицъ, заимствованныхъ изъ сущности божествъ. Онъ не только превосходитъ блескомъ всѣ смертныя существа, но самъ по себѣ представляетъ великое божество. скрывающееся только подъ человѣческимъ обликомъ». Изъ сравненія значительнаго количества древнихъ индійскихъ лѣтописей, A. du Bois de Jancigny выводитъ, что предки современныхъ индусовъ смотрѣли на своихъ государей не только какъ на людей. благопріятствуемыхъ богами, но какъ на существа, одухотворенныя божественнымъ духомъ. Государь былъ для нихъ олицетвореніемъ власти, въ силу чего онъ являлся столь же мало отвѣтственнымъ за свои жестокости, сколько мало виновны левъ или тигръ, удовлетворяющіе свое бѣшенство и чувство голода *). Нѣкоторыя мѣста изъ Магабараты даютъ даже основанія полагать, что древніе индусы даже любовались жестокостью

*) A. du Bois de Jancigny, Histoire de l'Inde ancienne et moderne.

своихъ повелителей, какъ мы. напр. остаемся довольны свирѣпостью сторожевой собаки.

Индъ сравнивается обыкновенно съ Ниломъ. такъ какъ и онъ орошаетъ своими водами пустыню и оплодотворяетъ окружающія мѣстности. Не безъ основаній можно назвать и Пенджабъ Египтомъ въ миніатюрѣ, окруженнымъ четырьмя или пятью маленькими Месопотаміями. Раздробленность его территоріи препятствовала образованію въ его границахъ единаго политическаго цѣлаго и, наоборотъ. благопріятствовала созданію нѣсколькихъ областныхъ деспотій. Надо полагать, что, въ минуты общихъ бѣдствій, эти отдѣльныя государства должны были вступать другъ съ другомъ въ союзъ, но исторія сохранила намъ мало чертъ. гласящихъ о подобныхъ общественныхъ начинаніяхъ. Чаще всего представители ихъ смотрѣли на своихъ сосѣдей, какъ на Дакіевъ, т. е. какъ на злѣйшихъ враговъ, и стремились покорить ихъ. причемъ побѣдившій всѣхъ своихъ соперниковъ получалъ титулъ «Самраджи». Какъ кажется, первый изъ раджей, успѣвшій соединить подъ своимъ скипетромъ всѣ племена западной Аріаварты (включая сюда и верхнюю часть бассейна Джамны и Ганга), былъ Magadha, основавшій свою столицу Гастинапуру въ бассейнѣ Инда.

Обѣ части Аріаварты, и западная и восточная, не будучи раздѣлены никакой естественной преградой, обладали почти одинаковыми географическими условіями, а слѣдовательно и почти тождественными данными для рѣшенія основной проблемы своего существованія—регулированія водъ. Въ среднемъ, въ долинѣ Ганга, между устьемъ Джамны и Бенаресомъ падаетъ нѣсколько больше дождя, нежели въ бассейнѣ Инда, но все же количество влаги и здѣсь недостаточно, чтобы обезпечить постоянную урожайность. Въ счастливые годы плодородіе почвы здѣсь неменьше, нежели въ долинѣ Нила и въ Месопотаміи. Благодаря ему, восточная Аріаварта была съ незапамятныхъ временъ населена наиболѣе густо, а слѣдовательно наиболѣе страдала отъ засухъ и голода. Цѣлая сѣть

заботливо поддерживаемыхъ каналовъ является здѣсь настоятельно необходимой для того чтобы полностью эксплуатировать, въ цѣляхъ земледѣлія капризныя теченія Джамны и Ганга.

На вопросъ: не зародилась-ли культура по рѣкѣ Гангу раньше. нежели по ея западному сопернику, нельзя было бы отвѣтить рѣшительно за неимѣніемъ достаточныхъ данныхъ. Но есть основанія полагать. что плодородныя долины по Гангу и его притокамъ раньше увидѣли высшія ступени и пышныя разцвѣтъ культуры. Достойно вниманія. что Пенджабъ и доселѣ остался бѣденъ большими городами, тогда какъ въ восточной Аріавартѣ такихъ городовъ сравнительно очень много.

На зарѣ историческихъ временъ между Египтомъ и Индіей проявилось одно, но за то чрезвычайно важное различіе: на берегахъ Нила господствовалъ *одинъ* деспотъ—фараонъ, а въ Индостанѣ мы наблюдаемъ *двухъ* таковыхъ, борющихся другъ съ другомъ и обладающихъ на первый взглядъ одинаковыми шансами. Почти одинаковыми. говорю я, такъ какъ и у бассейна Ганга были свои неудобныя стороны. Съ сѣвера онъ граничитъ съ нездоровой мѣстностью «тераи», на востокъ соприкасается съ областью. откуда несутся страшные миазмы богини смерти Кали; ядовитыя змѣи въ громадныхъ количествахъ ползаютъ въ травѣ. королевскій тигръ нераздѣльно властвуетъ въ джунглѣ; съ сѣвера и съ юга жителямъ долины Ганга угрожаютъ дикіе народы, наконецъ, вѣтры. мирно дующіе въ области Инда и разгоняющіе или сгоняющіе дождевыя облака, обращаются здѣсь въ ужасные циклопы, губящіе иногда сотни тысячъ жизней. Еще губительнѣе отзывается на населеніи голодъ, зачастую, въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, уничтожающій значительную часть населенія. Пожалуй, ни въ одной странѣ человѣкъ не чувствуетъ себя болѣе вѣчнымъ плѣнникомъ могущественной повелительницы—природы, иногда награждающей, но еще чаще насылающей невообразимыя бѣдствія. Никакая другая среда

не въ состояніи столь ясно дать понять что жизнь и смерть, добро и зло — два цвѣтка на одномъ и томъ-же стеблѣ.

Мы видѣли уже, что съ теченіемъ времени абсолютная власть египетскаго фараона раскололась на двѣ обособленныхъ части, на духовную и свѣтскую власть которыя не замедлили тотчасъ-жа вступить въ ожесточенную борьбу. На берегахъ Нила, какъ извѣстно, каста жрецовъ не съумѣла доставить себѣ продолжительный тріумфъ. Совершенно иначе обстояло дѣло въ Индіи, гдѣ, задолго до окончанія ведійской исторической эпохи, установился обычай, чтобы прежнія жреческія функціи главъ семейства исполняло особое священное лицо «purohita». Классъ этихъ лицъ сталъ пріобрѣтать все бо́льшее значеніе по мѣрѣ того, какъ религіозный ритуалъ принималъ болѣе законченную форму, а священныя церемоніи становились все болѣе сложными. Государи еще не успѣли отказаться отъ исполненія принадлежавшихъ имъ жреческихъ функцій какъ оказались окруженными цѣлыми толпами «purohita», игравшими пока еще, впрочемъ, подчиненную роль. Но значеніе ихъ возрасло чрезвычайно быстро. Слѣдующіе стихи изъ Ригъ-Веды могутъ служить тому доказательствомъ. «Только тотъ государь, которому предшествуетъ жрецъ, можетъ считаться крѣпко и счастливо основавшимся въ своемъ собственномъ домѣ; ему всегда повинуется земля и преклоняется предъ нимъ народъ.. Государь, одаряющій богатствами жреца, умоляющаго о покровительствѣ, безпрепятственно будетъ пріобрѣтать сокровища отъ своихъ враговъ или друзей, такъ какъ боги ему покровительствуютъ».

Разъ организовавшись, классъ жрецовъ здѣсь не сталъ какъ въ Египтѣ довольствоваться второстепеннымъ положеніемъ, а при первой возможности обратился въ заклятаго врага царской власти Замѣчу, что такой возможности нечего было долго ждать въ странѣ, гдѣ человѣкъ, несмотря на усилія безчисленныхъ поколѣній, не съумѣлъ побѣдить природу. Какъ уже сказано, еще задолго до начала брахманическаго періода, жрецы уже вели ожесточенную борьбу съ

царями, поддерживаемыми кшатріями... Этой борьбой отмѣченъ весь конецъ рѣчнаго періода исторіи индійской культуры.

Достигши крайнихъ предѣловъ рѣчнаго періода, индійскій народъ, запертый въ изолированной странѣ, замеръ въ бездѣйствіи, безстрастномъ спокойствіи и въ созерцательномъ экстазѣ. Характерной чертой его явилось факирство—это растеніе, самопроизвольно выросшее на почвѣ, оплодотворенной Гангомъ. Но до нашихъ дней суровый режимъ кастическаго строя является закономъ лишь для восточной Аріаварты, тогда какъ на берегахъ Инда. въ Раджпутанѣ и Кашмирѣ еще слышатся замирающіе отголоски ведійскихъ традицій.

XI.

Гоанго и Янтсе-Кіангъ.

Историческая литература Китая.—Конфуцій и „десять тысячъ церемоній“.—Отличительныя черты китайской исторіи и культуры.—Параллелизмъ китайскихъ рѣкъ.—Гоанго и поперечныя долины Янтсе-Кіанга.—Желтыя земли. — „Сто семей“. — Односложность языка: политическое единство и господство ученыхъ.—Великій Іу. — Понятіе власти и государства у китайцевъ.

Въ теченіе древняго періода своей исторіи Египетъ занимается построеніемъ архитектурныхъ памятниковъ, Халдея наблюдаетъ небесныя свѣтила, Ассирія тратитъ силы на военныя предпріятія, Индія предается пѣснопѣніямъ и погружается въ метафизическія умствованія. Въ общихъ чертахъ раздѣленіе труда между Семитами и Арійцами на зарѣ исторической жизни человѣчества представляется именно въ такомъ видѣ. Изъ различныхъ культурныхъ потоковъ, представляемыхъ перечисленными народами и составляется обширное, общее теченіе всемірной культуры человѣчества. Нѣсколько иначе обстояло дѣло въ Восточной Азіи, населенной народами съ желтой кожей, съ косопрорѣзанными глазами, несмотря на всѣ несходства въ исторіи, языкѣ, физическихъ и психическихъ характерныхъ чертахъ, нравахъ и даже въ наружности, составляющими одну гигантскую этнологическую группу, извѣстную подъ именемъ желтой или монгольской расы. Весь культурный элементъ жизни такихъ разнородныхъ народностей, какъ напр Калмыки изъ русскихъ степей, Анналиты Тонкина, Тунгусы Сибири, Мандшу съ береговъ Амура и Уссури, обитатели Фокіэна и Кантона является родомъ изъ одного и того же культурнаго центра,

именно, «Страны ста семей». Даже болѣе! если бы Японія не имѣла возможности заимствовать первые начатки культуры изъ Небесной Имперіи, ей, пожалуй, пришлось бы и до сихъ поръ оставаться въ той стадіи мрака и варварства, въ какой и до сихъ поръ находятся Филиппинскіе острова.

По своему громадному протяженію отъ Каспійскаго до Желтаго моря и отъ устья рѣки Камбоджи до озера Байкала, страна, занятая китайской культурой, превосходитъ всѣ великія государства древности; я нимало не преувеличу, если скажу, что въ предѣлахъ этой страны живетъ приблизительно третья часть всего населенія земного шара. «Сынъ неба, т. е китайскій императоръ и до сихъ поръ считаетъ своими подданными всѣ народы, измѣряющіе время по Пекинскому календарю, хотя-бы они давно уже потеряли свою независимость и подчинились какой-либо иноземной власти Для него лично принадлежность къ китайскому племени значитъ болѣе, нежели всѣ политическія комбинаціи.

Я уже неоднократно на предыдущихъ страницахъ выражалъ свое недовѣріе по адресу баснословно древней хронологіи. которую нѣкоторые европейскіе и многіе китайскіе авторы приписываютъ Небесной Имперіи. Укажу теперь на руководящія мною въ этомъ отношеніи основанія Весьма многіе серьезные писатели *) замѣтили что чѣмъ китайская книга болѣе современна, тѣмъ моментъ зарожденія китайской культуры отодвигается ею въ болѣе сѣдую древность. Chi-King, классическій сборникъ національной поэзіи, относитъ его лишь къ основателямъ династіи Че-у, Уэнъ-Вангу и У-Вангу (1122 г. до Р Х) Великій Іу упоминается здѣсь лишь слегка. Болѣе позднее произведеніе Chàu-King, приписываемое Конфуцію, говоритъ уже о государяхъ. жившихъ за 23 стол. до Р. Х. (Іао и Шунъ) **), затѣмъ китайскій Геродотъ, Сце-ма-тіэнъ (живший

*) D Ecasyrac de Lauture, Memoire sur la Chine; Васильевъ, Очеркъ исторіи китайской литературы (Кирпичникова и Корша).

**) См Васильевъ, цитиров. трудъ и W. Grube, Sprachwissenschaftliche Stellung des Chinesischen.

въ первомъ вѣкѣ христіанской эры) упоминаетъ о событіяхъ имѣвшихъ мѣсто за 2597 л. до Р. Х. Но въ дѣйствительности о генеалогіи относящейся къ такому отдаленному періоду не можетъ быть и рѣчи такъ какъ установленіе семейныхъ прозвищъ само имѣло мѣсто лишь въ первые годы владычества династіи Чеу Съ проникновеніемъ въ Китай буддизма склонность извращать историческую хронологію и отдалять первый моментъ культурной исторіи начинаетъ проявляться еще рѣзче и вскорѣ появляются авторы, насчитывающіе китайской культурѣ возрастъ въ 20 тысячъ 96 тысячъ и даже 740 мил. лѣтъ *).

Китайскіе ученые знаютъ очень хорошо цѣну подобнымъ фантастическимъ хронологическимъ вычисленіямъ и только европейскіе ученые еще наивно оспариваютъ ихъ. Все что предшествуетъ IX-му вѣку до Р. Х. разсматривается китайскими писателями, какъ стоящее «внѣ исторіи». Отсюда еще, впрочемъ, нельзя заключить, будто-бы внѣ болѣе позднія хронологическія даты имѣютъ характеръ непреложной истинности. Различныя хронологіи, циркулирующія среди ученыхъ Небесной Имперіи, совпадаютъ другъ съ другомъ лишь съ момента изобрѣтенія nien-hao (особыхъ наименованій для различныхъ эпохъ царствованія государей), т. е приблизительно съ 140 г. до Р. Х.

Китай, вѣроятно, не обладаетъ ни единымъ памятникомъ письменности, болѣе древнимъ, нежели три книги, приписываемыя Конфуцію. Правда нѣкоторые ученые полагаютъ, что Tao-te-ting или книга добродѣтели, «написанная» Лао-тзе, еще древнѣе, но подобное предположеніе мнѣ не кажется заслуживающимъ довѣрія, такъ какъ не только у Конфуція, но даже у его учениковъ языкъ и буквы слишкомъ первобытны для передачи метафизическихъ тонкостей Лао-тзе, этого зна-

*) У Таоистовъ (ложныхъ учениковъ Лао Тзе) точно также какъ и у буддистовъ мистицизмъ позаимствованъ повидимому изъ Индіи. Это ясно обрисовано у A. Jardot, Revolutions et migrations des peuples de la haute Asie

менитаго Китайскаго идеолога. Что-же касается до знаменитой подписи о Ју, которую нѣкій студентъ нашелъ будто-бы вырѣзанной на камнѣ въ провинціи Ху-нанъ, то всѣ ученые безразлично считаютъ ее грубой поддѣлкой.

Не предрѣшая вопроса о древности Небесной Имперіи, можно, однако, признать, основываясь отчасти и на оффиціальной хронологіи, что китайская письменность, не будучи въ состояніи соперничать по древности съ литературами Египта и Халдеи, зародилась даже позже Греческой литературы и съ трудомъ можетъ быть сочтена современницей Геродота. Необходимо сверхъ того замѣтить что оригиналы классическихъ памятниковъ письменности были сожжены въ 213-мъ году до Р. Х. или возстановлены впослѣдствіи при помощи не вполнѣ научныхъ пріемовъ. Это особенно необходимо замѣтить о наиболѣе древней изъ лѣтописей Chou-king. Преданіе гласитъ, что девятилѣтняя дѣвочка написала часть ея подъ диктовку своего дѣда, девятистолѣтняго старика, знавшаго наизусть двадцать девять главъ изъ Chou-king. Къ несчастію у старика не было уже зубовъ и поэтому изъ всей семьи его могла понимать лишь маленькая внучка. Но извѣстно, что понимать китайское письмо того времени, не видя предъ собою буквъ, не представляется возможности, такъ какъ всѣ разсчеты китайской идеографіи основываются, главнымъ образомъ, на непосредственномъ зрительномъ воспріятіи и, такъ какъ написанное тамъ существенно различается отъ произносимаго. Правда, преданіе увѣряетъ, что немного лѣтъ спустя принцъ Ју, разрушая жилища Конфуція, нашелъ замурованные въ стѣнѣ экземпляры «Діалоговъ», «Книги сыновняго благочестія» и полныя сто главъ книги Chou-King. Къ сожалѣнію, всѣ эти произведенія были написаны на языкѣ Ко-to, вышедшемъ изъ употребленія еще до Конфуціевой эпохи. Только сопоставляя первыя двадцать девять лѣтъ найденной книги Chou-King съ тѣми, которыя были написаны дѣвочкой подъ диктовку дѣда, явилась будто-бы возможность открыть ключъ къ письму и дешифрировать первыя двадцать девять

главъ найденной книги Chou-King. Все-же остальное такъ и осталось непонятнымъ.

Какъ бы то ни было, начало культурной исторіи Китая, по увѣреніямъ авторитетнѣйшихъ ученыхъ, относятся къ срединѣ втораго вѣка до Р. Х. По словамъ проф. Васильева всѣ произведенія древней китайской письменности отмѣчены этой эпохой.

Въ сравнительно недавній періодъ уже историческихъ временъ, классическіе памятники китайской письменности подверглись многочисленнымъ измѣненіямъ. Мало по малу они были такъ испорчены переписчиками, что для возстановленія ихъ смысла пришлось ихъ сопоставлять съ копіями съ нихъ, занесенными въ Японію. Сверхъ того, всѣ историческія произведенія обыкновенно исправлялись или вѣрнѣе портились государями, завистливо относившимися къ славѣ и подвигамъ своихъ предшественниковъ. Наконецъ, въ виду того, что всѣ памятники древней китайской письменности появились на свѣтъ подъ болѣе или менѣе замѣтнымъ воздѣйствіемъ Конфуція, разные люди старались ихъ выправлять и согласовывать такимъ образомъ съ идеями этого послѣдняго.

По богатству исторической литературы, Китай занимаетъ едва ли не первое мѣсто среди всѣхъ культурныхъ странъ.

Впродолженіе двадцати вѣковъ китайская исторіографія не только служила однимъ изъ лучшихъ средствъ воздѣйствія съ политическими цѣлями, но и почти цѣликомъ входила въ область религіи. Тѣмъ не менѣе пожалуй на всемъ свѣтѣ нѣтъ страны дальнее прошлое которой было бы покрыто столь непроницаемой тьмой. Громадное количество народовъ, гораздо менѣе озабоченныхъ своей исторіей, нежели китайцы, все-таки сохранили изъ своего первобытнаго прошлаго кое-какія смутныя, но тѣмъ не менѣе подлинныя традиціи, кое-какія отрывочныя, но, по крайней мѣрѣ, сознательно неизвращенныя воспоминанія. Въ то же время Китай своей преждевременной регламентаціей и скороспѣлымъ философскимъ и политическимъ развитіемъ создалъ на границѣ V-го и VI-го

вѣковъ до Р. Х непроницаемую стѣну сквозь которую до сихъ поръ не можетъ проникнуть ни одно научное изслѣдованіе. «Прошлое Китая, — говоритъ ученый въ совершенствѣ его знающій — не освѣщается для насъ ни фактами, ни идеями послѣдователей Конфуція, извращавшихъ факты безъ зазрѣнія совѣсти и менѣе всего заботившихся объ ихъ правильномъ воспроизведеніи Ученики Конфуція ставили себѣ цѣлью созданіе практической морали и соціальной системы для настоящаго и будущаго и потому безжалостно обращались съ прошедшимъ» *). Безсознательно подражая дидактическому пріему моралистовъ всѣхъ странъ, великіе реформаторы Китая указывали, какъ на идеалъ, на тотъ золотой вѣкъ древности, который въ дѣйствительности весьма мало, если не меньше всего, извѣстенъ людямъ. Для нихъ не было важно, когда жилъ и что сдѣлалъ какой-либо легендарный повелитель древности и они, нимало не смущаясь, приписывали тому или другому герою первобытной исторіи тотъ или другой похвальный поступокъ, чтобы такимъ образомъ сдѣлать его примѣромъ для своихъ современниковъ. Въ самомъ дѣлѣ не было ли выгодно отдавать предпочтеніе тому историческому періоду, который можно было по произволу населить воображаемыми существами, приписать имъ воображаемые поступки, постановленія, поученія и при этомъ вполнѣ избѣжать опасности натолкнуться на какой-нибудь неудобный фактъ.

Есть много причинъ, по которымъ для европейца трудно правильно судить обо всемъ касающемся Китая. Дѣло въ томъ, что хотя Небесная Имперія не въ состояніи въ смыслѣ древности оспаривать пальму первенства у Египта и Халдеи, но, тѣмъ не менѣе, она безспорно принадлежитъ къ числу великихъ рѣчныхъ очаговъ культуры, послужившихъ первыми убѣжищами для зарожденія исторіи. Государство фараоновъ и Ассиро-Вавилоніи чрезвычайно давно отошли въ область археологіи, тогда какъ Китай и до сихъ поръ является для насъ совре-

*) Васильевъ, цитиров. трудъ.

менной дѣйствительностью Во время долгаго историческаго пути онъ, конечно, весьма существенно развилъ и видоизмѣнилъ свои древнія учрежденія, но не дошелъ до ихъ отрицанія. На подобіе матери Гамлета, Китай до сихъ поръ еще не умѣлъ износить башмаковъ, въ которыхъ онъ шелъ за гробомъ своего перваго повелителя и учителя Конфуція и поэтому-то, при взглядѣ на него, насъ охватываетъ такое же удивленіе, какое должно было бы охватить при встрѣчѣ древняго Галла на Елисейскихъ поляхъ или же при видѣ плезіозавра среди скромныхъ современныхъ лебедей, скользящихъ по водамъ Лемана. Правильному взгляду на Китай препятствуетъ сверхъ того еще и нѣсколько ложныхъ соображеній и ошибокъ, къ сожалѣнію допущенныхъ наиболѣе авторитетными синологами. Такъ напр., эти послѣдніе до сихъ поръ еще не отдали себѣ отчета о чрезвычайно относительной цѣнности китайской исторической литературы. Видя что дѣйствительность Небесной Имперіи въ нѣкоторые моменты довольно близко подходитъ къ идеальному строю, изображенному въ ложно-историческихъ произведеніяхъ, они брали на себя смѣлость утверждать, что Китай представляетъ собою страну неподвижную по существу и par excellence. Съ другой стороны, констатируя фактъ значительной роли обрядностей въ китайской жизни и даже въ дѣятельности китайскихъ философовъ и государственныхъ людей, ученые синологи вывели отсюда, что обрядности, церемоніи и вообще суровый, мелочный формализмъ является наиболѣе характерной выдающейся чертой цѣлаго народа, на самомъ дѣлѣ, естественнаго носителя культуры въ восточной Азіи.

Этотъ послѣдній предразсудокъ обусловливается, мнѣ кажется, чисто фактической ошибкой въ толкованіи извѣстныхъ понятій. Manli *) «десять тысячъ церемоній» можно всецѣло отождествить съ нашими понятіями объ этикетѣ и церемоніяхъ лишь въ томъ случаѣ, еслибы мы признали, что только этикетъ запрещаетъ

*) Понятіе li только къ недостатку соотвѣтствующаго понятія на нашемъ языкѣ можетъ быть передано словомъ—„церемонія".

намъ ходить на четверенькахъ и что мы не рвемъ другъ друга на части только изъ церемоніи. На самомъ дѣлѣ, «Ли» у китайцевъ есть нѣчто вродѣ статута соціальной религіи, обнимающаго собою совокупность безчисленныхъ привычекъ, поступковъ и обрядовъ, отличающихъ культурнаго человѣка отъ варвара. У восточныхъ монголовъ точно также, какъ и у европейцевъ, различіе между культурнымъ и дикимъ человѣкомъ не исчерпывается одной областью явленій, имѣющихъ большое значеніе, а касается также и банальныхъ мелочей повседневной жизни, какъ здѣсь, такъ и тамъ, человѣкъ умственнаго труда живетъ иначе, нежели охотникъ или номадъ. Съ момента вступленія на арену исторической жизни, Китай понялъ свою миссію — держать высоко знамя культуры въ странѣ, гдѣ отовсюду культурѣ угрожали враждебныя силы, и вотъ онъ вмѣнилъ своему населенію въ священную обязанность строгое исполненіе многихъ тысячъ обрядовъ и церемоній, относящихся какъ къ возвышенной идейной сторонѣ жизни, такъ и къ ея повседневнымъ мелочамъ. Изъ страха, чтобы его дѣти и внуки не вернулись къ первобытному варварству и не растеряли драгоцѣннаго, съ такимъ трудомъ пріобрѣтеннаго наслѣдства безчисленныхъ предыдущихъ поколѣній, онъ и позаботился вручить имъ для руководства и исполненія сборники «десяти тысячъ церемоній» регулирующихъ и доселѣ каждый шагъ и каждый моментъ жизни китайца.

Болѣе значенія имѣетъ второе неправильное обвиненіе Китая въ полной неподвижности, обвиненіе тѣмъ болѣе странное, что вся Конфуціева литература рисуетъ намъ Китай какъ разъ въ моментъ одного изъ самыхъ радикальныхъ общественныхъ переворотовъ, когда-либо имѣвшихъ мѣсто въ исторіи. По этому поводу необходимо сдѣлать нѣкоторыя разъясненія. Любознательный читатель тщетно станетъ искать въ біографіи Конфуція, — въ томъ видѣ какъ ее оставилъ намъ китайскій Геродотъ Сце-ма-тіэнъ, — объясненія той исключительной популярности и того безграничнаго вліянія,

которыми великій китайскій мудрецъ пользовался среди всѣхъ народовъ, добровольно или силою включенныхъ въ среду культуры Небесной Имперіи. Равнымъ образомъ будетъ разочарованъ и тотъ, кто станетъ искать ключъ къ загадкѣ въ литературныхъ произведеніяхъ, приписываемыхъ Конфуцію и представляющихъ собою то сборники поэтическихъ произведеній, то простыя компиляціи, даже не одухотворенныя общими идеями. Ни одно изъ этихъ произведеній, зачастую безсвязныхъ и неизмѣнно сухихъ и крайне несовершенныхъ по формѣ, не отмѣчено печатью высокаго генія. По сравненіи съ другими великими религіозными пророками и реформаторами Конфуцій обладаетъ нѣкоторыми правами на наше уваженіе лишь постолько, посколько его слова лишены лукавства и хитрости, враждебны всему, отзывающемуся мистификаціей, а напротивъ отмѣчены здравымъ утилитарнымъ средствомъ и гуманными чувствами *). Въ чемъ же секретъ его обаятельности? Нельзя же предположить, что китайцы были созданы совершенно непохожими на другихъ людей и, что простота и искренность Конфуція оказались достаточными для того, чтобы завоевать первое мѣсто въ ихъ пантеонѣ. Разъясненіе недоумѣнія можно найти въ томъ обстоятельствѣ, что великій мудрецъ сконцентрировалъ въ своей личности одинъ изъ наиболѣе существенныхъ общественныхъ переворотовъ въ исторіи Небесной Имперіи; только за это онъ и былъ почтенъ божескими почестями и возвеличенъ во всей восточной Азіи. Движеніе, возбужденное Конфуціемъ вывело Китай изъ рѣчной фазы общественной эволюціи, отмѣченной здѣсь, какъ и всюду, крайнимъ деспотизмомъ и внушило ему

*) Насколько Конфуцій былъ простъ и неспособенъ пускать пыль въ глаза таинственною мудростью могутъ показать слѣдующіе факты спрошенный нѣкимъ молодымъ человѣкомъ о смерти, онъ отвѣчалъ ему: „ты думаешь уже о смерти, но вѣдь ты еще не научился жить“. Одному своему ученику, весьма желавшему заглянуть въ загробный міръ, онъ сказалъ, что „людямъ чрезвычайно трудно познать даже и этотъ, непосредственно открытый ихъ чувствамъ міръ и что, конечно, они не въ состояніи познать того, о чемъ имъ никто не въ состояніи дать даже и первоначальныхъ свѣдѣній“.

познаніе другого, болѣе совершеннаго соціальнаго строя, основаннаго на принципахъ гуманности и демократизма. Если-бы дѣйствительно «Страна Ста Семей» или Небесная Имперія дебютировала въ исторіи тѣмъ самымъ общественнымъ устройствомъ, дряхлый возрастъ котораго мы наблюдаемъ теперь, то это былъ бы замѣчательный примѣръ полнаго нарушенія законовъ эволюціи и прогресса, но на самомъ дѣлѣ, ничего подобнаго, конечно, не было и между Китаемъ до Конфуціева періода, задернутымъ отъ насъ тьмою лживой исторической литературы и тѣмъ Китаемъ, который получился въ результатѣ долгой идейной пропаганды и борьбы, залегаетъ не менѣе рѣзкая разница, нежели какую необходимо отмѣтить между египетской или ассирійской монархіей и какой-либо изъ самыхъ совершенныхъ федерацій эллинскаго міра.

При современномъ состояніи синологіи, когда не только каждый текстъ, но буквально каждая буква китайскихъ письменъ дастъ поводъ къ ожесточенной полемикѣ или, по крайней мѣрѣ, къ обширнѣйшимъ комментаріямъ, пожалуй, не хватило бы цѣлаго тома для того, чтобы нарисовать картину эволюціи, пережитой Китаемъ на разстояніи 20-ти вѣковъ и особенно интересной по многочисленнымъ чертамъ несходства съ историческимъ прогрессомъ запада.

До сихъ поръ уже много писано и говорено о всемогуществѣ и божественномъ характерѣ, которыми китайцы въ первобытныя времена надѣляли власть повелителя и мы теперь уже навѣрняка знаемъ, что понятіе государства было у нихъ отмѣчено ясно выраженнымъ фараонизмомъ со всѣми его характерными чертами: крайнимъ деспотизмомъ, идеей о божественномъ происхожденіи власти, символизированіемъ божества въ особѣ государя, въ величіи которой растворялся народъ *).

*) J. Legge, Confucianism in relation to Christianity.

громаднаго успѣха, достигнутаго послѣдователями Конфуція я процитирую коротенькій отрывокъ, авторомъ котораго считается ученикъ Конфуція Менціи (собственно Менгъ-тзе), далеко превосходившій своего учителя по силѣ и рѣшительности въ формулировкѣ и пропагандѣ идей и принциповъ конфуціевой школы. Менцій говоритъ: «Народъ выше всего и драгоцѣннѣе всего на землѣ, за нимъ идутъ земные геніи и только на послѣднемъ мѣстѣ стоитъ повелитель» и одной этой фразой, діаметрально противоположной по смыслу главной политической аксіомѣ рѣчныхъ деспотій, доказывается, что въ исторіи человѣчества Китай достигъ такой фазы развитія какой не успѣла достигнуть, предварительно не распавшись и не измѣнившись кореннымъ образомъ, ни одна рѣчная монархія. Въ самомъ дѣлѣ, чтобы избавиться отъ деспотическаго гнета государей и жрецовъ, Индія не нашла ничего лучшаго, какъ обвить себя цѣпями кастическаго строя. Другія страны дѣйствовали еще менѣе рѣшительно и оставались въ оцѣпѣненіи.

Начиная съ V-го вѣка христіанской эры *). Небесная Имперія сдѣлалась театромъ весьма интенсивнаго философскаго движенія съ многочисленными теченіями, далеко не поглощавшимися ея конфуціанизмомъ. Между прочимъ, здѣсь процвѣтали спиритуалистическія и мистическія доктрины, зародившіяся подъ болѣе или менѣе явнымъ вліяніемъ Лао-тзе и спекулятивныхъ ученій Индіи, развившихся, главнымъ образомъ, въ западной части Китая. Изъ чувства оппозиціи утилитаризму гражданственности школы Конфуція, спиритуалисты и мистики проповѣдовали идеи, окрашенныя требованіями квіэтизма и эпикуреизма; зачастую они погружались въ поиски философскаго камня и средствъ, доставлявшихъ безсмертіе. Значительная часть ихъ, однако, превосходила своихъ противниковъ—послѣдователей Конфуція стилемъ и поэтической отдѣлкою своихъ произведеній. По нѣкоторымъ фактамъ можно судить, что проповѣдники квіэтизма остались не безъ вліянія

*) По показаніямъ оффиціальной хронологіи.

на умы современниковъ. Понятно, что они съ перваго же момента стали въ ряды ожесточенныхъ противниковъ конфуціанизма въ силу хотя-бы одного своего политическаго индифферентизма. Въ качествѣ враговъ господствующаго философскаго теченія, они не были одиноки, такъ какъ рядомъ съ ними существовалъ цѣлый сонмъ другихъ, враждебныхъ конфуціанизму, философскихъ школъ, о существованіи которыхъ мы можемъ догадываться лишь по полемическимъ вставкамъ въ произведеніяхъ китайскихъ класси[illegible] Такъ напр., мы читаемъ у Менція: «Въ настоящее время не появляется уже болѣе добрыхъ и справедливыхъ государей, а напротивъ злобные повелители предаются всѣмъ порокамъ, а корыстолюбивые и продажные философы отравляютъ насъ своими вредными доктринами. Міръ все болѣе подчиняется афоризмамъ Янгъ-чу и Мо-ти и можно сказать, что тотъ, кто не признаетъ перваго, навѣрно числится среди учениковъ второго».

Нѣкоторые комментаторы полагаютъ, что подъ общими наименованіями Янгъ-чу и Мо-ти, философъ-ригористъ помѣщаетъ всѣхъ противниковъ школы Конфуція. Но Васильевъ разбиваетъ это предположеніе, указывая, что въ данную эпоху существовалъ великій мудрецъ Мо-тзе, доктрины котораго съ перваго взгляда казались весьма мало отличающимися отъ конфуціевыхъ идей и лишь при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывались снабженными вставками, слишкомъ идиллическаго характера для вѣрныхъ послѣдователей Конфуція или Менція. Вотъ напр., одна изъ нихъ въ переводѣ русскаго синолога: «Всѣ распри,— гласитъ Мо-тзе,—всѣ беззаконія, все зло, наполняющія міръ, проистекаютъ отъ недостатка у людей любви другъ къ другу. Если-бы люди смотрѣли на чужое государство, какъ на свое собственное отечество, не было-бы болѣе ни войнъ, ни грабежей, сильный не давилъ-бы слабаго и хитрый не эксплуатировалъ-бы наивнаго простака».

Перейдемъ теперь къ тѣмъ упрекамъ, которые Менцій адресуетъ продажнымъ философамъ, отравляющимъ міръ своими возмутительными доктринами. «Янгъ-чу, по его словамъ, не

признаетъ власти, государства, права повелителя властвовать, проповѣдуетъ, что нужно жить только для себя и что, еслибы можно было осчастливить вселенную, отказавшись всего отъ одной изъ своихъ лошадей то и тогда не слѣдовало бы лишать себя части имущества. Мо-ти, напротивъ, прегрѣшаетъ проповѣдью любви, которую слѣдуетъ проявлять ко всѣмъ и каждому. Вообще, еслибы доктрины Янгъ-чу и Мо-ти не противорѣчили другъ другу и не встрѣчали могущественнаго соперника въ ученіи Конфуція, то народъ оказался бы охваченнымъ безумiемъ, истина заглохла бы и всѣ люди обратились бы въ звѣрей, способныхъ пожирать другъ друга. Вотъ чего я боюсь и вотъ почему я становлюсь проповѣдникомъ идей, провозглашенныхъ мудрецами древности. Я протестую противъ Янгъ-чу и Мо-ти, я борюсь противъ нихъ и стараюсь, чтобы они не имѣли успѣха».

Для насъ остается неяснымъ, что возмущало Менція въ проповѣди Янгъ-чу: идея эгоизма или республиканскій духъ его принциповъ? Несомнѣнно одно, что оппозиція обладала въ то время въ Китаѣ несравненно болѣе смѣлыми представителями, нежели Конфуцій или Менцій. Это ясно видно изъ основныхъ положеній Мо-тзе Этотъ послѣдній и ему подобные, не довольствуясь осужденіемъ вредныхъ сторонъ верховной власти, осужденіемъ богатыхъ и знатныхъ, требовали разрушенія государства, уничтоженія собственности и семьи.

Въ противоположность имъ, Менцій на каждой страницѣ своихъ произведеній провозглашаетъ, что единственное средство отъ всѣхъ золъ есть правильная организація государства на подобіе семьи, организація, планъ которой до мельчайшихъ подробностей былъ выработанъ Конфуціемъ.

Эпитетъ—«Отецъ народа», примѣняемый обыкновенно къ повелителю, неизмѣнно выходитъ изъ подъ пера каждаго писателя, защищающаго умирающій деспотизмъ, но въ теченіе всего историческаго періода, о которомъ я говорю, Китай находился въ исключительномъ положеніи, когда этотъ эпитетъ не только блисталъ новизной но и носилъ оттѣнокъ

нѣкоторой прогрессивности. Въ замѣнѣ прежняго деспотическаго повелителя, обладавшаго яко бы божественными правами власти.—властителемъ—отцомъ, мудро заботящимся о благополучіи своихъ подданныхъ для Китая. заключалось наиболѣе простое средство очеловѣчить и смягчить общественный строй, завѣщанный прошлымъ и составляющій грубый продуктъ среды. Весьма важная страница исторіи человѣчества осталась бы не заполненной, если бы Китай не посвятилъ двадцати вѣковъ своей жизни для того, чтобы экспериментально убѣдиться въ безжизненности и безсмысленности этого новаго института власти. Впродолженіе цѣлыхъ историческихъ эпохъ Небесная Имперія вліяла на судьбы западнаго міра, воздѣйствуя культивирующимъ образомъ на дикія трибы, кочевавшія отъ нея къ западу. одаряя насъ чаемъ, шелкомъ и другими полезными продуктами, но ея права на почетное мѣсто въ исторіи человѣчества заключаются. главнымъ образомъ, не въ этомъ. а въ опытѣ, доказавшемъ полную непригодность и вредъ патріархальной власти.

Двѣ западныхъ великихъ древнихъ культуры: Нильская и Мессопотамская, достигши извѣстной высоты специфическаго рѣчнаго развитія и развиваясь все шире и шире, заняли наконецъ берега сосѣднихъ средиземныхъ морей Индія, запертая въ бассейнѣ своихъ рѣкъ, не имѣвшемъ удобнаго сообщенія съ моремъ, кончила тѣмъ, что отстала отъ исторіи и замерла въ оцѣпенѣніи. Одинъ лишь Китай, прогрессивно расширяя область своего культивирующаго воздѣйствія. остался тѣмъ не менѣе вѣренъ колыбели своей культурной эволюціи—бассейну рѣкъ Гоанго и Янтсе-Кіанга. Территорія собственно Китая составляется, главнымъ образомъ, изъ бассейновъ трехъ великихъ водныхъ артерій: Гоанго, Си-Кіанга (Жемчужная рѣчка) и Янтсе-Кіанга, дополняемаго обширной системой притоковъ, а слѣдовательно и путей сообщенія между Монголіей и Тонкинскимъ моремъ. Всѣ эти рѣки точно также оплодотворяютъ своими наводненіями культурную страну Китая, какъ и Нилъ, Тигръ, Евфратъ, Гангъ и Индъ оплодо-

творяютъ остальныя мѣстонахожденія великихъ рѣчныхъ культуръ. Приэтомъ зона наводненій, обусловливаемыхъ періодическими разлитіями Гоанго и его притоковъ, соприкасается на югѣ со страной, орошаемой Янтсе-Кіангомъ и вмѣстѣ съ послѣднимъ образуетъ нѣчто, по основнымъ характернымъ чертамъ весьма схожее съ нильской дельтой, только въ гораздо большихъ размѣрахъ. Какъ и Египтяне. Китайцы, жившіе въ долинахъ по среднему теченію обѣихъ великихъ рѣкъ, могли достигнуть моря только послѣ многовѣковой работы на мѣстѣ своей осѣдлости, только по превращеніи безпредѣльныхъ пространствъ, покрывающихся иломъ и грязью, въ воздѣланную и густо населенную страну. Вся область, извѣстная подъ названіемъ Кіангъ-Нанъ, нѣкогда подвергавшаяся постоянной опасности быть раззоренной волнами, а теперь плодородная и цвѣтущая, является результатомъ искусства и настойчивости китайцевъ. Цѣлый лабиринтъ каналовъ, прорѣзывающихъ въ разныхъ направленіяхъ провинціи Анъ-уи и Че-Кіангъ, гигантскія плотины, сдерживающія постоянно измѣняющіяся теченія рѣкъ, потребовали для своего сооруженія страшно громадное количество труда, даже въ сравненіи съ массой труда, затраченнаго въ Египтѣ. Всѣ гигантскія сооруженія въ Китаѣ носили несомнѣнно болѣе утилитарный характеръ, нежели большая часть предпріятій фараоновъ, но въ смыслѣ достигнутыхъ результатовъ они были тождественны, такъ какъ и доселѣ Гоанго сметаетъ иногда съ лица земли результаты труда безчисленныхъ поколѣній.

Гоанго (Желтая рѣка) обязанъ своимъ названіемъ плодороднымъ частицамъ желтой земли, уносимымъ его водами и сообщающимъ имъ желтый цвѣтъ, который, по мнѣнію китайцевъ, является символомъ земли—(начала, зарождающаго все), земледѣлія, соціальнаго строя, и власти. Первый императоръ, записанный въ ихъ лѣтописяхъ, носилъ титулъ «Желтый повелитель»,

Эта плодородная земля растилается въ Китаѣ въ общемъ на бо́льшее пространство, нежели вся Франція. Почва, по-

крытая ея частицами, обыкновенно бываетъ вся проточена небольшими вертикальными отверстіями. Вокругъ Пекина она проявляется только кое гдѣ на горныхъ выступахъ, господствующихъ надъ равниной, но болѣе на западъ она покрываетъ буквально всю поверхность гористой страны, лежащей между Тибетомъ и горными хребтами Шанъ-Зи. Надъ массами этой желтой земли, скопившимися на всемъ указанномъ громадномъ пространствѣ извѣстнымъ русскимъ путешественникомъ Потанинымъ были произведены весьма интересныя наблюденія и изслѣдованія, результаты которыхъ опубликованы имъ сравнительно недавно *). Вотъ что говоритъ онъ, между прочимъ: «Залежи краснаго песчаника, служащіе основаніемъ для скопленій желтой земли (loss) расположены обыкновенно горизонтально; лишь изрѣдка вмѣсто нихъ залегаютъ гнейссовыя породы. За весьма немногими исключеніями слои песчаника до такой степени пропитаны солью, что мѣстные жители добываютъ ее оттуда простымъ вываріваніемъ; зачастую выступы скалъ покрыты здѣсь кристаллами соли, выступающими также на подобіе снѣга или инея и въ нѣкоторыхъ долинахъ. Соленыя озера весьма многочисленны и даже вода нѣкоторыхъ рѣкъ пропитана солью. Горизонтальное положеніе слоевъ песчаника опредѣляетъ контуръ и общую конфигурацію мѣстности, представляющей собою равнину безъ всякихъ болѣе или менѣе замѣтныхъ возвышеній. Впрочемъ, глазъ неопытнаго путешественника въ первое время обманывается многочисленными глубокими долинами и оврагами, придающими мѣстности горный характеръ. Войдя въ одну изъ такихъ долинъ съ крутыми склонами, можно подумать, что находишься среди горныхъ возвышеній, но на самомъ дѣлѣ, путешественникъ имѣетъ дѣло только съ глубокими оврагами, разсѣкающими страну по всѣмъ направленіямъ. Такіе овраги, обрамленные параллельными обрывистыми краями—высотою иногда до 2000 ф.—тянутся

*) Извѣстія русскаго географическаго общества. 1887. № 3, т. XXIII.

часто на десятки километровъ и углубляются не только въ скопленія поверхностной почвы (loss), но и въ мощныя песчаниковыя породы, лежащія внизу. Чтобы уловить истинный характеръ мѣстности необходимо подняться изъ глубины такого оврага на равнину и тогда на громадное разстояніе вокругъ можно видѣть лишь ровную мѣстность пересѣченную безчисленными параллельными провалами весьма напоминающими собою промежутки между зубьями гигантской гребенки. Провалы эти образуются слѣдующимъ образомъ. Подпочвенныя воды, отыскивая себѣ выходъ и вымывая на своемъ пути пустоты, вызываютъ пониженія почвы на поверхности, затѣмъ эти пониженія наполняются водою, проваливаются внутрь и образуютъ глубокіе колодцы. Затѣмъ колодцы расширяются въ томъ направленіи, куда текутъ подпочвенныя воды и обращаются въ обыкновенные глубокіе овраги, въ концѣ концовъ соединяющіеся съ главнымъ оврагомъ данной мѣстности *).

Строеніе почвы и нѣкоторыя ея особенности объясняютъ фактъ присутствія въ водахъ Гоанго такого громаднаго количества ила и другихъ осадочныхъ матеріаловъ, которое путешественникъ прошлаго вѣка Стонтонъ не безъ изумленія опредѣляетъ по вѣсу въ двѣ сотыхъ части всего количества воды. Рѣка непрерывно размываетъ берега, уноситъ съ собою всѣ мягкія и мелкія частицы и затѣмъ во время наводненій оплодотворяетъ ими мѣстность вдоль береговъ. По словамъ Элизе Реклю наводненія Гоанго бываютъ громадны и носятъ чрезвычайно разрушительный характеръ **). Китайскіе авторы, цитируемые Карломъ Риттеромъ, увѣряютъ, что поверхность рѣчныхъ водъ во время полноводій подымаются на 33 метра надъ береговыми полями. Преувеличеніе здѣсь очевидно, но несомнѣнно, что подъемъ водъ дѣйствительно бываетъ значителенъ и что окрестнымъ жителямъ приходится

*) См. описаніе страны также Cuppy, Nature (англ.) отъ 23-го сент. 1880 г.

**) Nouvelle Geographie universelle VII

работать безъ устали для того, чтобы предохранить отъ разсушенія и уничтоженія дома, жатвы и свое собственное существованіе.

Вообще Желтая рѣка (Гоанго) обладаетъ, быть можетъ, даже въ преувеличенной степени всѣми отличительными чертами великихъ рѣкъ, создавшихъ культурную исторію. Благодаря ей и Янтсе-Кіангу, Китай представляетъ собою такую географическую среду, которая, вознаграждая съ одной стороны человѣческій трудъ, съ другой—внушаетъ прибрежнымъ обитателямъ подъ страхомъ смерти полную, проникающую большинство отношеній, солидарность и постоянную суровую трудовую дисциплину во всѣхъ даже весьма узкихъ областяхъ жизни. Говоря о результатахъ вліянія среды, кстати слѣдуетъ отмѣтить важное отличіе въ данномъ отношеніи между Китаемъ и хотя-бы Египтомъ. Въ области послѣдняго великая культурная рѣка Нилъ была покорена и приспособлена къ цѣлямъ исторіи величественными общественными работами, путемъ страшнаго угнетенія и порабощенія массъ. Въ Китаѣ нѣчто аналогичное повторилось лишь въ странѣ Кіангъ-Нанъ и вообще поближе къ нижнему теченію Гоанго, тамъ, гдѣ находились на лицо условія, близкія къ условіямъ Нила. Наоборотъ, въ гигантскихъ общественныхъ работахъ не было нужды въ области «желтыхъ земель» (loss), описанныхъ Потанинымъ. Почвенныя и географическія условія требуютъ здѣсь раздѣленія земель на участки, орошенія ихъ каналами и участія въ работѣ небольшихъ группъ. Это послѣднее условіе несомнѣнно способствовало развитію среди населенія чувства семейственной и общинной автономіи, столь характерной для земледѣльческаго Китая *), съ другой стороны, отличительныя особенности почвы пробуждали у населенія инстинктъ солидарности. Отсюда, навѣрно, ведетъ свое происхожденіе господство патріархальныхъ началъ въ китайской жизни, въ классическую или конфуціеву эпоху

*) См. Simon, la Cite chinoise.

До сихъ поръ точно неизвѣстно, откуда на историческую сцену явились «Сто семей» —эти первые культурные работники въ бассейнѣ великихъ китайскихъ рѣкъ. Сами китайцы, повидимому, не сохранили никакихъ опредѣленныхъ воспоминаній о своей первоначальной родинѣ. Въ сборникѣ древнѣйшихъ народныхъ поэтическихъ произведеній, называемомъ Chi-King, гдѣ многія произведенія носятъ безспорно архаическій характеръ, нѣкоторый свѣтъ на этотъ интересный вопросъ бросаютъ всего два отрывка, притомъ съ большимъ трудомъ поддающіеся переводу.

Подобный недостатокъ мѣстныхъ преданій предоставляетъ обширное поле для появленія всевозможныхъ гипотезъ. Между прочимъ, въ кодексѣ Ману нѣкоторыми учеными было найдено мѣсто, гласившее, что въ нѣкоторую эпоху ушла изъ Индіи и поселилась въ странѣ Maha Tchin (Великій Tchin) колонія кшатріевъ. Съ другой стороны, Шлегель полагалъ, а Terrien de la Couperie доказалъ, что первоначальныя познанія по астрономіи заимствованы китайцами изъ халдейской школы.

Тѣмъ не менѣе, по моему мнѣнію, масса обстоятельствъ устанавливаетъ тотъ фактъ, что будущіе цивилизаторы Небесной Имперіи переселились туда еще въ состояніи варварства и, что, слѣдовательно, они могли бы быть отпрыскомъ отъ какой либо, уже культурной группы. Фр. Ленорманъ напр. показалъ, что китайская бронза по составу отличается отъ бронзы, употреблявшейся въ другихъ странахъ; по показаніямъ самихъ китайцевъ, установленіе семьи имѣло мѣсто лишь въ эпоху династіи Чеу. Но наиболѣе яркое подтвержденіе правильности своего мнѣнія я вижу въ моносиллабизмѣ китайцевъ. Дѣйствительно, моносиллабизмъ (односложность языка) ставитъ китайцевъ въ сторонѣ отъ другихъ культурныхъ народовъ и одновременно сближаетъ съ этнологической группой, до сихъ поръ остающейся некультурной и только частью (Аннамиты, обитатели Сіама и Тибета), присоединившейся весьма поздно къ культурному очагу Индіи и Китая.

Китайцы (и въ этомъ надлежитъ видѣть наиболѣе оригинальную ихъ черту) — единственный народъ въ мірѣ, завоевавшій себѣ почетное мѣсто въ исторіи, не взирая на обладаніе рудиментарной формой рѣчи и сохраненіе ея. Приэтомъ нѣтъ основаній полагать, что китайскій языкъ вовсе не развивался съ своего возникновенія, или хотя-бы и въ историческія времена. W. Grube *) вполнѣ научнымъ образомъ устанавливаетъ въ исторіи его развитія три періода: доклассическій, классическій и историческій, но эволюція эта представляетъ интересъ только съ чисто филологической точки зрѣнія: несмотря на прогрессивный ходъ развитія, языкъ Небесной Имперіи, въ качествѣ аппарата для рѣчи, до сихъ поръ остается безусловно ниже всѣхъ остальныхъ языковъ историческихъ народовъ. Все лексикологическое богатство китайцевъ состоитъ изъ 450, самое большее изъ 480 односложныхъ звуковъ; такъ, для того, чтобы выразить нужное число понятій, имъ приходится прибѣгать къ усложненію этихъ звуковъ и къ другимъ ухищреніямъ. Повышенный, пониженный или естественный тонъ, которымъ произносится слово, имѣетъ для нихъ капитальное фонетическое значеніе; однако, несмотря на всѣ заботы объ увеличеніи количества звуковъ, китайцамъ до сихъ поръ удалось довести количество обычныхъ словъ всего до тысячи. Каждое почти китайское слово имѣетъ много значеній, и вотъ почему по слуху чрезвычайно трудно выучиться ихъ языку. Этой трудностью и обусловливается необходимость идеографическаго письма, основаннаго на зрительныхъ эффектахъ, затруднительность изученія этого письма и естественный соціологическій результатъ этой затруднительности — господство въ жизни сословія ученыхъ.

До настоящаго времени Китай не обладаетъ единымъ національнымъ языкомъ, такъ что обитатели различныхъ кварталовъ одного и того же города не въ состояніи понимать другъ друга безъ посредства письма (т. е. идеографическаго

*) Sprachwissenschaftliche stellung des Chinesischen.

языка). Даже возникновеніе единства Китая стало возможнымъ лишь благодаря этому послѣднему. Вообще роль идеографическаго письма въ исторіи китайской культуры громадна и историческая роль и значеніе Конфуція, въ значительной мѣрѣ, объясняется его инициаторской ролью въ изобрѣтеніи и организаціи идеографическаго письма.

Рѣзкій разрывъ между письменностью и обыкновенной рѣчью, между идеографическимъ письмомъ, извѣстнымъ лишь образованнымъ людямъ государства, и языкомъ, на которомъ говорятъ низшіе слои населенія, въ сильной степени задерживаетъ прогрессивное развитіе китайской массы цѣликомъ. Съ другой стороны, интеллектуальное развитіе націи затрудняется чрезмѣрной сложностью идеографіи: изученіе искусства чтенія и письма поглощаетъ массу времени и поэтому поневолѣ приходится пренебрегать другими болѣе высшими научными занятіями...

Разсмотрѣніе Китая привело насъ къ крайнимъ границамъ стараго континента и завершило подтвержденіе того мнѣнія, что среди безчисленной массы «званныхъ» народовъ—«избранныхъ» неизмѣнно всюду и вездѣ оказывались обитатели береговъ рѣкъ съ одинаковыми особенностями. Каждая изъ четырехъ великихъ культуръ древности, какъ это свидѣтельствуетъ наше изученіе, является результатомъ гидрологическихъ системъ тѣхъ странъ, которыя служили имъ колыбелью и, сообразно съ этимъ, культурная исторія во всемъ Старомъ Свѣтѣ представляетъ собою тяжкую задачу, заданную человѣчеству орографическими особенностями страны. Дѣлая такое конечное обобщеніе, я снова повторяю, что далекъ отъ мысли поддерживать идею рѣчнаго фатализма. По моему убѣжденію, на всемъ безпредѣльномъ пространствѣ, которое мы обозрѣли на предыдущихъ страницахъ, истиннымъ творцомъ исторіи слѣдуетъ считать *среду*, а рѣка имѣетъ здѣсь значеніе лишь потому, что является синтезомъ многочисленныхъ географическихъ условій. Таковъ нормальный ходъ вещей, но мы не должны упускать изъ виду, что всякая естественная эволю-

ція подвержена незначительнымъ уклоненіямъ и что ни одно явленіе въ жизни не происходитъ столь просто и монотонно, какъ методически произведенный въ лабораторіи опытъ. Краснорѣчивый примѣръ четырехъ великихъ древнихъ культуръ кажется мнѣ достаточнымъ для того, чтобы доказать, что нигдѣ на всемъ свѣтѣ не имѣлъ мѣста фактъ культурно-историческаго развитія внѣ рѣчной среды, внушающей своимъ обитателямъ чувство, ясно выраженной и послѣдовательной солидарности, но это не мѣшаетъ мнѣ признавать, что чувство солидарности можетъ быть внушено обществу географической средой и помимо посредничества рѣки.

Въ Старомъ Свѣтѣ мнѣ неизвѣстны исключенія изъ установленнаго мною закона; что же касается Америки, то культурное развитіе тамъ совершалось внѣ среды большихъ рѣкъ лишь потому, что страны вдоль Миссисипи и Амазонки, окаймленныхъ гигантскими болотами и затопленными низменностями, не обладали тѣми географическими данными, которыя составляютъ отличительныя характерныя черты Нила и Гоанга.

Тѣ населенныя мѣстности Америки, гдѣ получили какое-либо развитіе культурныя явленія, аналогичныя происходившимъ вдоль великихъ рѣкъ Стараго Свѣта, лежатъ на болотистыхъ плоскогоріяхъ Анагуака и Боливіи. Здѣсь культура смогла побѣдить разрушительное воздѣйствіе внутреннихъ водоемовъ и болотъ, безпрестанно измѣняющихъ свои размѣры подъ вліяніемъ засухъ и ливней, только благодаря солидарной общественной работѣ живущаго здѣсь населенія. Но зародившіяся здѣсь небольшія мѣстныя культуры своей изолированностью были обречены оставаться за предѣлами исторіи на плоскогоріяхъ Мексики и Перу, среди дѣвственныхъ лѣсовъ или знойныхъ пустынь. Вообще, исторія американскихъ культуръ должна быть разгадана другимъ путемъ, нежели установленный мною, но тѣмъ не менѣе безспорно, что и американская природа внушаетъ населенію одно изъ двухъ: *смерть или солидарность*.